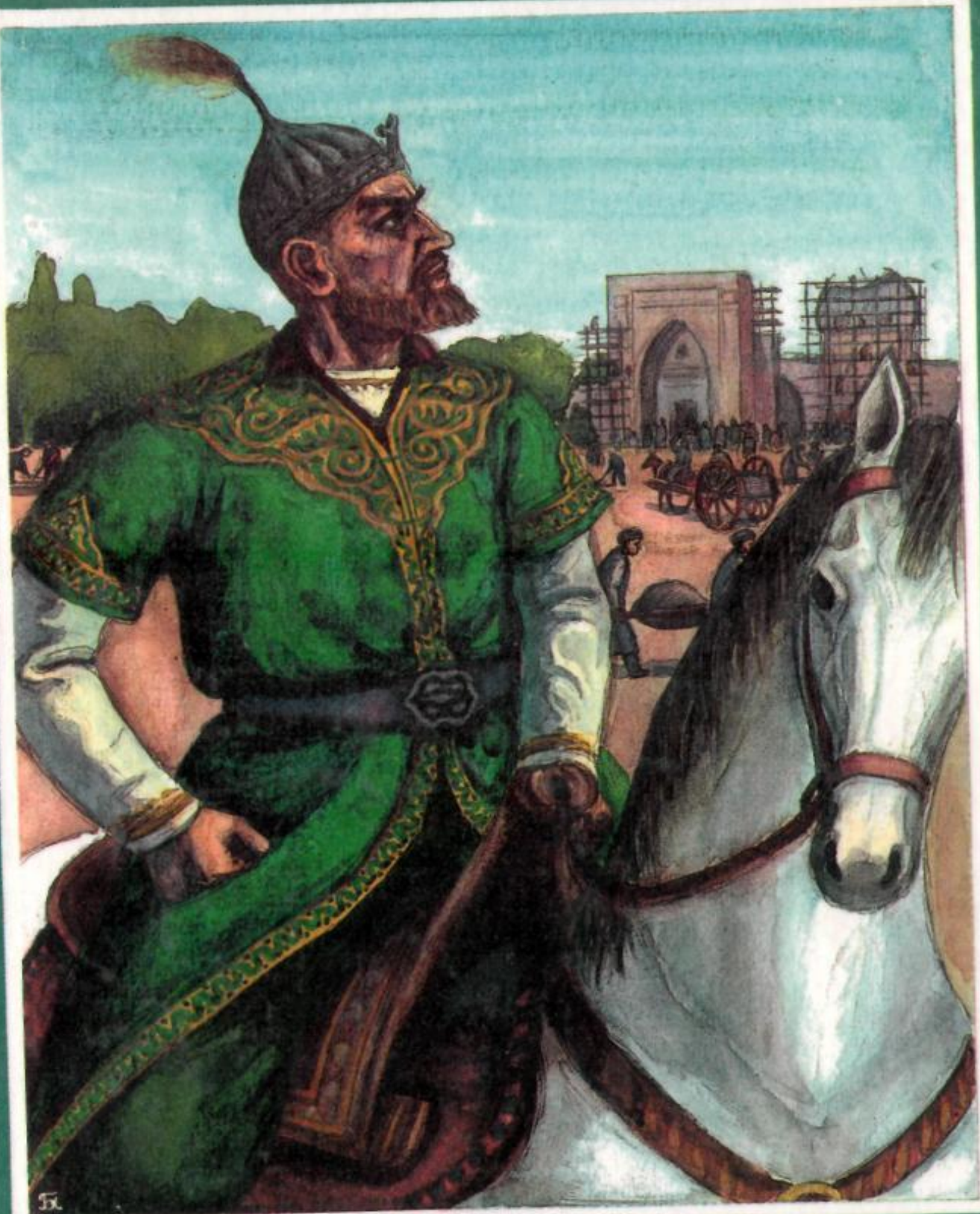

Хильда Хукхэм

Властитель семи созвездий

63.3(59)

X 98 2

Хукхэм, Хилда.

Властитель семи созвездий: Док. — ист. повесть//Пер. с
англ. Г. Хидоятова/. — Т.: Адолат, 1994. — 320 с.

ББК 63.3(5У)

Перевод с английского Г. Хидоятова

436088

X 4703010101—004
(04)—95

без

объявл. — 94

KUTUEXONASI

© Издательство «Адолат» (перевод); 1995

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА И РЕДАКТОРА

Хилда Хукхэм, простая, скромная английская учительница без высоких научных титулов и громких званий. Она получила образование в Лондонской экономической школе, которую закончила с отличием. Со студенческих лет она увлекалась Средней Азией и всю свою сознательную жизнь посвятила ее изучению. Ею опубликовано большое число работ по ее средневековой истории, но главным трудом явилась история о Тимуре, опубликованная в Лондоне крупнейшим издательством Ходдер и Стоутон и ныне выходящая в переводе на русский язык в издательстве «Адолат». История принесла автору известность и репутацию серьезного исследователя истории Средней Азии, и она была приглашена в Британскую энциклопедию в качестве автора о Тимуре (1979 г. т. 18)

Хилда Хукхэм неоднократно посещала нашу республику и мечтала, чтобы узбекский народ прочитал ее книгу, но она не дожидая до этого дня. Она умерла несколько лет назад. Теперь, когда Республика Узбекистан стала суверенной и независимой и сняты ограничения на публикацию литературы о прошлом нашего народа, мечта ее сбылась и без сомнения наш читатель с интересом прочитает книгу, которая не потеряла до сих пор своего значения и актуальности.

Впервые в современной литературе Хилда Хукхэм создала из Тимура образ живого человека со всеми его атрибутами, положительными и отрицательными свойствами, со всеми его страстями и амбициями. Ее Тимур предстает военным гением, классным шахматистом.

В отличие от других западных исследователей, которые до сих пор пытаются представить Среднюю Азию как таинственный непроцищаемый регион, а эпоху Тимура как «темный» век азиатской истории, Хилда Хукхэм представляет убедительные аргументы о великой среднеазиатской цивилизации, которая создала не только непревзойденных художников, блистательных философов и мыслителей, ученых, поэтов и ре-

мисленников, обогативших мировую цивилизацию, но и великих исторических личностей.

Хилда Хукхэм умело использовала огромную массу источников. Почти все они были использованы и до нее, но она сумела их по-новому прочесть. В поисках достоверных сведений о Тимуре она совершила путешествия на родину Тимура — Шахрисябз, в Самарканд, Ташкент, посетила все страны, куда совершал походы Тимур, в Китай и Монголию, чтобы собрать подлинные документы о нём. Образ Тимура и масштаб его деятельности оказался гораздо богаче и сложнее, чем он был представлен прежде в западной литературе. Это побудило ее дать развернутую картину всей жизни Тимура.

Хилда Хукхэм стремилась не судить Тимура, а понять его. Вместе с тем она показала, что неправы те, кто стремится писать историю бесстрастно, без эмоций, без чувств. В одном из писем она писала мне: «Мы с мужем уже два месяца как больны. Но мы мечтаем поправиться к тому времени, когда группа ваших артистов приедет в Лондон, чтобы дать там концерты. Мы хотим вновь прикоснуться к сердцу вашего народа, который мы безгранично любим». Эта любовь к нашему народу позволила ей написать высоконаучный труд с эмоциональной основой, где господствует историческая правда.

Эта симпатия к нашему народу позволила ей стать выше существовавших в западной литературе стереотипов из предрассудков и предрешений и представить Тимура как выдающуюся личность. Он взошел на трон Мавераннахра 10 апреля 1370 г. в возрасте 34 лет и в течение 35 лет он свою власть не только не выпускал из рук, но и укреплял ее. Он умер в расцвете своей славы и величия, когда направлялся в поход на Китай, в возрасте 69 лет.

Всю свою жизнь Тимур провел в седле и всю жизнь он кочевал. Хилда Хукхэм подчеркивает, что сама история сопровождалась насильем и жестокостью и ни один из великих поворотов в истории не обошелся без жертв. Историю в белых перчатках никто еще не делал.

Но у Тимура не было бесполезной жестокости или самодурства. Он не отказывался ни от одного из поединков, если ему бросал вызов равный ему по положению противник и если это могло сохранить жизни его воинов или жителей осажденных им городов. Он не мог твердо утвердить свою власть, создать систему политического или административного управления на покоренных территориях. Как только он уходил из страны, тут же поднималось восстание претендентов на власть, к власти приходили старые правители, и борьба разгоралась с новой силой и с новыми жертвами.

Его воинская доблесть принесла ему славу великого полководца. Опыт его битв вошел в учебные планы всех военных академий мира. В то же время он был опытным и дальновидным политическим деятелем, тонким провицательным дипломатом. Он был наделен выдающимися

способностями и несомненным личным обаянием, он мог вести долгие дискуссии с величайшими учеными и философами, поэтами и художниками, он был покровителем искусств и с ним связано начало среднеазиатского ренессанса. Таковым предстает новый властитель Мавераннахра в книге Хилды Хукхэм.

Лишь две претензии чисто научных можно предъявить английскому автору. В книге незаслуженно принижена роль рода Тимура барласов в истории Средней Азии. Этот тюркский род был частью океана тюркских племен и родов, размещавшихся со времен Огузхана (247—174 гг. до н.э.) в Монголии. Это был один из самых влиятельных и могущественных тюркских родов. Его вожди всегда носили почетное звание нойонов и пользовались исключительным доверием Чингиз-хана. Они были близки к нему и им поручались наиболее ответственные поручения. Именно их предводителя нойона Кубилая Барласа Чингиз-хан посылал к карлукам (жившим также тогда в Монголии) с предложением добровольно подчиниться его власти. Он выполнил это поручение с успехом и уговорил предводителя карлуков Арсланхана лично прибыть в ставку к хану и выразить свою покорность. Надо ли говорить насколько Чингиз-хан был благодарен барласам. Завоевав Мавераннахр Чингиз-хан выделил в удел барласам лучшую часть своих новых владений — Кашкадарью, где они и остались навечно. Но барласы на этом не удовлетворились. После смерти Чагатая, сына Чингиз-хана, которому в удел досталась Средняя Азия, они приняли самое активное участие в борьбе за власть в Мавераннахре. Известно, что дядя Тимура, Хаджи Барлас, еще в 1360 г., когда Тимуру было всего 25 лет, претендовал реально на власть в Мавераннахре. Тимур был продолжателем этой борьбы. Тимур и род барласов как бы олицетворяли две тесно связанных исторических судьбы — Монголии и Средней Азии.

Ряд формулировок автора может вызвать недоумение узбекского читателя. В частности, Х. Хукхэм называет Тимура «татаром», его народ «татарами», его войска «татарскими», тогда как совершенно очевидно, что речь идет о тюрках. Скорее всего это дань традиции, сложившейся в западной литературе, где издавна установилось называть все народы Центральной Азии одним именем — татары. Начинается эта традиция с Марко Поло, венецианского купца, который в середине XIII в. совершил путешествие в Китай, Центральную Азию и Монголию. Он дал всем народам, живущим на Дальнем Востоке, Сибири, Монголии и Средней Азии, одно коллективное название «татар». Тюрки у него стали татарами, хотя он и заметил, что грамота Хубилая, первого монгольского императора Китая, написана на тюркском языке. Чингиз-хана он назвал «царем всех татар», а Хубилая он окрестил «шестым великим государем всех татар» (Марко Поло «Книга Марко Поло о разнообразии мира, написанная пизанцем Рустикано в 1298 г. от Р. Х.» Алма-Ата, 1990 г. стр. 90).

Сам Марко Поло был введен в заблуждение тем, что у монголов не было слова «тюрок» и всех тюрок они называли татарами, их племена — татарскими, а язык — татарским. Эту же ошибку повторяли и многие азиатские авторы. Известный арабский историк и путешественник Якут писал: «Вышли из Мавераннахра неверные из (рода) тюрок, называемые татарами, и завладели городами Хорасана» («Материалы по истории Туркмении и туркмен» М. — Л. 1939 г. стр. 436—437).

В XVI в. западные историки начали именовать татарами все восточные народы, населявшие территорию от Волги до Китая и от Тибета до Ледовитого океана, соответственно называя и тюркский язык, а также другие языки этого региона татарскими. Причем и русских отождествляли с татарами, а Московское княжество называли «Татарией», поскольку в свое время русские были подданными Золотой Орды. Европа считала себя центром земли и культуры, а все другие народы — татарами, т.е. варварами.

К татарам стали относить не только представителей различных тюркских народов, но и всех мусульман. Так произошло с булгарами, древними жителями Среднего Поволжья, которые были превращены в совершенно новый этнос, в татар и название это сохранилось до сих пор несмотря на его историческую нелепость.

Решительный поворот в сторону более научного подхода к этому термину начинается с великого немецкого ученого А. Гумбольдта. Он также широко употреблял название «татар», но при этом постоянно подчеркивал, что под этим названием он подразумевал «народ великого тюркского племени» (А. Гумбольдт «Путешествие барона Александра Гумбольдта» Спб. 1837 г. стр. 18—19). В книге Майлса «Генеалогическое дерево тюрок и татар», опубликованной в 1838г., т.е. почти одновременно с книгой Гумбольдта тюрки уже названы своим именем, но татарами названы только монголы.

Огромное значение в исследовании истории тюрок имели работы российского востоковеда Й. Бичурина. Его «Записки о Монголии» были опубликованы на французском языке, а в 1831 г. он был избран членом Азиатского общества в Париже. В 1832 г. его труды были переведены на немецкий язык. Хотя он еще продолжал утверждать, что «тюрки, иначе татары» и что «тюркский язык это татарский язык», тем не менее он четко выделял тюрок и монголов и представлял блистательную картину истории тюркских народов. Фактически с него начинается настоящее научное исследование тюркских народов, и во многом его труды определили становление в XIX в. отдельной науки по тюнкам, названной тюркологией.

Трудами А. Вамбери, В. Бартольда, М. А. Белла и др. тюркология была поднята на высокий научный уровень и стала важнейшей научной дисциплиной, в которой были сконцентрированы история, филология, литературоведение и востоковедение. Был собран огромный фактический

материал, опубликованы источники, которые широко раскрывали прекрасный мир истории тюрков. Огромные успехи тюркологии в XX в. расширили ее географию и превратили в мировую научную отрасль исследовательских работ.

В этих условиях кажется невероятным повторение прошлых понятий, терминов, которые уже давно не употребляются в литературе. Думается для Хилды Хукхэм в данном случае речь шла не о научной стороне терминологии, а о коммерческой. На Западе такого рода работы, тем более касающиеся далекой старины, публиковать нелегкая задача, и только оригинальная трактовка, необычные диковинки, парадоксальные выдумки, фантастические головоломки могут открыть путь в издательские организации. Автор соблюдает во всем строго научный подход и стиль, в то же время позволяя себе некоторые излишества, которые отнюдь не сказываются на общем высоком научном уровне и художественном стиле. Простим ей эту вольность в стиле ретро и поблагодарим ее за любовь к нашему краю, истории, культуре, уважение к народу. Тем более, что в последних работах, в частности в Британской энциклопедии 1979 г. (т. 18) все названо своим именем и Тимур назван «тюрком».

Глава I

ТИМУР И ЕГО ЭПОХА

Вся Азия попала в руки Тамерлана
Бича божьего и ужаса Вселенной

Кристофер Марлоу «Тамерлан Великий»

Тамерлан ныне не более чем имя. Хотя его деятельность и вдохновила К. Марлоу написать пьесу и заняла почти целую главу в работе Гиббонса «Упадок и крушение Римской империи»¹, тем не менее даже самые образованные люди сегодня на Западе не смогли бы определить его места в истории, несмотря на то, что его можно поставить в один ряд с такими великими мировыми личностями как Чингиз-хан, Александр, Атилла².

Это положение относительно наших познаний сохраняет силу и поныне, хотя оно было высказано четверть века назад. И сейчас ему трудно найти оправдания, так как этот регион стал доступен для путешественника со средствами, а многие источники, переводы и комментарии стали открытыми для западного читателя.

В 80 годах XVI в. поэт королевы Елизаветы Кристофер Марлоу написал в белых стихах драму под названием «Тамерлан Великий». С тех пор жизнь великого полководца обратилась в легенду в Европе. Источники использованные Марлоу (Педро Мексия и Петрус Перондинус) являлись скорее романтическими историями чем действительной историей³. Пьеса представляла публике султана, заключенного в железную клетку, колесницу Тамерлана с запряженными в нее принцами, массовую резню

тысяч людей. Ее представления продолжались вплоть до пуританской революции в середине семнадцатого столетия. После этого представления были прекращены до 1953 г., когда ее восстановили в Олдвике⁴. Правда в 1724 г. Гендель написал свою оперу «Тамерлан», но кроме этого ни история, ни легенды не достигали массового читателя.

Его имя было Тимур, что означало «железный». Это имя часто встречается в Азии в различных модификациях. Тимури-Ленк означает хромой Тимур, оно использовалось его врагами, а на Западе оно обратилось в Тамерлан или Тамбурлэйн.

Действительность поражала более чем какой-либо роман, а «хромой Тимур» на сцене был лишь карликовой репродукцией его натуральной величины. Он был исключительно удачливым благодаря своим уникальным способностям, активности и честолюбию. Полководец, добившийся таких успехов, возглавлял степных аристократов и кочевых вождей. И вероятно он был последним кочевым вождем, который утвердил власть одновременно над оседлыми и кочевыми народами в мировых масштабах.

Он возник на европейском горизонте в неблагоприятный для христианства момент. Великий раскол ослабил латинскую церковь, вспышки чумы перемежались конфликтами между феодальными князьями, а истощенная византийская империя, у ворот которой стояли оттоманские турки, покорно ожидала окончательного решения своей судьбы.

Оттоманский террор, который подобно потоку мчался через балканские земли, поглотив практически остатки византийских владений, заставил различные враждующие группы христиан отбросить свои расхождения и подняться на последний крестовый поход против угрозы Ислама. У Никополя в 1396 г. рыцари потерпели поражение и западные дворы не смогли даже собрать денег для выкупа оставшихся в живых сыновей и братьев, попавших в плен к оттоманскому султану.

Но все же для Европы блеснула звезда надежды. С востока к оттоманским владениям во главе бесчисленной армии всадников приближался Тимур, интеллектуал, искусный специалист в шахматах, квалифицированный теолог и выдающийся полководец.

Ко двору Тимура ринулись послы христианских

властителей с просьбой помочь против оттоманского врага. Византийский император Мануэль II направил двух монахов — отца Френейса и отца Сандрона с дружеским обращением и с просьбой о помощи от себя лично, от имени колонии генуэзских купцов в Пера (торговый квартал в Константинополе) и от верховного правителя Генуи — Карла VI французского. Летом 1402 г. Тимур разгромил оттоманские войска в Анкаре и захватил в плен султана Баязида. Последовал поток послов и караванов к Тимуру. Вздохнувший облегченно, но истощенный до крайности Константинополь отправил свою дань с выражением своей покорности. Генуэзцы из Перы водрузили имперский стяг Тимура, который теперь реял над Босфором. Торговые магнаты Венеции выразили свою признательность. Посольство Генриха III, короля Кастилии и Леона, привезло подарки и дружеские приветствия. Английский и французский короли, Генрих IV и Карл VI, воспользовавшись перемирием в столетней войне прислали свои поздравления и выразили пожелание развивать торговые отношения. Из Азии прибыли послы от монгольского хана и китайского императора. Восток и Запад заискивал перед кочевым завоевателем, который поклонялся аллаху, но который сам уничтожал десятки тысяч христиан, мусульман, а также «неверных».

Тимуру в то время было около семидесяти лет, он был хромым и с покалеченной рукой. Он начинал свое триумфальное шествие в истории с небольшой группой верных последователей в долине, расположенной южнее Самарканда, а в 60-х годах четырнадцатого века утвердил свое владычество над территорией между Амударьей и Сырдарьей. После этого три десятка лет он вел своих лихих конников против государств от Монголии до Средиземного моря и каждое из них сокрушал своими яростными атаками. Через пустыни и горные перевалы к Самарканду, расположенному в сердце Мавераннахра, спешили обозы, нагруженные добычей. Караваны из слонов и верблюдов везли сокровища из опустошенных равнин Пенджаба и делийского султаната, приволжских равнин и кипчакских степей, везли золото и редких животных из Египта, золотые монеты из Венеции, гобелены из Кастилии. Они доставляли мастеров-ремесленников из Дамаска, ученых из Багдада, пленных турков из Анатолии, коммерсантов с берегов Средиземного моря и Китая.

Сокрушив оттоманских турок, Тимур удовлетворил со-

бственное священное рвение разрушением Смирны, которая была последним оплотом христианства в Малой Азии, и уничтожением ее христианских защитников. Церкви были обращены в мечети, а звон колоколов заменен криком муэдзинов. От Эгейского моря Тимур повернул назад. Он отвернулся от этой непонятной и неустроенной Европы, от этих пап и антипап, помешанных князей, невежественных и грубых крестьян. Тимур презирал Европу, так же как ее презирали ученые Ислама. Ибн Халдун, арабский историк, современник Тимура в свою «Всемирную историю» севернее Испании ничего не включил, отмечая кратко, что по его сведениям «в Европе процветали философские науки, но бог знает, что происходит в тех странах»⁵.

Тимур решил вернуться в Самарканд, где ремесленники и строители из покоренных наций трудились на строительстве дворцов, садов и мечетей. Он мечтал о Китае, находившемся от Самарканда на расстоянии четверти окружности земного шара. Китай практически был неизвестен для Европы. Марко Поло считался обманщиком, а рассказы католических послов (Карпини, Рабрука и др.) о их путешествиях к монгольским ханам были мало известны. Но для Тимура Китай стал единственным объектом, заслуживающим внимания, это была богатейшая империя на земле и туда устремил свой взор великий Тимур.

Победа Тимура над оттоманскими турками дала Византии передышку на полстолетия от их нашествия, а Европа за этот период смогла обрести новые силы, ликвидировав судороги религиозных догм и схоластизма. Полководец играл в шахматы, вел беседы с придворными философами и двигался на Восток, решившись теперь сокрушить идолов Небесной империи.

Тимур был представителем плеяды воителей, которые правили Азией в течение почти двадцати столетий. Его империя была одной из тех империй, которые охватывали, начиная с Александра Великого в четвертом столетии до н.э., огромное пространство севера Индии, Персии, русских степей и Китая. Стержнем этих империй являлась Средняя Азия. Совершенно очевидно, что было бы ошибкой рассматривать Среднюю Азию лишь как коридор между Дальним и Ближним Востоком, играющую роль транзитной станции на Великом Шелковом пути, или же как периферийную провинцию в составе других империй.

Концепция о Тимуре как «пограничном человеке», выдвинутая А. Тойнби в его «Исследованиях истории» необоснованная⁵. Столь же необоснованна и неприемлема его же концепция, утверждающая, что роль Средней Азии в истории цивилизаций ограничивалась исключительно передаточными функциями. Он писал: «Хотя Мавераннахр постоянно передавал влияние цивилизаций друг другу, сам этот регион по-видимому никогда не был центром цивилизации, который излучал бы свою энергию в различных направлениях»⁷.

Этот противоречит фактам. Тимур воплощал в себе политическое, экономическое и культурное наследие предыдущего развития Средней Азии. Он родился в год Мыши — в 1336 г. в оазисе, расположенном между Самаркандом и горной грядой Гиндукуша. Эти пространства были свидетелями похода Александра Великого и его традиции здесь были все еще живы. Внук Тимура был назван Искандером (Александром) и неустанно вспоминал подвиги своего великого тезки, проходившего здесь за семнадцать веков до него. Александр Великий завоевал те же самые страны, что и Тимур, но в обратном направлении. Но в отличие от греков, войска Тимура могли проникать на тысячи миль восточнее Сырдарьи, в Сибирь, а также в северные районы Волги.

Тимур был продолжателем имперских и культурных традиций, коренившихся в истории Средней Азии. Он происходил из региона, откуда в десятом и одиннадцатом столетии вышли блистательные работы по философии, медицине, математике, астрономии, географии, истории, литературе на арабском и персидском языках. Эти работы позже стимулировали эпоху европейского Возрождения и обеспечили базу европейской науки на многие столетия вперед. Тимур культивировал военное искусство, унаследованное от Чингиз-хана. Приход его на историческую арену не был игрой случая, он был самым способным представителем своего времени.

У Тимура был отважный и стойкий характер кочевника. Он был в вечном движении, ни нестерпимая жара пустыни, ни дикий холод горных перевалов не могли остановить его, он переносил их с терпением, непонятным оседлым народам. Безжизненные равнины и горные массивы легко преодолевались кочевниками, которые проникали в такие районы, которые были недоступны для

путешественников девятнадцатого столетия. Тимур лично возглавлял все свои непрерывные кампании и никогда не задерживался где-либо. Его лагерь постоянно перемещался соответственно сезону и возможностям корма. Его двор передвигался вместе с ним, административным аппаратом, домашним хозяйством и всей ордой, готовой в любой момент взяться за оружие. Он возвращался в Самарканд лишь на несколько дней и всегда спешил в палатки своего лагеря, разбитого на равнине за городом.

Тимур не получил образования, но его нельзя назвать невежественным. Он был физически крепок и обладал высоким богатством духовной жизни. Он постоянно пребывал в компании ученых и учился у них многим предметам. Он хорошо знал историю. Отправляя послов от Нанкина на востоке до Кастилии на западе, он требовал от них доставлять ему сведения о правителях, жизни народов, хозяйстве, географии и религии стран, по территории которых они проезжали. Думается Х. А. Фишер был неправ, когда говорил, что после ста лет чингизидского господства (1264—1368 гг.), «Средняя Азия погрузилась в хаос, а Китай ушел в непроницаемую темноту»⁸. Тимур знал азиатский континент лучше, чем любой атлас. В перерывах между государственными делами и в моменты отдыха в период кампаний Тимур дискутировал с сановниками своего двора и с удовольствием слушал легенды своего народа. Тимур мог достойно спорить с ведущими учеными ислама по вопросам истории, религиозным учениям и научным проблемам. Он был высочайшим мастером военной тактики, основоположником которой был Чингиз-хан. Основой его мощи были элитные отряды узбекских наездников, которые занимали привилегированное положение и были глубоко преданы ему. В борьбе он использовал любую возможность, которая служила осуществлению его целей. Он был искусным военным и хитрым дипломатом и широко использовал интриги и различные союзы. Семена побед сеялись еще до сражения его агентами, которые направлялись в ряды вражеских войск, а плоды пожинались на поле сражения.

Дипломатические архивы от Англии до Китая говорят о его искусных дипломатических переговорах с соседями и далекими державами. Главным оружием его военного мастерства были подвижность и внезапность, но этот великолепный кочевник-шахматист хорошо знал, когда необходимо отступить и как терпеливо дожидаться удобного

случая, когда можно решить исход кампании одним ударом. Его кампании не имели твердо установленных планов, он мог менять курс похода или намеченную цель, если обстоятельства гарантировали более выгодную альтернативу. Груссе, французский востоковед, критиковал кампании Тимура на том основании, что в них отсутствовала четкая географическая последовательность. Возможно, географическая последовательность была бы очень удобна для исследовательских книг, но не для осуществления военных приемов кочевников. В основе кампаний Тимура были санкции ислама на борьбу против неверных, потребности его власти и грабительские побуждения кочевых аристократов. И Тимур вынужден был им подчиняться.

Конечно, нельзя забывать исключительный характер кампаний Тимура в отношении тех, кто оказывал ему сопротивление. Но в то же время нельзя забывать и положительных последствий его завоеваний и его власти. Его победы над врагами в одном месте, помогали избежать разрушений и жертв в других местах. Они отсрочили на полстолетие падение Константинополя и смертельную агонию Византии. Учитывая, что последний крестовый поход потерпел крушение, эта отсрочка имела решающее значение для христианства и судеб Европы.

Не меньшее значение имели победы Тимура и для русских княжеств. Его победы над Золотой Ордой убрали главное препятствие для создания единого русского государства. Монгольское господство было сломлено над северными степями, и континентальная караванная торговля, перенесенная на юг, обеспечила русским государствам выход на торговлю с дальними странами.

Династия Тимура продержалась в Средней Азии больше столетия, несмотря на братоубийственную борьбу. Тем не менее она поддерживала активные контакты с Китаем, Индией и западной Азией. Самарканд превратился в крупный научный центр. Здесь внук Тимура, Улугбек, создал обсерваторию и разработал астрономические таблицы, которыми широко пользовался в семнадцатом столетии первый английский королевский астроном. Пятнадцатый век можно назвать эпохой тимуридского ренессанса, а Герат стал местом рождения блестящей школы миниатюристов, самым выдающимся из которых был Бехзад.

В начале шестнадцатого столетия, когда все тимуриды были изгнаны из Средней Азии, Бабур, пра-пра-правнук

Тимура, обосновался сначала в Кабуле, а позже завоевал Дели. Он основал династию мусульманских императоров в Индии, известную как Великих Моголов.

Тимур и его эпоха во многом еще остаются неисследованными, особенно на Западе. Поэтому трудно судить о том или ином аспектах его деятельности, об отрицательных или положительных последствиях его истории. Многие из свидетельств и многие источники о его жизни и деятельности исчезли в результате столетий междоусобиц, которые начались после его смерти, а те, которые сохранились, очень разноречивы. Придворные летописцы вели записи кампаний в персидской прозе и тюркском стихосложении. Впоследствии эти записи использовались придворными учеными для написания исторических повествований.

Тимур отказался от принятых литературных стандартов своего времени и потребовал, чтобы история его завоеваний была написана простым стилем, понятным всем, но с сохранением достаточной элегантности, чтобы не оскорблять вкусы культурных людей. До нас дошел один из оригинальных придворных записей — дневник индийской кампании (Гияс эд-дин Али)⁹, сохранилась также Зафар-наме, составленная к концу жизни Тимура Низам эд-дином¹⁰. Низам использовал индийский дневник и другие материалы (исключая тюркскую поэзию), представленную ему из придворных записей. При сравнении можно убедиться, что в целом оценки оригинала сохранены верно.

Примерно десять лет спустя после смерти Тимура его история была написана для его внука Искандера персидским ученым Мусави на фарси¹¹. Спустя еще десять лет при дворе одного из внуков Тимура была составлена его полная история, написанная чрезвычайно пышным персидским стилем Шараф эд-дином¹². Эта книга, также названная Зафар-наме (Книга побед), была основана уже на тюркских материалах, а также источниках доступных ему. Это была популярная работа, с которой было сделано много копий. Во второй половине пятнадцатого века одну из них иллюстрировал Бехзад. В том же столетии были созданы и другие придворные истории, содержащие в основном материал, использованный Низамом и Шараф эд-дином, но с привлечением дополнительного материала. Среди них были работы Хафиза Аbru¹³, Абдул Раззака¹⁴, и Мирхонда¹⁵. Будучи полуофициальными историями.

рассказы этих авторов отличаются низкопоклонством перед Тимуром и стремлением преувеличить его набожность и преданность исламу. Однако, их фактическая основа всегда может быть проверена сравнением с независимыми источниками.

Среди них следует выделить, прежде всего, заметки Ибн Арабшаха, который был захвачен еще в детском возрасте при взятии Дамаска и привезен в Самарканд¹⁶. Они основаны на придворной хронике, но в отличие от других насыщены злобной оценкой жизни Тимура. Написанные рифмованной арабской прозой, они пропитаны поэтическим ядом, полной резких выпадов против Тимура. Ряд других современных персидских и арабских источников также представляли враждебные Тимуру оценки и посвящены различным фазам его жизни. Из нейтральных источников можно указать на великого арабского историка Ибн Халдуна¹⁷, который много раз встречался с Тимуром во время сирийской кампании и у которого было больше на уме, чем на языке.

К нейтральным источникам можно также отнести и обзор испанского посла Клавихо¹⁸, который последовал за двором Тимура до Самарканда и который жил там в самое эффектное время правления Тимура. Интересным является также свидетельство баварского дворянина Шильтбергера¹⁹, который последовал за своим патроном в крестовом походе, был захвачен Баязитом в Никополе, а затем Тимуром при Анкаре. В нем много неточностей, но оно интересно как выражение субъективного впечатления. Он веряно служил Тимуру, а после него его сыну и внуку. В конце концов Шильтбергер бежал в Европу, где он отрекся от ислама, который он благоразумно принял в период пребывания в плену, и написал свою историю. О жизни двора Тимура оставил мемуары и католический посол архиепископ Джон²⁰.

В мемуарах мусульманских, латинских и византийских ученых и торговцев можно найти также интересные факты о различных событиях, связанных с жизнью Тимура. На Дальнем Востоке Тимур фигурирует в монгольских историях и летописях минской династии в Китае. Дипломатическая переписка с Тимуром сохранилась в архивах большого числа восточных и западных столиц. Есть ряд материальных свидетельств — монеты, отчеканенные Тимуром, с изображением его треугольной эмблемы, находящиеся в коллекции Британского музея, монументы в Са-

марканде, покрытые лазурью, золотом и мозаикой из алебастра.

Невозможно дать ответ на вопрос о сути побед Тимура и их воздействии на историю без исследования всей истории развития Средней Азии и той обстановки, в которой он вырос.

Глава II

СТЕПНЫЕ КОЧЕВНИКИ И СТАРАЯ ШЕЛКОВАЯ ДОРОГА

(Исторический обзор от античности до Чингиз-хана)

I

АНТИЧНОСТЬ

436088 На юге азиатского континента необъятные горные цепи пересекают почти четверть земного шара. Их крайние оконечности нависают на западе над Черным морем и сходят на востоке к Желтому морю. Горы состоят из систем непроходимых скатов и пиков, но их подножья богаты пастбищами. Реки с этих наклонов не достигают открытого моря: некоторые текут в великие внутренние озера, а остальные исчезают в песках.

Вдоль северных подножий и в долинах имеются оазисы, плодородные островки, окруженные песками; за пустынями простираются степи России и сибирская равнина. Из оазисов можно наблюдать невооруженным глазом снежные вершины с одной стороны и песчаные пустыни с другой.

Оазисы между этими неприветливыми краями образуют этапы на большой дороге между странами дальнего Востока, Индии и Средиземноморья, жизненными звеньями которой были оазисы Средней Азии. Будучи расположены между главными центрами древней культуры — Китаем, Месопотамией и Индией — среднеазиатские районы извлекали огромную пользу и в свою очередь внесли значительный вклад в торговлю между ними. Периоды мирного развития привели к расширению ирригационной сети и обрабатываемых земель, вокруг которых образовались сильные государства. Одной войны или рейдов ко-

чевников было, однако, достаточно, чтобы разрушить эти сооружения и захоронить обработанные земли под песками.

Две самые крупные реки этого региона, Аму-Дарья и Сыр-Дарья, сбрасывают свои воды в Аральское море. Между Каспием и Аму-Дарьей простираются черные пески Кара-кумов; между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей расположены красные пески — Кызыл-кумы. За восточным берегом Сыр-Дарьи лежит Голодная степь. Известные ранее под названием Оксус и Джакзарт, эти реки рассматривались средневековыми авторами как две из четырех рек рая. Действительно, оазисы и царство садов, которые расцветали в долинах, возможно выглядели как истинный Эдем путешественникам с гор и пустынь. Качество их фруктов — яблок и дынь, винограда и абрикосов — отмечалось от эпохи античности до наших дней. Даже города называются Алма-Ата (ныне столица Казахстана) означающий «отец яблок» и Алмалык, далее к востоку, который означает «яблоневоый сад». Легенда приписывает открытие винодельного процесса иранскому принцу-астрологу Джамшиду, который привез домой в бочонках какой-то из великолепных сортов самаркандского винограда. Открыв бочонки, он нашел, что виноград начал бродить и приказал навесить на кислый фрукт ярлык «яд». Спустя несколько ночей он поссорился со своей любимой женой, которая в отчаянии выпила содержимое какого-то из этих сосудов. Когда она проснулась после тяжелого сна, все ее заботы исчезли. Это лекарство вошло ей в привычку, пока Джамшид не обнаружил ее секрета. Но Джамшид, говорят, стал пьяницей и был сброшен с трона.

Земли, расположенные между двумя реками, были известны на арабском как Мавераннахр («То что находится за рекой», т.е. Трансоксания, где находится сердце Средней Азии). Самыми ранними поселенцами здесь были иранцы. Позже пришли гуны, тюрки, татары, все кочевники с северных степей и из Монголии. Ни оседлые, ни кочевые народы не были изолированы от других народов или центров культуры. Наоборот, пустыни и горные барьеры, которые окружали их, преодолевались еще с доисторических дней. Народы Средней Азии, которые преодолевали эти естественные барьеры, находились иногда на периферии, но гораздо чаще они были в колеснице азиатских событий, т.е. принимали в них самое активное участие.

Цивилизованные общины существовали в Средней Азии несколько тысяч лет; они совершенствовали ирригацию для сельского хозяйства, города, торговлю и ремесла. Существование подобного доисторического искусства по всей Азии от Средиземноморья до Хуанхэ подтверждают мнение, что в древние времена всю Азию пересекали торговые пути и существовали торговые караваны, которые преодолевали несколько этапов, если не всей этой дороги¹. Шумерийцы, например, импортировали ляпис-лазурь из районов верхней Аму-Дарьи (Бадахшан), который они обменивали на продукты ремесленников Ура². Раскопки в районах Хорезма, к югу от Аральского моря, где находится дельта Аму-Дарьи, показывали, что примитивные ирригационные работы производились там три тысячи лет назад³. В то время район был полон озер, соединенных многими каналами, один из которых приносил воды Аму-Дарьи в Каспий. Густонаселенные острова и берега рек были одним из центров развития восточных индо-европейских народов.

В шестом или седьмом веках до н.э. большое, централизованное, рабовладельческое государство развивалось вокруг плодородной дельты Аму-Дарьи (Хорезм — современная Хива), государство, которое продержалось многие столетия. Считают, что зороастрийская вера огнепоклонников возникла в этом районе и что здесь была составлена их священная книга Зенд-Авеста. Эта вера — Маги — стала господствующей в древней Персии и Средней Азии и сохраняется персами северной Индии. В обрядах захоронения этих огнепоклонников встречается сохранение костей покойников в керамических оссуариях и самые ранние экземпляры этих ящиков, относящиеся к шестым-седьмым векам до н.э., были обнаружены в Хорезме.

Помимо Хорезма, крупные поселения в Средней Азии образовались ко времени персидских завоевателей в шестом столетии в следующих районах: в долине Зарафшана, в Бактрии, районе между Гиндукушем и великой дугой Аму-Дарьи и в Мерве, западнее Бактрии, на р. Мургаб⁴. Народы этих оазисов сохраняли свою родовую организацию, но использовали рабов. В пятом столетии персы использовали как индийцев, так и хорезмийцев в их кампании против Греции. Историк Геродот (483—425 до н.э.) дал в это время самое первое описание торгового пути через Азию, по которой два столетия ранее путешествовал Аристид Мраморный. Аристид отмечал мощных воинов-

кочевников, которые встречались в степях за рекой Урал, которые были «богаты лошадьми, овцами и скотом». Кроме них были гипербореи, «поселенцы за северным ветром», которые распространялись до моря — упоминание очевидно китайцев.⁵

Александр Великий, царь Македонии, вторгся в Малую Азию, Ирак и Персию в четвертом столетии до н.э. Он разгромил армию последнего персидского короля Дария и весной 329 г. прошел на север через Гиндукуш для того, чтобы провести еще два года в сражениях в Средней Азии, между средними течениями Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи⁶. Арриан (который описал жизнь Александра пять столетий спустя) упоминал, что в то время, когда Александр стоял лагерем на Аму-Дарье, у его шатра забили два источника — один источник воды, другой — нефти. Это было рассмотрено как знамение и в связи с этим были принесены жертвы. В двадцатом столетии советские геологи нашли нефть в указанном месте (около Термеза и в других частях долины⁷). Это свидетельствует о большой достоверности исторических сведений, дошедших до наших времен.

Александр встретил очень сильное сопротивление в Средней Азии, во главе которого стояли местные вожди Спитамен и Оксикарт. Тем не менее он завоевал Бактрию, но заплатил за это целой дивизией, которая была изрублена на куски у Мараканды, города в долине Зарафшана, сохранившемся под названием Самарканд. За поражение Александр взял реванш захватом крепости Мараканда. Среди пленников была Роксана, миловидная дочь вождя, оказавшего сопротивление. Согласно Арриану, Александр «снизошел и женился» на Роксане. В этом районе македонский царь убил своего советника и друга Клетуса в припадке пьяного гнева.

Было основано большое число Александрий, самая далекая из которых находилась на берегах Сыр-Дарьи — где ныне находится Ходжент — в трех с половиной тысячах миль от Македонии. Александр оставил сильные гарнизоны в крае, где один из его начальников Селевк стал правителем провинций. От государства Селевкидов пошло независимое греко-бактрийское королевство, которое включало долину Зарафшана и южный Мавераннахр. Это государство стало известно как царство тысячи городов⁸. Вокруг различных оазисов были воздвигнуты стены, ставшие первым оборонительным сооружением в Средней

Азии против атак кочевников. Хорезм освободился от персидского владычества задолго до нашествия Александра, он сохранил свою независимость в период греко-бактрийской империи, которая существовала от третьего до второго столетия до н.э.

В течении этого периода сохранялись связи между Средней Азией и культурами Индии и восточного Средиземноморья. Около третьего столетия до н.э. стали устанавливаться контакты и с Китаем.

2.

КИТАЙ, ГУННЫ И СТАРАЯ ШЕЛКОВАЯ ДОРОГА

Самые ранние контакты с Китаем возникли в результате конфликтов развивающегося китайского государства с его северными соседями, кочевыми племенами монголов.

В третьем столетии до н.э., после периода аграрного и общего развития враждующие государства Китая были объединены под господством государства Цинь, и создана Китайская империя с первым императором Цинь Шу Хуанг Ти. Были проведены многие экономические и административные реформы. Были сооружены с помощью принудительного труда многотысячной армии крестьян широкие ирригационные системы и сеть дорог. Власть была централизована и письменность также как деньги, мера весов и мера размеров были стандартизированы. Первый китайский император не только покорила другие китайские царства, но и успешно воевал против кочевников на севере, которых в предшествующие столетия вытесняла на менее благоприятные территории китайская аграрная экспансия⁹. Стены северных государств, построенные вначале для внутреннего контроля, были усилены и связаны между собой, образовав Великую Китайскую Стену. Она протянулась от Кансу на западе до Манчжурии на востоке и возводилась трудом сотен тысяч крестьян, мобилизованных для этой цели.

Ханьская династия (206 до н.э. — 220 н.э.) также была занята борьбой с кочевниками, которые, несмотря на стену, возобновили свои набеги на Китай и подрывали вассальную зависимость народов в китайских пограничных районах.

Среди кочевников преобладали гунны, которые жили

в районе Монголии и доходили со своими стадами до озера Байкал и реки Енисей на севере и до Тибета на юге. Орды гуннов были «на лошадях, ели мясо, пили кумыс и хребет лошади был постоянным местопребыванием этих кочевников. Они передвигались с места на место со своими стадами и гуртами, к северу летом, к югу зимой, всегда в поисках свежих пастбищ. Лошади, скот и овцы были их обычным имуществом, но у них также были верблюды и мулы. Они не строили городов, и хотя они не занимались сельским хозяйством, каждая юрта или хозяйство имели свою долю земли для собственного пользования на местах стоянок. Еще в детском возрасте они обучались верховой езде на баранах и стрельбе из лука. Вырастая, они практиковали свое искусство на лисах и зайцах. Каждый от мала до велика питался мясом и молоком, использовал шкуры забитых животных в качестве одежды, и носил шапку из войлока, сделанную из шерсти животных»¹⁰.

Эта форма пастушеского кочевничества с дополнительным продуктом стад и охоты вполне могла обеспечить необходимыми продуктами, одеждой и кровом. Благодаря своей мобильности и искусству владения оружием она была великолепно подготовлена для агрессивных походов. Кочевники делали мощные луки из камыша или срезанного дерева и рога. Они использовали стремяна на лошадях, и могли целиться с предельной точностью, несясь галопом или стоя на месте, стреляя в бок, назад и вперед.

Но ресурсы пастбищ быстро истощались, а резервов не было. Гурты могли содержаться на каком-либо данном зимнем пастбище только в ограниченном количестве. Сельское хозяйство, с другой стороны, производило больше и более прочные запасы. Нужда гнала кочевников поэтому приобретать большие и лучшие пастбищные земли с одной стороны и продукты земледелия с другой. Кочевых племен, которые могли прожить полностью без продуктов аграрных общин, было мало, если и существовали таковые, то они сами обеспечивали себя насущным хлебом, занимаясь смешанной экономикой, торговлей и союзом с другими племенами или агрессией.

Гуны также расширяли свои владения; в период правления Багдура (209—173 до н.э.) они нанесли поражение своим соседям монголам и все орды от севера Китая до озера Байкал попали под их власть. Куюк, сын Багдура, продолжал завоевания и вытеснил монгольские кочевые племена ветви Юечжи из их владений между озерами

Лобнор и Коконор. «В духе доброй татарской традиции» Куюк сделал из черепа побежденного короля чашу¹⁰. Юечжи перешли Тянь-Шань и пошли к Аральскому морю и степям Средней Азии, завоевав северные провинции греко-бактрийского государства. Они утвердились достаточно прочно, и китайские императоры искали их расположения, стремясь использовать их как союзников против общего врага — гуннов.

В связи с этим император ханьской династии Ву-Ти (140 г. до н.э.) отправил в 138 г. миссию, чтобы отыскать Юечжи и предложить союз. Миссия вошла в историю за открытие старой Шелковой дороги¹¹. Она возглавлялась Чжан Кяном; он был захвачен гуннами и задержан ими как пленник. Десять лет спустя Чжин Кян бежал и продолжал свою миссию; он достиг Средней Азии и место поселения Юечжи, однако его предложения о союзе были отвергнуты. Возвращаясь из путешествия, он вновь попал в плен к гуннам, но на сей раз бежал спустя два года и добрался домой с одним из своих компаньонов, оставшимся в живых. Чжан Кян представил императору подробный доклад о своем пребывании в Средней Азии. Ву-Ти с нетерпением стремился открыть торговые пути, в частности распространить свое политическое влияние над этими районами и он вновь отправил Чжан Кяна послом в Среднюю Азию. Торговля развивалась и каждый год императорский двор направлял по меньшей мере пять миссий на запад в сопровождении нескольких сот стражников. Они везли с собой шелк и металлические изделия, которые они обменивали на лошадей, нефрит, коралл и другие товары из Средней Азии и Леванта. Эти миссии в основном возможно имели политический характер: обеспечить союзников против соседних кочевых противников. Экономическая потребность в торговле как таковой пришла первоначально с запада, где имелся спрос на китайский шелк, расценивавшийся предметом роскоши.

Гунны, ослабленные атаками китайцев, засухой и нашествием саранчи, стали вассалами китайского императора: их орды таяли и разбегались. Китайцы указали путь для наступления — в Среднюю Азию. Послы рассказывали о великолепных среднеазиатских скакунах, особенно ферганских. Чжан Кян расхваливал их как «лошадей с кровавой испариной, чья порода ведет начало от сверхъестественных»¹². Чтобы добыть лошадей, были снаряжены экспедиции против Ферганы. Была отправлена сотысячная

армия, из которой почти половина погибла от истощения, голода и жажды во время плохо подготовленного марша протяжением в четыре тысячи миль через горы и пустыни. Но Фергана была покорена, и ежегодная партия из жеребцов была включена в дань, которую нужно было платить Китаю. После этого поражения в 102 г. н.э., Средняя Азия оставалась под влиянием Китая в течение нескольких столетий. Население Ферганы научилось искусству делать сосуды из серебра и золота, и оружие из железа от китайцев, которые кроме того привезли сюда технику бурения колодцев. Вокруг оазисов Мавераннахра были поселения городского типа и земля здесь хорошо обрабатывалась и китайцы здесь научились искусству обработки виноградников и клевера.

Продукты Китая предназначались не только для Средней Азии. Значительная потребность в уникальных шелковых тканях была в Персии и государствах к западу от нее. Караваны, выходявшие из Китая, направлялись через Шенси и верхнее течение Хуанхэ в Кансу; затем дорога проходила через северные Тяньшанские горы и соединялась здесь с другими дорогами, пересекавшими Мавераннахр; если же они избирали тысячемильный путь пустыни — бассейн Тарим — ограниченный на севере Тянь-Шанем, а на юге Куэнь-Лунем, то они держались южной или северной каймы бассейна, где цепочка оазисов питалась водами рек. Дорога через Таримский бассейн была одной из самых оживленных в начале ханьской династии. Китайские посты с укреплениями и гарнизонами, стенами и наблюдательными башнями, охраняли караваны против нападений кочевников до самых восточных пределов бассейна¹³. От Мавераннахра главная магистраль дороги шла этапами через Хорасан (западнее Аму-Дарьи) в Месопотамию и к Средиземноморью. Вся дорога вытянулась до шести тысяч миль от Шенси в Китае до Тира на востоке. Она известна как Шелковая Дорога.

После открытия этой дороги потребность в шелке стала настоящей, тем более среди римских женщин. В Европе считали, что шелк растет на деревьях и что только китайцы знают секрет этой культуры. В период правления Августа Рим платил за китайский шелк шерстяными товарами, специями, стеклянными изделиями и обработанным кристаллом. Как трансконтинентальные, так и местные коммерсанты, путешествовали по сменам; мало, кто из них, если таковые вообще были, пересекали всю Шелко-

вую дорогу полностью по всей ее длине. Хорезм, Согдиана (долина Зарафшана) и Фергана стали преуспевающими торговыми центрами. Шелковая дорога стимулировала потребность в среднеазиатских продуктах, таких как лошади и кормовые культуры. Ирригация расширялась в Ферганской долине, где производились фрукты, в особенности, виноград и хлопок. В городах ремесленники усиленно занимались новыми видами ремесла: производством металлических изделий, перенятого у востока, и стеклянных изделий у запада.

В это же время племена Юечжи, вытесненные к западу из монгольских районов гуннами, оставили свои кочевые обычаи и стали жить оседло. К первому столетию нашей эры на Гиндукуше было создано обширное индо-среднеазиатское государство, известное как Кушанская империя. Кушаны стали крупнейшей державой в верхней Азии, обмениваясь посольствами с китайцами и римлянами. Марк Антоний, например, направил туда послов, а Кушаны в ответ отправили посольство ко двору Августа¹⁴. Большая часть северной Индии была объединена со Средней Азией в империи Великих Кушанов, а в конце первого столетия нашей эры к этой империи был присоединен Хорезм. Широкие культурные связи существовали между Индией и Средней Азией. В мертвом городе Топраккала в Хорезме, был раскопан дворец, в котором один из залов носил название «Зал темнокожих стражей». Фигуры, расписанные на стенах, представляли из себя воинов, близких по своему физическому типу к дравидским жителям южной Индии. Другие залы во дворце в Топраккала были известны как «Зал королей», «Зал побед», «Зал оленя». Дворец датируется третьим веком нашей эры, когда Хорезм был уже независим от Кушанов¹⁵.

Культурные и торговые миссии следовали по великой Шелковой дороге, от которой отходили ответвления до Индии и различные центры Азии. Буддизм пришел через проходы в Гиндукуше из Индии и пустил корни в Средней Азии вместе с зороастрийской верой. В начале первого столетия нашей эры буддизм был привнесен в Китай из Средней Азии. Путешествия между Индией и Китаем совершались как по суше, так и по океану. Фа-шиен, буддистский монах, и некоторые из его последователей-учеников в 399 году нашей эры прошли через пустыню Гоби и достигли Индии через проходы в Гиндукуше; десять лет спустя они вернулись в Китай морем, привезя

с собой Буддистские священные писания, которые они собрали¹⁶. Другой буддистский пилигрим Сунь-цзянь, получив отказ от императора Китая на путешествия, один отправился через пустыню, находя дорогу по костям и скелетам брошенных верблюдов (629 г. н.э.). Он прошел по караванной дороге до Шаша (Ташкент), а затем и до Самарканда. Проведя десять лет в Индии за изучением буддистских классиков, он вернулся затем по Шелковой дороге и полный рукописей, прибыл в Китай, здесь ему была устроена торжественная встреча¹⁷.

Оба пилигрима оставили записи своих путешествий. Они наделяли пустыни сверхъестественными силами. «В этой пустыне имеется великое множество дьявольских духов, а также горячих ветров; встреча с ними опасна для человека», говорил Фа-шиен. Сунь-цзянь также утверждал, что Тяньшанские проходы, полны драконов. «Часто бешеные драконы препятствуют и досаждают путешественникам своими нападениями. Тот, кто путешествует этой дорогой не должен одевать красную одежду и не должен носить скрипучие башмаки. Малейшее пренебрежение этими предосторожностями приведет к тому, что чудовища поднимут шторм бешеного ветра и летящего песка, который сдерет кожу путешественника и доведет его до изнеможения¹⁸.

Нельзя не отметить, что этот край, покой которого, даже во времена Марко Поло нарушался «духами» или «драконами», в доисторические времена был населен драконами подобными динозаврам. В каньонах из красного песчаника Немегету, южное Гоби, находят останки динозавров. Среди многочисленных скелетов обнаружены скелеты самого большого из известных «терэстриал карнивор» с мощными когтями на задних лапах и челюстями метровой длины, напоминающие этих сказочных «драконов»¹⁹.

После пятисотлетнего царствования Кушанов, Средняя Азия подверглась нашествию эфталитов или белых гуннов. Происхождение этих племен все еще не установлено. Спустя немногим более чем столетие эти гуны были вытеснены тюрками, группой племен из Монголии, которые происходили из гуннов, но которые были вытеснены китайцами в первом столетии н.э.

Тюрские племена были все еще организованы в роды, но в социальной структуре наблюдалась поляризация: высшая элита знати командовала вооруженными силами

и добилаь неограниченной военной власти. Считают, что во второй половине шестого столетия их военные отряды насчитывали четыреста тысяч лучников, всегда готовых к атаке. На другом полюсе социальной жизни развивалось рабство. Тюркские племена подчинили кочевых и оседлых соседей и создали самую обширную кочевую империю, из известных до этого времени, сделав своими данниками азиатские государства от китайских границ до границ Персии и Византии. Эта империя, которой тюрки правили через собственных военных наместников, или же через местных вассальных князей, дала новый импульс коммерческой активности на всем континенте.

Между Китаем и Средней Азией начался регулярный обмен караванами. В обмен на лошадей, ковры и нефрит, китайцы предоставляли тончайший шелк, бронзовые зеркала и фарфор. Среднеазиатские торговцы приобрели монополию на торговлю шелком, и их колонии простирались по трем главным ветвям Шелковой дороги вплоть до самого Китая — по северным флангам Тянь-Шаня, по северной кромке таримского бассейна и южному краю Тянь-Шаня. К Суябу, в Тянь-Шане, севернее Иссык-Куля, орде верховного хана тюрков, приходили послы со всего известного мира, из Византии и из Китая, с караванами подарков. Согдианцы (из Согда, старого названия реки Зарафшан, на которой стоят Самарканд и Бухара) были самыми предприимчивыми торговцами в Средней Азии; они создали особенно оживленные посты в Чуйской и Таласской долинах, они орошали и выращивали рис, виноград и абрикосы. Танцы и музыка Средней Азии и Индии распространились до Китая. Восточные ворота Самарканда были названы «Китайскими воротами».

В течение десяти столетий со второго века до н.э. до восьмого века нашей эры, Средняя Азия полностью монополизировала торговлю с востоком. Торговая активность на Шелковой дороге колебалась в соответствии с экономическим и политическим состоянием империй, которые она обслуживала, но караваны как с местными, так и с отдельными товарами продолжали курсировать по различным стадиям и ветвям дороги. Потребность Рима в шелке спала вместе с падением империи. Однако, даже, когда производство шелка перестало быть монополией Китая и распространилось в первых веках нашей эры в Средней Азии, Индии и юго-восточной Европе, спрос на китайский шелк сохранялся. В особенности, в Персии, где китайский шелк

рассматривался как лучший из всех. Морской путь через Индию не мог обеспечить равной альтернативы трансконтинентальной дороге, он был не менее опасным, и зачастую оказывался вдвое длиннее континентальной, и кроме того путешественников среди других опасностей подстерегали еще и сезонные ветры. Качественные товары поэтому перевозились обычно по Шелковой дороге через всю Азию.

К концу шестого столетия нашей эры империя тюрков из-за внутренних противоречий раскололась на два королевства — восточное и западное. Надписи на двух каменных глыбах, обнаруженных к западу от р. Орхон, датированные первой половиной восьмого столетия, указывают на сражение тюрков в предшествующем столетии с врагом, идущим с запада из Согдианы и с китайцами.²⁰ Западная часть, в которую входила территория Средней Азии, раскололась на большое число полунезависимых феодальных владений, возглавляемых князьями, которые были лишь номинально подчинены тюркским ханам. Самым мощным из этих местных правителей был правитель Самарканда. Территории между двумя реками, Сыр-Дарьей и Аму-Дарьей, были усеяны цитаделями владетелей, которые находились в длительной вражде друг с другом. Западная тюркская империя, которая уже пострадала от нескольких ударов армий китайских императоров династии Тан, была не в состоянии противостоять новой волне завоеваний, которая обрушилась на Среднюю Азию. Однако, на этот раз, впервые за тысячу лет со времен Александра Македонского, нашествие пришло не с востока, а с запада.

3.

ИСЛАМ

Рост воинственного Ислама в Аравии в первой половине седьмого столетия принес кочевым племенам бедуинов (которые составляли большую часть прежних грабительских групп) огромные богатства, добытые путем грабежа плодородных земель Сирии и Ирака. Вдохновленные этими первыми успехами и очевидной слабостью своих соседей и воинственными призывами Ислама, они двинулись на Персию. К середине столетия арабские воины покорили

Хорасан, восточную провинцию Персии, и Кабул на Гиндукуше. «Халиф Осман обещал правление Хорасаном первому генералу, который вступил бы в эту большую и населенную страну, в царство древних бактров. Условие было принято, приз завоеван, знамя Мухаммада было водружено на стенах Герата, Мерва и Балха, а удачливый предводитель не знал ни отдыха, ни привала до тех пор, пока его покрытая пеной кавалерия не вкусила воды Аму-Дарьи»²¹.

Установив свое господство над Хорасаном и утвердив свою столицу в Мерве, арабы продолжали свои набеги к востоку от Аму-Дарьи в Мавераннахр в начале восьмого столетия. Они встретили значительное сопротивление; оседлое население оазисов и долин Мавераннахра нашло союзников в лице тюркских кочевников в борьбе против арабов; местные князья обратились за помощью к тюркским ханам и китайским императорам. В 712 г., однако, Самарканд был захвачен арабами; в конце тридцатых тюрки были разбиты на Сыр-Дарье, а в 751 г. арабы разбили наголову тюрков и китайцев на берегу реки Талас. Семиречье, «Страна семи рек», к востоку от Мавераннахра, несмотря на падение тюркской империи, было оставлено во владении тюркского народа. Мавераннахр продолжал сопротивляться. В семидесятых годах вспыхнуло восстание, возглавляемое Муканной («Закрытый покрывалом»), продолжавшееся семь лет. В Багдаде правил Гарун аль Рашид (786—809 гг.), когда в Самарканде вновь вспыхнуло восстание. Халиф сам выступил с войском, чтобы подавить восстание. Он не смог этого сделать. Страдая тяжелой болезнью — плоды непрерывных кутежей, как сообщали — он умер по дороге и был захоронен около Турса в Хорасане. Три четверти столетия потребовалось арабам, чтобы полностью покорить Мавераннахр.

Арабское государство благодаря завоеваниям растянулось от берегов Атлантики до Средней Азии. В большинстве случаев арабские халифы сохраняли местных князьков как своих вассалов, но в большие города они направляли своих правителей и содержали там постоянные гарнизоны. Оседлое население, которое прежде платило феодальные повинности своим сюзеренам, теперь вынуждено было платить дополнительные тяжелые налоги за землю и ирригацию арабам.

Буддийские храмы в Средней Азии были превращены в мечети. Мусульманская вера распространялась, но

без сопротивления. Арабский язык стал государственным и литературным языком. Обязанность совершать в течении жизни паломничество в Мекку помогало развивать пешеходные и торговые дороги по всему царству Ислама, увеличивая мобильность и знания географии. Существование арабской империи помогло установлению безопасности караванных путей против грабителей-кочевников и расширению городской жизни. Базируясь сначала в Дамаске, а затем в Багдаде, империя добилась высоко развитой торговли между Индией и Китаем, с одной стороны, и славянскими странами, Византией и Европой с другой. Самые важные пути как по суше, так и по морю находятся в пределах Ислама. В течение пяти лет контакты между Европой и Средней и Дальней Азией осуществлялись посредством исламской империи, которая смогла наложить налоги на продукцию востока. Политические волнения не нарушили торговой активности или культурных контактов в пределах мусульманского мира. Мусульманские торговцы активно действовали на караванных путях и утвердились на торговых центрах далеко за пределами их собственной империи. Мусульманские коммерческие общины можно было найти от Испании до Китая, а торговля между Китаем и Монголией перешла целиком в их руки. На всем азиатском континенте во дворах князей требовались мусульманские специалисты во всех сферах торговли, науки и письменности. Они шли на службу к неверным в качестве военных советников, торговых агентов и специалистов ирригации и оказывали многие услуги, выгодные для их князей и для себя лично.

Власть арабского халифата над Средней Азией пала в начале десятого столетия. Номинальные вассалы багдадского халифа, саманиды (они были правителями Самана в районе Балха южнее Аму-Дарьи) создали собственную державу в Мавераннахре и Хорасане. Они смогли установить контроль над мелкими правителями и образовали централизованное государство от Каспия до Гиндукуша, способное выстоять против атак кочевников. Достигнутое таким образом, относительное спокойствие благоприятствовало экономическому и культурному развитию и обеспечило Мавераннахру могущественное положение. Народы Средней Азии вышли на передовую линию Ислама²².

К восточно-западной торговле, которая охватывала различные стадии великого пути, была добавлена интенсивная торговля с районами Волги через Хорезм. арабские

путешественники и географы оставили детальные описания Мавераннахра в десятом и одиннадцатом столетиях. Самарканд стал значительным городом Средней Азии, орошаемый, соответственно их описаниям, бесчисленным числом каналов и окруженный виноградниками, садами и дворцами. Там росли великолепные кипарисы. Рынки в пригородах были переполнены товарами со всех концов света: продуктами Персии, Индии и Китая, мехами и рабами с Волги. Сами хорезмцы — которых можно было узнать по высоким меховым шапкам и одежде с красными полосами — специализировались на кондитерских изделиях из миндаля и великолепных дынях, которые экспортировались ко двору халифов, упакованные в свинцовые формы со снегом. Продукция замечательных китайских мастеров периода синьской династии — обеспечивала им торговый рынок в Средней Азии. Шелк приходил из государственных или частных мастерских в Китае вместе с замечательными гончарными и фарфоровыми изделиями.

Продукция местного производства Мавераннахра также приобрела репутацию на всем континенте и имела огромный спрос. Шелковые и хлопчатобумажные ткани зарафшанской долины широко раскупались: самаркандские станки производили знаменитую одежду — набивную одежду из золота и серебра, парчи, сатина и тканей. Ее медеплавильщики славились своими лампами и котлами исключительных размеров. Среди других товаров следует отметить войлочные накидки, палатки, мыло, ковры, и многие сорта кувшинов и кубков²³. Особенно большое значение имело производство бумаги. Китайские ремесленники, захваченные в битве при Таласе в 751 г. привезли в Самарканд свое искусство производства бумаги. К концу десятого столетия самаркандская бумага заменила папирус и пергамент в странах Ислама и даже когда ее производство распространилось на запад самаркандская бумага не имела себе равных.

Бухара, столица Саманидов, находилась в ста пятидесяти милях к западу по «королевской дороге» от Самарканда. В десятом столетии вокруг города была стена, которая, по словам одного арабского писателя²⁴, имела сотню миль в окружности. Здесь были рынки, бани и бесчисленное число открытых площадей. Он описывал каналы, прорытые от реки Зарафшан, которые обводняли города и окружающие равнины и затем терялись в песках. В Бухаре также выращивались знаменитые арбузы. Знамени-

тыми стали молитвенники и изделия золотых дел мастеров. Ковры и ткани для одежды, дубленые кожи, масла, конопля, веревки, сера, грецкие орехи, медные изделия занимали значительное место в ее экспорте. Макдиси считал, что «нет ничего равного мясу Бухары и сорту арбуза, который они называют аш-шак, луку Хорезма, фарфора Шаша (Ташкент) и бумаги Самарканда»²⁵. Он мог бы добавить, что металлические изделия Ферганы, особенно оружие, находили хороший сбыт даже в Багдаде.

Бухара стала также духовной метрополией. К девятому веку Мавераннахр был обращен в Ислам, и Бухара была признана как один из оплотов Веры. Развивались школы теологии, и мусульманская религиозная высшая школа — мадраса впервые появилась в Мавераннахре и лишь позже она распространилась в западных провинциях Ислама. Город Термез на Аму-Дарье оставался теологическим центром до пятнадцатого столетия, а Бухара до девятнадцатого, когда она превратилась в оплот изуверства и фанатизма. Население Мавераннахра поставляло отряды добровольцев гази — «борцов за веру», которые отправлялись воевать против неверных «туда, где шла война священная и туда, где ожидалось трофей»²⁶.

Культурная жизнь Ислама, в самый плодотворный период арабского познания, концентрировалась вокруг Хорасана и Мавераннахра. Абу Али Ибн-Сино (Авиценна) «шейх и глава» ученых, работал в Бухаре. Врач, философ, физик, поэт. Ему повезло в жизни — он лечил одного из правителей саманидов — и вследствие этого получил привилегию пользоваться знаменитой царской библиотекой.

Работы Ибн-Сины были переведены на латынь и оставались учебником медицины в Европе вплоть до семнадцатого столетия. Его современник Абу Али Райхон Беруни из Газни, был выдающимся мусульманским ученым — физиком, астрономом, математиком, естествоиспытателем и историком. Абу Али Ибн Фароби был философом, музыкальным теоретиком и математиком, он родился в Мавераннахре. Абу Али Ибн Хорезмий создал одну из самых первых астрономических таблиц и его работа положила начало этой науке в Европе. Умар Али Ибн Хайям, который обучался и преподавал в Мерве, внес огромный вклад в развитие алгебры. Но еще более его прославили на весь мир переводы Фитцджеральдом его газелей; Хайям стал известен широкой публике как свободомыслящий поэт, хотя его научная работа занимает гораздо большее место,

чем поэзия. Наука и литература начали процветать на языке персидском, как и на арабском. Эпический персидский фольклор Фирдоуси «Шах-наме» (Книга царей) датируется этим же временем и происходит из этого района.

Мавераннахр стал развитым исламским государством — в политическом, экономическом и культурном отношении. «Просвещенный абсолютизм» Саманидов на некоторое время удерживал контроль над местными князьями и заставил кочевников сохранить лояльность в пределах их территории²⁷.

Процветание, достигнутое Мавераннахром в десятом столетии, не могло однако не привлечь внимание соседних воинственных кочевников. Широкие торговые связи, которые были установлены с ними, не остановили их от грабежа уязвимых торговых караванов и городов, когда для этого представлялся удобный случай. Вокруг поселений и городов Средней Азии были воздвигнуты стены из сырцового кирпича и земляные валы, но они обеспечили не более чем временную защиту. К десятому столетию государство Саманидов подверглось нападениям тюркских соседей и атакам их собственной опоры — тюркских воинов — с территорий, находившихся под их управлением.

Ислам был рабовладельческим обществом. Но рабы не стали главным базисом производства, они использовались прежде всего для домашних и военных нужд²⁸. Рабы тюркского происхождения, степные кочевники, захваченные в Средней Азии или на равнинах к северу от Мавераннахра, ценились особенно за их боевые качества, их верховое искусство, их хитрость и отвагу, так как они с детских лет обучались военному делу. Саманиды создали гвардию из тюркских рабов, которые стали выдающимися военными предводителями и добились привилегированного положения.

Когда Саманиды были атакованы с востока тюркским населением Семиречья, они не имели достаточно сил для обороны, и Самарканд и Бухара пали в 999 г. Эти тюрки, которые стали известны как караханиды, были людьми «с широкими лицами, маленькими глазами, плоскими носами, редкими волосами, железными мечами и черной одеждой»²⁹. Незадолго до этого они, при их собственных ханах, приняли исламскую веру. Они перевели свою резиденцию в Самарканд, но правили страной по системе, при которой регионы оказались под контролем князей, которые представляли возросшую силу земельной аристокра-

тии. Культурная и коммерческая активность не нарушалась тюркским завоеванием. Базары были процветающими центрами городской жизни, города расширялись, а некоторыми ханами были воздвигнуты монументальные сооружения. В это время был воздвигнут минарет Кальян высотой сто семьдесят футов (1127 г.), который вместе с другими окружавшими зданиями этого времени сохранился до наших дней. Во время песчаных бурь огонь, горевший на вершине этого минарета, служил маяком для верблюжьих караванов. В восемнадцатом и девятнадцатом столетии башня была использована как место публичных казней. Преступники сбрасывались с вершины и разбивались насмерть.

В то время как Саманиды подвергались нападению караханидов, с востока их южные территории стали распадаться. В районах Гиндукуша было создано независимое государство под эгидой тюркской династии газневидов. Это государство управлялось из Газни (юго-запад Кабула). Самым мощным правителем этой династии был Махмуд Газневидский (998-1030 гг.)

Махмуд слыл набожным монархом — во всяком случае в его общественной жизни, если не в частной — провел ряд «священных войн» против еретиков за рубежом и бесчисленное число казней внутри страны³⁰. Его кампании за веру и завоевания привели к созданию обширной империи, и в конце правления он господствовал не только над афганскими районами, но и над Хорасаном и Ираком. На севере его владения простирались до Мавераннахра и Хорезма, на юге он владел Пенджабом, Мултаном и Синдом. Он был покровителем — но невольным — поэта Фирдоуси. Ученый и историк Беруни был захвачен в Хорезме и содержался при нем в качестве пленника.

За волной завоеваний Караханидов и Газневидов последовала другая волна завоеваний кочевников-тюрков. Эти орды в десятом столетии двинулись в Мавераннахр, достигнув нижнего течения Сыр-Дарьи. В следующем столетии они двинулись на Персию и объединили свои владения под властью одного Сельджука. Они находились на более низкой стадии развития культуры, чем Караханиды, но стали горячими поборниками Ислама и неистовыми борцами за веру. Сельджуки утвердили свое господство над Персией и Сирией, завоевали большую часть Анатолии и значительную часть грекохристианской империи Византии. Они захватили Багдад, и, хотя халифы остава-

лись номинальными правителями, они уже потеряли реальную власть, которая перешла к Сельджуку Великому. — Султану Ислама. Турки-сельджуки (или туркмены) затем повернули обратно на восток и изгнали наследников Махмуда Газневидского и Караханидов из Мавераннахра. К двенадцатому столетию империя сельджуков простиралась над большей частью Ислама. Великий султан Ислама в двенадцатом столетии правил этими владениями главным образом из Мерва, западнее Аму-Дарьи.

В это время державе сельджуков был брошен вызов с востока со стороны немусульманского кочевого народа, который был вытеснен из своих владений на севере Китая. Этот народ, кара-китай, возможно монгольского происхождения, господствовал в северных провинциях Китая в начале десятого столетия после падения Танской династии³¹. Двигаясь к западу, кара-китай подчинили на пути тюркские племена и утвердились в Семиречье, насчитывая около сорока тысяч юрт (хозяйств). В 1141 г. армия кара-китайского кагана — «хана ханов»³² — разгромила султана Сельджука севернее Самарканда. Христианство в это время предпринимало крестовый поход против турок-сельджуков в Сирии, и радостная новость, что султан Сельджук потерпел поражение на востоке, явилось одной из первопричин создания легенды «Священного Джона», которая получила распространение по всем христианским странам. Считалось, что восточный властитель, христианин, был готов выступить совместно с ними против общего врага — мусульманских неверных.

Господство кара-китаев принесло мало изменений в социальных и экономических порядках в Мавераннахре. Местные династии продолжали существовать как вассалы кагана, чьи представители посещали провинции лишь с целью сбора налогов. Торговля продолжала развиваться, и караванные пути были открыты как для местной, так и для континентальной продукции. Кара-китай, хотя и не стали мусульманами, однако, извлекли большую пользу из мусульманских специалистов. Бала-сагун, город в Чуйской долине, который был столицей караханидов, стал центром обширной империи кара-китаев. Он стал знаменит своими мусульманскими и буддийскими храмами, своей сетью водопровода, своим огромным рынком. Ныне сохранились лишь полузасыпанные руины и каменный минарет.

Торговая активность десятых-двенадцатых столетий

была особенно благоприятна для Хорезма. Этот оазис на нижнем течении Аму-Дарьи, южнее Аральского моря, выступал посредником в степной торговле между Волгой и кочевниками. От главного города Хорезма, Ургенча (Хива), караваны могли следовать до Отрара, где они вступали в следующую стадию дороги в Китай; или же главная дорога могла соединяться в Бухаре и вести к югу. Отсюда дорога шла к востоку к Китаю или же южнее, через Гиндукуш в Индию, или же через Мерв и Хорасан в страны Леванта.

Особым спросом пользовались рабы, которых хорезмийцы поставляли из приволжских земель. Стимулировалась местная торговля и ремесла, растениеводство и животноводство в окружающих областях. Хорезм создал собственную государственную власть и правители Хорезма, хорезмшахи, которые когда-то были вассалами сельджуков, выступили против них и разгромили Султана Санджук в конце двенадцатого столетия. Сначала эти мусульманские хорезмшахи приняли помощь кара-китаев и платили им дань. Позже, однако, они присвоили себе роль султанов Ислама, которым было предназначено руководить борьбой за веру против неверных. Хорезмшах Мухаммад разгромил кара-китаев в 1210 г. и стал властелином большей части Средней Азии, включая Мавераннахр, Персию и Афганистан. Хорезм стал центром огромной феодальной империи, которая простиралась от Ирака до Сыр-Дарьи, и от Аральского моря до берегов Инда. Мухаммадшах привлек к своему двору в Ургенче ученых Ислама. Он собрал путем завоеваний и торговли богатства со всей Азии, которые помогли ему сделать его столицу одним из величайших городов на мусульманском Востоке.

Еще раз Мавераннахр стал сердцем мощного государства, простиравшегося через весь центр Азии, верховного государства Ислама того времени. Мечты Мухаммадшаха завели его за пределы Ислама. Он стремился к мировому господству и планировал завоевание Китая. Но его опередила другая волна кочевников-завоевателей с востока, орды Чингизхана.

ЧИНГИЗ-ХАН.

Кочевные орды Чингиз-хана были примитивными пастушескими народами, жизненным занятием которых были животноводство и охота, поставлявшая им дополнительные средства к существованию. Сначала они распределялись по родам, несколько родов, живущих вместе, составляли племя или орду. Скот принадлежал роду и пасся вместе. Они передвигались в заранее намеченные территории, и когда они разбивали лагерь, создавали круг, образующий защитное кольцо против вражеской атаки. Но в одиннадцатом столетии эти монголы подобно тюркам прошли патриархальную стадию и слились в орды, состоящие из групп семей; они были теперь подчинены великому господину или бахадуру, что означало рыцарь или герой, обладавший огромной силой. Семья стала владеть домашними животными и пастбищами, а некоторые семьи стали богаче других. Бахадеры избирались из господствующих семей для ведения войн. Они часто захватывали власть в их собственных племенах и обладали огромным числом скота и рабов. Более бедные семьи работали на бахадура и его семью, смотря за стадами, делая кумыс, занимаясь стрижкой овец, изготавливая войлок и т. д. В этом кочевом обществе с наметившимися прослойками более бедные семьи становились зависимыми вассалами, они владели некоторым количеством скота и собственным инвентарем, но пользовались пастбищами только по разрешению кочевого господина и на условиях, утвержденных им. Кроме упомянутых выше обязанностей в круг деятельности вассала входили уход за животными, поставки мяса и молока³³.

Вооруженная борьба между различными кланами за господство усиливалась. Эта борьба распространялась временами на широкие пространства. Вокруг предводителей создавалась и усиливалась гвардия (нокоды), представители которой обязывались служить предводителю и обучались в его хозяйстве как военные вожди, которые могли быть использованы для грабительских целей.

Развитие этой кочевой аристократии с ее обученной гвардией обеспечивало военную силу, способную к длительной агрессии, которую обеспечивал фуражом легион вассалов, пастухов и их пастбища. На этом этапе ударная сила монголов становилась более эффективной также благодаря изготовлению инструментов и оружия из железа.

Темучин (Чингиз-хан) родился в семье могущественного монгольского предводителя в 60-х годах двенадцатого столетия. Он был еще юношей, когда был убит его отец, и семья очутилась в нищете. Его мать содержала семью на рыбном супе и траве. Благодаря, однако, стечению обстоятельств и его собственной удали, Темучин восстановил благосостояние семьи, стада и нокодов. С помощью соседних ханов молодой вождь разбил татар, сильную орду к юго-востоку от Монголии. Он собрал отряд кочевых воинов и распространил свою власть над другими ордами, и в 1206 г. разделался со своими соперниками. Совет кочевых феодалов-аристократов, курултай, провозласил Темучина «Каганом всей Монголии», под именем Чингиз-хана, означавшее «Император океана» или правитель вселенной. Он восстановил фамильное название Монгол, которое применялось китайцами к его народу, а заодно назвал так тех, кто присоединился к нему. Народ Монголии называл их также татарами и два термина стали отныне использоваться нераздельно. В Европе слово татар ассоциировалось с тартаром (ад) и термин стал таким образом произноситься татар.

Чингиз-хан реорганизовал свою личную гвардию, которая стала его главной опорой. Они были подчинены строжайшей дисциплине. Первая неудача в исполнении обязанностей наказывалась тридцатью ударами розог, а вторая семидесятью. Третий случай приводил к увольнению из гвардии и дальнейшему избиению. Однако, только хан мог санкционировать наказание представителя гвардии³⁴. Большинство воинов вышли из этой гвардии и таким образом руководство военными силами по всей империи было в руках людей, лично проверенных ханом. Он правил великой империей монголов, в которую входили тюркские и манчжурские племена, был главой всех их кибиток (шатров) и его семья относилась к другим ордам как к своим вотчинам. Различные части империи были разделены между членами ханской семьи, которым подчинялись князья и вожди, правившие в этих отдельных областях. Покоренные орды были оставлены или под властью их собственных предводителей или подчинены воинам хана.

Монголы были далеки от того, чтобы не ведать о достижениях китайской и среднеазиатской цивилизации. Китайские торговцы с востока и мусульманские с запада часто посещали Монголию. Вместе с торговыми каравана-

ми прибывали мастера различных ремесел, которые оседали при подвижных дворах кочевых владетелей. Чингиз-хан поощрял караванную торговлю и сам расспрашивал у мусульманских торговцев все подробности о странах Средней Азии и Ближнего Востока. Эти мусульмане сопровождали его в походах на запад и были доверенными советниками. Он также пользовался службой уйгуров, ветвь тюркского населения, населявшие различные оазисы северного Тарима, по соседству с Семиречьем. Они имели широкие торговые связи и в значительной степени развитую культуру, литературу и письменность, которую Чингиз-хан принял для своего собственного неграмотного народа. В 1211 г. уйгурский и мусульманский хан Семиречья покорились Чингиз-хану.

Завоевание Китая было начато в 1211 г. и в 1215 г. воины Чингиз-хана вступили в Пекин. Татары быстро усвоили военную технику покоренных и после этого использовали ударные тараны, катапульты и огнеметные машины в своих кампаниях против запада.

Завоевание Средней Азии заняло не более чем три года. 1219—1221 гг. Власть Хорезмшаха, султана Мухаммада, который освободил многие земли от кара-китаев, распространилась в это время по всему Мавераннахру, включая значительную часть Хорасана и северо-запад Афганистана (Бактрия). Соответственно Джувейни³⁵, султан добился «полного мира и спокойствия, безопасности и покоя и достиг чрезвычайного процветания и благосостояния; дороги были безопасны и волнения замирены, так что где-бы прибыль или выгода появилась на самом отдаленном западе или востоке, торговцы брали туда путь». «Трансоксания, — продолжает он, — охватывает много стран, районов, и городов, но зерном и сливками ее являются Бухара и Самарканд». Арабский географ Якут писал: «За (Бухарой) лежит город который называется Самаркандом, где находится источник источников рая, могила могилы пророков, и сад садов рая».

К этим королевствам прибывали послы Чингиз-хана для переговоров о торговле. Три мусульманина в посольстве Чингиз-хана предложили султану мир и безопасность торговых отношений, к которому султан отнесся благоприятно. Вскоре после этого караван из четырехсот пятидесяти торговцев-мусульман, прибыл из Монголии с пятьюстами нагруженных верблюдов. Они достигли Отрара на Сыр-Дарье, пограничного города территории Му-

хаммада. Здесь они были схвачены как шпионы и убиты. Только один погонщик верблюдов бежал и вернулся в Монголию. Последующие послы Великого хана были также убиты по приказу Мухаммада, который вынашивал мечты завоевания Китая. Чингиз бросил ответный вызов.

Султан Мухаммад, однако, не смог обеспечить доброй воли населения Мавераннахра. Будучи в плохих отношениях с военной тюркской аристократией, он оттолкнул от себя духовенство своими действиями против халифа и мусульман. Несмотря на богатство Ургенча, столицы Хорезма, и блеск его двора, несмотря на процветание и культуру других городов его владений и высокую степень производства ремесленников и торговли, несмотря на многочисленность войск, находившихся в его распоряжении, трудно было оказать эффективное сопротивление нападению из-за противоречий и соперничества, существовавших в правящих кругах и его чрезвычайной непопулярности среди народа — несмотря на то, что Джувеини высоко оценивал благомилостыни, которые он щедро раздавал. Мухаммад сам не стремился концентрировать достаточно войск в одном месте, т. к. он боялся своих генералов и считал, что они способны повернуть против него. Местные правители, высшее духовенство и некоторые из военачальников, встревоженные перспективой потерять свои владения, сдавались Чингиз-хану и становились его вассалами. Монгольскому завоевателю предоставили свободу концентрировать его войска по его усмотрению, создавая благоприятные условия для осуществления его целей.

В 1219 г. Чингиз-хан достиг Отрара на Сыр-Дарье, с сыновьями и с армией, в которой насчитывалось около ста пятидесяти тысяч человек. Отправив войска по различным направлениям, он достиг Бухары. Оборона войск Мухаммада рухнула после трех дней, и город был разгромлен и сожжен. С поверженных городов были взяты налоги и уведены пленники. Они были использованы для строительства осадных сооружений; они были также использованы как авангард и заслон при атаке на другие города. Самарканд, который, как отмечал Джувеини, обороняли сто пятьдесят тысяч человек с двадцатью слонами, продержался менее недели. Народ был изгнан из города, за исключением духовенства, которое в отличие от бухарского не оказало сопротивление монголам. Тридцать тысяч из оставшихся в живых были отобраны за их мастерство и распределены между сыновьями и членами семьи Чин-

гиз-хана. Они были увезены для работы в монгольском лагере. Такое же число было призвано в монгольскую армию. Остальным разрешили вернуться в город, но потребовали заплатить выкуп в двести тысяч динаров, который был получен в еще большем размере. Лишь одна четверть прежнего населения осталась в живых.

В монгольском лагере оказались пленники неазиатского происхождения. Посол Луи IX из Франции встретил в середине тринадцатого столетия во дворе Монке-хана женщину из Лотарингии, захваченную в Венгрии. Послу также рассказали о Вильяме, выходеце из Парижа, который служил медиком во дворе хана.

После первого поражения своих войск Мухаммад Хорезмшах бежал на западный берег Аму-Дарьи. Чингиз отправил своих сыновей осадить столицу Ургенч «с армией столь же бесконечной, как события времени». Жители оказали ожесточенное сопротивление в течении нескольких месяцев. Квартал за кварталом, дом за домом, монголы взяли город, разрушив здания и вырезав жителей. Затем они вытащили уцелевших; ремесленники или мастера, которых насчитывалось свыше ста тысяч, были отделены от остальных; женщины и дети обращены в рабство и угнаны в плен, а мужчины, которые остались, были распределены в армии и каждый воин должен был казнить двадцать четыре человека (1221 г.). После казни жителей, соответственно одному сообщению, монголы разрушили дамбу и вода затопила город. «Хорезм (Ургенч) стал обиталищем шакала и здесь часто появлялись сова и коршун». (Джувейни).

Мухаммад бежал в Персию и, возможно, нашел убежище на острове на Каспийском море, где он умер в тот же год. Сопротивление продолжал его старший сын, Джелал-эд-дин. Он сражался против монголов в Афганистане и на берегах Инда дал безуспешное сражение главным силам Чингиз-хана (ноябрь 1221 г.). С остатками своей разгромленной армии он бежал в Индию.

«Один человек бежал из Бухары после ее захвата»; говорит Джувейни, «и пришел в Хорасан. Его спросили о судьбе города и он ответил: Они пришли, они подрыли, они сожгли, они убили, они разграбили и они ушли».

Все королевство Хорезма перешло в руки Чингиз-хана, вместе с значительной частью Персии. Таким образом Мавераннахр стал частью единой языческой администрации, простиравшейся от северного Китая до Персии, кото-

рая основана на монгольских законах и обычаях и которая действовала от имени великого хана Монголии. Четыре монгольских империи должны были внезапно возникнуть от завоеваний Чингиза и его рода. Одна из них состояла из Мавераннахра и соседних территорий. Здесь в четырнадцатом столетии родился Тимур, кочевник, вождь, который наследовал военный талант, если не кровь, Чингиза, и честолюбивые устремления господствовать над всеми четырьмя монгольскими империями.

Глава III

НОВЫЙ ВЛАДЫКА МАВЕРАННАХРА

1360 (год Мыши) — 1370 (год Собаки).

Когда Чингиз-хан выступил в 1219 из Монголии завоевать Среднюю Азию, ему было около шестидесяти лет. Чувствуя, по-видимому, признаки близкой смерти, он позвал к себе таоистского отшельника Чан-Чуна, пользовавшегося репутацией обладателя секрета долголетия, и взял его с собой в свой последний, как оказалось вояж. Отшельник с неохотой последовал за Чингиз-ханом через горы и пустыни, но когда достигли Самарканда, Чан-Чун отстал от завоевателя и решил переждать здесь несмотря на опустошение, вызванное завоеванием. Однако, нетерпеливый император приказал отшельнику явиться в лагерь у Гиндукуша севернее Кабула, где армия остановилась после победы над Джелал-эд-дином на берегах Инда. У таоиста потребовали эликсир бессмертия. Но лекарство не помогло. Спустя два года после возвращения в Монголию, где он отсутствовал семь лет, занятый покорением Средней Азии и Хорасана (Восточная Персия), император умер в возрасте около семидесяти двух лет.

Чингиз еще при жизни разделил свою империю между своими сыновьями. Тули, самый младший сын, получил в соответствии с законом, степь, первоначальные владения своего отца, Монголию и основную массу монгольской регулярной армии. Степень удаленности владений соответствовали возрасту сыновей. Самый старший из сыновей, Джучи, получил самые удаленные территории к западу от Иртыша «до тех стран, куда может дойти копыто татарского коня», писал Джувейни. Эти районы еще нуж-

но было покорить, но Джучи умер незадолго до смерти своего отца, и ему наследовал его сын Бату. Угедей, третий сын, получил в качестве улуса (владения) земли к западу от Монголии. После смерти отца он был провозглашен великим ханом, каганом, которому были подчинены все остальные князья. Он покинул свою вотчину после решения курултая и основал резиденцию во владениях отца на Орхоне в Монголии. Здесь в Каракоруме (Черный лагерь) он основал первую постоянную столицу, построив дворцы для владельца и его двора.

Чагатай, второй сын, наследовал, как свою долю, земли Средней Азии, включая Мавераннахр, южную часть Хорезма, Афганистан и Семиречье (включая Чуйские и Таласские степи). Орда Чагатая (лагерь) располагалась в долине реки Или; зимой он передвигался к югу, а летом к северу. Чагатай владел только доходами с земель, управление же оставалось под контролем кагана. Пришельцы не смогли управлять широкой и сложной империей, завоеванной у каракитаев и хорезмшаха, в связи с этим местная знать и торговцы были назначены удельными правителями; находящимися в вассальной зависимости.

Угедей, став великим ханом, назначил Махмуда Ялава-ча, богатого хорезмского коммерсанта и ростовщика, своим наместником чагатайского улуса. Махмуд утвердился в Ходженте, имея в своем распоряжении монгольские отряды под командой даруги (губернатора). Даруги были военными предводителями, наделенные также фискальными функциями и правами гражданской администрации. В их обязанности входила также перепись населения, утверждение налогов на городское население, наблюдение за его своевременным сбором и отправлением двору, установление коммуникаций и почтовых станций, набор войск из местного населения. Почтовые станции конечно были на службе хана и его администрации, и не находились в общественном пользовании. Эти даруги были основой монгольской администрации по всей империи. Сын Махмуда Масуд продолжал управлять Чагатайским улусом от имени великого хана вплоть до своей смерти в 1289 г.

Ядро вооруженных сил, находившихся в распоряжении даруги, составляли монгольские войска, распределенные Чингизом между его сыновьями. В то время не было массовой миграции монголов на запад, хотя первоначальное размещение орд вероятно впоследствии изменялось. Соответственно Бартольд, из общей регулярной армии в сто

двадцать девять тысяч воинов, самый младший сын Тул получил вместе с монгольской вотчиной сто четыре тысяч человек. Каждый из трех старших сыновей получил по четыре тысячи, остальные были распределены среди других членов династии. В 1251 г. в результате дворцового переворота на великом курултае чингизидов, наследники Угедеев были свергнуты, а трон перешел к Монке, сын Тули. Батухан из Золотой Орды был главной движущей силой этого переворота. Его союз с Монке был направлен не только против Угедеев, но и Чагатаев. Контроль над Средней Азией перешел от наследников Чагатая к Батухану, а после него к его брату Берке, который стал наследником ханского трона Золотой Орды.

В 1260-х годах, внук Чагатая, Алгуй воспользовался раздорами между сыновьями Тулы, чтобы восстановить себя в Чагатайском улусе (1260-1266 гг.). Он расправился с представителями Золотой Орды и женился на принцессе регентше Оркине, вдове одного из внуков Чагатая. Масу-Ялавач оставался его министром финансов. Этот умный администратор не только знал, как служить различным хозяевам, но и в совершенстве овладел искусством сбора налогов для содержания огромной армии. Впервые чагатайские владения стали практически независимыми от великого хана на востоке и хана Золотой Орды на севере.

К 1260 г. были сформированы четыре монгольские империи: Хубилай, внук Чингиза, наследовал отцу своему Тули в качестве великого хана. Затем он стал императором Китая и перевел свою столицу из Каракорума в Пекин. Берке, внук Чингиза, правил обширными владениями Золотой Орды от Сибири до восточной Европы. Хулагу, брат Хубилая, основал империю на Ближнем Востоке и правил Персией, Месопотамией и Арменией. Алгуй правил Чагатайской империей в Средней Азии. В первых трех империях было вскоре установлено политическое и административное единство, завоеватели ассимилировались с завоеванными и устроились в столицах, имеющих значительно богатство и силу. В Средней Азии, однако, примирение кочевников и оседлых оказалось более трудным делом. Монгольское завоевание по характеру не представляло и себя переселения народов. Принцев-чингизидов сопровождали только представители военной аристократии, но их присутствие лишь привело к усилению противоречий в Средней Азии. Подчинившиеся завоевателям князья, торговцы и верхушка мусульманской церкви получали

привилегии от хана в форме ярлыка, дающего им право на должности и прислугу. Между тем, покоренные народы должны были поставлять продовольствие, фураж и почтовых лошадей для армии. Содержание войск накладывало огромное бремя на город и деревню. Агенты даруги составляли списки почти всех ремесленников, которые должны были поставлять в определенные даты поставки для казны, двора, и армии. Особенно страдали оружейники, ткачи и дубильщики.

С другой стороны вражда, которая развивалась между монгольскими владениями, наносила особенно большой ущерб Чагатайскому улусу, процветание которого зависело в значительной степени, от караванной торговли с другими монгольскими империями. Межконтинентальная торговля, которая прежде проходила через Мавераннахр, шла теперь севернее Каспия и ближе к Волге и Черному морю, обслуживая Золотую Орду.

Разногласия обнаружились также внутри самого Чагатайского улуса — между знатью городов и оседлых районов Мавераннахра в западных владениях с одной стороны, и военными кочевыми монгольскими предводителями, бродившими главным образом по пастбищам Семиречья на востоке, с другой. Чагатайских ханов привлекли богатые исламские поселения в Мавераннахре. Наследник Алгуя Мубарак (1266 г.) был обращен в Ислам; с Мубараком пришли некоторые из монгольских военных племен, которые были привязаны к Чагатайскому улусу: среди них были Джалаиры, которые претендовали на территорию в долине Ангрена около Ходжента, и Барласы, к которым принадлежал Тимур, претендовавшие на богатый район Кашка-Дарьи южнее Самарканда. Процесс ассимиляции протекал быстро и к концу столетия эти племена приняли Ислам и считались тюркскими, хотя и претендовали на титул и положение Чагатаев (титул, который стал применяться как к действительным семьям Чагатаев, так и к племенам, стоявшим на их стороне). Могущественные представители кочевой знати сопротивлялись этой тенденции. Они отвергли Ислам и относились с презрением к оседлым занятиям, боясь потерять силу своего военного влияния. На курултае, проведенном в Таласской долине в 1269 г., аристократы степи одержали верх. Как писал Рашид аль-дин, было согласовано не поселяться в городах, чтобы не допустить использования их скота для пахоты и сева, и жить в их горных и пастбищных районах соответ-

ственно их славным древним традициям. Мубарак был свергнут, и почти столетия ханы бродили по степям и оставались язычниками.

Эти события не разрешили конфликта между кочевым и оседлым населением. Кочевые аристократы презрительно называли Чагатаев в Мавераннахре «курама» — помесями, нечистокровными. Себя они называли могулами, именно так произносилось название «монгол» и район, который они населяли (восточную часть Чагатайского улуса), с тех пор стал известен как Могулистан (это название так и закрепилось и в Афганистане, и в Индии, где Бабур, потомок Тимура, создал «монгольскую» династию в шестнадцатом столетии). Западные, чагатайцы называли своих восточных сородичей «джете», означавший разбойники, мошенники, и название «Джете» закрепилось за кочевниками Могулистана.

Улус распался на две части: Мавераннахр на западе, и Могулистан на востоке, каждый из которых управлялся отдельной ветвью чагатайской семьи.

В Могулистане продолжительные династические войны и внутренняя борьба истощили экономику страны, и торговля с соседними областями сократилась. Дороги стали опасны, грабители нападали на караваны и налагывали тяжелые поборы. Крестьянское население бежало из своих сел в горы, оставляя оазисы и поля заброшенными. Села исчезали; только щебень оставался от тех городов, где раньше собирались торговцы и послы с востока и с запада. Обработанные земли уступали место пастбищам и степям.

Совершенно иначе складывалось положение в Мавераннахре, хотя тоже раздираемом противоречиями. В начале XIV столетия, этот район оказался под властью Чагатайского хана Кебека (1318-1326 гг.), который провел многие административные реформы, заложив основу единого государства. В частности он пересмотрел систему сбора налогов, которая была источником глубокого недовольства населения. Кебек использовал в качестве своей административной единицы монгольский туман, название, применявшееся не только к военному соединению силой до десяти тысяч человек, но также и к области, обязанной снабжать и поддерживать это соединение (Слово туман относится также к деньгам: один туман — десять тысяч динаров). Он обратил в туманы существовавшие феодальные владения и вотчины. Прежде страна экономически

страдала от отсутствия единой денежной системы — каждый город или феодальный владелец выпускали свою собственную монету. В результате шла широкая спекуляция валютой, которая наносила ущерб торговле, и коммерческие отношения деградировали до такой степени, что превращались просто в меновую торговлю. Мавераннахр был лишен преимуществ трансконтинентального пути, который проходил в это время по северной дороге к Волге. Кебек унифицировал производство денег и стал первым монгольским ханом в Средней Азии, который чеканил монету со своим собственным именем для всего государства. Эта монета, основанная на персидских стандартах, была названа кебекской монетой, и «кебекские динары» имели хождение даже во времена Тимура и его потомков.

Чагатайские ханы Мавераннахра перевели свою базу из Илийской долины сначала в долину Ангрена, восточнее Сыр-Дарьи, а затем в Кашка-Дарью, долину, расположенную к югу от Зарафшанской долины и проходящую параллельно с ней. Кебек не только сделал эту благотворную долину базой своего лагеря, но и построил здесь дворец, после которого место было названо Карши (означавшее дворец). Именно в долине Кашка-Дарьи, долине чагатайских ханов Мавераннахра, родился Тимур, спустя десять лет после смерти Кебека.

Меры, осуществленные Кебекханом, принесли значительное облегчение оседлому населению; но были встречены враждебно кочевой аристократией, все еще процветавшей в Мавераннахре; после смерти Кебека они попытались восстановить политику, одобренную Таласским курултаем 1269 г. Брат Кебека Тармаширин, который наследовал ему (1326-1334 гг.), принял Ислам и перевел свою резиденцию в Бухару, он был свергнут кочевыми вождями за свой отказ уважать традиции Чингиз-хана. Борьба против наследников Тармаширина продолжалась до тех пор, пока власть чагатайских ханов в Мавераннахре не была свергнута. Эмир Казаган, предводитель кочевой аристократии, выступил против хана Казана, который был убит в сражении (1347 г.). Эмир захватил власть, но титула хана не принял. Слишком сильно было уважение к чагатайской династии, только членов этой семьи возводили на трон. Однако, с этого времени ханы стали лишь номинальными начальниками; реальная власть принадлежала представителям местной кочевой военной аристократии, сначала Казагану, а затем Тимуру. Казаган вел

жизнь кочевого вождя, проводя зимовки и летовки на различных пастбищах и совершая успешные набеги на Хорасан и Хорезм. В 1358 г. по подстрекательству Моголхана, Казаган был убит на охоте. После него не было правителя достаточно сильного для того, чтобы контролировать разлады и сепаратистские тенденции феодальных владетелей.

В различных провинциях появились местные династии. Хорезм, который был разделен между Золотой Ордой и Чагатайским улусом, вновь восстановил свое единство под властью Суфиев, тюркизированной монгольской династии. Балх, Кабул и примыкающие районы, находились в руках внука эмира Казагана, Эмира Хусейна. Другие же районы у подножья Гиндукуша были в руках местных правителей. Беки племени джалаириров правили в бассейне Ангрена. Города были под контролем различных религиозных сановников или наследных губернаторов. Войны и беспорядки среди местных князей, эмиров и шейхов «лишь способствовали росту нищеты страны, смятения и бунты распространялись повсюду»².

В районе Шахрисабза, Зеленого города, в долине Кашка-Дарьи, правила семья Барласов. Кашка-Дарья представляет собой небольшую, питающуюся снегом реку, текущую параллельно Зарафшану и Аму-Дарье. Нижние склоны южных гор были покрыты альпийскими лугами, а за ними, где бродили медведи и гнездились снежные грифы, была замечательная охота. Подобно Зарафшану, Кашка-Дарья орошала долину, известную своим плодородием, производящую гранаты и другие требующие тщательного ухода фрукты. Горные склоны давали горную соль и особый сорт ясеня.

Тимур родился 9 апреля 1336 г. (год мыши)³ близ Шахрисабза. Он был сыном Тарагая из племени Барласов, монголов, которые пришли в Мавераннахр с Чагатаями. Семья когда-то знала и лучшие дни, но и теперь она пользовалась уважением. Правление над Шахрисабзом и зависимыми от него районами было в руках их соплеменника Хаджи Барласа, и отец Тимура, Тарагай, был тесно связан как со знатью Мавераннахра, так и Моголистана. Генеалогия, прослеживающая происхождение Тимура, выгравирована на его темном нефритовом надгробном камне в Самарканде. Она указывает, что Тимур и Чингиз-хан имели общего предка, Бузанчара, который происходил от

девицы Алан-гоа. Эта легендарная целомудреница зачала, по преданию, от лунного сияния⁴. Однако, официальные придворные историки не подтверждали, что он происходил от Чингиз-хана, да и сам Тимур при жизни не претендовал на такое родство: он довольствовался титулом эмира, а не хана, и использовал наименование «Гурган» зная чтобы показать свою связь с королевским монгольским домом через брачные отношения.

С юношеских лет Тимур показал себя приверженным к традициям степных кочевников: «знатные люди подобного сорта всегда предпочитали степи городу»⁵. Он был одним из тех, кто знал до тонкостей лошадь и мог одним взглядом отличить по внешним очертаниям хорошую породу от плохой⁶. Он был хорошим наездником и превосходным стрелком из лука. Участвуя в конфликтах между правителями Мавераннахра, он быстро познакомился с военными делами. Собрав вокруг себя отряд хорошо вооруженных наездников, он предался грабительским набегам на соседние земли и нападал на торговые караваны. Он был великодушен в распределении добычи между членами своего отряда и добился значительной популярности у себя в долине, особенно среди молодых людей кочевых семей. О деятельности Тимура до 1360 г. нет сведений, хотя позднее о его рождении и молодости распространилось более чем достаточно рассказов, причем большей частью надуманных. Придворные историки ничем не упоминают об этом времени жизни Тимура, хотя и пишут подробности о других замечательных лицах; если бы Тимур проявил себя в чем-либо другом, официальные историки не обошли бы молчанием этот период. Обнаруживается, более того, что юношеские рейды Тимура не всегда были успешны. В одном случае он заблудился и бродил в течение недели, умирая от голода и жажды. Он наткнулся на стада эмира Хусейна, внука Казагана. История рассказывает, что Тимур так успешно продемонстрировал свое верховое искусство, что стал пастухом эмира.

Его сторонники ссылались на историю о его детской набожности и его уважении к богословам. К этому времени, времени отрочества Тимура, Ислам полностью утвердился в городах Мавераннахра, и семья Барласов также приняла эту веру.

Убийство эмира Казагана в 1358 г. и последующая междоусобица обеспечила возможность для хана Могулистана, Туглук-Тимура⁸, вторгнуться в Мавераннахр

с целью восстановления единства Чагатайского улуса. Туглук-Тимур также принял исламскую веру и заставил своих сто шестьдесят тысяч последователей подвергнуться обрезанию. Могульские кочевники, однако, с неохотой пошли на принятие этой веры. Могульский хан двинулся на Кашка-Дарью. Хаджи-Барлас, не желая вступать в неравную борьбу, бежал из Шахрисябза в Хорасан. Позже он был убит. Без серьезного сопротивления Туглук-Тимур достиг Кашка-Дарьи.

В этот момент и вводят придворные историки Тимура в историю Мавераннахра (1360 г. год Мыши).

Тимур в то время имел последователей, которые могли с успехом быть использованы в борьбе. Однако, он не стал предводителем среднеазиатской знати против джетских интервентов. Вместо этого он поступил на службу монгольскому хану. Туглук-Тимур охотно принял Тимура и передал ему правление над областью Кашка-Дарьи. Так, в возрасте 25 лет Тимур стал правителем маленького, но богатого тумана, вместо своего соплеменника. Он вступил в тесный союз с правителем Балха, эмиром Хусейном, который был хозяином важных провинций Афганистана. Этот союз помог консолидировать положение обеих семей в Мавераннахре. Он был скреплен браком: сестра Хусейна, Улжай-Туркан-ага, стала одной из жен Тимура.

Служба Тимура у монгольского хана была недолгой. Когда Туглук-Тимур назначил своего собственного сына, Ильяс Ходжу, правителем Мавераннахра, Тимур, недовольный положением подчиненного, порвал с джетами и последовал за эмир Хусейном, который бежал в пустыню после поражения нанесенного ему Туглук-Тимуром предыдущей зимой. Ведя жизнь авантюристов, оба существовали на хитрости и мече. Один из рассказов этого неблагоприятного для Тимура периода жизни повествует о том, как преследуемые агентами Туглук-Тимура, Тимур и Хусейн остались лишь с семьей своими сторонниками после одной из стычек, из которых трое дезертировали. Рассказ продолжает, что в этой стычке Хусейн потерял лошадь и вынужден был пересесть на лошадь своей жены. Два эмира решили разделиться. С женой и одним из верных сторонников Тимур ушел. В пустыне они встретились с бандой туркмен, которые собирались напасть на них. Главарь банды однако узнал Тимура и снабдил его лошадью и проводником. Тимур вновь присоединился к Хусейну, но вскоре оба были схвачены братом великодушно-

го туркмена и провели два месяца в плену, около Мерва (1362 г.) Их освободили и дали на дорогу тощую клячу и старого верблюда, пишет хроникер.

Вскоре оба вновь разделились и провели зиму в изгнании. Тимур шесть недель скрывался в доме своей сестры Кутлук-Туркан-ага в Самарканде. Соединившись, Тимур и Хусейн поступили на службу к хану Сейистана (провинция к югу от Хорасана) с отрядом приблизительно в сто воинов. На них напала вражеская банда и в сражении Тимур получил ранение в правую руку и правую ногу стрелой (1363 г.). Его рука была парализована, а нога так изувечена, что он остался хромым на всю жизнь. В связи с этим враги стали называть его Тимур-ленк — по персидски Тимур Хромой, имя которое на западе звучало как Тамбурлэйн. (Тамерлан)

Много лет спустя Тимур встретил в Сейистане вождя племени, который ранил его, и приказал расстрелять его стрелами.

Совершенно иная версия ранения Тимура содержится в работе Арабшаха, который утверждает, что раны были им получены во время кражи овец. Клавихо — кастильский посол слышал историю, которая была подогнана под обе версии: «В то время Тимур имел отряд всего в пятьсот человек; и люди Сейстана собрались вместе, чтобы воевать с ним; и однажды ночью, когда он угонял стадо овец, они неожиданно напали на него и вырезали большое число его людей. Его они сбросили с лошади, ранив его в правую ногу, от которой раны он остался хромым на всю жизнь; далее он получил рану в правую руку так, что он потерял мизинец и безымянный палец».

Но есть и широко распространенная легенда, которая говорит следующее. Наткнувшись однажды на многочисленный отряд врага, Тимур поскакал впереди своего отряда и пытался вызвать на поединок вражеского предводителя, чтобы избежать общей стычки. Вызов был принят, и его противник ринулся галопом на него с саблей в руке, издавая воинственный клич своего племени. Это был клич Барласов — противник Тимура оказался его собственным отцом. Тимур остановил нападающего, схватив поднятую саблю своей рукой, поранив при этом свои пальцы с внутренней стороны (М. Герасимов, который исследовал скелет Тимура при открытии его гробницы в Самарканде в 1941 г., нашел, среди других повреждений, что пальцы

его правой руки действительно получили раны, которые могли быть нанесены с внутренней стороны).

Подвиги и удачи двух эмиров привлекли к ним значительное количество пеших и конных воинов и поддержку различных князей, которые прежде подчинялись Туглук-Тимуру. Тимур смог вернуть Шахрисябз, где он имел многих сторонников, и вместе с Хусейном выступил против Ильяс-ходжи, сына монгольского хана. Ильяс-ходжа едва избежал плена и стремительно бежал к реке Или, преследуемый эмирами до Ташкента. Мавераннахр стал таким образом свободным от джетов. После великой праздничной охоты в честь победы и различных развлечений, эмиры вернулись в Самарканд, где они совершили церемониальный въезд, который был «внушительным и столь же приятным для народа», который надеялся отныне на управление менее грубое, чем правление джетов.¹⁰

Но эмиры отнюдь не были свободны от завистливых амбиций феодальных князей, которые окружали их. На курултае, или великом совете старейшин, было решено посадить на троне в качестве хана, соответственно древним обычаям страны, кого-нибудь из династии Чингиз-хана, из рода Чагатай. По расчетам, старейшин, авторитет этого имени мог обеспечить признание и поддержку правлению Хусейна и Тимура. Нашли подходящую кандидатуру, им оказался один из Чагатаев, послушный Кабул-шах, который занимался поэзией, отрекшись от зыбких волн политической жизни ради одеяния дервиша. При народном ликовании он сбросил это одеяние и облачился в имперскую мантию. Пышный пир за счет двора был организован для народа и ничего не жалели для того, чтобы отметить случай с соответствующей помпой и весельем. Бывший дервиш Кабул-шах был посажен на королевский трон и получил императорский кубок соответственно тюркским царским обычаям. После этого ханы, эмиры, вожди и князья девять раз бросались перед ним ниц, число девять было принято для поклонов при монголах. Тимур проявил политическую проницательность, которая, впрочем, характеризовала всю его карьеру, выступив хозяином по отношению к Хусейну и другим князьям. Он устроил за свой счет великолепный банкет, объявив всех других своими гостями на своей территории.

Ильяс-ходжа, который наследовал своему отцу в качестве хана Могулистана, едва ли был расположен терять Мавераннахр без боя и в 1365 г. он выступил на запад

с огромной армией. Хусейн и Тимур готовились к битве и пытались перехватить его. Две армии встретились около Ташкента, за Сыр-Дарьей. «Битва отличалась не только взаимной ожесточенностью, но и ливнем: который превратил поле брани в слякоть. Сверкала молния и ее блеск лишал присутствия духа самых отважных. Монголы испугались грома. Фриар Рабрук и другие сообщали, что, когда загремел гром, «они сбросили всех иностранцев со своих лошадей, закутались в черный войлок и лежали укутавшись до тех пор, пока не прошел гром». Но такое укрытие было бесполезным в данном случае. Поле сражения потонуло в шторме. Землю невозможно было отличить от воды — лошади и скот плавали в ней. «Казалось, пишет хроникер, будто земля растворилась в первоначальном хаосе.»

В тот день победитель не был выявлен. Утром битва возобновилась и Тимур, воспользовавшись моментом, предложил Хусейну, который был командующим, наступать. Хусейн отказался. В конце-концов, оба эмира были вынуждены бежать, оставив трупы своих солдат в грязи. Их потери составили более чем десять тысяч человек. Они переплыли Сыр-Дарью с остатками своих людей, оставив путь на Самарканд открытым для врага. Сторонники Тимура впоследствии возложили вину за поражение в «Битве в грязи» на Хусейна, обвиняя его в отсутствии энергии и духа сотрудничества. Сторонники двух незадачливых эмиров обвиняли и таинственные силы врага, который якобы боясь своей слабости, призвал бурю с помощью магического камня «яда». В народе считали, что этот камень обладает силой вызывать дождь. Будучи предупрежденным, враг был лучше защищен против бури.

* * *

Со времени завоевания Чингиз-ханом Самарканд не имел оборонительных стен или цитадели. Единственной силой, имевшей возможность защищать город, были сарбадары. Это было движение, распространенное в Хорасане, захватившее в основном мелких коммерсантов и ремесленников, направленное против вторжения монголов и монгольских порядков, наложивших тяжелое бремя на оседлое население этой области. Независимое государство Сарбадар было создано в Хорасане в тридцатых годах четырнадцатого столетия под управлением губернатора вместо наследного правителя династии. Они создали свои

собственные войска и выпускали свою собственную монету. Налогаобложение населения было облегчено.

Название сарбадар означало «висельник». Они говорили: лучше попасть на виселицу, чем склониться перед монголами. «Банда негодяев господствует и угнетает народ», говорил эмир Абдураззак Байхак, один из лидеров движения. «Милостью божьей мы опрокинем господство этих тиранов, а если не сможем это сделать, мы увидим наши головы на виселице (сар-ба-дар), т. к. мы не можем более выносить этих тиранов-агрессоров»¹¹.

Движение сарбадаров было особенно сильным в Самарканде в 1360-х годах среди ремесленников, лавочников и некоторых мусульманских учителей, которые также считали себя гази — борцами за исламскую веру. Вожди движения Маулона Зада — учитель мадрасы и Абу-Бакр, хлопкочистильщик, обратились ко всем горожанам с призывом выступить в защиту города. На общегородском собрании у мечети, где собралось до десяти тысяч жителей, представлявших все прослойки, Маулону обвинял правителей города в трусости и жадности, он утверждал, что в грозный час они бросили народ на произвол судьбы и бежали. Самый величайший выкуп, говорил он, не может спасти Самарканд, единственное спасение города заключается по его мнению в борьбе. Обращаясь к аристократам, он спросил: «Кто из вас возглавит защиту Ислама?» Они молчали. Тогда он обратился к народу с просьбой поддержать его, если он организует оборону. Так началась оборона Самарканда народом «без князей»¹² против джетов.

Главные дороги были оставлены открытыми, но внутренние узкие улицы были забаррикадированы и сверху были протянуты цепи. Гнезда стрелков из лука были сооружены в ключевых пунктах. Вражеских всадников решили подпустить поближе, а затем атаковать с флангов. Враг сделал несколько попыток ворваться в предместья, но был отброшен со значительными потерями. Однако, между тем в городе уменьшалось продовольствие, а цены возросли; ремесленники не имели работу. Положение в городе ухудшалось. Но и положение Ильяс-ходжи было не лучше, на лошадей его армии обрушилась эпидемия. Три четверти лошадей погибли. Осада Самарканда была снята, и джеты отступили от Самарканда в жалком виде без добычи и выкупа с колчанами, связанными за спиной

и саблями, за плечами, большинство пешком. Около того Самарканд был в руках сарбадаров.

Новости о победе быстро достигли Тимура и Хусейна. Они вернулись в долину Кашка-Дарьи и Аму-Дарьи, на зимние стойбища и в следующем году соединились и выступили к Самарканду, остановившись на знаменитых лугах между Шахрисябзом и Самаркандом, известном как Канигуль. К этому времени (1366 г.) лидеры Сарбардаров утвердили свое собственное правление в городе, начав тем самым процесс, опасный для наследных феодальных князей и честолюбивых эмиров. Придворный биограф Тимура пишет, что эмиры провели огромную работу для наказания «наглости» этих людей, которые якобы полностью разрушили государство и религию красивыми обещаниями; их предательски заманили в лагерь эмиров, и здесь они были арестованы. Хусейн обвинил их в ужасных преступлениях и Абу-Бакр вместе с остальными были казнены. Лишь Маулону Зада пощадили — за него Тимур ходатайствовал у самого подножья виселицы. Этот поступок, в котором Тимур изображал себя защитником народа, помог приобрести ему народную поддержку во всем Самарканде, в противоположность Хусейну, которого заклеили как угнетателя. После этого эмиры восстановили закон и порядок среди населения Самарканда, которое было соблазнено Сарбадарами¹³. Хусейн (внук Казагана) стал главным эмиром, а Тимур его вассалом и правой рукой.

Совместные успехи и брачные узы, однако, не предотвратили конфликта между ними. Каждый стоял на пути другого. Возможно, что Тимур установил связи с Сарбадарами, особенно аристократическими элементами среди них. Между ним и Хусейном разногласия могли возникнуть не только по политическим мотивам, но и по любому поводу¹⁴. Вскоре после подавления Сарбадаров, Хусейн проявил алчность как правитель и наложил налог на сторонников Тимура, ссылаясь на прежние долги. Потери в Битве в грязи были очень велики, и союзники Тимура не могли удовлетворить требований Хусейна. Тимур помог уплатить взносы своими собственными ресурсами, выдавая из своей казны золото и серебро, серьги и браслеты своей жены, сестры Хусейна. Эти действия долго помнили, и Тимур добавил к своей репутации щедрость по отношению к своим союзникам. Хусейн узнал бриллианты своей сестры, но не вернул их. Он приобрел репутацию подлого и потерял поддержку среди тех, на

кого прежде мог положиться — кочевых князей. Интриги и раздоры вылились в открытый конфликт между Хусейном и Тимуром, в который были втянуты другие феодальные правители. Принцесса Ульжай-Туркан-ага в это время умерла; один враждебно настроенный источник утверждает, что Тимур убил ее¹⁵. Последняя нитка, связывавшая эмиров, порвалась.

В следующие четыре года (1366-1370 гг.) Тимур «попеременно воевал с Хусейном и дружил с его врагами, иди вновь примирялся с ним и по его приказам шел воевать и против своих прежних союзников»¹⁶. Борьба сначала ни в коем случае не была благоприятной для Тимура. Он потерял, а затем вернул Кашка-Дарью. Он захватил Бухару, но удержал ненадолго. Хусейн, собрав значительную силу, утвердил свою власть по всему Мавераннахру. Видя, что превосходство далеко не на его стороне, Тимур направился в Хорасан, куда уже ранее была отправлена вся его семья. Он возобновил жизнь изгнанника и скитальца, совершая набеги совместно с разбойниками Мавераннаха и подбивая джетов атаковать Хусейна. Новая угроза из Могулистана заставила Хусейна заключить союз с Тимуром. Примирение сопровождалось обилием выражений в дружбе и преданности Исламу, и Тимур вернул себе Кашка-Дарью. Атака джетов не состоялась из-за внутренних раздоров среди монголов.

Тимур не терял времени и усилий для увеличения сторонников среди религиозных верхов и городского населения, как и среди своих соплеменников. Хусейн чувствовал — во всех кругах росла неприязнь по отношению к нему и начал усиливать свои позиции в области, откуда он происходил, в Балхе, где он приступил к строительству цитадели. Это оскорбило кочевую аристократию, которая выступала против оседания в городах и строительства крепостей их правителями, т. е. тем самым правители становились менее зависимыми от своих сородичей. Тимур возглавил оппозицию. Он смог завоевать поддержку оседлого населения, для которого постоянные междоусобицы имели разрушительные последствия. Коммерсанты, ремесленники и сельские труженики нуждались в установлении государственной власти, достаточно сильной для того, чтобы положить конец феодальным конфликтам. Тимур добился поддержки этих прослоек и мусульманского духовенства; более того, многие оседлые и кочевые князья, беки, которые были недовольны скупостью Хусейна, по-

вернули против него. Среди них был Кай-Хосров, чей брат был убит в 1360 г. Хусейном, который захватил его территорию.

Как пишет Арабшах, «Тимур был активным, он собрал и накопил ресурсы и перетянул на свою сторону как простой народ, так и влиятельных лиц, которые покорились ему, желали они того или нет. Так он завоевал области Трансоксонии и подчинил народ силой и принуждением».

Дождавшись благоприятного момента для того, чтобы свести счеты со своим самым серьезным соперником, Хусейном, Тимур выступил на юг, на Балх в 1370 г. Он прошел через мрачное ущелье в горах к югу от Кашка-Дарьи, называемое Железными Воротами, к Термезу на Аму-Дарье. Этот город стал важным центром Ислама после арабского завоевания и сохранил свое духовное превосходство вплоть до пятнадцатого столетия. Здесь обучались и мусульманские богословы, слава о которых распространилась до самых крайних пределов Ислама. Здесь Тимур встретил достопочтенного мудреца Сайида Барака, происходившего из Мекки, который был потомком, как говорили, Магомеда. (Сайид был титулом, который давался потомкам пророка). Шейх Барака пришел в Мавераннахр в поисках увеличения собственности мечетей. Он получил отказ от Хусейна, но Тимур подарил ему город Андхой и его окружение в феодальное владение.

Этот набожный старый человек подарил Тимуру штандарт и огромный барабан, символы царской власти, которые он имел готовыми для случая. Он предсказал также великое будущее эмиру. Тимур, который ценил благоприятные предсказания, приказал широко распространить это прорицание, и присоединил Сайида к своему дворцу вместе с большим числом других духовных лиц, которые имели авторитет в Мавераннахре. Шейх Барака стал духовным покровителем Тимура и его постоянным спутником. После смерти они были похоронены в одном и том же мавзолее, лицо Тимура было повернуто к Сайиду и Мекке.

Город Балх был окружен, и после ожесточенной борьбы в стенах были проделаны бреши. Битва продолжалась до полуночи и возобновилась на следующее утро. Город пал. Придворные хроникеры утверждали, что во время кампании шестнадцатилетний сын Тимура, Умар-Шайх, проявил военную доблесть. Хусейн в цитадели потерял надежду и просил выпустить его из города, предполагая

отправиться в паломничество в Мекку, если его жизнь будет сохранена. Тимур обещал ему жизнь, если он сдастся. Хусейн вышел из крепости, но, не доверяя своему прежнему союзнику, пошел в мечеть вместо того, чтобы явиться в лагерь Тимура, и спрятался в минарете, где был обнаружен человеком, который случайно оказался здесь. Он обещал ему не выдавать его, но тем не менее немедленно сообщил Тимуру о местонахождении Хусейна. Когда Хусейн увидел приближение войск, он выбежал из минарета и спрятался в хижине. К несчастью, он оставил часть своего плаща и был обнаружен.

Пленного эмира доставили к Тимуру, который, говорят, прослезился при воспоминании о их прежней дружбе. Судьбу Хусейна обсуждали на совете и Тимур продемонстрировал свою верность данному обещанию сохранить жизнь своему сопернику. Кровью Хусейна пужно было запятнать чужие руки. Хусейн убил брата Кай-Хосрова, одного из племенных вождей, который в это время связал свою судьбу с Тимуром. Хромой эмир не вмешался, когда Кай-Хосров пошел зарезать Хусейна согласно праву мести, признанной исламом. Спустя некоторое время Кай-Хосров сам пал жертвой закона мести от рук людей Хусейна. Соперники, великие и малые, исчезли. Но Тимур держал свои руки чистыми.

Два сына Хусейна были сожжены, а их пепел был развеян по ветру. Остальные союзники побежденного эмира бежали в Индию. Крепость Балх была разгромлена и разрушена, а дворец был превращен в щебень.

Тимуру привели женщин и слуг Хусейна, вместе с огромными сокровищами, которые он скопил. Из женщин гарема Тимур выбрал Сарай-мульк-ханум, дочь Казана, последнего чагатайского хана Мавераннахра, обладавшего властью. Она была принцессой чингизидского происхождения, и благодаря ей Тимур получил титул, который использовался во всех торжественных случаях, а также чеканился на монетах с его именем и на молитвах в пятницу — титул «Гурган» — зять Великого Хана. Сарай-мульк-ханум была на пять лет младше Тимура. Она стала его главной женой. Хотя она не принесла ему детей, по крайней мере тех, которые бы выжили, она добилась доверия эмира и воспитала ему двух любимых им внуков. Тимур взял еще трех жен из гарема своего побежденного соперника, а остальных женщин распределил среди своих сторонников.

Победа над Хусейном сделала Тимура первым среди правителей Мавераннахра. После падения Балха (до завоевания Чингиз-ханом это был один из выдающихся городов Хорасана) был созван курултай, на который собрались все князья и беки, предводители армии, правители туманов и тысяч. Помимо Саида Барака пришли и знаменитые шейхи Термеза и выступили в поддержку Тимура, подчеркивая сильные связи Тимура с мусульманской идеологией, которые должны продолжаться на всем протяжении его правления. Поддержка шейхов имела огромное значение для Тимура.

Курултай наделил Тимура имперской властью. Хотя они провозгласили его наследником и продолжателем империи Чагатай, Тимур тем не менее чувствовал необходимость подчинить себе феодальную знать, продолжая содержать на троне номинального чагатайского хана. Была устроена смерть прежней марионетки Кабул-шаха, которого поддерживал Хусейн, и на его место был посажен хан Суюргатмыш. Враждебный, но красноречивый Ибн Арабшах писал: «Мой господин, ученый Имам, хорошо образованный, совершенный и замечательный, жемчужина эпохи, чудо своего времени, умнейший человек, учитель мира, слава религии, учитель тех, кто правильно и тонко изучает философию, путеводная звезда своего времени, путеводитель века, Абу Абдуллах Мухаммад, сын Мухаммада, сына Мухаммада Бухари из Дамаска (да даст ему аллах всемогущий вечную жизнь и да усилится Ислам и правоверные мусульмане через его счастливое благословение) говорил, что Тимур в 771 г. хиджры убил указанного султана Хусейна и с того момента был возведен в королевский ранг... После убийства Султана (Хусейна) он назначил преемником своим собственным именем, некоего Суюргатмыша из семени Чингиз-хана, чтобы уничтожить злословие клеветников и отрезать пронизывающее острие каждого языка. А он был наделен титулом — Тимур, Великий эмир, хотя под его правлением были одинаково правитель и подчиненный, а хан был у него в зависимости как сороконожка в грязи».

Возведение на престол Тимура имело место позже, когда улучшилась погода. Тимур взошел на трон и возложил золотую корону на свою голову и обвязался императорским поясом в присутствии принцев царственной крови, эмиров и беков, которые распростерлись перед ним. Они преподнесли ему богатые подарки и посыпали

ему на голову золотые монеты, драгоценные камни, соответственно обычаю и назвали его Императором века, Завоевателем мира и Сахиб-Кираном, Властителем счастливых созвездий.

Тимур распределил сокровища Хусейна и богатства горожан среди предводителей своей армии, эмиров и правителей городов. Женщин и детей Балха также распределили как рабов.

В возрасте тридцати четырех лет Тимур стал хозяином южных областей Мавераннахра, имея мощную поддержку среди коммерсантов и ремесленников города, сельского населения, и духовенства. Но гораздо важнее для него было то, что он стал признанным главной аристократических кочевых элементов, Чагатаев, которых он начал формировать в дисциплинированную военную силу, преданную ему. Он захватил власть у своего единственного серьезного соперника в Мавераннахре, Эмира Хусейна, главы кочевой аристократии, который «во времена процветания и безопасности, никогда не давал ни единого динара или корки хлеба голодному воину».

Глава IV

ВЛАСТИТЕЛЬ СЧАСТЛИВЫХ СОЗВЕЗДИЙ

Основой власти Тимура в Мавераннахре было сочетание интересов кочевого и оседлого населения, сочетание, которое он постоянно поощрял. Грабительские действия кочевых орд и борьба между феодальными властями привели к разрухе западные области Чагатайского улуса настолько же, насколько они способствовали разрухе экономики восточной части — Могулистана. Однако, в Мавераннахре монголо-тюркские предводители, частично оседлые, частично кочевые, осуществлявшие феодальные права над населением, становились более тесно связанными с коммерческими интересами торговцев и караванных дорог. Они начали приобретать собственность в городах, строить дворцы и принимали исламскую веру. Ремесленное производство и караванная торговля стимулировали денежные отношения. Централизованная государственная власть одинаково служила интересам коммерческого магната и феодального хана, а ее агрессивные действия слу-

жили грабительским устремлениям как феодалов, так и кочевых аристократов. Много смысла заключалось в титуле Тимура «Властитель счастливых созвездий», Сахиб Киран. Созвездие планет и социальные отношения соединились в его пользу. Тимур полностью использовал их.

Военная сила, которую создало централизованное государство, и которая служила инструментом деспотизма Тимура, основывалась сначала на кочевниках — это были главным образом всадники, искусные стрелки из лука. Это была военная сила, основанная на организации и традициях орд Чингиз-хана и ни в каком отношении не уступала им. Многие свидетели оставили описания главных черт новой военной организации, среди них католические послы подобно Карпини и Рабруку, венецианские торговцы подобно Поло, персидский министр монгольских ханов, Джувэйни, шейх из Танжера Ибн Баттута, левантийские и европейские пленники подобно Арабшаху и Шильтбергену, западные послы подобно Клавихо и другие.

Орды Мавераннахра, монголо-тюркские по своему происхождению, называемые иногда татарами, иногда чагатаями — хотя отнюдь не чингизидского клана — составляли главную силу Тимура, а сердцевину и руководящее ядро составляли представители его собственного рода Барласов.

Эти воины переносили «и жару и холод, голод и жажду более терпеливо, чем любая другая нация, когда пищи было в изобилии, они поглощали ее до обжорства, но когда наблюдался недостаток, прокисшего молока, смягченного кипящей водой, достаточно для них»...¹ Они не культивировали зерно и использовали его мало, торгуя лошадьми, шкурами и рабами с торговцами из оседлых областей за зерно и изделия, в которых они испытывали нужду, или захватывая их в набегах. Чтобы накормить их бесчисленных верблюдов, волов, овец и коз, и «жеребцов и кобыл, которых у них было больше чем во всем мире»², они передвигались с одного района в другой в поисках пастбищ. Они не блуждали наугад. Каждая орда имела свои признанные места, каждый род в пределах орды свои.

В походах Тимур располагался непосредственно за авангардом, который составлялся иногда из нескольких туманов. Хромой Завоеватель был полностью предан жизни в седле, кроме случаев болезни, участвовавших к концу жизни, когда его перевозили в телеге, запряженной волами или же на носилках. За ними шли отряды конных воинов и вслед за ними пехота. За пехотой, более медленно

шел обоз, куда входили члены королевского хозяйства, на конях или в телегах перевозилось их личное имущество. Здесь было также казначейство — деньги, бриллианты, запас одежды, оружия и другой экипировки. Тяжелый багаж был огражден сильными туманами чагатаев как на марше, так и во время боя, и хотя временами он бывал объектом атаки, ни в одном из походов он не доставался врагу.

После обоза шли семьи кочевников с их стадами, телегами и кибитками. В перерывах между службой или сражениями кочевники-воины присоединялись к своим хозяйствам и продолжали свою семейную жизнь, как обычно.

Через пустынные местности или в жаркую погоду, орды зачастую путешествовали по ночам, разбивая лагерь и выгоняя скот на пастбища, которых достигали днем. Они брали воду из глубоких степных колодцев, или водяных скважин в пустыне. Котлы нагревались на очагах, которые топились кизяком.

Когда Тимур призывал свой народ к войне, писал Клавихо, собирались все, включая жен и детей и выступали с ним, окруженные стадами. Овцы, верблюды и лошади составляли основу пищи из молока и мяса, куда они ни направлялись. «Никто никогда не отделяется от своих жен и детей, или своих стад. Эти идут с ними вместе на войну, перемещаясь с одного места на другое. При этом женщины, которые имеют маленьких детей, везут их в маленьких колыбелях, а когда женщина едет на лошади, она кладет ребенка на переднюю луку седла. Арабшах помимо прочего дает оценку и военных качеств кочевых женщин. Имелись также в его (Тимура) армии много женщин, которые вмешивались в рукопашные схватки в самых жестоких боях и боролись с мужчинами и сражались с храбрыми воинами и одолевали мощные орды в сражениях ударами пик, сабель и стрельбой стрелами: когда одна из них была тяжела и родовые схватки начались на марше, она свернула с дороги, сойдя со своего животного, родила ребенка и, завернув в пояс, скоро села на животное и захватив ребенка с собой, последовала за своим отрядом, и были в армии люди, которые родились на марше и выросшие до зрелого возраста, которые женились и производили детей и все же никогда не имевшие жилища».

В конце XIV столетия арабский историк Ибн Халдун встретил Тимура около Дамаска и видел его лагерь. Он

писал после этого в своей биографии: «Людей великое множество и их невозможно насчитать, если вы оцените в 1 миллион, то и это не будет слишком много, если бы их войска вышли на широкую территорию, то и широкая равнина была бы слишком узка для них»³. В своем верховом искусстве, в смекалке и умении в походе приспособиться к условиям климата они достигают совершенства потому, что они достигают всего этого с юношеских лет и в этом следуют обычаям бедуинов.

Торговцы и ремесленники следовали за армией, обеспечивая предметами первой необходимости мобильную общину: шорники, кузнецы, медники, оружейники, продавцы. Когда экспедиция добывала трофеи, они часто обменивались или продавались специалистам на этих базарах.

Архиепископ Джон Султанийский писал, что Тимур всегда жил «на открытом месте» в палатках из тонкого шелка — т. к. число его народа было так велико, что они не могли бы поселиться в городе. «Однако все необходимое доставляется им и покупается и продается словно на городском рынке. Многие привозят провизию из дальних стран для продажи, они даже покупают людей (рабов) и все другие товары... все едят на земле... они принимают пищу без столов и скатертей, но они совершенно опрятны. У них в изобилии имеется мясо и рис, но кушают они мало хлеба, хотя он находится в изобилии».

Клавихо посетил лагерь великой орды Тимура около Самарканда и видел не только управляемое распределение кочевых десятков, сотен и тысяч, ремесленников и продавцов среди них, но и «бани и купальщиков в лагере», которые, установив шатры, построили смежные деревянные хижины, каждый со своим железным бассейном, в который подается горячая вода, нагреваемая котлами. Там все было должным образом управляемо, и каждый человек знал заранее свое место». Лагери были столь же шумны, как и город, со скрипом колес, лязгом металла в мастерских, звоном колоколов верблюдов и воловьих телег, криками на базарах и звуками труб.

Орда во времена Тимура, как и при доме Чингиз-хана, была военной, феодальной формой общества. Принцы крови — правящего рода — получали в качестве феодального поместья от верховного правителя территории, над которыми они осуществляли свое правление. Принцы этого рода собирались на курултай, или государственный совет, когда необходимо было принять важные решения, глав-

ным образом, в связи с началом крупной кампании или выбором нового хана. Тимур собирал обычные советы эмиров и шейхов до и во время своих экспедиций, но в конце его правления курултай стал настолько же народным праздником, насколько и политическим советом, где зависимые ханы демонстрировали свою покорность и представляли дорогие подарки, и где Тимур демонстрировал свою власть перед послами иностранных государств.

Вассальные кочевники обязаны были исполнять повинности и нести военные и другие службы. Персидский министр Джувейни описывал татарскую армию как армию «по манере крестьянскую, обязанной выплачивать все виды налогов и выполнять без жалобы всякое бремя, которое накладывалось на него, будь то налоги, временные сборы, обеспечение путешественников или почтовых станций лошадьми или фуражом для них. Она являлась также крестьянской по внешнему облику ее, все из них, большой и малый, вельможа и чернь, во время сражений становятся рубаками, лучниками и наступая в любом виде, в каком бы ни потребовал случай. Когда же намечалась резня врагов и атака на повстанцев, они точно определяют все, что потребуется для этого дела, от различных видов оружия и домашней утвари до знамен, иглоков, веревок, лошадей и перевозочных животных, таких, как ослы и верблюды».

Клавихо проехал кочевой лагерь, где подсчитывали стада для налогообложения. Другая орда, владевшая двадцатью тысячами верблюдов, многочисленными гуртами овец, уплачивала ежегодный взнос, состоявший, как он слышал, из тринадцати тысяч верблюдов и пятнадцати тысяч овец.

Тимур унаследовал организацию армий от Чингиза, предусматривавшую ее разделение на десять тысяч, тысячу, сотню, десятку. Эта иерархическая система разделяла каждый домен на военные соединения, соответственно числу людей в сборах, требуемых от района. Туман — означавший десять тысяч — использовался часто в смысле больших родовых групп или военной части значительного размера, он также применялся к району — район Самарканда во времена Тимура состоял из семи туманов. Тысяча — хазара — иногда была больше номинала, а кошун — сотня — часто использовалась в Мавераннахре для обозначения от пятидесяти до нескольких сот человек. Каждая десятка имела своего командира и из каждых десяти командиров в сотне один назначался главным и так далее.

Каждая единица и командир знали свое место и назначение, как на марше, так и в лагере. Феодалная зависимость была абсолютной: «никто не может уходить куда-либо кроме той сотни, тысячи или десятка, к которым он назначен, и не может он искать где-либо убежища в другом месте»⁴. Система обеспечивала государству исполнение повинностей и получение взносов и налогов и распространилась по всем монгольским государствам и в исламском мире вплоть до Египта мамлюков.⁵

Монгольские армии традиционно были разделены на три главные силы: два крыла и центр. Позиция тумана в этих силах была также установлена традицией. «Каждый человек имеет свое назначенное место. Те, кто назначен на правое крыло, левое крыло или центр, имеют свои предназначенные места, которые переходят от отца к сыну»⁵. Левое крыло обычно стояло рангом выше, чем правое.

Полный закон обычая или организации татарской орды не дошел до нас. Он был выработан и уточнен Чингизханом, который «установил правило для каждого случая и регулирование каждой ситуации; каждому преступлению он назначил наказание. И так как татарский народ не имел собственной письменности, он приказал монгольским детям изучать ее у уйгур, и приказал писать ясы и приказы на свитках». Джувэйни дает описание некоторых из этих приказов, но «яса» — обычное право — Чингизхана считается само собой разумеющимся многими другими современными источниками. Тимур и его дом «свято относились к законам Чингиза. В их отрядах, их дворах, их празднествах, их действиях, они никогда не действовали против институтов Чингиза».

Особо было выработано постановление о почтовых станциях — ямах. По всей своей империи монгольские завоеватели установили правила содержания таких станций, требовавших большого числа лошадей, людей, транспортных средств и других вещей. Содержание ям возлагалось на туман — другими словами, на местных крестьян. Во времена Джувэйни два тумана должны были содержать одну станцию, которая ежегодно инспектировалась. Ямы служили нуждам правителя, его посланцев и чиновников. Система обеспечивала эффективные средства коммуникации и информации, как во времена чингизидов, так и в период владычества Тимура. Клавихо упоминает, что посланцы Тимура — эльчи — имели право за-

бирать свежую лошадь в своей поездке, независимо от ранга; они предпочитали загонять до смерти лошадь, чем запоздать с доставкой официального сообщения. Они были способны проходить на лошади от сотни до ста пятидесяти миль в день.

Другие яса касались грабежей и распределения добычи. Военно-феодалыные орды, будь-то на службе Чингиз-хана или эмира Тимура, теперь не удовлетворяли примитивные потребности животноводства и охоты, а скорее служили грабительским устремлениям кочевых предводителей. Добыча от грабительских экспедиций становилась регулярной частью татарского дохода. Сигналом к общему грабежу являлось водружение черного флага над лагерем Тимура. Татарским воинам запрещалось грабить до тех пор, пока им не предоставлялось на это разрешение. Это было очень строгое правило не в интересах побежденных, а в интересах ханов. Арабшах писал об умиротворенных по приказу Тимура татарских солдатах за неразрешенный грабеж в Дамаске. Мигнанели замечал, что абсолютной дисциплине, повиновались до «удивительной» степени. Простой воин, имея равные права с предводителем, тем не менее должен был передать часть своей добычи своему начальнику. Всякий раздел трофеев, включая женщин и детей, среди солдат производился соответственно утвержденному обычаю. Китайский хроникер Мен-Ун говорил, что после захвата города трофеи разделялись пропорционально между высшими и низшими рангами армии, а десятая часть выделялась сначала для великого хана. Насир аль-дин Туси утверждает, что для великого хана выделялась одна пятая часть добычи, а остальное распределялось среди армии. Всадники и пехотинцы получали свою долю в пропорции два к одному. Воды, земли и провинции становились собственностью имперской казны¹. Распределение добычи, соответственно обычаю и рангу занимало большое место в армии Тимура. Было широко известно, что сторонники Тимура были довольны в этом отношении. Одно из качеств, которое более всего вызывало восхищение степных воинов, заключалось в материальной щедрости их лидеров. Победа в грабительском набеге оценивалась в пропорции к захваченной и распределенной добыче. С самых первых дней своей карьеры Тимур обеспечил себе сторонников своей щедростью в распределении добычи. До конца своей жизни он пользовался лояльностью своих кочевых орд и привлекал союзников из враже-

ских рядов потому, что в первую очередь стремился удовлетворить их грабительские аппетиты — за счет богатства своих соседей. Доблесть на поле брани высоко оценивалась и щедро вознаграждалась.

Суровое наказание предназначалось за воровство, особенно за кражу лошадей. Конокрад, при поимке, должен был вернуть краденую лошадь и сверх того еще девять, чтобы избежать наказания; если он не мог этого сделать, он должен был отдать сыновей, а если их не было, он лишался жизни⁵. Смерть через повешение считалась более почетной среди татар, чем обезглавливание. Меньше воров наказывалось ударами прута — наказание которого можно было избежать только уплатой в девятикратном размере стоимости ворованной вещи.

Ряд яса касались военной дисциплины и доблестного поведения на поле боя, ряд других рассматривали чисто феодальные прерогативы князей. Карпини замечал, что «все приказания, будь то приказ воевать или отдать жизни, они выполняли безропотно. Так, если он требует дочь какого-нибудь человека или сестру, даже целомудреницу, он тотчас же отдает ее ему без возражения». Так говорил и Джувэйни: «Когда луноподобные девицы находятся в армии, они собираются вместе и передаются от десятков к сотням и каждый человек делает выбор для своего командующего туманом, который сам, выбирая в свою очередь, также и выбирает девиц для хана или князей».

Законы обычая Чингиз-хана являлись основой как гражданской, так и военной администрации и, на практике эмир Тимур предпочитал преимущественно придерживаться ясы, нежели законов Ислама, хотя к Шариау он испытывал благоговение. Он применял его по отношению к военным единицам, кочевникам и крестьянам, и к ремесленникам города, которые были обложены налогами и повинностями⁶. Чингизидские князья назначали даругу — губернаторов, которые несли ответственность в различных областях (за переписи жителей и управление туманом, за призыв в армию рекрутов, за почтовые станции и сбор налогов и их передачи двору). На такие посты часто назначались и мусульмане. Тимур также широко пользовался услугами государственных чиновников высшего ранга, туваджи (адъютантов), которых он назначал на важные должности. Они издавали приказы с требованием выступления войск со снаряжением. Они также были ответственны за созыв принцев на курултай, за подсчет

количества убитых во время кампании врагов и другие деликатные миссии. Тимур также учредил обычай гарантии от злоупотреблений военных предводителей — подписанные расписки о вручении своих приказов.

Когда войска выступали, от них требовали брать с собой «соответственно древним и нынешним обычаям» корма на год, лук, колчан, тридцать стрел и щит. Каждый два всадника должны были иметь занасную лошадь на двоих и каждые десять должны были иметь палатку, две лопаты, кирку, косу, шило, топор, сотню игл, веревку, две шкуры и котелок¹⁰. Карпини утверждал, что татары должны иметь по меньшей мере один щит, три колчана, полные стрел, топор и веревку для работы с водяными инструментами. Более богатые имели односторонние мечи с остро загнутыми концами, остроконечные шлемы и кольчугу. Некоторые вожди также могли носить «куюк», вельветовый жакет без рукавов, обшитый или покрытый снаружи чешуйчатыми металлическими дисками. Простой солдат мог иметь кожаный костюм, но не кольчугу или куюк. Он использовал составной лук из рога и сросшего с ним дерева, маленький и удобный, особенно при верховой езде. Щиты были маленькими и круглыми. Головки стрел разрезали на две стороны, подобно обоюдоострому мечу, они возили в своих колчанах напильники для того, чтобы подтачивать их.

При Чингиз-хане главным элементом армии были кочевники, которые состояли главным образом из всадников-стрелков. Оседлое население покоренных территорий играло вспомогательную роль и их нанимали на принудительную службу. Так сохранилось и при Тимуре, чья армия была также монгольского типа, но возможно роль некочевой части была более значительной. Оседлое население поставляло пехоту и артиллерийские соединения — солдат для подсобных и осадных работ, пуска катапульт, вбивания таранов, огненных стрел и «огнедышащих» машин. Монголы научились у китайцев использовать порох и применяли его для подкопа и подрыва, (хотя зажигательная нефть была использована арабами с седьмого столетия, но именно через Среднюю Азию, Ближний Восток и Европа познакомилась в XIII и XIV столетии с порохом¹¹). Монголы использовали огнеметы и контейнеры или гранаты, наполненные нефтью для того, чтобы сжигать оборонительные сооружения врагов. Огненные стрелы, которые делали путем прикрепления к наконечни-

ку медленно горящего пороха, поджигали любой поддающийся горению материал. Камни могли метаться взрывами пороха. Муин аль-дин Натанзи упоминает, что огневые орудия были использованы войсками Тимура в 1379 г. при осаде Ургенча, и Низам аль-дин Шахи сравнивал примитивные метательные аппараты индийцев в сражении в Дели в 1399 г. с «громоизвергательными орудиями» Тимура и сравнение было не в пользу первых. Эти машины были возможно «громоносителями» из китайских анналов, баллисты, которые могли метать камни, весящие тонну или более или зажигательные бомбы.

Инженеры, которые сопровождали армию, могли сооружать понтонные мосты из балок и тростника через реки, хотя татары могли переплывать самые широкие реки на своих лошадях. Они клали оружие, одежду и другие вещи в шкуры, которые связывались вместе и образовывали водонепроницаемый мешок. Поверх этого они бросали свои седла, сооружая плавучее судно, на котором кочевники тянулись за своими лошадьми. Один пловец обычно плыл впереди и тянул узды лошадей. При атаке на крепости и города использовались лестницы, помосты и другие сооружения. Когда назначались привалы, в ударной дистанции от врага, вокруг лагеря, выкапывались рвы, сооружались валы с оборонительными орудиями и создавались наблюдательные пункты.

Несмотря на эти дополнительные средства и поддержку пехоты, основой мощи Тимура были «отряды кочевых стрелков из лука, массированных, организованных и развернутых с таким искусством, что они оценивались как вершина военного достижения до той эпохи, когда огнестрельное оружие стало решающим»¹².

Татары были великими мастерами тактики. Их искусство наездников состязалось с их хитростью в маневре. Они не щадили усилий на разведку позиций противника и его намерений, изучая его слабости, раздробляя его силы неожиданными ударами, используя свою собственную мобильность, притворяясь и заманивая, вырывая победу у во много крат более сильного, но лишённого самообладания врага. Христианские послы находили татар «сверх всякой меры обманчивыми и коварными. Хотя в начале они говорят красиво, в заключение они жалят подобно скорпионам. Настолько хитрыми они являются и полны лжи... когда они намереваются осуществить злой умысел против человека, они великолепно держат это в секрете, так чтобы он

ни в коей мере не смог обезопасить себя... Татары воюют более хитростью, чем главными силами»¹³.

Тимур, соответственно этим стандартам, был в значительной степени татаром, замечательным организатором и руководителем в сражении. Он сам решал направление каждой кампании, взвешивая военные и политические выгоды, он никогда не упускал возможности, вытекавшей из слабости или нестабильности соседнего государства; он никогда не терял возможности занять своих чагатаев грабежом богатств соседа, не давал он также своим военным владыкам и кочевникам времени для праздности. Его кампании не имели заранее установленного порядка, хотя все приготовления учитывались во всех мелочах и были предусмотрены все случайности. Географическая протяженность операций сама по себе не имела особого значения для Тимура. Стремительно бросаться на север, а затем на юг, атаковать, а затем отступать, нагруженный трофеями — такова была агрессивная мобильная тактика, которая лучше всего удовлетворяла и его орды. Однако, как бы ни были богаты трофеи, казна и чрево орд быстро опустошались после каждого сезона.

Католический посланец записал историю, которая, как и многие другие, иллюстрировала хитрость эмира. Перед тем как он стал владыкой Мавераннахра, говорилось в ней, Тимур принял посла наследного хана, который потребовал от него или подчиниться, или показать себя в сражении. Не имея возможности принять вызов, Тимур симулировал болезнь. Перед послами он начал харкать кровью. То была кровь дикого борова, целую миску которой он незадолго до этого проглотил. Послы уехали и доложили хану, что вызывавший тревогу эмир находится при смерти или уже мертв. Хан и его двор, предавшиеся после этой новости беззаботным развлечениям со своими детьми и женами, стали легкой жертвой энергичного Тимура¹⁴.

Низам аль-дин Шами описал тактику, которая принесла Тимуру победу над монголами в начале 1360-х годов, т. е. в то время, когда последователей Тимура было еще очень мало.

Джеты отправили отряд, который имел превосходство над войсками Тимура; тогда он отправил маленькое соединение в тыл врага, приказав ему зажечь костры на всех окружающих холмах. Джеты, посчитав, что они окружены, бросились бежать. Тимур поспешил вперед к своей родной долине, Кашка-Дарье, имея не более двухсот всад-

ников. Ветки с листьями были привязаны к бокам лошадей. Пыль, поднятая ими, была так велика, что произвела впечатление огромной армии. Вновь враг бежал, и Тимур захватил Шахрисябз без борьбы.

Мигнанелли, присутствовавший при вторжении в Сирию, замечал, что посольства Тимура были на самом деле шпионскими миссиями. В синагоге в Алеппо он имел шпионов, выдававших себя за евреев и цитировавших талмуд. «Он имел людей искусных в арабском, греческом, иудейском и любом другом языке».

Враждебный Арабшах воздавал должное военной хитрости Тимура: «Он был редкостного характера и столь глубокого ума, что в море его планов невозможно было ощутить дна и нельзя было достичь вершины его управления ни ровным, ни шершавым путем. Он направил по всему своему королевству информаторов, а в другие королевства назначил шпионов; среди них были эмиры подобно Атилмышу, одному из его союзников, или ученые факиры, подобно Масауд Каха-джани, его главному министру, или торговцы, искавшие средства к осуществлению разными ремеслами, злонамеренные борцы, преступные атлеты, работники, ремесленники, предсказатели, врачи, бродячие отшельники, заклинатели, бродяги, моряки, странники, элегантные пьяницы, остроумные певцы, пожилые сводницы и ловкие старые женщины, подобно обманщице Далла, и мужчины, которые приобрели много опыта и путешествовали по всему западу и востоку.

Они приносили ему новости с самых дальних границ, описывали ему, какие вещи там были замечательными и примечательными, ставили его в известность о мерах весов, принятых там, и ценах на вещи, отмечали их посты (привалочные места) и города, наносили на карту их пути, отмечали их предводителей, эмиров, магнатов, замечательных людей, вельмож, богатых и бедных, имена, фамилии, титулы и семьи каждого из них, ремесла, которые они практиковали, и орудия, которые они использовали. Он с вниманием относился ко всему этому, а своей мудростью он прибирал все эти королевства под свою власть...»

Вместе с тем они были отважны и не боялись смерти и наряду с этим татары поддерживали свою традицию личной доблести. Тимур являл пример храбрости и железной воли,

бросаясь в самые трудные операции и руководя опасными штурмами. Его упорство и решимость часто играли столь же важную роль в обеспечении успеха, как и действенность его тактики и искусство его лучников.

Действия выдающейся доблести со стороны отдельных воинов, простых солдат, как и вождей, часто отмечались в официальных хрониках, точно также, как они появлялись в кочевых былинах. Народный герой — бахадур — совершал сверхестественную удаль или лояльность к своим сотоварищам и возводился Тимуром в ранг главы сотни или тысячи, или при случае более высокого подвига получал привилегии «тархана». Это было особо почетное звание, назначенное со времен Чингиза для тех, кто отличился в битве. Тархан был освобожден от всякого налогообложения; добыча, захваченная им в войне или на охоте, становилась его собственностью без передачи обычной части хану. Тархан притягивался к ответу за преступление лишь после того, как он совершил девятое преступление; он занимал почетное место на государственных празднествах и имел доступ к королевской аудиенции во все времена без получения обычного разрешения.

Правитель даровал хартии — ярлыки — тем, кого он желал наградить или назначить на должность. Иногда эти патенты даровали наследованные права на владения, иногда на привилегии в других областях. Многие из ярлыков даровали освобождение от уплаты имперских налогов и повинностей, при этом ему разрешали получать полностью деньги от своих вассалов. Ярлыки были обеспечены гравированными дощечками из дерева, серебра и золота. Дощечка, которой был пожалован Поло, давала его семье охранную грамоту по всем владениям великого хана с обеспечением их жилищем, если они нуждались, сменой лошадей и эскортов между ямами.

Особыми привилегиями пользовались чагатаи, кочевые соплеменники Тимура из Мавераннахра, которые были основой его военной мощи. Они составляли главный отряд его верховых стрелков: дисциплинированная орда наводила страх в сражении, извлекая выгоду из добычи войны и требуя ее, но в мирное время эта привилегированная часть была бичом населения. Им разрешалось пасти свои стада, где бы им не вздумалось, «блуждая зимой и летом без разрешения или помех». Члены племени были свободны от всех повинностей и не платили налогов, но «они служили Тимуру постоянно в его армии, сражаясь за него

и действуя как его охрана»¹⁹. Какая армия в мире, спрашивал Джувэйни, могла сравниться с монгольской армией? «Он были такими стрелками: что сбивали сокола с воздушной пустоты, а темной ночью ударом копья выкидывали рыбу с морского дна; они были такими воинами, которые в день сражения думали о брачной ночи и считали уколы пик за поцелуи прекрасной девы».

Жертвы татар всегда старались придать их внешности дьявольский вид. Эмир Хосров, поэт средневековой Индии, попал в их руки в конце XIII столетия и находился в заключении в качестве пленника: «Там было более тысячи татарских неверных и воинов других племен, восседавших на верблюдах, великих командиров битв со ста лепоподобными телами, одетых в хлопковые одежды, с лицами, подобными огню, с шапками из бараньих шкур, со стриженными головами. Их глаза были такими узкими и пронизывающими, что они могли просверлить дыру в медном сосуде... их лица были так посажены на тело, как будто не имели шей. Их щеки напоминали мягкие кожаные бутылки, полные морщин и шишек. Их носы простирались от щеки до щеки, а их рты от скулы до скулы... их усы были необыкновенной длины... они выглядели подобно многим тысячам белых демонов и люди бежали от них повсюду в испуге»²². Западные послы в XV столетии были подобного же впечатления, за исключением того, что им они казались темными демонами: «Весь этот странствующий чагатайский народ предстал перед нами лицами настолько опаленными солнцем, что за свое уродство они казались пришедшими прямо из самого ада»²³.

Хотя оседлое население Средней Азии и степные аристократы в общем приняли исламскую веру, их вассалы-кочевники частенько цеплялись за своих племенных богов. Джон де Плано Карпини, францисканский монах, считал татарские обычаи частью достойными восхваления, частью отвратительными. Арабшах, мусульманин, находил их всецело отвратительными: «Он (Тимур) имел в своей армии тюрков, которые поклонялись идолам и людей, которые поклонялись огню. Идолопоклонники возили своих идолов; предсказатели говорили в стихах и истребляли всех неугодных ужасным способом с помощью ножа. Гадатели и прорицатели изучали внутренности овец, от которых они видели свидетельства, касающиеся судьбы каждого места и что случится в каждом районе из семи стран.

Каждый год назван по ихнему по имени какого-либо животного, и таким образом они считают прошедшие годы». — Календарь монголов состоял из двенадцатилетнего цикла, каждому году присваивалось имя животного в следующей последовательности: мышь, бык, тигр, заяц, дракон (или рыба); змея, лошадь, овца, обезьяна, птица, собака, свинья. Год в этом цикле начинался с весны. Киргизская легенда говорит, что когда животные шли в процессии для того, чтобы назвали годы по их именам, верблюды, как самый важный из них, шел первым, но мышь уселась на его голове и преуспела в том, чтобы ее имя было названо первым, а верблюд был полностью исключен.

Другая легенда, однако, приписывает цикл животных охотничьей деятельности тюркского хана; чтобы бежать от него, животные сбились на реке Или и стали переплывать через нее. Порядок, в котором они переплывали, стал календарным циклом¹⁸. День от восхода до заката был разделен на части; восход, время еды, полдень и закат.

Татары немало времени уделяли охране, даже тогда, когда они имели достаточно пищи в их собственных стадах или могли обеспечить себя рейдами на соседей. Чингиз-хан очень поощрял охоту не только как средство развлечения; но с целью развития искусства стрельбы и выносливости, как тренировку для армии. Тимур с удовольствием поощрял страсть своих людей к охоте во всех случаях, когда его кампании предоставляли такую возможность. Охоты, устраиваемые для Чингиз-хана, Хубилай-хана и Тимура, были грандиозными мероприятиями с высокой организацией: «Когда хан отправляется на великую охоту, он издает, приказы, что войска, расположенные вокруг его двора и по соседству от урды, должны начать подготовку к охоте, отправляя по несколько человек от каждого отряда из десяти в соответствии с инструкциями и распределения снаряжения в виде оружия и других вещей, которые подходят для той местности, где желательно производить охоту. Правое крыло, и центр армии подтягиваются и вверяются великим эмирам, а они выступают вместе с королевскими женами и содержанками, и с запасами продовольствия и питья. В течение месяца или двух-трех они создают охотничий круг и продвигают дичь медленно и постепенно перед собой, заботясь, чтобы ничего не могло ускользнуть из круга... день и ночь они гонят дичь таким образом подобно стаду баранов. Наконец,

гда круг сужается до диаметра в два или три парасанга (обычно немногим более трех миль), они связывают концы канаты и бросают поверх него войлок, войска сплываюся вокруг круга, стоя плечом к плечу. Круг теперь наполняется криками и суматохой каждого сорта ичи и ревом и смятением каждого вида дикого зверя. Когда круг настолько сходится, что дикие звери уже не могут двигаться, первым садится на коня хан вместе с теми, которыми из его свиты; затем, после того, как они отделены от спорта, они слезают на высокое место в центре круга, чтобы наблюдать за принцами, которые также садятся в круг и после них в надлежащем порядке командиры и войска. Несколько дней проходит в этой манере, затем, когда ничего не остается от дичи, кроме нескольких раненых и утомленных, старые люди и седобородые почтительно подходят к хану, творя молитву за его благополучие и ходатайствуя за жизни оставшихся животных, прося его отправить пострадавших в некоторые места, находящиеся ближе к траве и воде»¹⁹.

Татары-вассалы сохранили вместе с их племенными богами свои древние брачные обычаи. Они были полигамными, но — как и в других примерах этого института — полигамия практиковалась настолько, насколько это позволяло богатство. «Татар имеет много жен, — писал один из авторов, — каждая из них имеет свою семью и свое собственное местожительство. Иногда татар ест, пьет и лежит с одной, а иногда с другой»²⁰. Более того, соответственно очень древним обычаям, сын брал жен покойного отца, за исключением своей собственной матери. Таким же самым образом, младшие братья брали жен своих старших братьев, которые умерли. Это применялось также при дворе Тимура: когда умер его самый старший сын, вдова, принцесса семьи Чингиза, перешла к другому сыну.

Высокопоставленные женщины носили тщательно сделанные высокие прически, которые выглядели издали подобно шлемам солдат с пиками, поднятыми вверх.

Карпини давал выразительное описание одежды кочевников: «одежда их мужчин, как и женщин, вся одного фасона... жакеты скроены странным образом из клененого холста, ткани алого цвета или парчи. Их халаты ворсисты снаружи и открыты сзади, с полами, свисающими до их бедер. Они не стирают одежды... «воины Тимура носили косички в монгольском стиле. Когда один из его внуков перешел к врагу в Дамаске, они отрезали ему его

косички и сменили его одежду». Полагают, что Тимур должно быть разработал специальный головной убор, вочную шапку для солдат, чтобы сделать их легко различимыми²⁴.

Бабур, потомок Тимура, в начале XVI столетия описал одежду монгольских принцев, которая сохранилась в значительной степени неизменной: шапка, украшенная золотой нитью, длинные робы из китайского шелка, красивые расшиты и их снаряжение из колчан, сабли, булавы, дротиков, и боевых топоров. «Все их женщины сидят на лошади подобно мужчинам и они обвязывают халаты у талии голубым шелковым платком²⁵». Женщины, как и мужчины носят широкие шаровары.

Видимыми символами власти и уважения были подарки, представляемые по важным случаям. Особенно почиталось число девять и предоставление подарков в количестве 9 предметов считалось высшей степенью уважения. Одежды почета, сделанные из дорогой золотой парчи, дарились как признание ранга и отличия. Наоборот, отсутствие подарков к старшему считалось оскорблением и признаком злого умысла или незначимости посетителя. Христианские монахи, которые путешествовали в бедном облачении, имели трудности в пробуждении уважения к себе или к своим владыкам — христианскому папе и Святому Людвигу французскому. Монах Джон видел в лагере хана на холме 500 телег подарков, полные золота и серебра и серебряной одежды. Они были разделены среди императора и его приближенных. Монах, однако, провел месяц при дворе великого Гуюка в «таком чрезвычайном голоде и жажде, что мы едва могли содержать душу в теле. Продуктов, которых нам давали на четыре дня, едва было достаточно на один день. Не могли мы и купить какого-либо продовольствия, потому что рынок был слишком далеко». В то же время, Ибн Баттута, снаряженный так, что мог давать и брать, обнаружил, что турки не унаследовали обычаев гостеприимства Ислама, которые он уже испытал, заключавшиеся в предоставлении жилища гостю и предоставлении денег для его расходов, но они «отправили ему овец и лошадей для употребления в пищу и кожаные мешки кумыса, которые являются формой их благодеяния». В своем путешествии через Среднюю Азию Баттута приобрел так много лошадей, что не осмеливался называть их число, опасаясь, что даже самые доверчивые обвинят его во лжи.

Кроме охоты, татары находили огромное удовольствие в пиршествах и выпивках, причем делали они это совершенно неумеренно. А мяса, включая целиком зажаренных лошадей, было в изобилии на пиршествах татар. Что не могли съесть на месте, слуги гостей уносили домой, отказывался как признак неуважения. Только с одного государственного банкета Клавихо мог унести к себе пищи достаточно для того, чтобы содержать свое посольство в течение полугода, сообщал он.

Считалось, что пьянство является генетическим пороком у татар. Многие правители ускорили свой конец из-за этой склонности. Джахир, персидский поэт в конце XII столетия, писал в одном из своих четверостиший (несмотря на мусульманскую веру, которая запрещала пить вино): «Лучше быть пьяным в аду, чем трезвым в раю²». «Человек, который пьет неограниченно и может поглотить больше всех вина, считается бахадуром — героем», писал Клавихо, в то время как Карпини замечал, что хотя татар был часто пьян, он не становился драчливым в своем опьянении. Женщины пили столь же свободно, как и мужчины, и Клавихо, чье воздержание вызывало удивление, отмечал, на государственных банкетах и приемах, что императрицы, жены Тимура, потребляли сами много вина и делали все, чтобы их гости были недолго трезвыми.

Привязанность Тимура к монгольским традициям очевидна из его династических амбиций. Он не претендовал на титул хана или на родственную связь с золотой семьей чингизидов. Его собственные придворные историки также не выдвигали такого рода претензий. Он продолжал поддерживать до последних лет своего правления марионеточного хана чагатайских линий, — после Кабулшаха в 1379 г. принца Суюргатмыша, а после смерти последнего его сына Султан Махмуда. Признанием суверенитета формально признавалось включение имени суверена в пятничные молитвы в мечети и чеканкой монет с его именем. Монета чеканилась с именем как Тимура, так и чагатайского хана до конца правления Тимура и оба имени включались в молитву в пятницу, Кутбу. Это был предел признания воздаваемого хану, а все другие почести, традиционные для суверена, воздавались только Тимуру. Со времени своей женитьбы Тимур стал носить титул «Гурага» — зять (Великого Хана). Когда спустя двадцать лет Тимур взял дочь монгольского хана Хизр-Ходжи, эта принцесса, Тукал-Ханум благодаря своей чагатайской

крови, стала второй королевой — младшей леди — Кичик Ханум. Ибн Халдун, арабский историк, упоминал, что по смерти марионеточного чагатайского хана Суюргатмыша, Тимур женился на вдове хана.

Самый старший сын Тимура, Джахангир, был женат на принцессе по линии Джучи, энергичной Хан-заде, связь с которой Тимур ценил очень высоко. Благодаря ей Джахангир также стал титуловаться Гураганом. Их сын должен был стать наследником Завоевателя.

Немного известно о женах Тимура, трудно даже сказать сколько их было. Клавихо видел восемь цариц в 1404 г., включая старшую и младшую даму и Чолпан-Мульк-ага, которая своей красотой была подобно — «луне, когда она полная, и солнцу, перед закатом», и которая сопровождала Тимура во всех его кампаниях в девятидесятых годах. Арабшах с его обычной враждебностью, писал, что эта царица была убита, потому что подозревали, что она была околдована. Восьмая королева, как писал Клавихо, была только-только взята Тимуром (ему было тогда около семидесяти лет). Многие имена жен и наложниц упоминаются время от времени в хрониках, и некоторые умирали на много лет раньше Тимура. Сады и дворцы были заложены эмиром в Самарканде и других частях его владений ради удовольствия его жен. Райский сад был заложен для Туман-ага, двенадцатилетней дочери чагатайского вельможи, на которой Тимур женился в 1378 г. Она также добилась влиятельного положения в доме Тимура. Она родила полководцу дочку. В предместьях Самарканда был также заложен сад с дворцом в честь Тукал-ханум, второй королевы. Он был назван — Дилкуша — Покой сердца.

Воспитание детей и внуков было делом государства. Если рождался сын, его забирали у матери и передавали под опеку какой-либо другой царице. В раннем возрасте к ребенку приставляли попечителя — атабека — который должен был обеспечить соответствующее воспитание будущему монарху. Так как не существовало твердо установленного порядка наследства и империя рассматривалась как наследство для всего королевского рода, не было различия и в воспитании принцев.

В 1360 г., когда Тимур был все еще предводителем кочевой орды, он уже имел двух сыновей. Джахангиру было тогда четыре года. Хандамир упоминает имя матери — Нармиш-ага — но ничего более. Другой сын, Амар

шейх, был, согласно заявлению Шараф-аль-дин Али, на два года старше Джахангира, но большинство свидетелей считают Джахангира старшим. Третий сын, Мираншах, родился в 1377. Первые два сына умерли задолго до смерти их отца. Третий, Мираншах, проявил признаки умственного расстройства и был лишен отцом прав на наследство трона. Четвертый, Шахрух, сын наложницы, не получил от отца независимой власти и признания соответственного своим братьям. Шахрух был благочестивым мусульманином, горячо преданным Шариату, мусульманскому закону, и возможно не проявлял особого пыла по отношению к военной удали и монгольским традициям, которые предпочитал его отец. Во всяком случае, его мать, судя по всему была не монголкой, а иранкой, и Шахрух по внешности определенно был таджиком как показывает реконструкция его скел. сделанная Герасимовым. Тимур также имел дочку, Бахтбегим, от одной из его первых жен.

Полководец никогда не проявлял особого вкуса к оседлой жизни. Он останавливался на несколько дней или недель во дворце, который он сооружал или захватывал, а затем переезжал обратно в лагерь.

Тимур держал свой двор, принимал послов, вел государственные дела не в городах и дворцах, а в шатрах своего лагеря. Там где он находился, там и был центр его государства. Гонцы со всех частей его владений, и послы, а также владельцы далеких стран должны были гнаться за ним и догонять его там, где он разбивал свой лагерь. Некоторые из самых эффектных Дворов Хромого эмира были в долине Кани-Гиль, за Самаркандом, на пастбищах у Кабула и на альпийских лугах Карабага (Зеленый сад), любимых зимних квартирах Тимура на восточном Кавказе.

Правила его двора регулировались с чрезвычайной строгостью. Вольности и излишества позволялись императорским декретом только по случаю празднования побед, но не иначе.

При сопровождающим Тимура дворе были также юристы и чиновники, которые наблюдали за исполнением закона при царском дворе, орде и покоренных областях. Там были судьи по различным видам нарушений закона — уголовному и административному. Арабшах говорит, что Тимур сам отправлял правосудие в Фарсе (Персия), «одетый в красную рубаху», когда он приговорил к смерти принцев Музаффараидов. При разработке декретов и решений одобренных Тимуром, при

их размножении, наложении печати и регистрации, принимали участие все юристы и чиновники²⁴.

Тимур использовал в качестве своего знака на монетах и печатях три круга, сплетенных в форме треугольника с вершиной обращенной вниз. Это думал Клавихо, означало, что Тимур был Хозяином всех трех частей мира. Другие считают, что треугольник из малых кругов представляют Сахиб Кирана, Властителя Счастливых Созвездий, трех планет. Этот символ появлялся со словами «Расти-Руст», означавшее «В правде безопасность»,³⁰ и которые окружали треугольник. Тимуридские монеты в Британском музее носят этот девиз; это же видно и на письмах Тимура королю Франции, Карлу VI Валуа, написанных на персидском языке. Девиз этот видел и Клавихо во дворце Тимура, построенном на родине Тимура в Шахризязе.

Основой военного могущества Тимура были татарские воины и его военная и гражданская администрация по чингизидским обычаям; основой же его политической силы, в Мавераннахре было, однако, сочетание интересов этих кочевых орд, искавших простор для своих устремлений и феодальных магнатов Мавераннахра. Необходимость сильной центральной власти для развития городской и сельской жизни, защиты торговых путей для оседлого мусульманского населения стала очевидной. Централизация власти при поддержке населения и татарских вельмож, которые приняли исламскую веру, обеспечила Тимуру неограниченную власть в Мавераннахре. Собственный род Тимура обеспечил его ценными связями с городским населением и духовенством. Происходя от татарских воинов которые пришли с чагатаями, они были предводителями кочевников Кашка-Дарьи и имели тесные связи с феодальной верхушкой городов и торговых областей. Отец Тимура имел репутацию набожного мусульманина и по слухам был другом ученых дервишей. Хроникеры писали и о благочестивости молодого Тимура и его уважении по отношению к шейхам Ислама.

На покоренных территориях духовные лидеры брались под защиту и доставлялись к Тимуру, который любил дискутировать с учеными Ислама — философами, руководителями сект, историками, астрономами, математиками. Их поощряли говорить совершенно свободно с ним, если они производили на него впечатление, то их приглашали к нему на службу при его дворе или Самарканде, или же

позволяли остаться в их собственной стране. Было правилом предоставлять протекцию ученым и богословам во время походов. Многие из них, такие как Низам-аль-дин Шами, который позже написал историю побед Тимура, и Ибн Халдун, арабский историк, воспользовались этой протекцией. О преданности Тимура формам мусульманской веры много писалось, как при его жизни так, и после смерти его.

Среди других святы^х обязанностей, которые соблюдал Тимур была раздача милостыни — Тимур часто праздновал свои победы щедрыми благотворительными пожертвованиями. Предписание корана о запрете азартных игр, потреблении вина и свинины исполнялось неукоснительно. Тимур тем не менее чувствовал возможным в периоды общественного веселья, снять подобные табу, особенно, касающегося вина; его победные празднества не отличались в этом отношении от его монгольских предшественников. На дворце, воздвигнутом для него в Шахрисябзе были надписаны слова «Султан является тенью Аллаха на Земле».

Из придворных секретарей Тимура, некоторые знали в совершенстве персидский, который рассматривался как литературный язык в Мавераннахре, хотя большинство людей, как отмечал Клавихо, говорили на чагатайском, тюркском языке. Были однако и уйгурские писцы, которые писали на чагатайском, тюркском, используя уйгурский алфавит. «Этими буквами они пишут свои депеши, приказы, открытые письма, послания, каталоги, измерения, анналы, поэмы, истории, доклады, публичные акты, цены на зерно, устанавливаемые гражданскими властями и все то, что касается их гражданских законов и даже законов Чингиз-хана». Тимур использовал специальных секретарей, чтобы описывать события в своих походах, приказывая им писать не с поэтическими выражениями, принятыми персидскими и арабскими писателями, а неприкрашенным и прямым стилем. На этом основывались и последующие придворные истории Тимура, одна из которых, написанная Низам аль-дином, Зафар-наме — Книга побед — была подготовлена Тимуром при его жизни. Сохранился также один из первоначальных персидских дневников, дневник индийского похода, написанный Гияс аль-дином Али, но не сохранилось ни одного на тюркском языке.

Тимур высоко ценил искусство. Он имел собственное

собрание художественных работ. Музыканты, ораторы, скульпторы, садовники, художники и ремесленники всех сортов были собраны при дворе Тимура со всех государств, которые он покорял.

Среди товаров, которым Тимур отдавал особое предпочтение, были очень красивые ткани, особенно малиновые, розовые, белые и зеленые, кожаные изделия, кораллы, хрустальные сосуды и кубки украшенные золотом, серебром и драгоценными камнями, красивые гобелены, шафран, чистокровные скакуны, собаки и крупные испанские мулы.

Тимур проводил много свободного времени за игрой в шахматы. Он играл на равных с выдающимися мастерами своего времени. Портреты Тимура не дошли до нас. Персидские и индийские миниатюры Полководца являются формальными изображениями, а не портретами. Фрески, нарисованные на его дворцах для того, чтобы обессмертить его походы и его самого, исчезли еще до разрушения дворцов. Некоторые описания и проверки содержания его гробницы, указывают, что Тимур был человеком с монгольскими чертами, с рыжеватой бородой, хорошо сложенным и относительно высоким — около пяти футов и семи дюймов. Он был худым и мускулистым, способным проводить по семь дней в седле, где он вероятно чувствовал меньше неудобств из-за своей хромоты.

Самое полное описание Эмира было оставлено его наихудшим врагом Ибн Арабшахом; «Тимур был высокого и прямого роста, как будто он принадлежал к остаткам Амалекитов, с крупным лбом и головой, мощным по силе и духу, замечательным по характеру, по цвету белым, смешанным с красным, но не темным, с сильными членами тела, широкими плечами, тонкими пальцами, длинными ногами, с совершенным сложением, длинной бородой, сухими руками, хромой на правую сторону, с глазами подобными свечам, без блеска, с мощным голосом, он не боялся смерти и даже когда он был близок к ней (в 69) он все еще был тверд в мыслях, сильным и крепким в организме; смелым и храбрым, подобно твердой скале.

Он был спорщиком, который одним взглядом и взором правильно схватывал дело, натренированный к малейшим признакам; он не обманывал запутанными заблуждениями и не скрывал несбывшихся ожиданий; он ясно различал истину между правдой и вымыслом и отличал искреннего советчика от притворщика своей искусной хитростью.

Когда он приказывал что-либо или подавал знак, что это должно быть сделано, он никогда не вспоминал об этом и не изменял своего намерения». И поэтому он был наречен Непобедимым Хозяином Семи стран; Сахиб Кираном, Властителем Счастливых созвездий.

Глава V

ГОСУДАРСТВО ЧАГАТАЯ

1370 (год Собаки) — 1380 (год Обезьяны)

КАМПАНИИ ПРОТИВ ХОРЕЗМА И МОГУЛИСТАНА

Привязанность Тимура к монгольской традиции и его планы относительно монгольской империи стали очевидными сразу же после его прихода к власти.

Когда курултай в Балхе возвел Тимура на трон в 1371 г., он объявил себя наследником и продолжателем империи Чагатай, империи, подаренной Чингиз-ханом его второму сыну. Эти владения, однако, уже не были едиными. Хорезм, богатый оазисный регион на северо-западе, в дельте Амударьи, уже в первые годы возникновения монгольских государств был разделен между Золотой Ордой и чагатайским улусом. Во второй половине четырнадцатого столетия они объединились при суфийской династии и добились независимости от монгольских государств, вассалами которых они прежде были.

Остальная часть владений Чагатай была разделена между западным государством Мавераннахра, местными правителями Гиндукуша и восточной частью Могулистана.

Ближайшие двадцать лет Тимур был занят в основном ликвидацией всяких признаков оппозиции внутри Мавераннахра и утверждением своей власти над всем регионом, который составлял прежде в первоначальном виде улус Чагатай. Его походы в этот период были направлены, прежде всего, на север против Хорезма и на восток против Могулистана.

Могулистан был восточной частью Чагатайского улуса и простирался от Сыр-Дарьи до бассейна Тарима и Иртыша. Он состоял из двух основных частей: северного Тянь-Шаня с двумя великими озерами Иссык-кулем и Балха-

шем, известной как страны Семи рек текущих в Балхаш; и южного Тянь-Шаня, включавшего Таримский бассейн. Через эти части проходили к северу и югу от гор три маршрута грузовых дорог в Китай с такими важными пунктами как Бешбалык и Алмалык по северному маршруту, Кашгар и Аксу по южному и Яркенд и Хотан по дороге, проходившей к югу от Тарима.

Кочевники не смогли приспособиться к городской жизни; между крупными монгольскими лидерами последовали конфликты, которые привели к разрушению городской структуры в восточных провинциях. С 1306 по 1370 гг. на чагатайском троне побывало двадцать ханов и каждый из них по своему старался опустошить города. В результате города, которые процветали при каракитаях, превратились в четырнадцатом столетии в обычные лагеря, сохранив лишь названия. Обработка земли была заброшена вследствие отвращения монгол к оседлой жизни. Один путешественник, слова которого приводит аль-Умари говорил: «Издавна видишь хорошо построенное поселение, с прекрасным зеленым окружением. Но при ближайшем рассмотрении находишь лишь опустевшие дома. Население состоит лишь из кочевников, пастухов и погонщиков, которые землю не обрабатывают и ничего не сеют. Только степная зелень господствует среди покинутых домов». Главные пункты на торговом пути сохранились, хотя караваны подвергались налетам кочевников.

Ильяс-ходжа, хан Могулистана, потерпел в Мавераннахре поражение от сарбадаров (1365 г.) и вскоре после отступления был убит. Его соперник Камаретдин захватил власть и предосторожности ради истребил всех известных родственников прежнего хана. Тимур воспользовался этими неурядицами и отправил несколько отрядов в страну джетов, которая привлекала непокорные элементы из Мавераннахра — бывших союзников Хусейна и джалаириров, которые были традиционными историческими врагами барласов. Эти походы носили грабительский и профилактический характер. Хотя поселения были поглощены степью, где господствовали кочевые вожди, их земли могли предоставить плодородные пастбища, особенно вокруг Юлдуза в Тянь-Шане (к северу от Таримского бассейна), где находились их главные летние угодья. Предупредительные походы против джетов обеспечило пастбища и грабеж, которые были самыми подходящими и привычными занятиями чагатайских воинов Тимура. Он направ-

лял их, однако, не через роскошные оазисы своей восточной провинции Ферганы, а по более северной дороге от Сырдарьи к Семиречью.

Первый поход в 1370 г. заставил джеттов бежать отдав в руки воинов Тимура крупные трофеи. Затем серия походов между 1375 и 1390 гг., чередовавшиеся кампаниями в других направлениях, привели их в состояние подчинения, которое однако, прерывалось легкими всплесками волнений.

Легенда этого времени настойчиво говорит о каменной насыпи, которая возвышается над проходом Сан-Таш высоко в горах Тянь-Шаня к востоку от Иссык-Куля. В одном из походов на Могулистан воины Тимура преследовали джеттов в этом проходе и по его приказу, каждый из них взял по камню и положил в общую кучу. После разгрома джеттов отряд Тимура вернулся по этому же проходу, и каждый воин взял по камню и вернулся в Самарканд. Но осталась огромная каменная насыпь, которая по сей день свидетельствует как велики были жертвы каждой победы Сахиб Кирана.

Зимой 1374 г. Тимур начал новый поход против джеттов. Это была исключительно холодная зима, и солдаты вынуждены были бросать лошадей, чтобы спасти себя. Тимур вернулся в Самарканд, чтобы пережить пока не ослабнет мороз. Он выступил вновь. К этому времени Камаретдин собрав свои силы сам выступил в поход на Мавераннахр, но Тимур перехватил инициативу и повел свои войска к ущелью у реки Или, куда отошли могулы. Камаретдин был разгромлен и бежал, преследуемый сыном Тимура Джахангиром в горный лесной массив. Могульские отряды были захвачены и разбиты, но Камаретдин сумел спастись. Отряды Тимура провели два месяца на лугах Тянь-Шаня, празднуя свою победу, страна была разграблена, в руки победителей попала богатая добыча, состоявшая из ковров, лошадей, оружия и женщин. Среди пленников были жена могульского хана и его дочь — Дильшад-ага. Тимур женился на дочери и отпраздновал свадьбу по обычаям своих предков с пышными торжествами в монгольском духе. На свадьбе не было ни музыки, ни вина.

По возвращении в Мавераннахр Тимур подавил восстание джалаириров, которые в его отсутствии осадили Самарканд. Он завершил разрушение этого племени, рассеяв их остатки среди других народов, туманов и регионов; их

земли были разделены между другими преданными предводителями.

В следующем 1376 г. Камаретдин получил возможность вторгнуться в Фергану. Но Тимур быстро появился в долине, и джеты бежали. Они создали засаду, которая почти достигла успеха, и Тимур стоял на пороге поражения. В конечном счете ему удалось повернуть ход сражения в свою пользу, и Камаретдин, раненый, спасся бегством. Тимур предпринял еще два похода на Могулистан.

Эти походы нанесли серьезное поражение Камаретдину, хотя ему и удалось избежать плена. Когда шесть лет спустя (1383 г.) Тимур вновь нанес ему поражение, его мощь была на закате, а его положение как правителя серьезно подорвано. В 1389 г. на трон был возведен его соперник Хизр-ходжа и провозглашен ханом Могулистана. Хизр-ходжа провозгласил себя наследником Чагатая. Было объявлено, что он был сыном Туглук-Тимура, бывшего могульского хана и двоюродным братом Ильяс-ходжи, который потерпел поражение от сарбадаров в Самарканде. В детском возрасте он сумел спастись от общей резни царской семьи, устроенной Камаретдином, и по достижении зрелого возраста сумел создать свои собственные вооруженные силы.

Тимур в это время готовился к решающей кампании против своего опасного и ненавистного северного соседа — правителя империи Джучи, известной как Золотая Орда. Чтобы обеспечить свой восточный фланг, он направил две экспедиции против джеттов, которые могли оказаться агрессивными при их новом хане. Первая экспедиция была направлена в 1389 г., после первой успешной стычки с Золотой Ордой у Сырдарьи. Главной проблемой в военных действиях на территории кочевников было отыскать врага. Среди подготовительных мер Тимура большое место занимала подготовка проводников для различных туманов и информации о дорогах для командующих. Экспедиция проникла далеко вглубь страны джеттов, до Аткан-Сури, где все было покрыто снегом и льдом, хотя лето было в разгаре. Отряд прошел равнину «Грива жеребца» до «Прыгающего жеребца» (тоже горная равнина), где был разгромлен один из отрядов Хизр-ходжи. Здесь армия была разделена на две части — одну возглавил его сын Умаршах; другую сам Тимур. Умаршах настиг джеттов и нанес им еще одно поражение близ долины «Пес не льет» (Итичмас); присоединился к отряду Тимура, пере-

груженный пленниками и трофеями. Пленные в цепях и добыча были отправлены в Самарканд, а армия праздновала победу и отдыхала в могульском лагере, на берегу горной реки Эмил. На общем военном совете было решено опустошить южные области. Войска были направлены по различным дорогам с проводниками и подробными директивами и должны были встретиться в Юлдузе. Тимур бросился в погоню за армией Хизр-ходжи и у перевала, известного как «Мышинные ворота» произошла схватка, которая кончилась незначительной победой Тимура. Хан бежал, оставив свое царство. Брошенные в погоню за ним отряды разграбили страну, захватив большое число лошадей, верблюдов, овец, а также пленников обоого пола. Добычу разделили среди воинов. Армия соединилась в лагере у Юлдуза. Здесь вода в ручьях была так свежа, а трава столь прекрасна, что поэты воспевали их в своих произведениях, так сочны были луга, что самые тощие клячи за неделю становились упитанными и сильными. После празднеств, в которых «вина в золотых кубках преподносилась руками красивейших девушек», Тимур вернулся в Самарканд форсированным маршем, прибыв туда за три недели, хотя обычно эта дорога длиной в полторы тысячи миль занимала для караванов два месяца. Двор и войска позабавились королевской охотой в Бухаре.

Эмир Камаретдин все еще представлял крупную силу, и после бегства своего соперника Хизр-ходжи попытался вернуть себе трон в Могулистане. Это вызвало еще один поход Тимура в следующем году (1390 г.). Камаретдин бежал на север, и перейдя Иртыш, ушел в страну соболей и горностаев. Тимур отправил вслед за ним отряд из тридцати тысяч человек. Они достигли реки и половина перешла на другой берег. Оба берега реки были тщательно обысканы в поисках ускользнувшего эмира. На стволах сосен за рекой они выжгли надписи, которые говорили, что войска Тимура перешли на другой берег реки. Но поиск был бесполезным, кампания затянулась, люди устали, они питались за счет охоты, и кореньев. Поиски были прекращены, войска вернулись в Самарканд.

Весть о Камаретдине пришла уже после этого. К концу похода он заболел водянкой и не мог больше передвигаться достаточно быстро вместе с войсками. Его оттащили в глубь леса и оставили там с продовольствием на несколько дней и двумя наложницами. Остальные ушли. Они

вернулись через несколько дней, но не нашли ни следов эмира, ни его любовниц. Это случилось в 1393 г.

Что касается хана Хизр-ходжи, он заключил мир с Тимуром и был признан правителем Могулистана. Спустя несколько лет, в 1397 г. он отправил свою сестру, Тукалханум в качестве невесты для Тимура и поскольку она представляла царскую линию чагатаев, она получила статус второй царицы при царском дворе — младшей жены, Кичик Ханум. Ожидая Тукал-Ханум Тимур находился в лагере у Шаша (Ташкент), здесь он также готовился к походу на Китай. Он занимался здесь также строительством храма в Яси на берегах Сырдарьи в честь тюркского шейха Ахмада Ясави, почитаемого кочевниками в знак благодарности за его просветительскую деятельность среди них. В то же время в Самарканде планировалось строительство садов и дворца Дилкуша в честь новой жены Тимура, могульской принцессы.

* * *

Вперемежку с первыми экспедициями на восток против джеттов Могулистана были организованы военные кампании, предпринятые Тимуром против династии Суфи, правителей Хорезма, Земли Огня, на нижней Амударье, которые имели гораздо более крупные политические и военные последствия.

Когда Чингиз-хан покорил среднеазиатскую империю хорезм-шаха Мухаммада, Хорезм разделился на две части: северную с прекрасным городом Ургенч, которая была включена в улус Джучи и впоследствии ставшая частью Золотой Орды, и южную с городом Кят, ставшей частью чагатайского улуса. Монгольское господство стимулировало караванную торговлю между Китаем и Средиземным морем. Но выгоды от этой торговли доставались не Средней Азии, из-за ее внутренних неурядиц, а Золотой Орде. Многие из караванов обходили стороной Мавераннахр, проходя прямо к Волге севернее Каспия, а оттуда шли к Черному морю. Хорезм был важным отрезком на этом северном пути и, быстро оправившись от монгольского урагана, продолжал играть свою роль в качестве связующего звена в региональном и межконтинентальном торговом обмене. Ибн Баттута дал описание столицы, Ургенча, в дни, когда он попал под власть хана Золотой Орды Узбека в тридцатых годах тринадцатого столетия и управлялся

от его имени могущественным эмиром. Он был самым большим, самым великим, самым прекрасным и самым важным городом тюрков, утверждал он, сотрясавшийся под тяжестью населения, с переполненными базарами, по которым невозможно было пройти. «Однажды я застрял в толпе базара верхом и не смог проехать ни назад, ни вперед...» писал Ибн Баттута.

На столь восторженные воспоминания арабского путешественника несомненно повлиял факт, что он покидал город гораздо более богатым, чем он его застал, а возможно также и довольно прибыльный визит к эмиру Кутлуку. Эмир возлежал на шелковом ковре, его ноги были завернуты, т. к. он страдал подагрой, болезнью распространенной среди тюрков. Ибн Баттута пишет: «внесли столы с жареной дичью, журавлями, молодыми голубями (дичи было в изобилии в чашах Аму-Дарьи), хлеб поджаренный на масле, печенье и засахаренные фрукты, за которыми последовали блюда с фруктами, гранатами и великолепными дынями. По нашему возвращению в академию эмир прислал нам рис, муку, барана, масло, специи и воз дров». Путешественники из Европы отмечали Ургенч как торговый центр, где можно найти все. Город был центром мусульманской науки и теологии и все еще манил к себе художников и каллиграфистов. В начале четырнадцатого века было построено много красивых зданий.

Во второй половине четырнадцатого века смута ослабила Золотую Орду, как и чагатайский улус, и вследствие этих перемен в Хорезме было создано независимое государство под властью династии суфиев. Основоположник династии — хан Хусейн Суфи, добиваясь объединения южной части с северной, захватил укрепленный город Кят и Хиву.

Но Тимур претендовал на все наследие чагатайского улуса. Кроме того суфии являлись не только опасными политическими соперниками, они пытались лишить Мавераннахр всех выгод караванной торговли. В 1372 г. Тимур отправил к Хусейну Суфи посольство с требованием возврата южных провинций Хорезма. Видимо, посол получил желанный ответ на столь недружественное требование: то, что было завоевано мечом, говорил Суфи, может быть отнято только мечом. Тимур с готовностью принял вызов. Он быстро собрал армию, распределил вознаграждение, провел королевскую охоту, принял послов с богатыми подарками и выступил, оставив родственника — эмира Сай-

футдина — защищать Самарканд и управлять делами. Войска Тимура быстро пересекли пустыню, штурмом взяли Кят, хотя и не без сильного сопротивления. Мужчины в городе были перебиты, женщины и дети обращены в рабство, а город разграблен. Командующий армией Тимура, не проявивший должной доблести, был избит в соответствии с правилами ясы Чингиз-хана, привязан к хвосту осла и отправлен обратно в Самарканд.

Потеря Кята заставила Хусейна Суфи прийти к соглашению с Тимуром. Но один из командиров Тимура, Кай-Хосров, который убил в Балхе соперника Тимура эмира Хусейна и который был недоволен недооценкой Тимуром его заслуг, уговорил хорезмского хана продолжать борьбу, обещая ему свою помощь в решающий момент сражения. Доверчивый Суфи дал Тимуру сражение. Но судьба оказалась изменчивой, обещанной помощи он не дождался и был вынужден укрыться в городской цитадели. Он вскоре умер, удрученный досадой и угрызениями совести. Его место занял его брат Юсуф Суфи. Он сдался Тимуру и в качестве примирения предложил руку дочери Хусейна, известной по имени Ханзада — дочь хана — сыну Тимура Джахангиру. Принцесса была внучкой Узбекхана — хана Золотой Орды и следовательно наследницей семьи Чагатай, да и красота ее была известна во всем монгольском мире.

Условия были подписаны, и Тимур вернулся в Самарканд со своей армией. Кай-Хосров был арестован и предстал перед трибуналом. Его казна была распределена согласно монгольским обычаям, а сам он был убит родственниками эмира Хусейна Балха по законам кровной мести.

Юсуф Суфи нарушил соглашение. Он захватил еще раз Кят, ограбил соседние деревни и отказался отправлять принцессу, красавицу Ханзаду. Тимур вынужден был весной 1373 г. начать против него второй поход. Вид пыли его конницы был достаточен для Юсуфа, чтобы обратиться с просьбой о прощении. Он был прощен, но под гарантию свадьбы Ханзады и Джахангира. Был подготовлен достойный эскорт и прекрасная Ханзада, краса монгольских дочерей, отправилась из Хорезма с караваном полным сокровищ — коронами, золотым тронном, бриллиантами, драгоценными поясами, сундуками, набитыми драгоценностями и обитые золотом, гобеленами, роскошными кушетками, балдахинами, юртами и палатками. Как пишут

летописцы, воздух был наполнен благоуханиями, а земля усыпана цветами.

Два похода соединили южный Хорезм с государством Тимура, объединив две важные части улуса Чагатая.

В 1375 г. Тимур был занят походом против джеттов. Его сын, принц Джахангир (наделенный титулом Гураган, подобно отцу, соединенный брачными узами с чингизидской принцессой) был предварительно поставлен во главе авангарда, направленного в Могулистан, но был оставлен в Самарканде по болезни. Когда Тимур вернулся из похода, его встретили все вельможи Самарканда, одетые в черное и голубое, с головами посыпанными пеплом, бьющие себя в грудь и обливающие одежду слезами. Воздух разрывался воплями и стенаниями, оплакивающими смерть Джахангира, первого сына Тимура, которого он особенно любил. Ему было двадцать лет. У него остался сын от его жены Ханзады, названный Мухаммад-Султаном. Он выделял его из всех своих внуков, назначив его в конце концов своим наследником. Второй сын Джахангира, Пир-Мухаммад, от другой жены родился спустя сорок дней после смерти отца.

Долго Тимур был безутешен. Эмир Сайфитдин Барлас, который был учителем принца Джахангира, настолько горевал, что просил разрешения оставить свою должность и уйти в Мекку. Ханзада, согласно монгольским обычаям стала женой третьего сына Тимура — Мираншаха.

Но скоро Юсуф Суфи в 1379 г. вновь восстал. Тимур решил проучить его окончательно. Ургенч был осажден. Каждое утро воины Тимура начинали с воинственного клича и шли на стены, но вынуждены были отступать. Тогда Тимур отправил свои отряды опустошить окружающие селения, которые вынуждены были отдать своих дочерей, рабов, лошадей, верблюдов и овец. Взмешенный Юсуф решил испытать судьбу в личном поединке с Тимуром. Он кричал со стены города: «Почему мир должен рушиться и обращаться в прах из-за двух людей? Почему так много правоверных мусульман должны погибать из-за нашей ссоры? Лучше нам обоим встретиться в открытом поле и показать нашу доблесть в личном поединке!» Вызов был принят и Тимур приказал принести его легкие доспехи, взял саблю и щит и поскакал ко рву, окружавшему стены. Эмиры и вожди племен отговаривали его, утверждая что ни честь, ни разум не требовали от него подвергать себя такому риску. Старый эмир Сайфитдин Барлас, который вернулся из Мекки, схватил его лошадь за узды и пы-

тался остановить его. Он кричал: «Если император сам лезет в драку, то зачем ему все храбрые войска его армии». Тимур замахнулся на него саблей и заставил его отпустить лошадь. Тимур подъехал ко рву и прокричал, что готов встретиться с Юсуфом в личном поединке. Но его противник не появился. Тимур вызывал вновь и вновь и кричал, что лучше смерть чем нарушение слова. Но Юсуф предпочел жизнь чести. Тимур ожидал долго и затем вернулся в лагерь под громкие крики прославления его доблести.

Скоро после этого Тимур получил первые дыни сезона из Термеза. Считая неприличным не разделить фрукты с соседом, который был лишен этого удовольствия, Тимур велел положить несколько из них на золотое блюдо и отнести их к городу и передать страже для Юсуфа. Хан Юсуф не оценил подарка. Дыни были переданы страже и они тут же полетели в ров.

Ургенч был атакован огнеметами и катапультами и в один день город был практически разрушен. Юсуф должен был бежать куда-то. Но сопротивление продолжалось и осада длилась свыше трех месяцев. Юсуф подобно своему брату скончался внезапно. Гордые горожане, защищаясь до последнего, были побеждены в результате начавшегося общего штурма. Была захвачена богатая казна. Ученые и художники были отправлены прославлять Шахрисябз, родной город Тимура. Среди них был Садуддин Масуд ибн Умар ат-Тафтазани, который согласно современникам был «главным ученым человеком в мире и примером ученого среди сыновей людей». Говорят, что в шестнадцать лет он написал комментарий арабской грамматики. Сначала Тимур позволил ему вернуться в Хорасан, где он родился, однако, когда он узнал о его выдающейся репутации ученого, он был отправлен в Самарканд, где он прожил в славе великого ученого.

Спустя десять лет при Шах Сулейман Суфи по подстрекательству хана Золотой Орды Тохтамыша Хорезм вновь поднял восстание. Полный гнева в 1388 г. (год Дракона). Властитель Счастливых созвездий начал новый поход. Это было последним нашествием на Хорезм. Он захватил Ургенч, династия Суфи была искоренена, а город разрушен до основания. После десяти дней разрушения сохранилась только одна мечеть с её минаретами. Тимур приказал посеять ячмень там, где когда-то стоял прекрасный город. Народ Ургенча — ремесленники и рабочие

художники и каллиграфисты были отправлены в Самарканд, чтобы использовать их искусство для украшения этого города.

Победы над Могулистаном и Хорезмом подтвердили претензии Тимура на наследие Чагатая. Хотя никогда не удавалось восстановить единство Мавераннахра и Могулистана, среднеазиатские владения Чагатая были объединены под единой властью. Был устранен опасный конкурент в господстве над караванными дорогами. Торговля, которая потоком шла через базары Ургенча, теперь хлынула в Самарканд, сердце растущей империи Тимура. Немного позже Тимур позволил восстановить один из кварталов города, но регион больше так и не восстановил своего бывшего значения. После этой опустошительной войны Аму-Дарья прорвала канал Узбой и потекла в Каспий и река перестала впадать в Арал. «Когда война опустошала страну, люди не могли сохранять дамбы и продолжать ирригационные работы и Аму-Дарья прорывалась через Узбой». Таково было положение дел в четвертом веке н. э. (после вторжения гуннов), в тринадцатом веке (после вторжения Чингиз-хана) и в конце четырнадцатого века (после походов Тимура)⁶.

Энтони Дженкинсон, морской капитан и коммерсант королевы Елизаветы, который возможно был первым англичанином, посетившим Среднюю Азию, дважды побывал в Ургенче в пятнадцатом веке. Несмотря на разрушения он служил еще местом остановок караванов, где уплачивались таможенные сборы с каждой головы человека, верблюда и лошади. Он докладывал о земляных стенах и земляных сооружениях, «разрушенных и разброшенных в беспорядке». Он писал об «одной длинной улице, закрытой сверху, и представляющую из себя место их рынка». «Раньше, — писал он, — группы путешественников из Хорезма путешествовали без страха до Крыма, совершая путешествие туда за три месяца в полной безопасности... Но теперь через эти места от Хорезма до Крыма не встретить ни людей, ни торговцев, ничего там не движется, ничего там не отдыхает, ничего не строится, одни антилопы и верблюды».

К концу 70-х годов четырнадцатого столетия Властитель Счастливых созвездий стал господином владений Чагатая в Средней Азии.

Глава VI

КОРОНА ХУЛАГУ И ТРЕХЛЕТНЯЯ КАМПАНИЯ В ПЕРСИЮ

1380 г. (год Обезьяны) — 1388 г. (год Дракона)

Со смертью Чингиз-хана в 1227 г. монгольские завоевания в Азии не закончились.

Двадцать лет спустя, из Монголии двинулась огромная армия под командованием Хулагу, внука Чингиз-хана с целью покорения Персии. «От страха при этом сообщении в горах начинались землетрясения, а сердца королей трепетали»¹. Подготовительные работы были тщательны, как обычно. Два из каждых десяти воинов восточной и западной армий Монке, Великого хана, были присоединены к армии Хулагу вместе с войсками, прикомандированными из туманов Бату и Чагатай. Эльчи — послы — были отправлены за сезон вперед по всей Азии, чтобы подготовить все пастбища вдоль предполагаемой линии наступления. «Во всех странах от Туркестана до Хорасана и вплоть до Рума (Малая Азия) и Грузии трава была внесена в запретную категорию: «никто не должен подходить к этой траве»². Эмиры и местные правители были ответственны за обеспечение продовольствием воинов. Тысячи китайских инженеров сопровождали экспедицию, чтобы сооружать катапульты, огнеметы и машины для стрельбы огненными стрелами; они были специалистами в осадных операциях.

Тимур в следующем столетии был хорошо знаком с историей этой кампании, его положительными последствиями и последующим упадком монгольского царства, установленного Хулагу.

Хулагу выступил осенью 1253 г., не спеша пересек монгольские владения в Азии без официальных приемов и церемоний. Владения Чагатай в Средней Азии приветствовали его приход рядом празднеств и предоставили ему значительные войска. Оркина,³ регент чагатайского улуса, приветствовал шумными празднествами Хулагу, когда он достиг провинции Семиречья. Через Среднюю Азию Хулагу сопровождали министры Масуд Бек и эмиры Мавераннахра. Вместе они провели лето на горных пастбищах Мавераннахра, выступив опять, когда «нещадная жара спала». Осенью 1255 г. они расположились на

лугах Кани-Гиля, около Самарканда. Здесь Масуд Бек воздвиг «палатку из золотых и шелковых тканей, которая была покрыта белым войлоком и почти сорок дней они были в таком соседстве в постоянном пировании и добрых отношениях»⁴. Полтора столетия спустя Тимур провел подобное же празднество в Кани-Гиле, готовясь к походу в противоположном направлении, против Китая.

Следующая остановка была в Шахрисябзе, родине Тимура. В этих местах Хулагу провел еще месяц, принимая сановников и подарки из провинции Хорасан. Затем пробил барабан отправления и перехода Аму-Дарьи с ее гигантскими ящерицами и тиграми. (Тигры все еще встречаются в субтропических долинах, где сливаются Вахш и Пяндж, образуя Аму-Дарью. Здесь был создан Советский Государственный заповедник для защиты природы). Аму-Дарья была границей между тюркскими народами Мавераннахра и народом, говорящим на персидском языке. Была организована тигровая охота. Войска образовали обычный охотничий круг, но т. к. лошади боялись тигров, были оседланы бактрийские верблюды. В результате «десять диких тигров были упакованы в мешки»⁴.

Хулагу перешел Аму-Дарью в начале 1256 г. и в тот же год он нанес поражение исмаилитам, воинской секте, которая сопротивлялась каждой атаке на нее. Исмаилиты, или убийцы, были фанатичной мусульманской сектой, организованной аль-Хасаном во второй половине XI столетия. Они захватили различные укрепленные пункты, самым значительным среди которых был Аламут — «Орлиное гнездо» в горах южнее Каспия. Организация была секретной, а их метод заключался в убийстве врагов. Термин — «убийца» (асассин) происходит от арабского «хашша-шун», относившийся к тем, кто употреблял гашиш, который давался преданным членам секты для того, чтобы возбуждать экстаз. Благодаря описанию Марком Поло «Старого человека гор» Великого мастера Ордена и садов Аламута эти методы стали известными в Европе. (Ага Хан глава одного из отделов этой секты, которая сохранилась до XX столетия).

Армия Хулагу покатила по Персии, и в 1258 г. она захватила и ограбила Багдад, город в трех тысячах милях к западу от Каракорума по прямой линии. Аббасидский халифат, который уже потерял свою реальную мощь, был разрушен. Сам халиф был завернут в ковер и избит до

смерти. Говорят, что монголы не любили, в буквальном смысле, пролитие царской крови.

Было создано новое монгольское государство, в которое входили Ирак на западе, Фарс на юге и Хорасан на востоке Персии и на севере земли Медес (нынешние Армения, Азербайджан и часть Грузии). Это были области, которые достигли высокого уровня цивилизации. Багдад, однако, вместе с халифатом был в упадке с десятого столетия — пренебрежение ирригационными работами в нижнем течении Тигра и Евфрата привели к дальнейшему упадку экономики этих районов.⁵

Вопрос о том, насколько сильны были разрушительные последствия монгольского нашествия в Среднюю и Западную Азию является спорным. Барон де Бизон в первой половине прошлого столетия говорил о монголах как «обогнавших в жестокости самые варварские народы, превративших процветающие земли в пустыни», а их правительства считал «торжеством испорченности»⁶. Э. Г. Брун в двадцатом столетии также обращает внимание на «проявления ненависти и отвратительных привычек... неразборчивость в вероломстве... пропахнувшие зловонием склепы» и обычную судьбу (худшую чем смерть) женщин в руках монголов. В случае с Персией, однако, монголы вскоре стимулировали коммерческое и производительное возрождение страны.

Торговля и торговые пути уже начали переходить от южных к северным районам Персии. Самыми богатыми провинциями, завоеванными Хулагу, были районы Азербайджана. Здесь монголы нашли процветающие рынки и ремесленную промышленность, чья продукция, особенно текстили, имели огромный спрос. Между Каспием и Кавказом находились великолепные пастбища. Здесь, в Карабахе, спустя полтора столетия Тимур найдет свои самые лучшие зимние квартиры. И здесь город Тавриз стал столицей Хулагидской империи, самым прекрасным и самым крупным городом в туранских землях.⁷

При монголах южные провинции Ирана продолжали идти к упадку, но в то же время расцветали северные провинции, через которые проходила магистральная дорога из Хорасана, Мавераннахра и Китая, а также дорога из Китая через Дербендский проход, Волгу и империю Золотой Орды. Последняя дорога приобрела огромное значение с ростом потока местного и континентального движения. Связи, более оживленные чем когда-либо прежде,

были установлены между цивилизациями Ближнего и Дальнего Востока, как по суше, так и по морю. Несмотря на армию налоговщиков и служащих, которые обшаривали всю Хулагидскую империю, в Персии при монгольском правлении начался новый период экономического и культурного развития, если не в южных то уж конечно в северных провинциях. В Тавризе собиралось скопление торговцев, послов и паломников из Константинополя и Сирии, Каира и Дамаска, из Индии и Багдада.

Тавризский рынок, разделенный по секциям в зависимости от видов товаров, приносил значительные доходы в виде тарифов и пошлин: здесь были рынки по продаже мускуса и амбры, драгоценностей и шелка, тафты и хлопка, мазей и лаков, специй из Индии и ревеней из Китая.

Мустауфи в 1340 г. описал великолепные строения в Тавризе и в двух его пригородах, вместе с садами, орошаемыми водами реки и девятистами с лишним подземными каналами, построенными богатыми людьми. Фрукты в Тавризе были великолепными, в изобилии и дешевыми; народ был красивым и изящным, но гордым и хвастливым и не заслуживающим доверия как друзья. Богатые и бедные одинаково занимались своим делом, и пьяницы прогуливались «с бесстыдной наглостью». Доходы, полученные от города казначейством в 1341 г., достигли почти девяти миллионов динаров.

Трансазиатское движение расцветало, и дороги на запад были также оживленными. Монгольское господство в тринадцатом столетии дало Европе прямой доступ к торговле специями и другими восточными продуктами, торговле, которая прежде находилась главным образом в руках мусульманских государств. За ильханиями, так называли себя новые правители, ухаживали торговые князья Генуи и Венеции в надежде большего доступа к караванным центрам и их роскошным товарам. Их благосклонности добивались также католические папы, которые надеялись обратить ильханиев в христианство. С другой стороны, ильхании были заинтересованы в союзах с европейскими правителями против их общего врага — мамлюкских султанов Египта. Ильхан Аргун (1284—1291 гг.) отправил послов в христианский мир с предложением такого союза. Его посол ко двору Эдуарда I, короля Англии, был христианином уйгуром, родившимся в Пекине, который пришел в Левант пилигримом. Эдуард получил леопарда в клетке в качестве подарка от ильхана.

Как и переговоры, происходившие сотню лет спустя между Тимуром и западом, направленные против лютого врага Османских турок, закончились безрезультатно.

Экономическое и культурное развитие империи Хулагу достигло своей вершины в конце XIII столетия при правлении Газана. К глубокому разочарованию запада, он предпочел полумесяц кресту и принял мусульманскую веру, став первым ильханием, совершившим переход в мусульманство. Началась оседлая жизнь, и Газан провел финансовые реформы, включая введение единого денежного знака с надписью на трех языках: персидском, арабском и тибетском. Это была денежная единица, принятая впоследствии Кебеком в Мавераннахре¹⁰. Газан поощрял обработку земли и попытался предохранить земледельцев от разрушительных последствий злоупотреблений сборщиков налогов. С этого периода датируются многие замечательные здания, которыми был украшен Тавриз, также как и научные, литературные и исторические работы уникальной ценности.

Ильхан поручил своему визирю, Рашид-аль-дину, написать историю монголов. Она основывалась на устных и письменных источниках не доступных в настоящее время и давала сведения о монгольской политической и социальной организации. Работа была завершена и содержала общую историю мира и особенно земель Ислама¹¹.

После Газана империя Хулагу вступила в период упадка в результате внутренней и внешней борьбы. Наблюдался рост крупных земельных держаний и обострение противоречий между крестьянством и правящими классами. Кроме того, с начала правления Хулагу, разразился конфликт с северной монгольской империей, Золотой Ордой, из-за провинций Азербайджана, которые отделяли две империи. Хан Золотой Орды рассматривал эту территорию как награду за свое соучастие в завоевании Персии. Переговоры и стычки перемежались с настоящими битвами между двумя монгольскими державами. Чтобы не быть замешанными в этой борьбе между хулагидами и Золотой Ордой братья Поло в 1262 г. покинули территорию последней и отправились в Бухару в чагатайские владения. Позже Поло нашли полезным воспользоваться возможностью покинуть двор Хубилай Хана в Пекине, вызвавшись быть в эскорте монгольской принцессы, которая была отправлена невестой к Аргуну — ильхану Персии. Два с лишним года спустя в 1294 г. послы прибыли в Персию,

предпочитая морской путь сухопутному, где распространялись беспорядки. Сухопутный путь во время относительного спокойствия занимал не более 8 месяцев. Аргун тем временем умер; поэтому его невесту принял его сын Газан.

Ильханы были ослаблены также войнами против соседней Сирии, которую Хулагу так и не смог завоевать, и в которой правили мамлюки из Египта, после того как они отбили крестоносцев. А из Армении и Малой Азии независимые тюркские племена, туркмены Черных баранов и Белых баранов бросили вызов прежним вассалам ильханов, сельджукам. Устремления местных феодальных правителей и интриги во дворе, жертвой которых пал великий визирь Рашид аль-дин в свои 70 лет, еще более ослабили монгольское правление, так что в 1335 г., когда ильхан Абу-Сайид умер, не имея сыновей, монгольское господство практически пришло к концу. Персия распалась на политически слабые феодальные государства, разрываемые династическими раздорами и религиозными спорами, но остававшимися все еще достаточно богатыми, чтобы соперничать между собой и вызывать непреодолимый соблазн у соседних грабителей. Тимуридские историки считают важным подчеркнуть, что по мусульманскому летоисчислению год смерти Абу-Сайида приходится на год рождения Тимура.

Когда Тимур стал владыкой Мавераннахра, он мыслил себя лишь наследником и продолжателем среднеазиатской империи Чагатай. Но в конце 1370 годов, когда внутренние враги были разбиты, и его владения расширились к северу и востоку, честолюбивые устремления эмира вышли за пределы Средней Азии до завоевания мира. «Как в небесах может быть только один бог, так и земля может держать только одного царя», говорил летописец, добавляя, что земля была слишком мала сравнительно с амбициями эмира Тимура, который теперь обратил свои взоры на осколки хулагидской империи.

Тимур хорошо знал о тех богатствах, которые таил Хорасан. Через эту провинцию шел магистральный путь из Мавераннахра и Китая, с которым в Балхе соединялась дорога из Индии. Вдоль этих дорог были богатые рынки, особенно, в Герате где можно было найти продукты Средиземноморья и Хорасана: шелк и хлопчатые изделия — отрезы для тюрбанов, чадры, покровы, попоны, подушки; парча из шелка и платки, войлок и ковры, великолепная

бирюза из Нишапура, котлы, пояса, крупа, масло из сезама, манна, ароматические вещества, мельничные жернова и мышьяк; гранаты, виноград, фисташки, и миндаль, сталь, так восхитительно изготавливаемая в Герате, хорасанское золото и серебро, рубины и ляпис-лазурь из Мавераннахра. На этих рынках можно было купить по дешевке лошадей, мулов, овец, верблюдов и дорогих рабов.¹²

В зените своего великолепия в XII столетии в Герате было, как указывал Мустауфи, двенадцать тысяч лавок на рынках и шесть тысяч горячих ванн. Он добавлял, что кроме караван-сараев и мельниц там было 360 учебных заведений и собраний дервишей, храмов и почти 450 тысяч домов, населенных оседлым населением. Город более того был укреплен сильными стенами и крепостями, которые были неприступными.

С падения ильханов Герат стал столицей независимого царства Картов, афганской династии (бывших вассалов ильханов), правивших над землями, примыкавшими непосредственно к западной части Мавераннахра. В 1350 годах Карты испытывали грабительские набеги с востока эмира Казагана. Они принадлежали к суннитскому толку и предъявляли различные территориальные и доктринерские претензии к их соседям на западе, где было установлено царство Шиа-Сарбадаров.

Тимур готовил свой поход на хулагидскую территорию, захватывая одну за другой различные провинции, начиная с самого Хорасана и в то же время выдвигая различные политические основания. «Люди здесь воинственные и носят оружие, будучи склонны к вероломству; и они являются суннитами по вероучению»¹³.

В 1379 г. был созван курултай, на который был приглашен Гияс аль-дин Пир Али, картский князь Герата, в качестве вассала. Завоевания эмира Казагана были использованы как оправдание для того, чтобы относиться к Герату как даннику правителей Мавераннахра. Пир Али, доблестный князь, выигрывал время. Он говорил, что не будет чувствовать себя в безопасности, если прибудет без соответствующего эскорта. Эмир Сайф эт-дин Барлас был отправлен в Герат, чтобы уговорить его прибыть к Тимуру. Пир Али все еще не высказывал склонности выехать, и старый Барлас отметил, что Герат укрепляется. Он вернулся не выполнив своего поручения.¹⁴

Тимуру все стало ясно и он решил действовать. Ми-

ранилах. его сын. которому тогда было четырнадцать лет. был провозглашен правителем Хорасана. Сопровождаемый видными эмирами и вождями племен, охраняемый пятьюдесятью всадниками, мальчик, выехал в свой первый поход. Он зимовал с войсками на лугах Балха и следующей весной (1381 г.) соединился с войсками Тимура. На пути Тимур посетил гробницу юродивого дервиша Баба Сангу в Андхое. Здесь Тимур получил его благословение и объявил это счастливым предзнаменованием, которое означало одобрение Аллаха на его завоевание Хорасана, который всегда назывался душой и сердцем мира.

Несколько позднее Тимур имел длительную беседу с другим святым человеком почтенным Зайналетдин Абу Бакром из Тайабада, прославившимся своей непорочностью и аскетизмом. По-видимому этот отшельник отверг приглашение Тимура, говоря, что он не имеет ничего общего с эмиром. Если у эмира было к нему дело, тогда он должен сам явиться к нему. Тимур пришел. Спустя несколько лет эмир рассказал Хафизу-Абру, что Зайналетдин был единственным аскетом, который внушил ему благоговение. Ибн Арабшах шел дальше и рассказывал, что, когда шейх положил свои руки на спину коленопреклоненного завоевателя, Тимур почувствовал себя, так будто раздавлен между небом и землей. В последовавшей затем дискуссии Тимур, как утверждают, спросил старого человека, почему он не использует свое влияние для обуздания правителя Герата, который утверждает тиранию, насилие и пребывает в запретных удовольствиях. Шейх ответил, что он в самом деле говорил об этом, но его не слышали. «Бог ныне послал тебя против него». После того, писал Арабшах, когда Тимур вышел от старца с убеждением правоты своего дела и сказал: «я Владыка Мира по велению Владыки Каабы (Кааба является черным камнем священным для мусульман, один из главных объектов паломничества в Мекку)»¹⁵.

С такими напутствиями отряды Тимура двинулись в Хорасан. Степь была покрыта палатками, знаменами, кавалерией, пехотой, оружием и поклажей. Шум барабанов, звук карнаев — огромных семифутовых труб на рассвете, скрип телег и звон верблюжьих колокольчиков проносился по всей стране, вселяя тревогу в население Хорасана. Первым пал Фунадж, город к югу от Герата, несмотря на свои сильные укрепления и обилие продовольствия. Несчастье, однако, не миновало татар, так как

один из их предводителей и несколько из солдат упали в ров и утонули.

Гияс эт-дин Пир Али, князь Герата, и его афганские войска были готовы сопротивляться в своей неприступной крепости, но они оказались не в состоянии вдохнуть ту же решимость в жителей города. Пытаясь организовать сопротивление, Пир Али отправил глашатаев собрать народ на брустверы и валы. Но никто не откликнулся, все будто оглохли. Жители предпочитали защищать свои товары и свои прекрасные дома, свою торговлю и хорошо оборудованные базары и верили обещанию Завоевателя, что их жизни и собственность будут сохранены, если они не станут оборонять город.

В связи с этим Пир Али отправил свою сестру, своего самого старшего сына и одного из своих эмиров с выражением покорности. Тимур вернул сестру и сына, но задержал эмира с целью допросить его о состоянии страны, и кроме того он потребовал присутствия самого правителя Герата. Заглушив свою гордость, Пир Али прибыл и поцеловал императорский ковер. С ним прибыли старейшины города и улема, видные люди Герата. Казна города, включая огромное количество серебряных денег, драгоценных камней, парчи, золотых тронов были захвачены и на верблюдах доставлены Тимуру. Опасаясь последующих восстаний, Тимур приказал разрушить оборонительные стены и башни города. Нетронутой осталась лишь цитадель. За сохранение жизней, от горожан потребовали выплаты тяжелого выкупа.

Ворота Герата, великолепно украшенные, обработанные железом и покрытые надписями, были сняты и отправлены в Шахрисябз, место рождения Тимура, который он всячески украшал. Туда же также были отправлены ученые Герата, включая духовных лидеров. Пир Али был оставлен как вассальный правитель.

Несколько городов были разграблены, и Тимур вернулся зимовать на бухарские пастбища, где праздновались победы. Герат был одним из самых красивых городов Хорасана, а возможно и всех хулагидских владений, который можно было сравнить только с Тавризом или Багдадом. Он достался Тимуру легко, как осеннее яблоко. Герат должен был стать, наряду с Самаркандом, одним из главных центров силы государства Тимура и его потомков.

Радости победы были, однако, омрачены семейной утратой. Принцесса Угебики, одна из дочерей Тимура, вы-

шедшая замуж за одного из вельмож чагатайского потомства, заболела и в 1382 г. отдала свою душу ангелу Азраилу¹⁴. Она была похоронена в Шахрисябзе, где Тимур построил ей памятник. После нее остался сын, Султан-Хусейн, у которого была очень изменчивая и пестрая карьера.

Спустя два года народ Герата восстал. Вместе с ними выступили банды афганцев. Шестнадцатилетний Мираншах, сын Тимура и правитель Хорасана, зимовал со своими войсками на берегах реки Мургаб к северу от Герата. Он отправил двух эмиров с войсками к Герату, а сам последовал за ними вместе с остальной армией. Мятеж был подавлен безжалостно.

Пир Али со своей семьей был доставлен в Самарканд и брошен в тюрьму. Ему предъявили обвинение в соучастии и предложили последнюю молитву. Последний представитель династии Пир-Мухаммад был предан смерти в Самарканде Мираншахом шесть лет спустя (1389 г.), также на основании соучастия в хорасанском перевороте. Одна версия утверждает, что Мираншах весело отрубил голову Пир-Мухаммаду на пиршестве, объяснив впоследствии свою жестокость опьянением. Картская династия была ликвидирована и Герат стал одним из великих городов империи Тимура.

В год падения Герата, т. е. в 1381 г. государство Сарбадаров, возникшее к западу от Хорасана предложило свою верность Тимуру. Эти «висельники» были в конфликте с их картскими соседями не только по вопросам религиозной доктрины, но и по вопросу города Нишапура. Тимур находился в дружеском контакте с хорасанскими сарабадарами, и их правитель имам Али Муайяд по своей собственной инициативе передал всю провинцию со своей столицей Саозеваром Тимуру¹⁵. Спустя несколько лет Имам Али был убит, сражаясь за Тимура.

К северу от Хорасана на побережье Каспийского моря раскинулся город Мазандаран. Горные склоны были богаты фруктами. Ниже, однако, в лощинах собирались сточные воды, и от этого область становилась болотистой с нездоровым климатом; некоторые из трав Мазандарана были ядовиты и лошади умирали от них. Из своих крепостей горные племена атаковали хорасанские караваны.

Весной 1382 г., Тимур вновь выступил в Хорасан, чтобы подавить сопротивление мазандаранского эмира Вали и соседнего князя Килата — Али Бека. Килат был

горной крепостью близ Туса, трудно доступной и удобной для сопротивления. Тимур осадил крепость, но успеха не добился. Тогда он сделал ложное отступление, после чего Али Бек позволил выпустить стада лошадей, овец и других животных на пастбища. Тимур вернулся и блокировал все тропы и проходы, ведущие через горы в Килат. Лишившись таким образом всего скота и средств к существованию, город был обречен на гибель. В конечном счете, Али Бек был вынужден сдаться и явился к Тимуру с саблей и саваном, что соответственно татарским обычаям означало, что он готов воевать за своего хозяина до смерти. Эмир Вали и его провинции южнее Каспия были также вынуждены сдаться.

Тимур вернулся зимовать к Самарканду, отправив экспедицию в Могулистан, но затем вновь выступил на запад, где вспыхнуло восстание в Исфиджаре, южнее Герата, где «люди были суннитами и изуверами»¹⁸. Стены и крепости города были подкопаны и разрушены. Было взято две тысячи пленников, «участь которых была предрешена в назидание всем, кто осмелился бы впредь идти наперекор с ненавистью в сердце и с саблей в руке».

Отсюда татары силой в сотню тысяч сабель направились дальше к югу — в Сеистан, подавляя сопротивление стрелами и огнем. Зарандж, столица Сеистана, город защищенный от текущих песков пустыни дамбой, город с ветряными мельницами и рощами финиковых пальм, был взят после тяжелого сражения, во время которого была убита лошадь под Тимуром. В результате стены были снесены до основания и все жители погибли. «Все что было в этой стране от черепков до королевских жемчугов, от чудесных тканей до гвоздей в дверях и стенах, все было сдуто ветром грабежа»¹⁹. Зарандж превратился в безымянные руины. Тимур вновь двинулся к востоку, и шел с боями, до Кандагара, который был взят штурмом, а командующий гарнизоном был повешен.

В середине 80-х годов Тимур кроме Мавераннахра держал под своим контролем весь Хорасан, Афганистан, Сеистан и небольшую часть Мазандарана до Судтании.

После смерти хулагидского ильхана Абу-Сайида в 1335 г., монгольский предводитель джалаирского племени (не из дома Чингиза) сделался властелином западных областей империи за Хорасаном и Великой пустыней.

Джалаиры захватили Багдад и области Азербайджана (включая Тавриз и Султанию), но не сумели обеспечить свое правление над северными азербайджанскими провинциями. В 80-х годах четыре джалаирских брата поссорились. Правивший султан был убит своим братом Ахмадом, который захватил трон, только для того, чтобы усилить конфликт между братьями.

В 1384 г. стали поступать вести о приближении Тимура из Хорасана. Султан Ахмад бежал, а Султания была сдана кучке войск эмира. Таким образом, одна из столиц хулагидов, Султания, досталась Тимуру легко. Тавриз, главная награда, еще ожидал Полководца и был довольно сильным, чтобы легко даваться ему в руки. Но Тимур от Султании возвратился в Самарканд, его войска были перегружены трофеями. Соответственно обычаю над победителем были рассыпаны драгоценности и золотые монеты, были назначены празднества. Внутренние события несколько омрачили их. В 1388 г. Тимур потерял одну из своих жен — Дильшад-ага, дочь монгольского эмира Камаретдина, на которой он женился за 8 лет до этого. Его ожидала еще одна потеря — умерла его старшая сестра Кутлуг-Туркан-ага, которая предоставила ему убежище во время его скитаний, и к которой Тимур относился особо.

Много князей зарылись на богатство Тавриза. В дни ильханов эти области были источником борьбы между ними и их родственниками из Золотой Орды. Тохтамыш, который обосновался как хан Золотой Орды с помощью Тимура, также питал слабость к великолепным кавказским пограничным провинциям и Тавризу. После того как Тимур отправился из Султании в Самарканд для сезонных развлечений, Тохтамыш направил экспедицию через Дербентский проход в Азербайджан и захватил Тавриз. Правитель не смог оказать эффективного сопротивления, и город по словам негодующих биографов Тимура был подвергнут жесточайшему разграблению; орды Тохтамыша совершали чудовищные злодеяния, которые превосходили человеческое воображение. Затем, нагруженные трофеями, богатствами, накопленными городом в течение многих десятилетий, включая три сотни туманов золота и с длинными шеренгами рабов, войска Тохтамыша направились тем же путем как они и прошли западнее Каспия. Султан Ахмад вернулся в Тавриз²⁰.

ТРЕХЛЕТНЯЯ КАМПАНИЯ

1386 г. (год Тигра) — 1388 г. (год Дракона)

В 1386 г., год Тигра, Тимур выступил в свой первый из долгосрочных походов по завершению покорения хулагидских владений и обеспечению для себя прибылей с западных отрезков великих караванных дорог. Он намеревался также предупредить всякие дальнейшие нахальные набеги со стороны своего бывшего протеже Тохтамыша. Военачальникам было приказано мобилизовать войска для трехлетнего похода. Были назначены эмиры для управления Мавераннахром на время отсутствия Тимура.

Татарский двор и армия оставались в городе все лето 1386 г. и Тимур принял подчинение местных правителей. Мастера каждого ремесла и ученые каждой науки в Тавризе были отправлены в Самарканд. Сопротивление, которое вспыхнуло вновь в Мазандаране под руководством эмира Бали, было подавлено, сам эмир был схвачен и обезглавлен, его голова, согласно обычаю ясы Чингиз-хана, была принесена Тимуру и брошена к подножью его трона.

Осенью правление над Тавризом было даровано Мухаммад-Султану, многообещающему сыну Джахангира, первенцу Тимура и его любимцу, а имперский штандарт двинулся на север, чтобы обрушить неожиданную войну на неверных грузин на Кавказе. Здесь гордый и воинственный народ признавал единым богом не Аллаха, а Христа. Они оставались верными своей вере даже перед лицом сильных мусульманских соседей, и их территория часто превращалась в поле сражения между крестом и полумесяцем. Наконец, король увидел свои заблуждения или по крайней мере целесообразность отречения и принял мусульманскую веру, объявив, что нет бога кроме бога, а Магомет его пророк. Баграту вернули свободу и восстановили его прежнее положение вместе с огромным количеством подарков, которые он получил от Полководца. Грузинский король подарил Тимуру кольчугу, которая по преданию была выкована собственными руками пророка Давида. Грузия получила тем самым шестилетнюю передышку²¹.

Король Ширван, который контролировал жизненно важный Дербентский проход на западном побережье Каспия, изъявил покорность и сделал еще больше. Он представил Тимуру великолепную коллекцию подарков, по девять в каждом виде соответственно обычаю, исключая

рабов, которых было только восемь. Когда ему указали на это утешение, он склонился перед Тимуром как девятый раб. Эта храбрость доставила большое удовольствие Тимуру, который выразил ему свои симпатии, и восстановил его в его владениях.

Правители прибрежных провинций Гиляна, которые в течение столетий сохраняли свою независимость, защищенные своими горными цитаделями и лесами, также явились и выразили свою покорность.

С наступлением весны 1387 г. Тимур начинает свой поход на запад через Армению, на Малую Азию. Эти области между Месопотамией и Малой Азией находились в руках турецких племен, которые были организованы в четырнадцатом столетии в две федерации: Каракоюнлу (Туркмены Черных баранов) и их соперники Ак-Коюнлу (Туркмены Белых баранов). Предводитель Черных баранов, Кара-Мухаммад помог Султану Ахмад Джалаиру захватить власть в Тавризе, но оба поссорились и были готовы воевать из-за того, кому грабить Тавриз²². В этот момент появился Тимур. Он нашел обоснование для войны против них — от обвинений в нападениях на торговые караваны и паломников, идущих в Мекку, до прямого неподчинения вассалам. Тимур начал наступление на Эрзерум, важный пункт на караванном пути, и взял его за один день. Князь Тахартен, эмир Арзинджана, расположенный после Эрзерума по линии наступления, поспешил объявить о своей капитуляции и покорности. Затем Тимур отправил три корпуса отборных войск под командованием своего сына Мираншаха преследовать главную орду туркменов, Черных баранов, и их вождя Кара-Мухаммада. Мираншах наступал у них по пятам, и придворные хроникеры писали, что он захватил большую добычу из лошадей, верблюдов, овец, и других вещей, а также большую часть женщин и девушек в качестве рабов. Но соответственно истории племен Черных баранов первая экспедиция Мираншаха не дала результатов, а несколько других отправленных позднее понесли большой урон от Черных баранов²³. Кара-Мухаммад отступил, однако, под защиту гор и готовился к дальнейшему сопротивлению, но здесь смерть настигла его. Ему наследовал его сын Кара-Юсуф.

Тем временем Тимур начал атаку на Муш и Ахлат и продолжал завоевание Армении, захватив крепость Ван. Эта цитадель, имевшая крутые и высокие стены «ни-

когда еще не капитулировала под ударами врага». Крепость была обложена с трех сторон и начался общий штурм крепости. В два дня князь Вана капитулировал и выразил свою покорность Тимуру, но жители отказались ему подчиняться. Они укрепили дороги и продолжали сопротивление. Инженеры Тимура установили ударные тараны, и на двадцатый день войска ворвались в город.

Осада замка Авник, крепости на полпути между Эрзерумом и озером Ван, в котором засел брат Кара-Юсуфа Миср, продолжалась девять месяцев. Юного туркменского князя заставили капитулировать обманом и отправили с семьей в качестве пленника в Самарканд.

Незадолго до этой кампании Тимур получил сообщение от Шах Шуджа Музаффар, правителя богатой южной провинции Персии. Династия Музаффаридов находилась на службе Хулагидов в тринадцатом столетии, и после смерти последнего ильхана Абу-Сайида, они добились власти над Кирманом и в 1358 г. сумели вырвать Фарс с его столицей Шираз у его бывшего правителя. В конце 1350-х годов музаффаридский князь Шах Шуджа захватил Исфаган и оспаривал Тавриз у Джалаириров.

Шах Шуджа Музаффар, покровитель пояса Хафиза вступил на трон в 1357 г., после того как ослепил и заключил в тюрьму своего отца. Будучи слабохарактерным правителем, он стремился установить хорошие отношения с Тимуром, рассчитывая найти в нем поддержку себе и своей династии. Он принял Тимура своим «верховным господином» и назначил его своим душеприказчиком.

Письмо, написанное Шах Шуджа на своем смертном одре, Тимуру «умному как Соломон и великому как Александр»²⁴, выражало его лояльность и преданность Полководцу и надежду на его защиту для его сыновей и братьев, наследников королевства. Шираз, столица Фарса, был завещан сыну Шуджа Вайн аль-Абидину, брат Шуджи Султан Ахмад получил Кирман, один из племянников Шах Яхья получил Язд, а другой — Шах Мансур — получил Исфаган. Обычные раздоры последовали после смерти Шуджа в 1384 г., и Тимур «захваченный печалью, сдерживался и подавлял свой гнев, но тем не менее ждал в этом деле лишь удобного момента, которым он мог бы воспользоваться».

Возможность представилась осенью 1387 г. после нападения Тимура на Армению. Зайн аль-Абидин, наследник Шуджа, был приглашен ко двору для принятия от

него изъявления покорности, но не явился. Тимур направился к югу от Хамадана к Исфагану. Исфаган был громадным и прекрасным городом, полным «замечательных людей и изобиловавший знатью». «Цены назначенные для пшеницы и другого вида зерна всегда здесь умеренны», писал Мустауфи, «а фрукты чрезвычайно дешевые на рынке. Озимые и другие летние урожаи великолепны. Фрукты чрезвычайно тонкие, особенно яблоки, айва, персики, желтые сливы и абрикосы. Арбузы очень сладки, есть много их нехорошо для здоровья. Фрукты экспортируются в Индию и Грецию. Исфаган имеет богатые пастбища, и каждое четырехное животное, которое нагуливает здесь жир, становится сильнее вдвое того, которое нагуливает оно в других местах... много лугов, несравненных... хорошие охотничьи места, все сорта дичи».

Тимур построил армию в полный боевой порядок и стал лагерем на виду города. Правитель и старейшины города сочли разумным высказать свою покорность и поспешили с ключами города. Тимур совершил триумфальный въезд и оставив правителя и гарнизон, вернулся в лагерь. Были отданы инструкции о захвате всего оружия и лошадей. Офицеры были назначены охранять ворота. Знатные люди были приглашены в диван, где был назначен выкуп, который практически равнялся всему богатству Исфагана. Город был разделен на районы, над которыми были назначены эмиры и отряды солдат, которые должны были организовать сбор выкупа. Тимур задержал старейшин города в своем лагере.

Ночью Исфаган проснулся от барабанного боя кузнеца, который поднял тревогу и сзывал население города против охраны Тимура. Более чем три тысячи солдат, принадлежавших гарнизону или же вступивших в город по своим собственным делам, были зарезаны. Затем повстанцы ринулись к городским воротам и пытались забаррикадироваться против остальной части армии Тимура. С наступлением утра «Тимур осознал это деяние. Он тотчас двинул свой лагерь и вступил в город». Город был объят страхом и после того, как войска были размещены, чтобы сохранить кварталы городских старейшин, была организована акция против остальной части населения. Каждый туман, каждая тысяча и сотня получили задание. Были назначены специальные чиновники (туваджи) для наблюдения. Некоторые горожане, которые успели скрыться днем, вышли на улицу ночью. Это было в середине ноября

(1387 г.), и улицы были покрыты снегом. Их преследовали по их следам, и они также погибли...

Назначив двух эмиров управлять городом на один год, Тимур двинулся на юг на провинцию благоуханий — Фарс, которая экспортировала в далекие страны Азии и Африки свои мази — розовое масло, жидкость из пальмового цветка, благовония из южных деревьев, шафрана, лилии, жасмина, мирта, апельсина и ивы. Шираз, великая столица Фарса, сдался немедленно, поспешив уплатить выкуп в десять миллионов серебряных динаров. Зайн-аль-Абидин, музафараидский принц, к которому Тимур «относился ласково», согласно Арабшаху, бежал как только услышал о приближении Тимура. Он бежал надеясь на покровительство и защиту к своему кузену Шах Мансуру. Но Шах Мансур будучи не менее вероломным, сам переманил войска Зайн-аль-Абидина и захватив их предводителя, посадил его в замок под арест. Для предосторожности здесь он был ослеплен. В то же время другие музафараиды, Шах Яхья из Язда и султан Ахмад Кирман, вместе со многими местными князьями поспешили выразить свою покорность Полководцу. Они были приняты с честью и получили обратно свои должности. Но они продолжали опустошать страну.

Отряды Тимура вновь двинулись на юг, прошли древнюю столицу Истахр (Персеполь) и расположились лагерем у Шираза, который кроме выкупа должен был оплатить все расходы по празднику, который устраивался в честь прибытия Полководца и его побед. Имя Тимура чествовали на Кутбе (молитве в пятницу) с парашетов мечетей и в его честь делали жертвоприношения из верблюдов.

Были назначены правители вновь завоеванных районов, покоренным князьям предоставлены владения на правах феодальных поместий и ярлыки были скреплены императорской печатью. Самые способные мастера с их инструментами и семьями, вместе с самыми замечательными писарями, включая ученого Сайида аль-Джурджани были отправлены в Самарканд. Придворные секретари сочинили письма побед, которые в самом благоприятном стиле описывали имевшие место подвиги армии Тимура; эти письма были отправлены самыми быстрыми гонцами в Самарканд, находившемуся на дистанции полутора тысячи миль. Столица и все другие владения были оповеще-

ны, что империя хулагидов до границ Ирака была покорена Тимуром.

Шираз, согласно Мустауфи, был красивым городом, но был испорчен отвратительно грязными улицами, где жители не сооружали уборных. Жители города, худые и темнокожие, были также склонны к святой нищете и никогда не было здесь недостатка в святых людях, или же жадных. Из-за отсутствия в городе правосудия, он мог быть назван, писал он, притоном разбойников.

Среди многих замечательных людей Шираза того времени никто не мог состязаться в популярности и славе с поэтом Хафизом. «Бессмертный и несравненный» Хафиз, которому покровительствовал Шах Шуджа, достиг огромной известности уже при жизни; два короля Индии приглашали его посетить их дворы. О своей собственной славе он писал:

Черноокие красавицы Кашмира и тюрчанки Самарканда
Поют и танцуют под мелодию и стихи Ширазского Хафиза.

В другом стихе Хафиз говорил:

Если эта коварная ширазская тюрчанка захватит мое сердце
Я отдам Бухару и Самарканд за одну лишь родинку на ее щеке.

Говорят, что Тимур позвал поэта к себе и сказал ему с гневом: «Ударами моей блестящей сабли я покорил большую часть населенного земного мира и разорил тысячи городов и стран для того, чтобы украсить Самарканд и Бухару, мои родные города и местопребывание моего правительства, а ты, жалкий негодяй, продал бы оба за черную родинку тюрчанки Шираза!» «Государь, — ответил Хафиз с глубоким почтением, — именно из-за своего мотовства я оказался в такой нищете». Тимуру понравился этот ответ и он подарил Хафизу дорогой подарок. Эта встреча, если она имела место, произошла за два года до смерти поэта (1389 г.)²⁰.

Когда гонцы спешили с победными новостями во все уголки империи, другой гонец скакал из Самарканда в Шираз, покрыв это расстояние в семнадцать дней. Он привез ужасную новость из Мавераннахра: коварный протеже Тимура Тохтамыш, хан Золотой Орды, нанес удар с севера. В то время как Тимур завоевывал Тавриз и Хулагидское королевство на западе, Тохтамыш переменял на-

правление своей атаки с Кавказа на восток и бросил свои орды против самого Мавераннахра. Сын Тимура Умар-Шейх, правитель Ферганы, едва избежал плена в сражении с войсками Золотой Орды, у Отрара на Сыр-Дарье. Умар-Шейх был самым старшим из сохранившихся сыновей Тимура. Он был единственным из них, кто проводил жизнь в походах и кто встретил свою смерть на поле сражения. Но то случилось несколько лет позже: стрела нанесла ему смертельную рану во время подавления восстания в Персии. Сейчас же он бежал, спасая свою жизнь в своем собственном королевстве.

Ферганская долина была одной из самых красивых в Средней Азии. Бабур, родившийся здесь, восхвалял ее хлеба и фрукты. Ее крестьяне были так толсты, писал он, что четыре человека не могли бы одолеть еды одного из них. Он писал о реке Андижан и садах, возвышавшихся над ней: тюльпанах и розах раскрывавшихся весной, и фиалках, наполнявших благоуханием сады города. Путешественники любили отдыхать на клеверных лугах. Жители сами, считал Бабур, были замечательны своей красотой.

Ныне же джеты из Могулистана с востока присоединились к мятежной атаке и топтали оазисы Ферганы.

Ургенч, столица Хорезма, также был охвачен мятежом. Орды Тохтамыша грабили страну. Бухару осадили; родину Тимура, Кашкадарьинскую долину, оккупировали, и дворец, построенный последним чагатайским ханом Казаном, в Карши, был сожжен дотла.

Глава VII

ТОХТАМЫШ И ЗОЛОТАЯ ОРДА

1387 г. (год Зайца) — 1391 г. (год Овцы)

Сахиб Кирану, Властителю Счастливых созвездий, зимой 1387—1388 гг. был брошен вызов правителем другой монгольской империи, его бывшим протеже и союзником Тохтамышем, ханом Золотой Орды.

Это было первое существенное противодействие победному маршу орд Тимура. Это был вызов, который мог оказаться смертельным для безопасности государства, которое Тимур консолидировал в Средней Азии.

Рейды на юг через Сыр-Дарью в Мавераннахр приносили огромный ущерб оседлым областям, которые начинали расцветать в условиях сильной централизованной власти, тогда как рейды на север, на Золотую Орду, могли продолжаться неделями, не нанося ощутимого удара врагу.

Кроме того противник равнялся по силам Тимуру, и его войны не уступали по боевым качествам войнам Тимура, он умело противопоставлял смекалку смекалке — будучи обученным Тимуром, а претензии его были не менее обоснованны. Он страстно стремился восстановить державу, созданную Золотой Ордой в первой половине четырнадцатого столетия, и вернуть господство над караванной торговлей и коммерческими центрами. Походы Тимура не носили первоначально какого-либо характера. Они были вызваны военной необходимостью и были оборонительными в политическом и экономическом смысле. Согласно Клавихо, конечную победу над Тохтамышем, Тимур расценивал как самую важную из своих задач. Господство Золотой Орды над Восточной Европой и Азией от Черного моря до Иртыша было во многих отношениях решающим для обоих континентов, а для Тимура она становилась главной опасностью.

Когда Чингиз-хан разделил свою империю, он пожаловал Джучи, своему старшему сыну, как наследственную вотчину, степные земли до самого дальнего запада от Монголии «до тех пор куда ступит копыто татарского коня». (Бахадур, герой монгольской эпики, скакал до тех мест, «куда заносили его копыта его коня»). Большая часть районов была еще не завоевана при жизни Чингиз-хана, хотя один монгольский корпус отправленный преследовать Мухаммад Хорезм-шаха, вторгся в юго-восточные районы Европы и районы Волги. Незадолго до своей смерти Чингиз-хан приказал Джучи завоевать кипчаков, кочевников южных русских степей. Кипчаки, называемые также «кома цнами» в Западной Европе и половцами («житель степей») русскими, были кочевниками тюркского происхождения. Они населяли районы между Нижней Волгой и Днепром, но термин стал применяться ко всем кочевникам империи Золотой Орды.

Джучи умер незадолго до смерти Великого Хана, и его сын, свирепый принц Бату (1227—1256 гг.) наследовал вместе с его владениями также и задачи, поставленные перед ней. После курултая 1235 г. в Кара-коруме Бату во

главе одного отряда прошел кипчакские степи, болгарский район Поволжья, русские княжества, Крым и Кавказ. К 1240 г. пал Киев, и дорога на Польшу, Венгрию и другие западные государства была открыта для Бату. Весной 1241 г. он пересек Карпаты и разбил венгерского короля Бела IV. Монгольские лошади паслись на венгерских равнинах летом и осенью того года. В тот год умер Великий Хан Угедей. Бату сохранил всю его империю до Черного моря. Улус Джучи (так его называли в восточных летописаниях) стал известен в русской литературе как Золотая Орда, термин по-видимому происходивший в связи с золотыми или королевскими павильонами Бату. (Карпини утверждал, что Великий Хан Гуюк был посажен на трон в лагере называемом Золотая Урда). Золото было имперским цветом.

Новая монгольская империя включала обширные пастбища, богатые зерновые области и торговые пути. Самая важная из этих дорог шла параллельно Волге к югу от болгар, где она встречалась с трансконтинентальными дорогами между Китаем и Левантом. Болгарские земли были житницей всего Приволжья, занимали обширные удобные площади вдоль Волги. Огромные караваны рабов проходили вниз по реке из северных земель, где племена захватывали в рабство своих врагов или же охотились друг за другом; боевые качества этих рабов обеспечивали им готовый рынок в Средней Азии и Среднем Востоке.

Северный Хорезм, со столицей в Ургенче, являвшийся прежде центром империи Мухаммадшаха, также попал под власть Золотой Орды. С десятого столетия Поволжье и Хорезм были связаны широкими торговыми интересами. Северные районы отправляли в Ургенч по волжской дороге замечательные меха: соболей и куниц, скунсов, лисиц, бобров, обработанные шкуры зайцев и козлов. С этими мехами, которые болгары получали из «мрачных земель», прибывали воск, стрелы, березовая кора, высокие меховые шапки, рыбий клей, рыбий зуб, янтарь, дубленые шкуры, мед, обыкновенный орех, соколы, мечи, кольчуги, кленовые стволы, овцы, скот и лошади. Караваны, состоявшие из многих тысяч лошадей, прибывали из кипчакских степей для отправления в Индию, где на них был огромный спрос.

К юго-западу, владения Золотой Орды простирались до Кавказа и Черного моря. Западные коммерсанты, лишенные своих баз в Сирии из-за египетских мамлюков, ис-

пользовали возможность создать базы вдоль побережья Черного моря, откуда венецианские и генуэзские купцы стремились получить прямой доступ к трансконтинентальной торговле. В борьбе двух средиземноморских соперников Генуя вышла победителем и утвердила свои колонии в Крыму и в устье Дона. В конце 1260-х годов генуэзские купцы получили в концессию колонию Каффа на восточном берегу Крыма, а другая торговая станция была устроена в Танае в устье реки Дон, где позже получили концессию и венецианцы¹. Тана приобрела особую важность как западная конечная станция северного караванного пути из Китая через Волгу, который должен был привлечь большую часть торгового движения по северному Шелковому пути. Орда господствовала над всеми землями и народами от Черного моря до «восхода солнца» и обеспечивала порядок и безопасность на всем протяжении торгового пути от Китая до Тана.

Батухан хорошо понимал все выгоды, которые вытекали из хорошо развитой караванной торговли и оказывал максимальную поддержку ее развитию. Китайским и мусульманским коммерсантам были предоставлены разнообразные привилегии и ярлыки. Поэтому несмотря на чрезмерные налоги и поборы в самой различной форме, ложившиеся тяжелым бременем на собственный народ, торговля процветала как при Бату, так и при его наследнике Берке (1256—1266 гг.). Именно с расчетом развития международной торговли и было избрано место для столицы новой монгольской империи. На нижней Волге, где встречались кочевья кочевых и поселения оседлых народов, на восточном берегу реки, где сама природа создала как бы обменный пункт для торговцев всего региона, ханы Золотой Орды основали столицу своей империи — Сарай (Дворец). Пленные мастера построили здесь дворцы и рынки, фундаментальные склады и роскошные жилые дома: монгольский Сарай должен был затмить китайский Пекин.

После смерти хана Берке ханы Золотой Орды деградировали, и власть практически оказалась в руках Ногай, главы одного из туманов, земли которого простирались от Урала до Волги. Почти сорок лет он доминировал в политической жизни столицы и контролировал всю деятельность слабохарактерных ханов. Он умело использовал феодальные распри и раздоры, сотрясавшие государство, искусно раздувая старые конфликты и организуя новые.

Только после его убийства ханы Орды вернули себе утраченную власть, и в период правления хана Узбека (1312—1340 гг.) Золотая Орда вновь обрела прежний блеск и достигла зенита своего могущества (сто лет спустя после Тимура часть Золотой Орды, называвшая себя узбеками по имени этого хана, завоевала Самарканд и осела в Мавераннахре: район этот ныне известен как Узбекистан).

С помощью эмира Кутлука, назначенного правителем Крыма и наместником Хорезма, Узбекхан ликвидировал всех своих наиболее опасных соперников. Он принял Ислам, но интересы торговли заставляли его быть лояльным и в отношении других религий, в частности, к христианству. Торговле вновь было предоставлено ханское благословение и поддержка, и торговые дороги вновь наполнились коммерсантами и товарами. Узбекхан специально прибыл в Каффу и здесь заключил торговое соглашение с генуэзскими купцами, по которому им было разрешено иметь в Тана торговую факторию свою собственную; а хан Золотой Орды получал три процента от годовых доходов.

Старые города — Каффа, Керчь, Судак в Крыму, Ургенч в Хорезме; Булгар на Волге вновь обрели прежнее торговое значение, а новые города — два Сарая и Крым (в Крыму) стали новыми торговыми центрами ханства. На базарах Тана шла бойкая торговля зерном, солью, вином, сыром, татарскими и русскими детьми в качестве рабов, китайскими шелками и индийскими специями. Согласно Коммерческому словарю Пегалотти путь в Китай по караванным этапам занимал девять месяцев, и еще менее через имперские почтовые станции.

Хан Узбек перевел свою столицу из старого Сарая Бату в Новый Сарай Берке на Волге, немного дальше к северу. Новая столица была разукрашена мечетями, дворцами, учебными заведениями, мастерскими, торговыми кварталами, базарами и широкими улицами. Ибн Баттута, который посетил Новый Сарай в 1340-х годах, описал его как «один из самых прекрасных городов, необъятного размера и битком набитым жителями, с прекрасными базарами и широкими улицами». Он писал: «Мы проехали верхом целый день с одним из главных людей города, намереваясь сделать круг вокруг города и определить его площадь. Мы жили в одном его конце и выступили утром, и лишь после полудня мы достигли другого конца... Он имеет тринадцать соборных и большое число других мечетей. Жители принадлежат к разным национальностям, среди них име-

ются монголы, которые являются жителями и правителями страны — большей частью мусульмане, а также осетины, которые являются мусульманами; кипчаки, черкессы, русские и греки, которые являются все христианами. Каждая группа живет в отдельных кварталах со своими собственными базарами. Торговцы и странники из Ирака, Египта, Сирии и отовсюду живут в кварталах, окруженных стеной для защиты их собственности». Раскопки, произведенные в девятнадцатом столетии, показали, что столица Новый Сарай в период своего расцвета должно быть насчитывала более чем сто тысяч жителей. Дальнейшие раскопки в 1922 г. подтвердили это предположение.² Площадь Нового Сарая охватывала цитадель, площадь дворца, дома знати, район базаров и район ремесленников вместе с предместным дворцом и двумя районами садов.

Именно в этот период коммерческого расцвета Золотой Орды Флорентино Пеголотти имел основания писать (около 1340 г.) в своем Коммерческом словаре, что «дорога от Черного моря к Китаю совершенно безопасна будь то днем, будь то ночью». Он советовал торговцам, которые хотели совершить это путешествие «отрастить бороды и не бриться. В Тане приобретите драгомана (переводчика) — достаньте хорошего... И если торговец пожелает взять с собой женщину из Таны, он может это сделать; если же он не пожелает, его никто не принудит...».

Подобно своим предшественникам, Узбек поддерживал коммерческие и дипломатические связи с мамлюками в Египте, их связь в общем была враждебной по отношению к хулагидам, которые предъявляли к Золотой Орде претензии на Азербайджан.

Сын Узбека, Джанибек (1340—1357 гг.) был последним сильным ханом Орды. Черная смерть поразила юг его владений в 1346 г., прокатившись через Крым, где по различным сведениям она унесла восемьдесят тысяч жизней. После Джанибека вновь начались внутренние конфликты. Несколько князей оспаривали трон, но ни один из них не смог обеспечить контроля над вассалами. В частности, становились сильнее русские князья, их города укреплялись, и их князья прекратили платить дань Сараю. Торговые караваны больше не были уверены в безопасности караванных путей, и коммерция и ремесло городов начали клониться к упадку.

Отдельные области со своими независимыми династиями отрывались от власти Золотой Орды. В Хорезме, где

северная область со столицей в Ургенне, стала независимой от Орды, произошло воссоединение с южной частью под властью династии Суфиев. Над юго-восточными районами, граничащими с Могулистаном и охватывающими левое крыло Золотой Орды, правил независимо потомок Джучи, хан Урус. Этот лен был известен как Ак-Орда (Белая Орда), резко отличавшимся от правого крыла, или Голубой Орды, которая была вотчиной Бату. Белая Орда имела первоначально превосходство над Кук Ордой (Голубой Ордой).

Хан Джанибек был задушен после того, как его сын Бердыбек захватил трон путем дворцового переворота. Но фактическая власть принадлежала эмиру Мамаю, зятю Бардыбека, который стал владельцем Крыма. Позже Мамай смог посадить на трон своего кандидата в качестве хана, и при посредстве этой марионетки эмир Мамай захватил контроль над Сараем. Однако, ни эмир, ни марионеточный хан не смогли восстановить единство Золотой Орды. Положение Мамаю и Орды подрывалось далее ростом силы Московии и возвышением московского князя Дмитрия, который поднял оружие против Орды и организовал первое сокрушительное поражение монгольских войск в России. Это имело место на берегах реки Дон на поле Куликовом; после ожесточенного сражения Дмитрий (известный в русских анналах как Дмитрий Донской) принудил к бегству Мамаю. Это было в 1380 г., когда Тимур укрепил свою власть над чагатайской империей и повернул свое внимание к персидским владениям хулагидов на западе.

Тимур пристально следил за развитием событий у своих северных соседей. Он не был бесстрастным наблюдателем политических и экономических противоречий, ослаблявших Золотую Орду. Между 1360 г., и годом когда Тимур пришел к власти в Мавераннахре, около 25 правителей претендовали на власть в Орде. Главное соперничество развивалось между правым и левым крылом Орды, т. е. Золотой Ордой при эмире Мамае и Белой Ордой при Урусе. Последняя, которая прежде была одной из отсталых областей улуса Джучи, сильно выросла в экономическом и политическом отношении, и хан Урус искал возможность не только утвердить себя в Сарае, но и объединить под своим правлением все главные части Орды.

Это было опасным для Тимура. Любой конфликт среди его северных соседей был выигрышем для него, а воз-

возможность их объединения — угрозой. Властитель Счастливых созвездий ждал удобного случая для вмешательства.

Впервые случай представился в 1376 г., в год Дракона. Среди верхушки Белой Орды возникли разногласия относительно похода против Мамай. Один из вельмож — принц королевской крови, который противостоял Урусу, был убит, а его сын Тохтамыш бежал в поисках убежища ко двору Тимура.

Тимур мог только радоваться, имея потенциального союзника из Белой Орды на своей службе против Уруса, который кроме опасных политических амбиций, укрывал также беглецов джалаирского мятежа. Тимур принял Тохтамыша как сына, он дал ему золотые подарки, драгоценные камни, лошадей, оружие, одежды почета, замечательные пояса, ткани и украшения, верблюдов, палатки и тенты, барабаны, знамена, рабов. Тохтамышу были пожалованы территории на границе между Мавераннахром и Белой Ордой — Отрар и Сигнак — и предоставлены войска, Тохтамыш несколько раз атаковал Урус Хана, но каждый раз безуспешно. После каждой очередной неудачи Тимур предоставлял своему протеже свежие войска, поощрял его и давал еще больше подарков.

Первое столкновение между Урусом и Тохтамышем произошло после того, как последний был утвержден в своих пограничных владениях: на него начал атаку один из сыновей Уруса. Сын был убит в сражении, но Тохтамыш был вынужден отступить. Ободренный и перевооруженный Тимуром он вернулся, но встреча с армией Уруса лишь повторила первую встречу. Тохтамыш, разбитый и отрезанный от своих войск бежал, бросившись в Сыр-Дарью и скрылся, фактически голый и раненный в одну руку в лесу на другом берегу Сыр-Дарьи. Здесь в подлеске его отыскал барласский военачальник, отправленный Тимуром на его поиски. Неудачливый протеже был привезен в Бухару, где находился лагерь Тимура. Вскоре прибыли послы из Белой Орды, требуя, чтобы Тимур отдал Тохтамыша и отправил его обратно к Урус Хану. «Тохтамыш убил моего сына и нашел убежище на твоей территории! Отдай мне моего врага! Если же нет, готовься к сражению!»³

Тимур отказался и собрав свои войска повел их сам против армии Уруса, который прибыл в Сигнак. Наступила однако зима (1376—1377 гг.) дождь обратился в снег, и все так промерзло, что две армии стояли почти три

месяца лицом к лицу не будучи способными двинуться. Затем после безрезультатного сражения, обе армии отступили. Весной следующего года, 1377 г., года Змеи, Тимур вернулся для наступления на Уруса, поставив во главе авангарда Тохтамыша. В этот момент пришло известие, что Урус закончил свои дни на этом свете. Тимур обеспечил своего протеже всем необходимым для утверждения его ханом Белой Орды, включая жеребца с собственного конного завода, «который в быстроте превосходил ветер». «Хорошенько заботься об этой лошади, — советовал ему Тимур, — когда-нибудь она пригодится тебе». Тохтамыш потерпел еще одно поражение от хана, который наследовал Урусу и вынужден был опять бежать. Быстрая лошадь, которую ему подарил Тимур, спасла его³.

Однако, новый хан Белой Орды не унаследовал способностей своего отца. До Тимура вскоре дошли известия, что хан проводил дни и ночи в кутежах, что он спал до полудня и угнетал народ. Тимур вновь снабдил Тохтамыша сильной армией.

На этот раз он добился победы и смог утвердиться ханом Белой Орды (1378 г.). В связи с таким поворотом событий Тимур надеялся должно быть, что обеспечил себе вассала и союзника в своей политике против Золотой Орды. Тохтамыш не оправдал его ожиданий. Установив свой контроль над Белой Ордой, он воспринял также политику прежнего хана и начал поход для объединения двух орд — Золотой и Белой. Он собрал свои войска в Сигнаке и выступил отсюда на северо-запад для того, чтобы померяться силами с Мамаем, эмиром Золотой Орды. Он воевал в течение нескольких лет. Воспользовавшись поражением Золотой Орды в 1380 г. на Куликовом поле, Тохтамыш атаковал Мамая с юга и разбил его. Битва произошла при Калке, около Азовского моря, в тот же год (1380 г.) Тохтамыш стал ханом объединенной Орды. Улус Джучи был объединен под сильной и, как говорили, щедрой рукой.

В то время как Тимур присоединял хулагидскую империю к своим чагатайским владениям, его протеже Тохтамыш, властитель улуса Джучи, выступил на север от своей столицы Сарая для восстановления власти Орды. Он потребовал от русских князей присягнуть на верность Орде и платить ежегодную дань, которую они платили раньше, но они, вдохновленные Куликовской битвой, отказались. Тохтамыш вторгся в русские княжества, грабя и сжигая

города. Власть татар была восстановлена, и русские государства были вынуждены платить дань, как и прежде. Тохтамыш развивал эти успехи в дальнейших походах, которые восстановили мощь Орды приблизительно до того уровня, который был в период Узбекхана. Золотая Орда возникла как опасный соперник для Властителя Счастливых созвездий.

В 1385 г. Тохтамыш, подобно своим предшественникам, выдвинул претензии на Азербайджан, входивший тогда в состав владений султана Ахмада Джалаира. (Хорасанские походы Тимура завели его до Султании, в 1385 г. он вернулся в Самарканд со своей добычей для обычных празднеств.) Нанося удар вдоль южного побережья Каспийского моря, Тохтамыш обрушился на Табриз своими кипчакскими ордами. Город, оставшийся без главы, способного возглавить его, сражался в течение недели «подобно полумертвой курице, совершающей бессознательный акт»; а затем был захвачен⁴. Грабежи и убийства продолжались десять дней, а потом Тохтамыш нагруженный добычей ушел⁵.

Восстановление мощи Золотой Орды при Тохтамыше было опасно для Тимура. Помимо того, что она угрожала его границам, Орда домогалась тех же площадей пастбищ и тех же торговых центров, которые Тимур рассматривал как заслуженную награду себе и своим воинам. Наконец, поддерживая свое господство над высокоразвитыми городскими центрами, крестьянством и степными кочевниками, объединенная Золотая Орда угрожала развитию государства в Мавераннахре, сельскохозяйственные районы которого и городское население нуждались в единстве и защите от феодальных разногласий. Своим возвышением она создавала конфликт между двумя империями, ослабляя и грозя разрушить империю Тимура.

Первое столкновение произошло весной 1387 г. К этому времени Тохтамыш уже не считал себя более обязанным по отношению к своему патрону и теперь лишь стремился убрать Тимура со своего пути. Тимур зимовал в Карабахе, когда Тохтамыш опять прорвался через Дербентский проход. В начале 1387 г. Тимур направил несколько эмиров для переговоров вместе с незначительным отрядом. На них было совершено нападение, и они потерпели бы поражение, если бы не прибытие Мираншаха во главе более крупного отряда.

Тимур, как всегда вел переговоры до тех пор, пока он

не подготовился к удару. Более того, у него были союзники среди некоторых эмиров Золотой Орды и агенты, которые информировали его. Он отправил обратно пленников, которые были взяты, дав им достаточное количество продовольствия и снаряжения для конвоя. В то же самое время он отправил послание полное укора, в тонах скорее печальных, чем раздраженных, напоминая об обязанностях долга Тохтамышу его благодетелю.

Но Тохтамыш остался глух к обращению. Воспользовавшись продолжительным отсутствием Тимура во время трехлетней кампании в Персии, хан Золотой Орды обрушился на Мавераннахр тучами своих кипчакских воинов. Он подбил Шайха Сулейман Суфи Хорезмийского на мятеж против Тимура и зимой 1387 г. начал наступление вдоль реки Сыр-Дарьи при поддержке монгольских джегов. Принц Умар-Шайх изолированный в сражении от своих войск, едва не попал в плен к Тохтамышу.

Получив эти новости в Ширазе в Персии, Тимур назначил правителей новых захваченных городов и провинций и затем последовал с волной войск своих форсированным маршем в Мавераннахр.

Известия о его возвращении было достаточно для обращения врагов в бегство; некоторые бежали по дороге в Хорезм, другие же по дороге кипчакских степей. Но в Карши тлели руины, а Бухара была осаждена.

После пятнадцати лет доходных нападений на соседние территории, такое трудно было выдержать. Горечь происшедшего усугублялась тем, что все произошло в Мавераннахре, в Мавераннахре который приучился подвергаться не атакам, а принимать караваны пленников, ремесленников-мастеров и тяжелогруженные караваны с добычей из Персии и западных провинций Тимура. Его однако было трудно спровоцировать на выступление, к которому он не был готов, он терпеливо ждал своего времени. Был создан трибунал по расследованию обстоятельств поражения принца Умар-Шайха у Отрара. Принц, его сын, был реабилитирован, после того, как представил «неоспоримые доказательства доблести». Один из его предводителей, Куч Малки, который отличился, отбросив триста врагов от Ходжента с кучкой воинов, был награжден. Он получил суверенитет над своим районом и право наследственности и стал Тарханом. С другой же стороны, военачальнику, не представившему доказательства своей храбрости, обрили бороду. (Бритье бороды рассматривалось как наказание.

особенно позорное). Его лицо покрыли красной краской, голову завили как у женщин и заставили бежать через весь Самарканд босиком.

Следующим Тимур наказал Хорезм, чтобы предотвратить повторение мятежа. Сулейман Суфи бежал и нашел убежище у Тохтамыша, а Тимур переселил всех жителей Ургенча с их имуществом в Самарканд и сравнял город с землей. На руинах был посеян ячмень⁶.

Той осенью (1388 г.), когда Тимур вернулся в Самарканд, он устроил браки своих сыновей и внуков, следуя заветам Магомета, что мужчина должен жениться и размножаться. Город, особенно Райский Сад, был покрыт богатыми коврами, были возведены высокие павильоны, где были подвешены портьеры, инкрустированные драгоценными камнями. Принц Умар-Шайх, правитель Ферганы, и принц Шахрух (ему было одиннадцать лет), его два сына вместе с его внуками, Мухаммад-Султаном и Пир-Мухаммадом, сыновьями Джахангира, женились на принцессах, о которых говорили, что они были прекрасны как гурии рая. Соответственно мусульманским легендам, гурии являются нимфами, красота и целомудрие которых никогда не увядают. После этих празднеств войска были распущены, принц Мираншах вернулся в свои хорасанские владения, принц Умар-Шайх в Андижан (в Фергану на границах владений Белой Орды), а Тимур провел зиму в Самарканде, готовя поход против хана Золотой Орды.

Тохтамыш однако не ждал. С войсками, собранными с кипчакских степей, с болгарского района Волги и с Крыма, он начал наступление в конце года. Эмиры Тимура советовали ему повременить с контрнаступлением; зима опять была суровой и не все орды были собраны. Тимур ответил, что отсрочка означает вообще потерю надежды. С войсками, набранными в Самарканде и Шахрисябзе, он бросился через снега, наступая ночными маршами. К нему присоединился Умар-Шайх с подкреплением из Ферганы. Они еще раз прогнали врага за Сыр-Дарью, захватив членов Совета Тохтамыша и большое число государственных чиновников. Зима оказалась действительно слишком суровой для дальнейших действий и кипчаков не стали преследовать за рекой.

С наступлением весны (1389 г.) войска, которых он вызвал с различных частей империи, начали прибывать и присоединяться к королевскому лагерю. Около Ходжен-

та был сооружен мост, и армия перешла реку в поисках врага. Во главе авангарда шел Кутлукоглан (один из сыновей Урус-хана и естественно враг Тохтамыша), который нашел убежище у Тимура.

Тохтамыш находился далее к северо-западу, осаждая пограничный город Сабран и грабя другие города. Приближение войск Тимура заставило его ретироваться и исчезнуть в степях, откуда он был родом. Удалось настигнуть и разбить лишь его арьергард. Однако, не такой победы жаждал Тимур. Он не мог свободно предпринимать какие-либо другие походы, пока Мавераннахр находился под угрозой атаки с севера. Не мог он также допустить оборонительную войну на своей собственной территории. Такая война означала бы разруху для оседлого населения и не доставила бы удовлетворения его собственным кочевым войнам, чье искусство и наклонности располагали скорее к атаке, чем обороне. Тимур решил атаковать врага. Однако, сделать это он думал не ранее, чем будут завершены все подготовительные работы.

Прежде всего, он обеспечил свой тыл. Известия о наступлении Тохтамыша вызвали мятежи в Хорасане. Мираншах был отправлен с войсками для подавления их. По пути он прошел через Самарканд и предал смерти последнего из картских принцев, ликвидировав причины дальнейших беспорядков в Хорасане. С другой стороны, Тимур снарядил экспедицию против джетов, которые за несколько лет до этого потерпели поражение от него, готовы были оказать всевозможную поддержку Тохтамышу. Они также создали свои собственные войска при новом князе Хизр-ходже, который был признан ханом в 1389 г. Хизр-ходжа бежал перед хорошо организованными войсками Тимура. Татары очистили горы и леса Могулистана от животных и всего, что могло быть унесено как добыча. После празднования на горных лугах Юлдуза, Тимур вернулся в Самарканд, чтобы завершить приготовления к крупному походу⁶.

Были отправлены приказы о созыве курултая в Кашка-Дарье у Шахрисябза. Были созваны все эмиры и военачальники армии, начальники туманов, тысяч, сотен и даже десятков, созваны также правители провинций и принцы крови. Торжественное пиршество, которым по традиции отмечались такие случаи, было подчеркнуто более чем обычно. Среди оглашенных приказов один требовал увеличения армии. В приказе отмечалось, что достичь этого

следует за счет усиления существующих полков. Хроникеры сообщают, что войны, которые принимали участие во многих кампаниях стали чрезвычайно богатыми благодаря добыче, которую они добыли; офицеры были заняты в основном увеличением своих богатств; росли интриги за получение протекции тех принцев, которые считались наиболее вероятными их господами. Что же касается ответственности за лошадей, вооружение и положения войск, которые находились в руках военачальников туманов и кошунов, наблюдалась сильная тенденция сократить годных к службе воинов во всех подразделениях до числа гораздо ниже номинальной силы. Увеличение реальной силы каждого корпуса накладывало на офицеров излишнюю обузу и уменьшало владения, которые отвлекали их от выполнения их прямых обязанностей.

Каждый начальник, принимая приказы, простираясь ниц перед Эмиром и каждый давал письменное обязательство обеспечить прибытие в указанное место войск, в назначенном количестве. Во главе рекрутов были поставлены туваджи из самых выдающихся эмиров — Хаджи Сайфуддин, Шамситдин Аббас и Джаханшах Якуб. Курултай был завершен бракосочетанием принца Умар-Шайха.

Осенью 1390 г. Тимур выступил во главе своей армии, пересек Сыр-Дарью с тем, чтобы зимовать в Ташкенте. Пешие были посажены на лошади, и все получили снаряжение. По пути Тимур освятил предприятие, посетив святые места и распределив десять тысяч кебекских динаров на благотворительные цели. Несмотря на эти предосторожности, однако, Завоеватель сам заболел и пролежал больше месяца. Ужас и страх эмиров и принцев состоялись со страхом народа перед новой гражданской смутой. Их молитвы были услышаны, и после сорока дней Мавераннахр получил известие, что их суверен благополучно выздоровел.

Пир-Мухаммад Джахангир, внук Тимура, и Шахрух, его сын, были назначены править империей в его отсутствии, а в сопровождении видных эмиров эти принцы были отправлены в Самарканд. Женщины королевского двора были также отправлены обратно за исключением королевы Чолпан-Мульк-ага, монгольской принцессы, и очень красивой, которая была окружена вниманием Властителя Счастливых созвездий, во время его походов.

Армия была осмотрена, войны определены и проводники прикреплены к начальникам орд. В январе 1391 г. Ти-

мур покинул Ташкент со своим двором во главе армии силой в двести тысяч человек и велел трубить поход в районы Белой Орды, Голодную степь и долину Сары-су.

Через снега и дожди имперский штандарт, двор, эмиры и полки двинулись на север. Скоро после выступления их встретили послы Тохтамыша. Послы были приняты с обычными почестями, и Тимур дал им аудиенцию. С тысячами извинений они преподнесли ему в качестве подарка девять великолепных жеребцов и королевского сокола, испрашивая прощения для их господина Тохтамыша, деяния которого были предприняты «по подстрекательству дурных людей», и за которые он сейчас стыдится и раскаивается. Если бы Тимур пробежал пером прощения список его ошибок, то Тохтамыш был готов подчиниться и служить ему⁷.

Тимур взял птицу на руку, но не проявил обычных проявлений благожелательности. Он ответил: «Когда ваш владыка Тохтамыш был ранен и бежал от врага, я принял его как сына. Я принял близко его дело и объявил войну Урус Хану в его защиту. Я пожертвовал своей кавалерией и снаряжением, которые были потеряны той страшной зимой. Однако, я продолжал поддерживать его и отдал эту страну ему в руки. Я сделал его таким сильным, что он стал ханом кипчаков и занял трон Джучи. Но когда счастье улыбнулось ему, он забыл о своих долгах мне. Он воспользовался тем, что я был занят завоеванием королевства Персии, чтобы предать меня, направив войска разрушить границы моего королевства. Я стремился не замечать, надеясь, что он будет сожалеть о своих действиях. Но он был столь опьянен своим честолюбием, что разучился отличать плохое от хорошего, он отправил еще одну армию в мою страну. Правда, как только мы выступили против него, его авангард повернул хвост, увидев пыль нашего приближения. Сейчас, когда Тохтамыш услышал о нашем приближении, он запросил прощения, не видя другого пути избежать наказания, которого он заслужил. Но он столь часто нарушал свое слово и не выполнял условий договора, что было бы разумным не доверять его словам. С божьей помощью мы выполним решение, которое мы приняли. Но если он действительно говорит правду и желает мира от всего сердца, пусть отправит к нам Али-Бека, своего министра, который мог бы вести переговоры с нашими главными министрами». Затем Тимур отпустил послов, приказав оказать им обычные почести, но в то же

время наблюдать за их действиями. Однако, как писал Низамэддин, послы были задержаны как пленники.

В начале марта, Тимур держал совет с принцами и эмирами и армия, сняв лагерь начала наступление, пройдя Ясы (Туркестан) и Сабран. Они вступили в Голодную степь, где рассчитывали найти Орды Тохтамыша. В течение трех недель они проделали тяжелый путь, пока не довели лошадей до изнеможения, многие из которых погибли из-за отсутствия воды и корма. Первая цель экспедиции не была достигнута. Контакта с врагом не было, а форсированные марши ослабили армию. Наконец, они добрались до реки, Сары-су, где лошади освежились и благодарствие было воздано Аллаху. Несколько дней заняла переправа, т. к. было половодье, но место для переправы было найдено и армия переплыла реку. В следующую ночь два дезертира бежали из лагеря, с целью присоединиться к Тохтамышу, за ними погнались вдогонку, но не нашли их. Армия продолжала марш через степи, останавливаясь там, где находились колодцы.

В апреле она достигла гор Улуг-тау. Тимур взобрался на одну из вершин, чтобы восхититься видом кипчакских степей, бесплодные просторы, которой простирались перед ним подобно океану. Он приказал своим каменщикам поднять монолитный камень «высокий как минарет», на котором была выбита дата, когда Тимур во главе армии прошел это место. Эта надпись гласила, что в 793 (1391) год Барана, Султан Турана, прошел здесь с двумястами тысячами войск против короля Болгарии Тохтамыша.

Монолит был обнаружен в 1930 году на левом берегу реки Сары-су, в Карсакпайском районе Казахстана. Он имеет три строки арабского текста и восемь строк уйгурского алфавита; последние горизонтальных, а не вертикальных линий, как это могло ожидать в уйгурском алфавите⁸.

Марш продолжался и армия добывала необходимое пропитание охотой. Было уже три месяца, как армия покинула Ташкент; они пересекли пустыню и степь, горы, но так и не нашли признаков Тохтамыша и его кипчакских орд. Продовольствие истощалось и дичи было все меньше. («Куда бы ни повернуться, — говорил Шарафитдин, — вы могли бы быть семь месяцев в пустыне, не встретив никого или даже клочка обработанной земли»). Скоро все запасы были съедены. Рынок, который сопровождал армию был пуст. Цены поднялись до уровня голод-

ных лет. Баран продавался за сотни динаров, а муки было так мало, что ее нельзя было купить за деньги.

Тимур приказал войнам охраны, эмирам тумана, начальникам тысяч сотен и десятков, запретить варку мяса.

Вся армия должна была довольствоваться жидким супом, который обычно предназначался только для рабов. Эмиры сами проявили пример, начав есть этот суп. Один мешок муки с некоторым количеством травы распределялся по шестидесяти блюдам. Рацион равнялся одной тарелке затирухи в день на солдата. Но даже этот рацион выдавался все реже. Войска прочесывали пустыню в поисках скудной добычи — яиц диких птиц, грызунов и съедобной травы.

Тогда Тимур скомандовал произвести охоту. Туваджи обнародовали приказы, что эмиры левого фланга и правого фланга должны предоставить людей для создания огромного круга. Круг сомкнулся, пригнав все живое в середину. После двух дней круг был полон и убийство, возглавляемое Тимуром началось. Олени и газели, вместе с крупными буйволами были окружены. Тимур охотился неистово, стреляя вокруг, убив большое число дичи, от зари до обеда, когда он вернулся в свой шатер. Потом солдаты ринулись на дичь. Значительное время армия жила на этом мясе.

В конце охоты Тимур произвел осмотр своим войскам. Осмотр был произведен скупулесно, как если бы он проходил на равнинах Каи-Гиль у Самарканда в полном церемониальном наряде. Тимур сам был одет соответственно правилам, которые требовал этот случай; у него была золотая корона, украшенная рубинами, горностаевая шапка и в руке он держал жезл из слоновой кости, с золотой головой быка. Каждая дивизия развернула знамена и несла свои штандарты из конского хвоста, туг. Эти штандарты, часто увенчанные полумесяцем, означали сборный пункт у татарских войск. Штандарт из лошадиного хвоста Тимура сохранился над его гробницей в Самарканде. Дивизии были тщательно осмотрены. Тимур начал с левого фланга, пройдя перед рядами, состоящими из тумана Берды-бека. Тимур отметил, что каждый солдат имел свое копьё, булаву, свой кинжал, свой кожаный щит, свой лук и колчан с тридцатью стрелами. Он видел, что их лошади были покрыты тигровыми шкурами и что каждый солдат имел саблю, прикрепленную с левого бока и палаш с правого бока, когда император приблизил-

ся, генерал соответственно обычаю слез со своего коня и указав на состояние снаряжения, боевые качества солдат, их ловкость и выносливость, затем склонив колени перед Тимуром и держа его лошадь за узду. Берды-бек поцеловал землю и произнес традиционную молитву за императора, восхваляя его мощь и клянясь в верности до смерти. Тимур похвалил дух и состояние солдат, сказав, что с такими доблестными солдатами королевство всегда будет процветать.

Тимур проследовал к другим туманам, которые осматривались таким же образом, и каждый раз эмир представлявший свои войска, должен был продемонстрировать их состояние, организованность и безупречное снаряжение. Туман Худайда Хусайни получил похвалу за свой хороший порядок и Тимур проследовал к тысячам от Сулдуз Орды, которые шли в боевом порядке. Эти были вооружены стрелами, луками, лассо, ятаганами и пиками. Предводитель получил похвалу.

Главный корпус Андижанской армии, которым командовал сын Тимура, Умар-Шайх, был проинспектирован следующим. Тимур оставался здесь долгое время, потому что корпус был очень многочисленным. Умар-Шайх преклонил колена перед императором, своим отцом, приветствовал его с его завоеваниями, которые «уже простирались от границ Китая до Каспийского моря». Тимур остался доволен армией своего сына. Он перешел к полку Султана Махмуд-хана. Султан Махмуд-хан был сыном чагатайского хана Суюргатмыша;⁶ и по смерти своего отца (1388 г.) получил титул, если не славу и авторитет хана чагатайского улуса. За Султан-Махмудом последовал туман эмира Сулейман-шаха, который совершив обычное приветствие, представил ему подарки, который принял их. Затем он осмотрел войска юного принца Мухаммад-Султана своего внука, сына Джахангира, которому в то время было пятнадцать лет. Принц стоял на колене и отвесил низкий поклон подобно другим. Дед сказал ему: «Озаренный таким факелом как ты, наш род никогда не будет испытывать недостатка в блеске и великолепии.

Следующим был полк охраны, начальники которого восторженно приветствовали его. Потом последовал первый фланг армии под командованием его сына Мираншаха... и другие корпуса армии, каждый в строю и при полном снаряжении, гордо представленные их военачальниками: туманами и хазара, хошунами и десятниками;

властители Мавераннахра и Хорасана, покрывшие маршем великую степь, за которой бесследно исчез враг.

Осмотр продолжался два дня от зари до полуночи и император нашел свою армию хорошо снаряженной и в хорошем состоянии. Парад закончился ударами огромных литавр, на звук которого ответили барабаны всех дивизий и крики татарского боевого клича «Сурун», который наполнил степные просторы. Армия снялась с лагеря и двинулась в обычном боевом порядке на Сибирь.

Они шли через безбрежные степи. Дни становились короче. Воздух становился влажным и туманным. Они приближались к «Стране мрака» (Сибири), о которой Ибн Баттута писал: «Ее можно достигнуть от Болгар в сорок дней... единственным средством добраться до нее являются сани с собачьей упряжкой, так как пустыня покрыта льдом, и ни человек, ни животное не могут ходить, не поскользываясь, тогда как собаки имеют когти, которые цепляются за лед. Путешествие совершается богатыми купцами, которые имеют по сотне саней или около этого, нагруженные продовольствием, напитками и дровами, т.к. там нет ни деревьев, ни камней, ни жителей. Проводником там является собака, которая совершает это путешествие много раз... и когда готовится пища, то собаке дают в первую очередь, раньше человека. Когда путешественники проходят сорок остановок, они попадают во мрак. Каждый из них оставляет товары, которые он привез с собой там и возвращается на свой привал, где он остановился. На следующий день они идут туда, где оставили свои товары и находят напротив них шкуры соболей, горностаев, белок. Те, кто едет туда, не знают с кем они торгуют, — с джинами или людьми, т.к. они никогда не видели никого».

Разведчики, отправленные за информацией, поскитались по безлюдным местам и вернулись без всяких сведений о джинах или людях.

Юный внук Тимура Мухаммад-Султан попросил отправить его с разведывательной группой. Эту просьбу удовлетворили и юноша выступил с группой отборных разведчиков в благоприятный момент выбранный дворцовыми астрологами. Через два дня они обнаружили следы, которые вели непосредственно к месту, где виднелся огонь в пяти или шести местах и который все еще не угас. Прияц и его эмиры отправили новости Тимуру. — «Огонь мог принадлежать нашим собственным разведчикам или

врагу». Тимур отправил специалистов-проводников разведать местность. Им было приказано принять все меры предосторожности на случай неожиданной атаки, но выяснить точно местонахождение врага. Они скакали день и ночь, пока не достигли реки Тобол, притока Иртыша, который течет в Арктику. Переправившись через реку, разведчики нашли золу большого числа костров. Но ни единой души вокруг.

Тимур снял лагерь и с армией переправился через реку, сделав брод из ветвей и сплавного лесоматериала, т.к. лошади слишком изголодались, чтобы перевезти войска вплавь. Они соединились с авангардом. Враг все еще скрывался. Другой отряд был отправлен под командованием туркменского Шайх Давуда, чтобы захватить пленников любой ценой. Шайх Давуд был человеком со стойким характером и опытом, он провел большую часть своей жизни в степи. После двух дней и ночей, проведенных непрерывно в седле, он обнаружил наконец, несколько бедных лачуг. Он пролежал скрытым целую ночь и был на следующий день вознагражден, когда захватил человека ехавшего на коне, который был немедленно отправлен к Тимуру.

Человек этот не знал ничего о Тохтамыше и его орде. Он и его компаньоны покинули свое племя и пришли к этим лачугам месяц назад. Но десять неизвестных всадников, при полном вооружении, совершили грабительский набег и ушли затем в ближайший лес. Немедленно был отправлен отряд, чтобы окружить деревушку и доставить других людей. Еще один отряд был отправлен, чтобы обыскать лес с целью поимки этих десяти человек. Они были обнаружены и оказали сопротивление. Некоторые были схвачены, а другие были убиты в бою. Пленников привели к Тимуру. Впервые он имел определенные сведения о враге.

Огромная армия повернула на запад, проходя озера и реки и приняв все меры предосторожности против неожиданной атаки врага, хорошо знакомого с территорией. Они мчались форсированным маршем до реки Урал. Тимур не стал переправляться по броду, указанному проводниками, т.к. подозревал засаду и переправил армию вплавь дальше вверх по течению. Они шли еще одну неделю и достигли реки Самары. Затем пришли разведчики утверждая, что слышали крики вражеских войск. Вскоре послы этого Мухаммад-Султан доставил пленника, одного

из кипчакских воинов Тохтамыша. Он рассказал, что в этом районе находится великое множество орд, но они бросили лагерь и отступили, услышал сообщения о приближении Тимура. Тимур приказал построить войска в боевой порядок, запретив кому-либо отлучаться от своих отрядов и зажигать ночью огонь. Весь день он наступал на звук барабанов и цимбил врагов.

Доставили еще трех пленников и информация стала точной. Они рассказали, что Тохтамыш не имел сведений об армии Тимура пока к нему не прибыли два дезертира и не сообщили, что Полководец идет с армией столь многочисленной как листья деревьев или песчинок в пустыне. Тохтамыш закипел от гнева и сказал, что он удвоит армию. Он отдал приказы доставить ему войска со всех провинций Золотой Орды.

Тимур ждал, чтобы собрались все отряды его армии и только после этого они продолжили наступление, левый фланг, центр и правый фланг, в боевом порядке, снаряженные большим и малыми щитами. Каждую ночь предпринимались предосторожности против неожиданной атаки, вплоть до того, что выставлялись наблюдательные посты, а лагерь окружали рвами и крепостными валами. Ни Тимур, ни Тохтамыш не недооценивали друг друга. Великий эмир созвал вместе всех своих военачальников от эмиров до сотников, на военный совет. Он говорил им о военной обстановке очень откровенно, вдохновляя их и награждал их одеждами почета. Он приказал дополнительно распределить снаряжение войскам, включая специальные щиты, железные копыя, кольчуги для лошадей и кольчуги для солдат, сабли, луки и стрелы.

Они все еще наступали без контакта с врагом, который благодаря более свежим войскам и знанию местности, отступал гораздо быстрее, чем наступал Тимур. Кипчаки захватили весь корм, который могла доставить местность. Погода была дождливой и сырой. Лошади барахтались в трясине. Туманы становились с каждым днем все более густыми. Пленники прибывали все в большем количестве, включая отряды, которые должны были на пути присоединиться к Тохтамышу, но не успели к условленному месту. С другой стороны, разведывательный отряд Тимура попал в засаду. Большое число из них было убито, включая несколько военачальников, которые сдерживали врага, чтобы обеспечить возвращение, тогда как другие вернулись для донесения информации Тимуру. Движение тор-

мозило туманом и болотом, но все же Тимур поспешил с карательным отрядом из тридцати человек и разбил врага. Тимур был заинтересован в том, чтобы наказать безжалостно и немедленно всякое нарушение веры, которое привело к убийству его солдат, и столь же быстро, вознаградить храбрость и решимость на поле битвы. Те, кто отличился в этой первой стычке «стал на пути к мужеству» и был публично прославлен и награжден. Оставшиеся в живых военачальники были возведены в ранг тарханов кроме материальных вознаграждений, они и их дети освобождались от наказания за любое преступление, если оно не совершалось девять раз. Эти привилегии продолжались для потомков и в течение семи поколений. Погибшие эмиры были награждены посмертными титулами и отличиями, а их семьи были осыпаны милостями.

Почти пять месяцев императорский штандарт был в марше. Шел проливной дождь, все заволочло низкими тучами. По специальному распоряжению улема вечерние молитвы были исключены из распорядка дня. Тучи продолжали нависать так низко, что видимость была не более чем на три шага. Армии все еще не встретились. Оставляя отряды стрелков сдерживать авангард Тимура, Тохтамыш держался постоянно вне пределов достижения преследующих орд.

После шести дней погода прояснилась. Это было в середине июня 1391 г., год Барана. Прибыл гонец, который принес сообщение, что сторожевые отряды обеих сторон вступили в контакт. Тимур приказал армии начать бой, но не в традиционном порядке — центр, левый и правый фланг. Пересмотренный порядок Тимура состоял из трех главных корпусов, центр и два крыла, но каждый из флангов имел авангард, а центр был усилен авангардом и резервом. Авангардом командовал Султан-Мухаммад, чагатайский хан, эмиром которого был Сулейман-Шах. Командование центром, самым многочисленным отрядом, было поручено юному принцу Мухаммад-Султану, которому помогали многие опытные военачальники. Третий, корпус, аръергард и резерв, Тимур взял на себя. Он состоял из гвардейского полка и двадцати отрядов боевых ветеранов. Его позиции находились сразу же за центром, и он был готов оказать поддержку там, где в ней назрела бы самая острая нужда. Войска из Андижана под командованием Умар-Шайха, составляли левое крыло, авангард которого возглавляли эмиры Берди-бек и Худайдад

Хусайни. Во главе правого крыла был Мираншах, авангардом командовал эмир Хаджи-Сайфитдин.

Хроникеры говорят, что кавалерия и пехота двигалась в боевом порядке и движение этой массы было подобно буре океана; войска были вооружены саблями и щитами, луками и стрелами, пиками и алебардами, большинство были одеты в нагрудные латы, принцы и эмиры в кольчугах и каждый носил шлемы столь полированные, что они ослепляли глаза.

Враг был также в обычном боевом порядке из трех частей с центрами и двумя флангами, образующими полумесяц. Его солдаты были также великолепно вооружены и возглавлялись принцами королевской крови рода Джучи и эмирами самого высшего ранга. Наконец, две армии сошлись на расстоянии, когда могли разглядеть друг друга.

Тогда Тимур на виду врага приказал соорудить палатки и павильоны, расстелить ковры, будто он собирался ретироваться в свой лагерь. Это проявление хладнокровия должно было лишить врага присутствия духа.

Соответственно Шарафатдину, количество войск у Тохтамыша было гораздо больше, чем у Тимура. Тимур рассчитывал больше на помощь бога, чем на количество своих солдат и силу их оружия.

Утром в день сражения (18 июня) Властитель благоприятных созвездий на виду своей армии, спешился и дважды распростерся на земле, испрашивая помощь у бога и победы. Когда он спешился, войска приготовленные для сражения подняли руки вверх и закричали: «Аллаху Акбар» — «Аллах Всемогущий», боевой клич Ислама. Имам Сайид Барака, который был отлучен от двора Тимура с тех дней, когда он предсказал будущее Тимура перед его победой при Балхе, также молился с необычной силой. Закончив, он схватил горсть земли и швырнул в сторону врага, прокричав: «Да почернеют ваши лица от позора вашего поражения». Затем повернувшись к Тимуру, он сказал: «Иди туда куда хочешь и ты победишь!». Подняв знамена и штандарты, татары забили в барабаны, закричали «Сурун» и начали сражение под звуки огромных военных духовых труб.

«Тогда обе армии, когда они пришли на расстояние видимости друг от друга, были воспламенены и смешались друг с другом, стали горячими от огня войны, и они вступили в сражение и шеи были вытянуты для ударов меча

и глотки разрывались от вонзившихся копий и лица были искажены неумолимостью и покрыты пылью, волки войны приготовили зубы и ярость леопардов смешалась и вырвалась, и львы армии бросились друг на друга и шкура людей оцетинилась, покрытая оперением стрел и брови вождей и головы военачальников согнулись в увлечении войной и кинулись вперед и пыль была густой и стала черной, и вожди и простые солдаты одинаково погрузились в море крови и стрелы стали в мраке черной пыли подобно звездам, посланным для того, чтобы разбить посланцев сатаны, в то время как сабли сверкая подобно громовым звездам в облаках обрушивались на королей и султанов, то лошади смерти не прекращали проходить и вращаться и рваться против эскадронов, которые атаковали прямо в лоб, то ли пыль от копыт рождалась в воздухе, то ли кровь с мечей затопила равнины, до тех пор пока земля не разверзлась и не вздулась подобно восьми морям»⁹ — так описывал битву Ибн Арабшах.

В один из периодов сражения левый фланг под командованием Умар-Шайха испытал тяжелое давление со стороны Тохтамыша, который смог прорвать его ряды и атаковать с тыла. Тимур в это время преследовал главный корпус кипчаков, но вернулся с резервами на помощь своему флангу и враг был отброшен. Прорыв рядов Сулдуз был также оставлен. Арабшах, который стремится где возможно принизить военные достижения Тимура, пишет, что часть армии Тохтамыша бежала из-за ссоры двух его военачальников. Однако, сражение, в котором обе стороны сражались с неистовым ожесточением повернулось в пользу Тимура. Честолюбивый протезе бежал, за ним последовали эмиры, военачальники и остатки его армии. Тимур, наконец сошел с лошади и воздал хвалу Аллаху за победу.

Битва произошла в Кундузча, восточнее Волги (между Самарой и Чистополем). Тимур отправил семь из каждых десяти кавалеристов в погоню за врагом. Стиснутые между татарами и Великой рекой, войны Золотой Орды были подвергнуты смерти или захвачены в плен. Те же, кто стремился искать спасения на островах Волги были доставлены к Тимуру в цепях. Их женщины, дети, имущество и огромные трофеи попали в руки победителей. Только главная награда — Тохтамыш — успел спастись.

Те, кто был направлен для сбора трофеев вернулись в лагерь, нагруженные лошадьми, верблюдами, скотом,

овцами, толпами пленников обоих полов и всех возрастов. Даже самые беднейшие из армии Тимура, работники, которые, как писал Шараф аль-дин, трудились в поту и отдавали все силы и едва могли содержать себя и те захватили так много лошадей и овец, что когда встал вопрос о возвращении, они не могли увезти все это. Пешие солдаты вернулись с десятью или двадцатью головами лошадей, а конные со ста и более.

Пленных было очень много. Из них были отобраны пять тысяч мальчиков для подготовки к службе в императорском дворе. Прибыв на берега Волги, где ханы Золотой Орды рода Джучи обычно разбивали лагерь, Тимур отдал приказ об организации общего праздника, самого роскошного, который когда-либо проводился в этих районах. Яства на банкетах были сервированы на золотых блюдах, а вина в золотых чашах. Все подавалось в изобилии прекрасными пленницами. Была специально сочинена музыка, прославляющая победу над кипчаками, завоевание империи Джучи, сына великого Чингиз-хана. Хроникеры замечают, что во время веселья самые красивые женщины из императорского гарема сидели на пиру, а каждый военачальник с женой. Вся армия приняла участие в этих празднествах. Почти месяц они отдыхали от войны.

По-видимому Тимур скорее стремился разрушить мощь Золотой Орды, чем организовать свои владения из этого государства. Он отдал территорию кипчаков в ленное владение принцев чингизского рода, которые будучи врагами Тохматыша вели постоянную борьбу с ним: Идеге, Кутлук-Оглану (внуку Урусхана из Белой Орды) и Кунче-оглану. Этих принцев отправили с ярлыками, даровавшими им огромные привилегии в ответ на их покорность, с приказами собрать их подданных и привести обратно к Тимуру. Но освободившись от Тимура, они тут же забыли о своих обязательствах и с тем, кого могли собрать бежали через степь. Только Кунче-оглан, близкий друг Тимура, который «принимал участие даже в самых интимных делах» и который провел несколько дней вместе с Полководцем, играя в шахматы, вернулся с некоторыми из своих подданных, как он обещал. Но когда он услышал о том, что сделал Кутлук, он также как-то почью воспользовался возможностью и бежал. Тимур не преследовал его. Довольный огромной добычей и бесконечной толпой пленников он начал двигаться домой.

Тимур вернулся самой прямой дорогой через пустыни, оставив эмира Хаджи Сайфитдина и других, чтобы привести остальную часть армии и багажный караван. Он быстро двинулся к Сабрану, затем к Отрару, переправился через Сыр-Дарью и достиг Самарканда. Его приветствовали принцы, и женщины царского двора, которых он оставлял, и после нескольких дней празднеств он вернулся на пастбища у Ташкента. Здесь к нему присоединился и Хаджи Сайф аль-дин, практически на одиннадцатый месяц с того дня как отправились в поход с того же места. Вся равнина была покрыта войсками, пленниками и скотом. Тимур хотел поделиться богатствами с теми из своего двора, которые не могли сопровождать его, также как с другими сановниками, которые не принимали участия в походе.

Двор провел зиму (1391—1392 гг.) вместе с Тимуром, а в качестве развлечения была организована большая охота. С наступлением весны Тимур вернулся в свою столицу.

Весной 1392 г. на лугах Кани-Гиля были справлены свадьбы сыновей Умар-Шайха — Пир Мухаммада и Рустама, а также Мираншаха — Абу-Бакра, которых Тимур женил на дочерях выдающихся чагатайских эмиров и тарханов.

Мираншах вернулся в свою столицу Герат. Пир-Мухаммад, второй сын Джахангира, был назначен в королевство Махмуда Газневийского, районы Гиндукуша между Хорасаном и Индией, в который входили Кандагар, Газни и Кабул.

Опасность со стороны Золотой Орды, хотя и не ликвидированная окончательно, была устранена по крайней мере на время. Двадцать лет походов были увенчаны одной из самых решающих побед Великого Тимура.

Глава VIII

ПЯТИЛЕТНИЙ ПОХОД В ПЕРСИЮ, МЕСОПОТАМИЮ И КИПЧАКСКИЕ СТЕПИ

1392 г. (год Обезьяны) — 1396 г. (год Мыши)

Мавераннахр ждал с нетерпением. Был май 1392 г. и уже становилось чрезвычайно жарко. Сотни тысяч войск, вновь собрались, чтобы продолжать поход на запад спустя лишь несколько месяцев после их возвращения с победой над Золотой Ордой, были остановлены на равнинах у Бухары.

Тимур лежал опасно больной. Принцы и наследники поспешили в королевский лагерь. Мухаммад-Султан, сын Джахангира, который уже переправился через Аму-Дарью с войсками авангарда, оставил свои войска и вернулся по зову императора. Там были и королевы — Сарай-Мульханум и Туман-ага — вместе с королевскими детьми и внуками.

Были вызваны самые способные тюрские и арабские доктора, которые работали под наблюдением эмира Хаджи-Сайфалдина. Великий эмир и его двор понимали, однако, что лекарства будут эффективны лишь в том случае, если на то будет воля Аллаха. Неоднократно перечитывался коран и отправлялись подарки к могилам великих шейхов, распределялись милостыни, жертвовались самые лучшие лошади, их мясо раздавали бедным.

Наконец, молитвы были вознаграждены. В июне здоровье императора было восстановлено, а в июле он возглавил один из самых длительных своих походов в Персию и Ирак, империю Хулагидов. Тимуру шел тогда пятьдесят седьмой год.

После превентивной войны против Золотой Орды, Мавераннахр мало опасался своего северного или восточного соседа. Тохтамыш если и не сокрушенный, то потерпевший поражение, сейчас встретил соперничество в лице Идеге, Кутлуг-оглан, принцев королевской крови Джучи. Эти соперники воевали с Тимуром против Тохтамыша и получили части улуса в ленное владение. Хотя они и не привели свои орды обратно в качестве вассалов к Тимуру, но мало было оснований полагать, чтобы в Орде можно было добиться достаточной степени единства, чтобы пред-

ставлять опасность для Мавераннахра. Две экспедиции в Могулистан (1389 и 1390 гг.) оттеснили джетов за Иртыш, где их хан исчез. Независимая власть Хорезма была сокрушена.

Отныне все кампании должны были проводиться на территории врага. Мавераннахр был в безопасности. Имперский Самарканд считался «защищенным», Тимур мог возобновить свои кампании на Западе.

Империя Хулагидов не смирилась со своей участью и в период четырехлетнего отсутствия Тимура в крае было неспокойно. Восстания в Хорасане в 89-х годах были подавлены Мираншахом, но опорные пункты повстанцев сохраняли свою власть на недоступных территориях к югу от Каспия, защищенных морем на севере и болотами и девственными лесами с востока. Из этих крепостей повстанцы могли совершать нападения на караваны, идущие по великой шелковой дороге от Самарканда на Багдад через Тавриз. На юге Персии музаффарадские принцы, ставшие вассалами Тимура, нападали один на другого и район страдал от дальнейших беспорядков.

Для Тимура наступило время вмешаться. После напряженных походов против кипчаков, его победоносные орды были готовы к походу в более близкие и доступные области Персии. Тимур поднял над войсками новый штандарт. На нем был начертан дракон. Туваджии собрали войска, которым было приказано приготовиться к походу сроком на пять лет.

Отряды с принцем Мухаммад-Султаном во главе авангарда и Тимуром во главе главной армии, выступил с лугов Самарканда в мае 1392 г. Вскоре после этого около Бухары Тимур заболел.

В июле, когда марш возобновился, жены были отправлены обратно в Самарканд в сопровождении принца Шахруха, самого младшего сына Тимура. Сам император взял курс к берегам через Хорасан к крепостям мятежников. По пути его приветствовала и чествовала Ханзада, вдова Джахангира и жена Мираншаха. Как чингизидская принцесса и мать утвержденного наследника, она пользовалась особым положением при дворе.

За Астрабадом идти стало трудно. Войска рубили деревья, чтобы пробить дорогу через лес. Три дороги были прорезаны «шириной с полет стрелы», одна для главного корпуса армии, две другие для фланговых. Через болота армия преодолевала едва лигу (4,83 км — Г. Х.) в день.

Но война была священной войной. Тимур прибыл для того, чтобы донести сюда истинную суннитскую доктрину еретикам, которые заблудились в шиитской секте, которая была сильной в этом районе. Цитадели были подвергнуты осаде и капитулировали; города были атакованы как с суши, так и с моря. Корабли с Аму-Дарьи были зажжены воспламеняющей смолой и отправлены против морских стен городов. Каспийское море выглядело так будто было объято пламенем.

С капитуляцией шиитов, Тимур, который воспользовался теологическим диспутом, указал их лидерам ошибочность их пути, убеждая их вернуться к спасительной суннитской доктрине. Один почтенный пленник, Сайид, и его сын были отправлены водным путем к Хорезму, возможно по каналу Аму-Дарьи, впадавшему тогда в Каспий. Другие вельможи были отправлены в Самарканд и отсюда уже в Ташкент.

Район был также прибежищем оставшихся в живых представителей секты исмаилитов. Так, кого обнаружили, были пленены, за исключением из старейшин, которые считались потомками пророка.

К осени Мазандаран был покорен и Тимур отправил в Самарканд победное письмо с приложением образцов казны и редких продуктов района. В то же самое время он вызвал Шахруха, своих внуков и жен к себе в Джуржин, юго-восточнее Каспийского моря, где он приказал строить дворец. Эта провинция была богатой реками и склоны холмов и равнины были покрыты фруктовыми садами, выращивающими апельсины, виноград и фики. Гранаты, оливы, арбузы и баклажаны были высокого качества. В большом количестве производился шелк. Деревья давали два урожая в год. Огромным недостатком этого района, однако, была необычайная летняя жара. Много неприятностей доставляли насекомые, а клопы были столь огромны, что их повсеместно называли «волки». Именно здесь, где Джуржан впадает в Каспий, закончил свои дни Мухаммад Хорезмшах, вскоре после бегства от Чингиз-хана.

Несмотря на снег и ураган, дувший через Зарафшанскую долину — дело было в ноябре и эта территория в это время подвержена штормам — имперский двор выступил и достиг Бухары. Там они должны были приютиться на несколько дней в приюте, построенном Тимуром для нуж-

дающихся. Там к ним прибыл курьер от терпеливого владыки с посланием, чтобы они оставили тяжелый багаж и поспешили вперед. Но у Шахруха началась глазная болезнь и он не мог передвигаться быстро и двор вынужден был двигаться медленно вместе с ним. В Мерве болезнь была излечена и они двигались в течение тринадцати дней и в ночь на тринадцатый день они были встречены Тимуром, который сопровождал их до дворца в Джуржане.

Это было незадолго до того, как Тимур покинул Джуржан и возобновил поход в Грузию, Персию и Ирак. На этот раз Шахрух участвовал в походе. Мухаммад-Султан, сын Джахангира, был отправлен вперед с братом Пир-Махмудом в Султанию. Музаффаридский правитель бежал от одной новости о их приближении. Султания была великолепным городом, уступавшим лишь Тавризу, на великом Хорасанском пути. Она была основана монгольскими ильханиями и позже стала их столицей. В этом районе было возведено также большое число монгольских поселений, которые были в состоянии предоставить огромные пастбища и именно здесь оставался впоследствии имперский двор, в то время как Тимур был занят в персидских походах.

Оба принца пробыли в Султании неделю, пополняя войска, и оставив в городе гарнизон, отправились на юг. Они были в широком горном районе, который греки называли Мидией, страной Медеи. К западу от этого района горные цепи были населены отважным народом курдов, через этот район проходила дорога от Хорасана на Багдад. Принцам было приказано принудить курдов к повиновению. Им повезло и они добились сотрудничества местного шейха Шайх Али Бахадура, который предложил себя в качестве проводника и посла, рассчитывая получить всю провинцию в ленное владение в качестве вознаграждения за оказанную услугу. Возвращаясь однажды из поездки к местному князю, Шайх Али Бахадур остановился пообедать и был зарезан курдом, который считал его предателем. Убийца был схвачен людьми шейха и предан жестоким пыткам, а затем сожжен.

Тимур пошел к Райи с корпусом отборных воинов, отобранных по три из каждых десяти, оставив Мираншаха доставить тяжелый багаж, который шел из Астрабада. Тимура сопровождали его жена Чолпан Мульткага и две другие дамы королевского гарема.

Грузины не оставались покорными во время шести-

летнего отсутствия Тимура. Вдохновленные сначала дерзкими атаками Тохтамыша против Тимура, затем его занятостью с этим врагом, грузины утвердили свою независимость. Король Баграт Великий умер и его наследником стал его сын Георгий VII, который не думал делать уступки татару. Наоборот, Тимур подозревал, что грузины поддерживают связь с бежавшим Тохтамышем, давая ему проходы на юг. Тимур поэтому начал второй поход в Грузию с двойной целью: наказания «нарушителей мира» и сбора информации о Тохтамыше, который начал вновь собирать своих последователей. Преодолевая по пути сильное сопротивление, он опять дошел до Тифлиса, где пробыл некоторое время перед тем, как двинуться назад на восточный Кавказ, а затем на юг Персии. Он жестоко усмирил племена Луристана, которые подобно своим соседям курдам, были закоренелыми мятежниками. Встреча с остальной армией произошла в Шустаре на реке Дужейль, которая текла на протяжении свыше ста миль к югу от Персидского залива вдоль Тигра и Евфрата. В Дизфуле, на расстоянии однодневного пути верхом в северу от Шустара, Тимур остановился, чтобы полюбоваться переправой по которой они перешли реку, которая представляла из себя конструкцию, составленную из пятидесяти шести больших и малых арок, чередовавшихся друг друга, построенной свыше одиннадцати веков назад. (Рассказывали, что когда римский император Валериан попал в руки короля Шапура, который правил персидской империей в третьем веке нашей эры, императора заставляли работать на сооружении плотин в этом пункте во время его семилетнего плена).

Тимур уже достиг территории музаффарадских князей, над которыми он был назначен протектором покойным Шахом Шуджа. В период отсутствия Полководца эти князья признали над собой власть самого энергичного из их числа — Шах Мансура. Мансур арестовал и ослепил своего кузена Зайн-аль-Абидина, который искал убежище вместе с ним по приближении Тимура, вытеснил своего брата Яхью из Исфагана и из Шираза, который он захватил как свою собственную столицу.

В Шустаре правители, назначенные Шах Мансуром последовали примеру их коллеги в Султании и бежали, предоставив городеким вельможам покориться татарам. Тимур принял их подчинение и выкуп, собрал свою армию за городом и бросился на юг наказать Мансура.

По пути он атаковал горную крепость Кала Сафид, Белый Замок, считавшийся неприступным. Он был построен на вершине горы, где горстка людей могла контролировать проходы и отражать удар армии, и который был недоступен для таранов и огнеметателей. Крепость была атакована со всех сторон, но весь день атака была безуспешной. Наступила ночь, а штурм не произвел никакого впечатления на оборону. На следующее утро татар вновь встретили град стрел и камней, которые обрушили на них защитники, пока один из солдат по имени Акбуга, не поднялся на скалу, где никто другой не мог бы найти ни единой точки опоры. Он бросился в атаку сам, защищенный лишь собственным щитом. Другие последовали за ним и развернули знамена, подняв штандарты из конских хвостов; они захватили защитников и сбросили их с горы. Крепость была захвачена. Ослепленный Зайн-аль-Абидин, который был брошен в тюрьму его собственным кузеном, был освобожден, и Тимур обещал отомстить за страдания, которые он вынес. Женщины, которых захватили солдаты были также освобождены.

Акбуга, который первым взобрался на вершину Белого Замка, был вознагражден деньгами, материалами для палатки, девушками, лошадьми, верблюдами, мулами и другими вещами, которые делают жизнь приятной. Прежде он владел одной лишь лошадью.

При известии о возвращении Тимура в Шираз, Шах Мансур бежал из столицы. Он вернулся через некоторое время с отрядом в три или четыре тысячи человек, чтобы встретиться с многочисленными войсками Тимура на равнинах Патили. Сведения, полученные Тимуром относительно силы и качества войск Мансура, не давали ему оснований для беспокойства. Но его главный корпус из тридцати тысяч испытанных всадников был рассыпан в беспорядке этой неожиданной атакой нескольких тысяч, которые ринулись вперед с развевающимися знаменами и принцем Шах Мансуром во главе. Враг рвался прямо через татарские ряды к месту, где находился Тимур и несколько его эмиров, пораженные безрассудством персидского принца. Шараф аль-дин пишет, что Мансур сам пробивал себе дорогу сквозь гвардию до Тимура, который потянулся было за своей пикой, но нашел, что его оруженосец сбежал. Тимур получил два удара саблей по шлему от Мансура. Но Шах Мансур был отогнан, а его войска рассыпаны. Раненный в голову и плечо он бежал к Ши-

разу. Он был захвачен татарскими войсками которые привезли его обратно к Тимуру. Его разбитые войска также были настигнуты в цитадели под названием Красный Замок и разорваны в клочья. К тому времени, когда Ибн Тахри Бирди начал писать свою историю, это сопротивление стало легендарным: Шах Мансур стал самым храбрым всадником из всех правителей, которые боролись против Тимура, т.к. «он шел на него, чтобы сразиться с ним с двумя тысячами войск, тогда как у Тимура насчитывалось почти сто тысяч».

Шараф аль-дин приписывал смерть Мансура доблести Шахруха, которому было тогда шестнадцать и который принимал участие в этом походе. Он бросил его голову к ногам своего отца, сказав: «Да покатыся головы ваших врагов к вашим ногам подобно этой». Шахрух позже отрицал этот свой подвиг. (Шараф писал под патронажем Шахруха). Версия Арабшаха гласит, что один из союзников Тимура маскировался в рядах войск Мансура, перешел со своими войсками к Тимуру как только началось сражение.

Тимур второй раз вступил с триумфом в Шираз. Восемь из девяти огромных городских ворот были закрыты: девятые, над которым развевался имперский штандарт, оставались, и туда вступили придворные, служащие, чиновники и направляемые записями, которые они взяли у городских чиновников, они собрали казну города, Шах Мансура и его двора. Эту добычу из готовых изделий, мулов и лошадей, Тимур разделил среди эмиров. Жители также заплатили дорого за свои жизни.

Придворные секретари составили Письма Победы, которые были разосланы по всей империи. Следующий месяц Тимур и его войска провели в празднествах, наслаждаясь красным вином Ширази, музыкой арф и органов и самими прекрасными девушками. Некоторые ученые Фарса и многие мастера и ремесленники — т.к. музаффаряды были покровителями искусств — были отправлены в Самарканд. Другие ученые, такие как знаменитый аль-Фирузабади, поспешили выразить свое уважение Тимуру и были приняты с почестями.

После поражения Шах Мансура другие музаффарадские принцы заторопились простереться ниц перед Тимуром, принеся подарки из драгоценных камней, лошадей, мулов и редких вещей. Они и их подарки сначала были приняты хорошо. Но депутация вельмож, воспользовавшись

благоприятным моментом, представила Тимуру петицию с просьбой не восстанавливать управление в стране драчливых музаффаридов, «которые несомненно доведут страну до разрушения». Тимур выказал расположение принять их аргументы и их намерения; все представители музаффаридов были арестованы, а их дома разграблены. Мирза Умар-Шайх, самый старший из оставшихся в живых сыновей Тимура, бывший прежде правителем Ферганы, получил в ленное владение Фарс, и принц дал блестящий банкет в честь Тимура и его двора по случаю празднования этого события.

Затем Тимур снял лагерь и повернул на север к Исфагану, забавляясь на пути прелестями охоты. Он отдал приказ о казни музаффаридов, полдюжины которых были убиты, «пройдя через руки правосудия соответственно законам Чингиз-хана, к великому удовлетворению граждан королевства. Пощадили только двух — слепого Зайн аль-Абидина и брата, который также был ослеплен, но уже своим собственным отцом Шахом Шуджа. Эти два принца были взяты в Самарканд, где они закончили свои дни «в спокойствии» в поместье, предоставленном в их распоряжение»².

В Исфагане Тимур провел несколько дней в королевском дворце, и пошел далее к северу, громя кучки неверных, там, где они оказывали сопротивление. Он встретил Сарай-Мульк-ханум и других жен на прекрасных пастбищах у Хамадсана. Когда королевский двор собрался, управление «королевством Хулагидов» было поручено Мираншаху. Эти владения состояли из Персии и Азербайджана на севере и Ирака, (Месопотамия) на юге. Покорение последней провинции, однако не было завершено. Султан Ахмад Джалаир, последний представитель рода, захватившего власть в Ираке после падения хулагидов, с тревогой ждал в Багдаде. Он уже потерял Азербайджан. Он отправил почтенного великого муфтия Абдурахман Исфараини послом к Тимуру, снабдив его богатыми подарками и принося извинения, что не мог лично предстать перед Завоевателем. Огромные олени, леопарды, арабские скакуны, золотые седла (все в количестве девяти) и сам Муфти были достаточно хорошо приняты. Однако почтенный Муфти вернулся к своему господину без ответа.

Тимур сам неожиданно появился с корпусом отборных войск в селении, находившемся в двадцати семи лигах от Багдада, совершив бросок форсированным маршем, про-

двигаясь день и ночь. Днем Тимур ехал верхом, ночью его несли на носилках при свете огромных факелов. Жителей селения допросили. Предупредили ли они Багдад о его приближении голубем-курьером? Они не стали отрицать этого. Как только на горизонте появилась пыль татарских лошадей, они отправили сообщение курьерским голубем султану Ахмаду. В связи с этим Тимур заставил их отправить другого голубя, в котором они заявили, что предыдущее сообщение было ошибочным: пыль, которую они видели, была якобы поднята туркменской конницей, бежавшей, чтобы избежать столкновения с Полководцем. Приняв, однако, первое сообщение султан Ахмад принял меры по отправке многих своих вещей на другой берег Тигра. Тимур совершил свои молитвы и распределил пожертвование бедным. Не переводя дыхания он выступил на Багдад.

Султан бежал. Он переправился через реку, разрушив за собой мост и лодки. Татарские войска бросились в реку, и их лошади, несмотря на сильное течение, переплыли ее, устлав всю страну подобно муравьям и саранче. Жители были ошеломлены их числом. Тимур вернулся в Багдад, который не оказал сопротивления. Согласно Ибн Тагри Берди, Тимур открыто утверждал, что пришел как освободитель для Багдада, который страдал от тиранического правления Ахмада, и по приглашению старейшин города. В то время как Тимур принимал сдачу города, его эмиры мчались в погоне за султаном. Беглецов настигли за Евфратом у Карбалы, но султан Ахмад успел бежать через каменистую пустыню к Дамаску, оставив много из своего богатства, своих жен, и сыновей. Он нашел убежище у Барука, мамлюкского султана Египта, который принял его очень тепло. Арабшах приписывает ядовитые стихи гибкому уму султана Ахмада, который спасался бегством не раз:

Хотя рука моя парализована в войне,
Все же нога моя не сломлена в бегах.

Опять долгие караваны пленников потянулись в Самарканд, включая лучших мастеров Багдада, мастеров наук и искусств, а также сына и жены Ахмада. Среди художников был мастер, взятый из королевской мастерской, Абд-ал-Хайи, один из лучших художников по росписям рукописей своего времени. Он должен был быть

использован при украшении дворцов Тимура. Другим был композитор Ходжа Абд-аль Кадыр. Некоторые ученые, которые оказались достаточно умными и распростерлись перед Тимуром, при первой же возможности были отправлены в Самарканд. Одним из таких был Низам-аль-дин. Он был, однако вызван позже, чтобы составить историю походов Тимура.

Победные письма доставили самые последние известия в королевства и города с тем, чтобы можно было провести празднества. Тимур сам праздновал в течение двух месяцев во дворцах Багдада, которые были построены из ароматных деревьев и белого и черного нефрита. Багдад, знаменитый своими сладостями и сиропами, также представлял удобные дома для развлечений вдоль берегов Тигра. Тем временем, граждане собрали и уплатили выкуп, которым они выкупили свои жизни. Деньги были распределены между эмирами и войсками армии Тимура.

Здесь Тимур принял своего внука Мухаммад-Султана, поручив ему очистить горы Курдистана от мятежников и обеспечить безопасность караванных путей. Шараф аль-дин засвидетельствовал успешное проведение этих экспедиций, сам совершив несколько путешествий по этой дороге, которые стали такими же безопасными, как и дороги Мавераннахра. Прежде караваны, даже в сопровождении усиленного конвоя, вынуждены были совершать окольные пути, чтобы избежать разбойничьих банд.

Хотя Багдад потерял свое превосходство среди городов Персии и Ирака, он сохранил однако дороги, которые исходили из его ворот. Великая Хорасанская дорога начиналась с востока Багдада и шла на северо-восток к Хамандану, Райи, через Хорасан к Самарканду, а оттуда в Китай. С этого перекрестка ответвлялись дороги к северу к Султани и Тавризу, и на юг к Исфагану и Ширазу. Северная дорога от Багдада шла вдоль Тигра к Мосулу и Амиду и вела в Малую Азию. Северо-западный путь шел вдоль Евфрата через Сирию к Средиземному морю. Два великих пути паломников шли к юго-западу от Багдада, один через Виа, а другой через Басру, к оконечности Персидского залива. Тимур направил Мираншаха к югу, чтобы взять контроль над Басрой.

К Баркуку, султану Египта, было отправлено посольство с предложением договора о дружбе и торговых отношениях. В своем послании Тимур напоминал, что в прошлом хулагиды вели войны с предшественниками

египетских султанов, которые плохо относились к народу Сирии, но что впоследствии между двумя империями были установлены сердечные отношения. Со времени смерти Абу-Сайида в Персии не было монарха, который мог бы взять там контроль над страной. Теперь же, когда победоносный меч Тимура привел в повиновение территории Персии и Ирака, граничившие с территориями Египта, интересы всеобщего спокойствия требовали, чтобы торговые пути были свободными и чтобы торговцам обеих стран можно было бы встречаться в условиях безопасности. Это сделало бы их страны процветающими, принесло изобилие в города и мир народам, писал Тимур.

После этого он выступил из Багдада с экспедиционным корпусом, чтобы принудить к повиновению крепость Такрит, находившуюся в ста милях вверх по Тигру. Такрит был гнездом мятежников, которые, согласно представлениям купцов Багдада, нападали и грабили наиболее богатые караваны, особенно те, которые шли из Сирии и Багдада. Купцы в своем представлении Тимуру добавляли, что ни тараны, ни военные машины не могут добраться до этой знаменитой крепости, которая возвышалась над рекой.

Первую часть путешествия Тимур совершил на лодке по Тигру. Он вскоре высадился и проследовал вдоль берега реки, остановившись лишь для охоты на тигра, в которой было убито пять зверей. Прибыв в Такрит, он приказал взять крепость, во что бы то не стало. Город был окружен и осажден, и началась работа по разрушению стен. Туваджии разделили стены между войсками, отметив красной линией разделы каждого полка, которые должны были сделать подкопы, и отдали письменные распоряжения. Вся сила армии, собранной здесь, семьдесят две тысячи человек, была использована на рытье подкопов к стенам. Шатер Тимура был установлен напротив цитадели, так что он мог видеть ход работы. За короткое время передовые части прокопали скалу на глубину пятнадцати или двадцати ярдов.

Султан Хасан, независимый правитель Такрита, отправил своего юного брата к Тимуру, с предложением капитуляции. Тимур потребовал, чтобы Хасан сдался лично. Спустя три дня после начала осады, Хасан отправил свою мать поговорить с Тимуром, предлагая своих сыновей в качестве заложников. Но сам Хасан не явился, решив сопротивляться до конца. Брешы, сделанные в стенах

атакующими, было заложены, а некоторые дыры заделаны. Тогда Тимур приказал убрать подпорки из туннелей, проделанных в скале, а полости заполнить дровами и смолой. Они были подожжены и огромные стены рухнули. Народ Такрита сражался за свою жизнь. Хасан был вынужден бежать в горы в укрытие, а побежденные в Такрите войска просили пощады. Тимур отказал. Хасан был схвачен и приведен, вместе со своими сторонниками к Тимуру. Жители были отделены от солдат. Были отданы приказы первых не трогать, а последних разделить между туманами армии Тимура и заключить в плен. Туваджи соорудили минареты на которых было написано: «Бойся судьбы преступников». Тимур приказал оставить нетронутой одну из стен крепости, как свидетельство потомкам о их силе.

Походы 1393 г. (год Петуха) завершились встречей всех войск на пастбищах западнее Тигра, между Такритом и Багдадом. Мухаммад-Султан и Мираншах вернулись, очистив нижнее течение Тигра. Они оставили гарнизоны в городах Вазит и Басре и контролировали дорогу паломников в Мекку. В то время как войска отдыхали и развлекались охотой, специальные курьеры уже отправились с высочайшим указом к князьям, правителям и властителям провинций и городов, ко всем шейхам и главам туркменских племен с требованием их подчинения. «Вы были без хозяина и правителя и вы жили как вам было угодно. Но теперь вы должны подчиниться нашим приказам. Прекратите свои нападения на дорогах, прекратите разбой. Если вы сами не подчинитесь нашему приказу, вы будете виновны в последствиях».

Тимур затем отправился на северо-запад к верхнему течению Тигра и Евфрата, чтобы подтвердить свои угрозы и отрезать равнины северной Месопотамии.

Принц Мосула, который покорился несколько месяцев ранее, чествовал Полководца и его двор роскошным банкетом. Тимур переправился через реку к руинам Ниневии; чтобы посетить гробницы пророков Юнуса (Иоана) и Джурджиса (Св. Георгия). Он пожертвовал десять тысяч кебекских динаров на сооружение подходящего мавзолея для этих святых и роздал милостыню бедным. Спустя две или три недели Тимур появился перед Руа (Эдесса), одним из самых последних городов перед сирийским походом. Местный правитель оставил город при известии о приближении Тимура. Татары восхищались

каменными зданиями, посещали местные святыни и провели там две или три приятные недели. Тимур разделил захваченную казну со своими войсками.

Это движение татар к северо-западу в направлении главных дорог в Сирии вызвали глубокую тревогу у султана Баркука. После падения Багдада он дал приют султану Ахмаду и снабдил его войсками, чтобы обеспечить ему восстановление его власти в Багдаде. Союз между ними был скреплен женитьбой Баркука на одной из дочерей Ахмада, которая сумела избежать плена. Более того, после падения Багдада, Баркук принял послов Тимура. Но султан мамлюков, передовой защитник Ислама, Покровитель Халифа в Каире (куда последний представитель семьи халифов бежал в дни хулагидов, чингизидских завоевателей) не намерен был иметь каких-либо отношений с вискочкой с востока. Глава посольства Тимура в Каире, Атылмыш был схвачен в качестве пленника, а остальные члены посольства были убиты. Атылмыш был родственником Тимура по линии одной из жен.

От Тимура в Каир пришло еще одно письмо, составленное в рифмованной форме, как свидетельствует Ибн Тагри Бирди, содержавшее предупреждения и угрозы. «Радуйся тогда — при известиях о твоём унижении, позоре, о грешное и мятежное племя! Среди вас господствует мнение, что мы верующие, но нас сам бог убедил, что вы сами являетесь неверными, не верующими. И мы отправлены Богом править вами, чьи приказы решают все и чьи предписания обеспечивают все... Мы сделали все, что могли по отношению к Вам, с тех пор как мы отправили к вам посольство; так не убивайте тех, кого мы сейчас отправляем, как вы сделали с теми, кто первым пришел к Вам, как это вы делаете, так как ваш вероломный обычай изволяет вам нарушать обычаи и правила и ослушиваться Его, который является над всем миром всемогущим...»

Ответ от Баркука, обвинявший Тимура в риторической путанице, принимал вызов: «Ты был огнем, адом созданным, сгори, чтобы твоя шкура испепелилась. О чудо из чудес! Боровам ли бояться ягод, львам ли пугаться гиен, храброму ли бояться толпы. Наши лошади барканские, наши стрелы арабские, наши мечи из Ямана, а наша броня египетская... Если мы убьем тебя, как прекрасна будет победа! А если ты убьешь одного из нас, то лишь мгновение будет разделять его от рая»³.

Перед тем как послать такие слова, Баркук произвел

осмотр своим войскам и распределил деньги между солдатами. Изгнанник Ахмад из Багдада был все еще в Каире, когда состоялся осмотр: «могучая демонстрация силы, величия, великолепия и изящества по предписанию и одежде. Процессию возглавляли двести собственных лошадей султана с полным военным снаряжением, таких замечательных с их многими золотыми, серебряными и парчовыми украшениями каждого цвета и начертания, что разум мешался при виде их. Султан затем дал команду батальонам эмира, которые также были самыми великолепными в их представлении, один эмир соперничал с другим в снаряжении всего батальона и каждый, когда проходил, появлялся более пышным, чем последний перед ним». Затем Баркук, опасаясь, что направление наступления Тимура станет как бы возмездием за грубое отношение к его послам, начал марш на север к Дамаску, направив также соединения войск на берега Евфрата.

Будучи в Дамаске, Баркук принял послов из Шиваса, на границе Малой Азии; правитель опасался наступления Тимура и ждал помощи от Баркука. Прибыли агенты Тохтамыша, хана Орды, предлагавшие союз против Тимура и предложение было принято. Следующими прибыли послы Оттоманского султана Баязида, из Малой Азии, который направил также денежные средства в помощь мерам Баркука против Тимура, так что египетский султан, несмотря на все великолепие оказался должником.

Тимур и в самом деле предусматривал операции против мамлюкского султана Египта. Но он еще был не готов. Он приказал князю местечка Мардина — прибыть в его лагерь, находившийся между верхними течениями Тигра и Евфрата, чтобы засвидетельствовать свою верность и выставить войска для атаки на Сирию и Египет. Ни князь, ни войска не явились, наоборот, Иса, князь Мардина, отправил письмо Баркуку сообщая о своем положении. Тимур узнал об этом, и неожиданно «опережая птиц», повернул свои войска на восток от Руа, чтобы наказать безрассудно храброго князя.

Его войска уже были построены в ряды у Мардины, когда Тимуру прибыло известие о смерти его самого старшего сына принца Умар-Шайха, правителя провинции Фарс. Он был вызван в лагерь Тимура и по пути через Курдистан, где он осадил крепость, был сражен вражеской стрелой. Он умер моментально. Было нелегко сообщить новость императору. Но Тимур прослушал известие, гово-

рят, без единой видимости эмоций. Фарс был пожалован Пир-Мухаммаду, сыну Умар-Шайха. Тело принца было доставлено в Шахрисябз, где Тимур уже воздвиг великолепные гробницы для своего отца, для сына Джахангира и других членов семьи.

Тимур ушел из Мардина. Князь Иса повторил свои обещания, но не выполнил их. Ситуация стала трудной для татарских полчищ. Воинов Тимура оскорбляли в городе. Был конец зимы, и пастбища стали слишком скудны для такого большого числа лошадей. Тимур вернувшись на лучшие пастбища в долине Тигра около Мосула не без жертв. По дороге разразился шторм, и дождь затопил долину, верблюды и мулы тонули в грязи так, что были видны только их уши, многие животные исчезли. Шатры были брошены, а конники продолжали путь. Наконец, в марте Тимур и его гвардия вышли из потоков на твердый грунт с изобилием травы. Войска, которые следовали за ними, разбрасывали войлок, циновки и покрытие их шатров по земле, чтобы можно было пройти.

Тимур пополнил лошадей, восстановил силы воинов, привел в порядок армию и двинулся против мелкого удельного владетеля, который осмелился ограбить караван с подарками, отправленный в Султанию для жён и дочерей и невесток. Затем он повернул для штурма и захвата Мардины, жители которого в его отсутствие вновь проявили строптивость, и отказывались подчиняться. Горожане просили пощадить их и предложили огромный выкуп, прислав в качестве аванса великолепных лошадей и мулов.

Им повезло. В эти дни от Сарай-Мульк-ханум прибыл курьер, который сообщил повелителю, что в Султаннии у него родился внук, сын семнадцатилетнего Шахруха. По этому случаю Тимур пощадил Мардину и даже отказался от выкупа. Новым внуком был Улугбек, ставший впоследствии всемирно известным астрономом, покровителем искусств и наук. Шахрух был женат с одиннадцати лет, но Улугбек был от его второй жены. Мать Улугбека, Гаухар Шад-ага, была чагатайской принцессой, обладавшей сильным характером и выдающимися личными качествами. По обычаю ребенок был передан на попечение Сарай-Мульк-ханум. Это случилось весной 1394 г., год Собаки.

Из Мардины Тимур двинулся на город Амид, расположенный в верхнем течении Тигра. Город капитулировал, хотя войскам Тимура и не удалось разрушить его мощные

стены. Были покорены также ряд высокогорных центров в Армении, несмотря на глубокий снег к востоку от озера Ван. Там армия понесла огромные потери в людях, лошадях, верблюдах, многие из них сорвались в обрывы и погибли под снежными лавинами.

Тимур был обескуражен, он устал, видя бессмысленные и неоправданные жертвы. Он решил отдохнуть с семьей и вызвал весь двор из Султании. Шахрух был отправлен, чтобы встретить их. Встреча была назначена в прекрасной армянской долине Карс. Все благополучно прибыли туда, и здесь ранней осенью у Шахруха родился второй сын, но уже от другой жены. Это был Ибрагим-Султан. Заботы о нем были поручены другой жене повелителя — Туман-ага.

Этой же осенью были покорены территории верхнего Тигра и Евфрата. Против Кара-Юсуфа, главы племени Кара-коюнлу (Черные бараны), была направлена специальная дисциплина; сам Тимур штурмовал Авник, туркменскую крепость в верхнем течении Араса, которая находилась во владении сына Кара-Юсуфа Мисра. Крепость была взята, а Мисра был захвачен и отправлен в Самарканд. Хорошую услугу в борьбе против Мисры оказал князь Арзинджана, покоренный еще во время первого похода на Персию, и Тимур утвердил за ним его владения. Теперь, когда западные границы империи Тимура вышли на Сирию и Малую Азию, расстояние между его столицей и новыми границами на западе составило около пяти тысяч километров. Все дороги в пределах этой территории были заполнены караванами, а после каждой кампании в Самарканд шли бесконечные потоки трофеев и пленников. Но имперский двор с женами, детьми, невестками и придворными находился в Султании и присоединился к Повелителю осенью для того, чтобы совместно провести зиму на прекрасных альпийских лугах Кавказа в Карабахе.

Встреча Тимура и султана Египта Баркука так и не состоялась. Султану очень хотелось померяться силами с Тимуром, и он прибыл с огромным войском в Дамаск. Получив в августе информацию о движении Тимура на север, он двинулся на Алеппо, чтобы встретить его там. Однако он ждал напрасно, и в ноябре убежденный, что Тимур боится встречи с ним, он снял лагерь и пошел обратно в Каир.

Тимур действительно избегал встречи с мамлюкским султаном Египта и Сирии, т. к. хорошо знал соотношение

сил, которое было не в его пользу. Однако, даже восстановив силу и мощь своей армии, он повел их не против Египта, а против своего самого опасного врага — хана Золотой Орды Тохтамыша.

Находясь на Кавказе, Тимур предпринял третью кампанию против Грузии. Он направил несколько отрядов против грузинских городов, которые вернулись с победными кличами, богатыми трофеями, но не достигнув главной цели, которая заключалась не в разграблении грузинских городов, а в перехвате кипчакских отрядов Тохтамыша, которые прошли через горные перевалы, и спешили пробиться в местности, лежащие на юге (1394 г.). Как только татарские войска вошли в соприкосновение с ними, однако, кипчаки вновь ускользнули через Железные ворота Дербента.

За три года до этого Тохтамыш уже потерпел поражение при Кундузча (1391 г.), но Золотая Орда не была разгромлена. В 1393 г. непостоянный хан восстановил свою силу настолько, что вновь потребовал от Таны подчинения и традиционной дани от польского короля Ягелло. Преследуя далеко идущую политику, ханы Золотой Орды добивались союза с египетскими султанами против их общего противника — правителей Персии. В 1394 г. Тохтамыш отправил послов для переговоров о союзе против Тимура. Собственный посол Тимура был убит мамлюкским султаном, и он намечал поход против Сирии и Египта. Однако, когда пришло известие, что войска Тохтамыша перешли Кавказ, Тимур повернул на север. «Хорошо, когда дичь идет сама в сети охотника». Он двинулся немедленно на поиски наглых кипчаков, но они бежали. Тимур приказал готовиться к зимним квартирам и разбил лагерь южнее Араса у Каспия.

Зима уже кончалась, когда Тимур произвел общее распределение оплаты войскам из своего казначейства. Женщины были отправлены обратно, некоторые в Султаннию, а Сарай-Мульк-ханум и Туман-ага в Самарканд, куда Шахрух направлялся в предыдущую осень в качестве правителя. В течение зимы между Тимуром и его бывшим протеже произошел обмен посольствами. Вспоминая прошлое, Завоеватель потребовал заключить договора о подчинении Тохтамыша, но последний отверг это требование, и Тимур выступил в боевом порядке, с двумя флангами прикрытыми авангардами, в поисках Тохтамыша и кипчаков.

Обе стороны маневрировали в поисках удобных позиций в узкой долине, и Тохтамыш вновь сумел ускользнуть и избежать сражения. Армии, однако, встретились на берегах Терека, севернее Дербента в апреле 1395 г.

Клавихо, кастильский посол при дворе Тимура, спустя девять лет услышал рассказ о преследовании уклончивого Тохтамыша. «Тимур со всей поспешностью преследовал его, хотя его кавалеристы были в меньшем числе по сравнению с Тохтамышем. Преследуя его по следам, он встретился с кипчакским полчищем на берегу великой реки Терек, которая течет у Таратар, и Тимур сразу же сделал попытку захватить брод, чтобы переправиться через реку. Во всем этом районе брод был единственным местом, по которому можно было переправиться через реку. Однако, когда Тимур добрался до берега реки, он нашел, что Тохтамыш уже переправился на другую сторону, а последний узнав, что Тимур шел у него по пятам, немедленно остановился, чтобы защищать и удержать брод, который он считал необходимым укрепить деревянными бревнами. Прибыв туда и узнав, что Тохтамыш держал в руках переправу, он отправил послов к Тохтамышу, спрашивая, почему он действовал таким образом, и заверяя его, что он, Тимур, будучи его истинным другом не пришел сюда с целью начать войну против него, и призывая бога в свидетели, заверял, что он Тимур, со своей стороны никогда не имел никаких агрессивных намерений против него. Тохтамыш однако, не слушал увещаний, зная хорошо вероломство Тимура. Поэтому на следующий день Тимур снялся с лагеря и быстрым маршем двинулся к берегу реки с южной стороны, видя которое, Тохтамыш сделал то же самое, и двинул свои полчища вдоль северного берега реки, держась на противоположной стороне. Так, наблюдая друг за другом, обе армии взяли путь вверх по течению и на ночь разбили лагерь друг против друга, имея между собой реку. Это дело продолжалось в течение трех дней, ни одна из армий не опережала другую, но на третью ночь, как только лагерь был разбит, Тимур приказал всем женщинам, которые шли вместе с солдатами, надеть шлемы с воинскими доспехами и играть роль солдат, а сами солдаты должны были сесть на лошадей и скакать вместе с ним назад к переправе, а каждый солдат должен был взять с собой вторую лошадь. Таким образом, лагерь был оставлен под присмотр женщин, с рабами и пленниками под охраной, тогда как Тимур пошел назад форсированно».

ным маршем в трехдневное путешествие туда, где можно было переправиться через реку. По прибытии к броду, армия заночевала и на следующий день перешла через реку, продвигаясь затем по противоположной стороне реки, когда на девятое утро они появились перед ними». Низаметдин пишет, что «армии провели ночь лицом к лицу. На следующий день битва началась. Произошло ожесточенное рукопашное сражение. В один из моментов кипчаки прорвались к Тимуру самому, который командовал резервом. Он сражался с саблей в руках, его маленькое копьё сломалось, а его стрелы кончились. Шейх Нур аль-дин и пятьдесят его воинов выстроились перед императором, защищая его от града стрел. Несколько отрядов захватили вражеские повозки, которые образовали баррикаду перед его строем, и прорвали вражеские ряды. Другие отряды спешно образовались в телохранителей до тех пор, пока не прибыли сами телохранители Тимура, с развевающимися знаменами, под звуки барабанов и труб. Они сдерживали бешеный натиск врага до тех пор, пока сражение не приняло иной оборот. Мухаммад-Султан провел атаку с левого фланга, которая прорвала ряды кипчаков и обратила их в бегство. Этот внук, который был всегда дорог Тимуру, стал теперь дороже в тысячу раз⁴. Кипчацкие ряды перегруппировывались вновь и вновь и возвращались к атаке, но эффективная взаимная поддержка и сотрудничество различных соединений армии Тимура, позволила ему одержать решающую победу. Армия Золотой Орды была разгромлена, ее лагерь и обоз попали в руки Тимура.

Тимур всегда считал именно эту победу самой выдающейся из его побед⁵.

Это было действительно его самой выдающейся победой. Прямой путь на север к сердцу Золотой Орды и ее самых богатых городских центров был открыт для Тимура. Он назначил сына Уруса (бывшего хана Золотой Орды) кипчацким ханом, и, оставив добычу с обозом, Тимур двинулся преследовать Тохтамыша. Он помчался вдоль западного берега Волги и затем перебрался на восточный берег. Тохтамыш исчез в болгарских лесах. Тимур преследовал его довольно долго, а затем перешел обратно на западный берег, опустошив территорию за Западе до Днепра и на севере до Ельца, по долине Дона на границе кипчацкого ханства и русских княжеств. В этом пункте,

в августе Тимур повернул на юг, опять с бесчисленной добычей, но без Тохтамыша.

Тимур не дошел до Москвы. Ермолинские хроникеры утверждают, что Великий князь Василий I Московский собрал все свои войска и выступил к реке Оке, в то время как народ Москвы, от мала до велика, готовился к защите. Из Владимира привезли чудодейственную икону святой девы. Ее въезд в Москву был обставлен торжественной церемонией и в том, что Тимур повернул на юг от Ельца русские хроникеры усмотрели страх его перед русскими войсками и дар святой девы. В действительности же у Тимура была более важная задача — окончательное уничтожение Золотой Орды.

Тимур достиг Таны, в устье Дона, где находился торговый пункт с колониями купцов из Генуи и Венеции, Каталонии и Бискайи и западных государств. Купцы направили делегацию к нему с подарками, надеясь таким образом, купить свое спасение. Тимур обещал им все, что они просили и отпустил их, отправив с ними одного из своих эмиров в качестве охраны. Многие поверили дружеским обещаниям Тимура. Другие же воспользовались флотом из шести или восьми венецианских галер, которые прибыли с регулярным ежегодным визитом в порт и обеспечили себе убежище на борту. Когда войска Тимура вступили в город, мусульманское население было отделено от остальной части и отпущено на свободу. Другие же, особенно христиане, узнали слишком поздно истинные намерения Тимура, и были зарезаны или обращены в рабство. Их банки, церкви, и склады были сожжены. Среди пленников были три сына Миани, венецианского магистра, один из которых был членом депутации к Тимуру. Все трое добились возвращения им свободы ценой двенадцати тысяч дукатов выкупа. Их собственность осталась у татар.⁶

От Таны Полководец пересек Дон и Кубанские степи, где черкессы, сожгли степи, чтобы лишить нашествие продовольствия и корма. Особенно в тяжелое положение попали лошади, многие из которых пали. Наступила зима и они, пройдя до нижнего течения Волги, достигли Астрахани. Река начинала замерзать, и жители укрепили город постройкой стен из ледяных блоков, которые сверху поливали водой, так чтобы они смерзлись в единый монолит. Но это не помогло. Правитель капитулировал, народ

и животные были изгнаны из города, который был разрушен. Правителя утопили в проруби.

Следующей целью была столица Золотой Орды — Сарай, где делали остановку обычно караваны при транс-континентальных переездах. После недолгой битвы город был покорен. Это была расплата за разрушение дворца в Карши в долине Кашка-Дарьи за восемь лет до этого. Удар был сокрушительный. Стольный город ханов Золотой Орды больше никогда не смог оправиться. В конечном счете его заменили другие города на Волге. Катастрофа была неожиданной и сокрушительной. Раскопки, произведенные в девятнадцатом веке, обнаружили подвалы полные товаров: осколки стеклянных сосудов и росписные фаянсовые изделия, блюда, чернильницы, кучки кожи и шкур, уже разрезанных для шитья обуви, отрезы шелка, одежду, все со следами огня, там были и ножи, лезвия мечей, топоры и лопаты, котлы для ритуального омовения, инструменты для выжигания по дереву, труты, и трутницы, большие и малые горшки, медные чаши и кубки, бронзовые подсвечники, костяные вязальные иглы, и остатки стамесок и многое другое. Были также три каменных подвала, где было найдено большое число кристаллов с красящим материалом — темно-голубой, желтый, лазурный, зеленый, красный и белый, части лошадиных хомутов, удила, уздечки, железные цепи, подковы и ящики с железными кольцами, смола, полоски кожи, точильные камни, грифели, ступки, кегли и шары из обожженной глины, медная проволока, алоэ, сера, квасцы, селитра.⁷

Это был великий Сарай, где мусульманские путешественники встречали чрезвычайно большое число иностранных купцов⁸. Как писал Арабшах, «они говорят, что раб одного из магнатов этого города бежал и построил свое жилище рядом с дорогой и содержал себя торговлей, что этот человек оставался там десять лет — но его хозяин никогда не встречал его, никогда не находил его и никогда не видел его, потому как выше был город и огромное множество народа жило в нем».

Поражение на Тереке и разрушение Сарая были ударами, от которых Золотая Орда никогда уже не смогла оправиться. Ее караванные пути были уничтожены. Межконтинентальный путь, по которому путешествовал Поло Старший и Ибн Баттута, был закрыт. Орда потеряла инте-

рес для торговцев запада и востока. Жертвами пали не только Сарай и Астрахань, первые две станции на пути от Черного моря в Среднюю Азию и Китай, но и порты Каффа и Тана. Тана потеряла рынок Сарая, который снабжал ее северными продуктами, особенно рабами. Правда торговля с Азией была достаточно привлекательной для Генуи и Венеции, чтобы попытаться содержать там базу, даже после такого ужасающего разгрома. Однако, венецианские путешественники Барбаро и Контарий в пятнадцатом столетии сообщили о торговом упадке и разорении Таны и Астрахани. Дженкисон в 1558 г. нашел Астрахань «мелким и нищим», а дорогу на Бухару опасной.

Было очевидно намерение Тимура разрушить северную торговую дорогу, которая связывала Ближний и Дальний Восток, и переориентировать караванную дорогу через Среднюю Азию, которая господствовала над межконтинентальной торговлей в дочингизовские времена. Ургенч, следующая станция на северном пути, был разрушен в 1388 г. После падения Сарая, северная межконтинентальная дорога была практически заброшена. Вместо дороги через Тану, Сарай, Ургенч, Отрар и Талас, караваны вновь взяли путь через Султанию, Герат, Балх и Самарканд, и доходы следовательно пошли в карманы Тимура и его вассалов. Политика Тимура в отношении империи хулагидов и Золотой Орды была таким образом противоположной, но в то время по существу взаимно дополняла друг друга. В первой он был защитником торговых дорог, которые связывали и исходили из Мавераннахра. Ее он разделил также на ленные владения сыновей. В Золотой Орде, он разрушил торговый путь, который мешал экономическому развитию его владений, а здесь он покровительствовал одному соперничавшему хану против другого и раздувал конфликты, которые еще более подрывали угасающую силу Орды. В пятнадцатом столетии Золотая Орда раскололась на независимые ханства — Казань, Крым и Сибирь.

Сын Уруса, назначенный Тимуром ханом Орды, не смог утвердиться там. Тохтамыш вышел из лесов, восстановил свой трон и год спустя атаковал геннуэзских колонистов в Крыму, другой прежний протеже Тимура пытался также утвердиться сам как властитель Орды, но смог собрать лишь часть своей прежней силы. Третий конкурент, Кутлуг-Оглан, преуспел в утверждении себя ханом урезанной Орды и смог поддержать мир, если не

дружбу, с Властителем Счастливых созвездий. Как Клавихо; так и архиепископ Джон, повторяют рассказы, которые показывают, что князья Золотой Орды и, особенно, Идигу, оставались бельмом в глазу Полководца, состязаясь с ним в мудрости, хотя они и не могли быть больше опасными для него. Низвергнутый Тохтамыш искал приют у князя Литвы, который принял его вопреки Кутлуг-Оглану. Девять лет спустя после его поражения на Тереке, Тохтамыш вернулся в Отрар, где он ожидал свое посольство, которое отправилось ко двору Тимура в надежде вернуть его расположение.

Ибн Арабшах, так описывал границы до которых были урезаны земли Золотой Орды: «Там обычно шли обозы путешественников из Хорезма, совершая свое путешествие в повозках, без страха и боязни до Крыма — путешествие около трех месяцев; на пути имеется море песка, такое же широкое, как семь морей, через которое самый искусный проводник не может показать дорогу, а самый опытный человек не может совершить путешествие; и те обозы, не брали с собой ни пищи, ни корма, не присоединялись к компаньонам, — потому как было множество народа, полная безопасность, обилие продовольствия и норма среди жителей». Описав борьбу за власть в побежденной Орде между Тохтамышем и Идигу, Арабшах продолжал: «Поэтому по этим причинам обрабатываемая земля Дашта (Кипчак) стала пустынной и сухой, жители бежали, рассеялись, так что если бы кто-либо пошел через нее без проводника или разведчика, он конечно бы сгинул; потеряв дорогу, даже летом, так как ветра, поднимающие и разносящие пески, скрыли дорогу, замели ее и стерли».

Зима 1395—1396 гг. была исключительно холодной, и армия Тимура была в плохом состоянии. Продовольствия не хватало, и цены в лагере подскочили. Лошади умирали в огромном количестве. Император приказал туваджиям разделить среди войска добычу, захваченную в Астрахани и Сарае, и снабдить лошадьми тех, кто нуждался. Армия покинула опустошенную кипчакскую страну и вернулась на зимние пастбища в Грузию. Поход длился три с половиной года. С наступлением весны 1396 г. (год Мыши) армия развернула знамена, перешла Терек, который был все еще подо льдом, затем армия двинулась на юг через Дербентский проход.

«Пятилетняя кампания» фактически разрушила в течение четырех сезонов единственного противника, способного оказать решительное сопротивление Тимуру. Она обеспечила безопасность жизненных центров и станции торговых дорог Леванта и привела к покорению территории от Кавказа до Персидского залива и побережья Индии. Она привела Тимура до границ Анатолии, бросив таким образом вызов владениям султана Баязита Османских турок.

Но Полководец вернулся в Самарканд. Он провел в своем королевстве самый долгий интервал между какой-либо из его кампаний — два сезона. В течение этих двух лет он посвятил себя с бешеной энергией развитию и украшению столицы и приготовлениям к следующей кампании, направление которой он решал сам лично.

Глава IX

ИМПЕРСКИЙ САМАРКАНД

1396 (год Мыши) — 1398 (год Тигра)

И будет тогда мой родной Самарканд
Горд и прекрасен своим царственным видом,
И знаменит будет до самых дальних стран
Потому, что здесь будет мой царский дворец.

Кристофер Марлоу: Тамерлан Великий.

Тимур не мог оставаться в Персии после победы над кипчаками, потому что, как утверждает Арабшах, у него была огромная добыча и огромное число пленников. «Поэтому он отправился в свое королевство Самарканд, где он потряс свои сумы и опустошил свои мешки».

Марш домой был отложен до лета 1396 г., чтобы покончить с гнездами сопротивления в Азербайджане и Фарсе. В Язде (Королевство Фарс) станции на караванном пути

от Нишапура до Шираза произошло восстание. Повстанцы захватили офицера, оставленного наблюдать за порядком в городе, вместе с поступлениями, которые он собрал, и партию готовых тканей, предназначенных для Сарай-Мульк; из этого они сделали для себя несколько замечательных платьев. Со свежими хорасанскими войсками Тимур осадил город. Повстанцы держались до тех пор, пока многие из них не умерли от голода; затем их вожди пытались бежать через тоннель, вырытый под городскими стенами, но были схвачены. Язд оказался в бедственном положении, дома опустели, лавки разрушены. Тимур запретил репрессии против горожан или грабеж. Он приказал принять меры для восстановления города и его торговли (об этом пишет Шарафатдин, житель города, который стремился угодить своему господину).

Одному из отрядов было приказано идти к Шустару, чтобы очистить от разбойников магистральную дорогу Луристана, севернее Фарса. Затем они прошли на юг вдоль Персидского залива, чтоб покорить города вплоть до Ормуза, важный пункт в морской торговле с Индией. Шейх Нураддин был отправлен в Шираз, столицу Фарса, для контроля над поступлением налогов.

Тимур провел Рамазан на равнинах у Хамадана в молитвах и религиозных размышлениях. Властителю Счастливых созвездий пошел шестой десяток.

Отправив свои войска на обычные летние квартиры, он выступил в июле в Самарканд, выполнив задачи четырехлетнего похода. Он спешил домой форсированным маршем, переправился через Аму-Дарью в Амударье, где его встречала группа членов его семьи, состоявшая из старшей леди Сарай-Мульк-ханум, Туман-ага, других королей, Султан-Бахт-Бегим, дочери, и других знатных дам и принцев, которые прибыли вместе с Шахрухом, младшим сыном Тимура, оставшимся во главе Самарканда. Императора осыпали золотыми монетами и драгоценными камнями, ему подарили тысячу богато украшенных лошадей и набор из тысячи мулов одного цвета. Тимуру мулы понравились.

Потом Тимур отправился к мавзолею в долине его предков и воздал дань уважения памяти Тарагая, своего отца, и своих двух первенцев сыновей — Джахангира и Умар-Шейха. Каждый день в тенистом саду у мавзолея варились двадцать баранов, которых раздавали как милостыню в честь королевских покойников рода Барласов.

Из сум, которыми потряс Тимур, и из мешков, которые он опустошил, посыпались добычи и доходы, с помощью которых он намеревался сделать Самарканд самым величественным городом в Азии. По дорогам от Леванта до Самарканда потекли деньги из трех главных источников, которые заполняли имперскую казну: налоги и пошлины с торговли, дань с вассалов, и просто чистейший грабеж.

Налоги на торговлю и городские ремесла, рассматривались по Исламу незаконными, но тем не менее их регулярно собирали. Рашид-ат-дин, министр ильханов Персии, говорил с большой похвалой об этих налогах (тамга), как самых легко реализуемых налогах в королевстве.¹ Поступления от торговли являлись важной частью доходов Тимура. Шильтбергер замечал, что забота Тимура о консолидации и защите караванных путей в его владениях принесли ему колоссальный источник финансовых поступлений.

Клавихо совершил путешествие от Трапезунда до Самарканда в начале пятнадцатого столетия за четыре месяца. Он нашел, что, за исключением первых нескольких этапов, где путешественника беспокоили вымогательства местных правителей, «вся страна была в мире под правлением и управлением Тимура». От Тавриза, по всей хорасанской дороге, на станциях держали постоянно готовых смену лошадей для королевских послов. Проезжая у крепости у подножья горы Арарат в Армении кастильский посол отмечал: «Замок занимала леди, уплачивавшая дань Тимуру за право обладания им и землями, лежащими вокруг. В прежние времена этот замок был прибежищем разбойников и грабителей с большой дороги, которые жили на грабежах путешественников. Тимур взял его штурмом и предал смерти главаря разбойников (который был мужем упомянутой выше леди, теперь его вдова). Тимур отдал приказы, чтобы разбойники вновь не окопались здесь и не заперлись, чтобы практиковать свое дьявольское занятие — каждая дверь должна быть убрана из ворот замка и никогда не заменять их и держать всегда их открытыми ..., когда мы были там, мы нашли что все входы до сих пор оставались без ворот. Замок стоит у подножья огромной горы, где останавливался Ноев ковчег... Хозяйка оказала нам в тот вечер гостеприимный прием, снабдив нас всем необходимым. Направили охранников, чтобы охранять день и ночь послы, их багаж и их лошадей».

Поездка посла по главному караванному тракту и пребывание в Самарканде, убедили его, что торговля развивалась Тимуром с целью превращения своей столицы в самый богатый из городов. Ежегодно коммерсанты всех сортов приезжали сюда из Китая, Индии, Кипчакских земель и многих других стран, «так как торговля в странах вокруг Самарканда процветала». В Тавризе он сообщал о скоплении коммерсантов, караван-сараев, великолепных бань, общественных садов, где еда «хорошо подавалась», фонтанов и ледяной воды в медных кувшинах для усталых путешественников и насчитывалось двести тысяч домовладельцев в пределах города. В Султании, следующем этапе на дороге, и императорской резиденции, собирались купцы из Афганистана, Гиляна, Сирии, из Генуи и Венеции, из Каффы, Трапезунда, Турции, Багдада и Ормуза. Дальше по хорасанскому пути находились такие замечательные места, как Рэй и Нишапур. После Нишапура, вместо того, чтобы ехать к югу в Герат, послы пошли к святым местам Мешхеда, к Тусу, и через пустыню к Андохою и Балху, где они переправились через Аму-Дарью в Мавераннахр.

По этой дороге караваны доставляли в Самарканд великолепные шелка прикаспийских провинций, прославленные бриллианты, золотые и серебряные изделия из Султании, продукцию Индии и Китая, которые прибывали южным морским путем в Ормуз, и отсюда шли к северу верблюдными караванами. Много тканей, стекла и металлических изделий прибывало из Сирии и Малой Азии.

По сухопутной дороге из Индии, через Гиндукуш к Балху, привозили специи — мускатный орех и гвоздику, мускат и имбирь, корицу. Меха, кожаные изделия, холст прибывали из кипчакских земель. По караванному пути с востока, протяженностью в шесть месяцев, с реки Хуанхэ, по краю Таримского бассейна к Алмалыку и Кашгару, привозили из Китая самые дорогие из иностранных товаров: лучшие шелка («те, что являются лучшими, являются те, которые без вышивки»), драгоценные камни включая агат и жемчуг, медицинский ревень, пряности и мускус — так как китайский мускус считался лучшим после знаменитого тибетского. Клавихо заметил китайский фарфор во дворе Тимура. В самом деле он прибыл в Самарканд, с караваном из восьмисот верблюдов из Ханбалыка (Пекина).

Несмотря на тот факт, что таможенные пошлины в му-

сульманских странах считались противоречащими религиозному закону, налоги и проценты образовывали важный источник государственных поступлений. Таможенные пошлины и сборы собирались на караванных дорогах. Немусульмане зачастую облагались пошлинами вдвое большими, чем мусульмане. Два пункта были особенно доходными для Тимура: одним из них были «Железные ворота» в Дербенте, где восточные отроги Кавказской гряды спускались к Каспию, а другой был расположен в горной гряде между Самаркандом и Балхом, в двух днях пути верхом от Шахрисябза, — это также были «Железные ворота», называемые также Дербентом. Клавихо называл его «кордегардией Имперского города: проход, который пересекает его, является узким коридором, где проход кажется вырубленным рукой человека, с горными стенами, идущими вертикально вверх на необъятную высоту. Только этим одним проходом могут проходить все путешественники из Индии в Самарканд; и те, кто идет из Имперского города путешествуя в Индию, не могут идти другим путем».

Дербент в Мавераннахре был описан в таких же выражениях буддистским монахом Суан-Таном в семнадцатом столетии. Чан-Чун сопровождал Чингиз-хана через эти Железные ворота. Клавихо подсчитывал, что между двумя Дербентами была дистанция по меньшей мере тысяча пятьсот лиг «и Тимур является владельцем этой территории... Тимур является единственным господином этих Железных Ворот и огромных поступлений от пошлин, наложенных на всех купцов, которые приходят из Индии».

Архиепископ Джон, несомненно имея в виду собственные цели, отмечал льготы, предоставленные коммерсантам: «Он (Тимур) считает желательными иностранных купцов и дарует им благоприятные условия и безопасность по всем его владениям... если какой-либо купец будет ограблен где-либо в его землях, вся страна, где он был ограблен должна уплатить ему вдвойне то, что он потерял, и должна предоставить Тимуру в пятикратном размере сумму о которой идет речь».

Если Шильтбергер, баварский пленник, считал, что король Персии получал от одного Тавриза большой доход, чем самый мощный король в христианском мире, то Клавихо добавлял, что город Султания благодаря торговле приносил ежегодно имперской казне такой же огромный,

доход только от таможенных пошлин. Кастильский посол тщательно следил за положением дел и отмечал, что эксплуатация некоторых минеральных ресурсов являлась монополией императора. Тимур один имел права на шахты Бадахшана в Гиндукуше, откуда начинается Аму-Дарья, из этих шахт прибывали сапфир, ляпис-лазурь и рубин розового цвета. Шахты усиленно охранялись, и стоимость камней постоянно менялась в зависимости от поставок на рынок.

Поступления от торговли были лишь одной частью государственных ресурсов. Другой источник состоял из феодальной дани, взимаемой в виде наличных денег, натурой и различных повинностей покоренных народов. Государства, завоеванные Тимуром были феодальными государствами, и он установил свою власть над ними, посадив править в этих странах своих вассалов, или принцев его собственного рода, местных феодальных магнатов, проявлявших лояльность к нему, которых он желал вознаградить, прежних правителей, которые покорились ему и дали доказательство своей лояльности, или же тех, как это было в случае Золотой Орды и позже Малой Азии, кто был потенциальным соперником его действительных врагов. Феодальные владения (лены) большие или малые, были наследственными, и правители несли полную ответственность за свое управление и сбор налогов и дани. Они платили столько, сколько требовалось государственной казне, а весь остаток оставляли у себя.

Привилегированная группа феодальных владетелей, которая была возведена в тарханы, получала, дополнительно к своим другим правам, освобождение от обычных налогов и обложений. Однако, крестьяне, горожане и купцы несли прежнее бремя и платили столько же как и раньше: феодал превращал весь доход в свою собственность. Система денег и налогов при Тимуре также продолжала традиции монголов. Когда Клавихо был в Самарканде, там был казнен один военачальник, который получил партию из трех тысяч лошадей от имперского конного завода с заданием пасти их, но не смог вернуть в прежнем количестве. Его обещание вернуть шесть тысяч вместо трех, если бы ему было предоставлено время, не спасло его от виселицы.

Пахотные земли были разделены на мелкие крестьянские держания. Кроме земли феодал предоставлял плуг, семена и волов и обычно наблюдал за снабжением водой. Главным налогом был поземельный налог, выплачиваемый

деньгами и натурой и составлявший иногда половину всего продукта. Харадж (поземельный налог) взимаемый в оседлых районах, приносил доходы в трех главных видах: от обрабатываемой площади, от уровня урожая и ежегодной платы казне, производимой независимо от обрабатываемой площади или неурожая. Сумма не фиксировалась. Она колебалась соответственно типу урожая и соответственно методу ирригации. Вода в Азии является часто гораздо более ценной, чем земля или золото: вода была самой жизнью. Хотя в мусульманских странах в теории она была даром Аллаха, которой никто не мог владеть, на практике она находилась в монопольном владении феодалов. Площади, зависимые от уровня осадков, облагались по самым низким тарифам; области же орошаемые естественными потоками облагались более высоко, в то время как районы, зависимые от колодцев и ирригационных каналов, облагались тяжелее всего.

Архиепископ Джон сообщал, что со всех его городов и сел Тимур брал десятую часть в виде налогов и четверть арендной платы всех видов. Это давало ему возможность содержать его бесчисленных конных лучников и пеших солдат. Иногда взимался подушный налог, особенно с немусульман. Другие налоги включали традиционные мусульманские благотворительные налоги, также как налоги на предприятия — такие как шахты. Налоги и повинности ложились тяжелым бременем на горожан, крестьян и пастухов (исключая привилегированных чагатаев). Дополнительно к обременительной повинности содержать ямы, они должны были заботиться об ирригационных каналах своим трудом, также как платить налог за воду, полученную в сухой сезон. Рабский и крестьянский труд привлекался к строительству городских стен и других укреплений, дворцов, мечетей и школ. Их трудом содержались или проводились дороги и мосты. В случае войны, народ должен был приносить с собой собственные инструменты и пищу. Когда Клавихо должен был возвращаться, человеку по имени Казви поручили расчистить дорогу для его группы от снега. Потом их работа была принята жителями следующего селения, которые также пробивали проход через снег.

Несмотря на то, что значительная часть суммы удерживалась местными князьями, привилегированными вельможами и налогосборщиками, в целом поступления в казну были огромными. В 1397 г., когда Мухаммад-Султан

вернулся после покорения Ормуза на Персидском заливе, побежденный правитель обещал уплатить дань в шестьсот тысяч динаров. А когда в 1398 г. Шейх Нураддин привез дань из Персии, чтобы представить Тимуру в Кабул, дворцовые контролеры работали три дня и три ночи, чтоб подсчитать ее. После поражения Оттоманских турок, офицеры были отправлены через Рум (Малая Азия) с целью «просмотреть его провинции до их самых дальних границ и точно и прилежно изъять пятую часть их ресурсов»². Отмечен один по меньшей мере случай, когда Тимур сделал выговор своим чиновникам за чрезмерную дань, которую они пытались выжать из Султана Кашмира — союзника, которого Тимур стремился привлечь к себе, вероятно в расчете на предстоявший поход в Китай. Безопасность могла иногда быть гарантированной быстрым подчинением и готовностью платить дань и подарки: «Когда Исфандиар узнал, что он (Тимур) не насиловал тех, кто покорялся ему и исполнял его приказания, он поспешил представить себя ему и приготовился прибыть к нему и привез великолепные подарки огромной цены, и Тимур принял его сердечно и был дружески с ним... тогда он (Тимур) поручил ему и принцам Карамана и эмирам тех стран, которые показали готовность покориться и подчиниться ему, произносить на публичных молитвах имена Махмуд-хана и великого эмира Тимура Гургана и чеканить на монетах их имена. И они подчинились его приказам и стали остерегаться того, что он запретил и так спаслись от грабежа и разрушений».²

Однако, безопасность, обеспеченная таким образом, относилась только к князьям и их собственности, но не к народу, для которого вымогатели дани были обычными грабителями.

Обязательство снабдить нужды армии было часто разрушительным для края. Опустошенные поселки можно было видеть по хорасанской дороге на волне тимуридских войск. Между Султанией и Тегераном Клавихо набрел на разрушенный замок и опустошенное поселение. Войска, которые прошли здесь до них, нашли недостаточным поставку им корма, им поэтому разрешили скосить на корню весь созревший урожай. После армии туваджии, сопровождавшие ее, ограбили все, что осталось.

Третий источник имперских доходов — трофеи — был вероятно больше, по объему, чем какое-либо из поступлений от торговли или феодальной дани. Добыча, собранная

в походах имела иногда очень разнообразное происхождение: разгром Золотой Орды принес сокровища, собранные от обложения данью Москвы, Тавриза и других городов Тохтамышем; из Индии прибывали сокровища, собранные поколениями дельйских султанов; при разгроме Османского султана Тимур захватил сувениры рыцарей крестовых походов, которые тысячами пали от турок в Никополи.

Особенно ценными были пленники, которых перевозили в Мавераннахр. Кроме женщин и рабов, которыми обеспечивались войска из этого источника, каждое поверженное королевство и город отдавали Тимуру своих ученых, художников и самых лучших мастеров. Ремесленники, около тысячи, с их инструментами и семьями были вывезены из покоренных стран в Самарканд. Когда в 1379 г. был захвачен Ургенч, на родину Тимура, Шахриябз, были увезены все ремесленники. Персия отдала своих художников, каллиграфов, музыкантов, историков, архитекторов, и строительных ремесленников, многих грамотных людей и духовных деятелей. Из Сирии Тимур вывез шелкомотальщиков, мастеров по производству лука, оружейников, специалистов в производстве стеклянной посуды и фарфора. Из Малой Азии прибыли оружейные мастера, артиллерийские инженеры, мастера по серебру, каменщики, мастера по выделке канатов. Тимур начал культивировать лен и пеньку в Мавераннахре для производства канатов, который согласно Клавихо раньше, здесь не производился.

Из Индии прибыли самые квалифицированные каменщики, строители, мастера по металлу и ювелиры. Арабшах указывал, что под страхом смертной казни войскам запрещалось грабить побежденный город перед тем, как эмиры и придворные чиновники не произведут свой сбор «массы юристов, теологов, людей, которые на память знали коран и ученых людей, мастеров, рабочих, рабов, мальчиков и девочек».

Население Самарканда настолько раздулось от этих караванов пленников, что не было места для местожительства в пределах городской черты или в пригородах. Клавихо видел их: мусульман — турков, арабов, марокканцев; христиан — греков, армян; католиков, яковитов, несторианцев, хиндуистов и зороастрийцев, расквартированных временно в пещерах и в палатках под деревьями пригородов.

Цель Тимура была двойкой: собрать с одной стороны

лучших мастеров Азии для украшения своей столицы и с другой стороны, переселить Мавераннахр, расширить оазисы и города. Когда Клавихо переправился через Аму-Дарью, он отметил, что не только язык сменился с персидского на турецкий, но и движение стало односторонним. Хотя каждому был разрешен въезд в страну без особого на то позволения, никто не мог покинуть страну без приказа, даже если он был свободнорожденным. Мост над рекой был частично разобран, и остальная часть путешествия через широкие воды совершалась на лодке. Все переправочные средства контролировались охраной.

За пределы Мавераннахра были отправлены чиновники, чтобы собирать бродяг и сирот. Их приводили обратно в земли за рекой и использовали как и других пленников.

Энергия, с которой предпринимались завоевательные походы, определялась также созидательной деятельностью Тимура в Мавераннахре. Правда, некоторые проекты были осуществлены в очень отдаленных областях империи — например, восстановление города Байлакана и постройка канала для снабжения его водой; ирригационные работы в Хорасане по верхнему течению Мургаба; строительство канала и прилегающих сооружений в Кабульском бассейне. Тем не менее главная деятельность Тимура была направлена непосредственно к самому Мавераннахру, хотя Полководец редко бывал там. На пересечении с Сыр-Дарьей, где магистральная дорога от Самарканда приближалась к Ташкенту, был восстановлен город Бикакет, разрушенный Чингиз-ханом, с мостом и яликами для перевозки. Город был расширен при Шахрухе, сыне Тимура, и стал известен как Шахрухия. Поблизости был вырыт канал, чтобы оросить последние мили путешествия до Сыр-Дарьи. Туркестанская газета (декабрь 1886 г.) писала, что ложе этого канала можно было все еще видеть³.

Балх, который Ибн Баттута в 1330-х годах нашел «полностью разрушенным и ненаселенным», стал «очень большим» городом в начале следующего столетия, когда там проезжал Клавихо. Его внутренние стены огораживали территорию «густо населенную: и в отличие от других городов, через которые мы проезжали в этом районе, и которые лежат открытыми, две внутренние стены Балха чрезвычайно сильны». Андижан на востоке Мавераннахра, который был основан в конце тринадцатого столетия, в конце четырнадцатого столетия стал цветущей столицей Ферганы.

Согласно Шарафетдину, Тимур не выносил вида пахотных земель, лежащих незаселенными. Это было необычно для человека с его традиционным презрением к оседлой жизни крестьян, и отказа подчиняться нужному труду сельского хозяйства. Однако, заботой Тимура было достаточное снабжение армии. Издавна он замыслил поход против Китая, и, имея это в виду, он приказал начать разработку земель, находящихся на границе с Могулистаном (Семиречье). Были созданы крепость и поселение в Ашпаре, восточнее Сыр-Дарьи. Было приказано обрабатывать землю, а продукты сносить в склад, чтобы снабжать нужды армии. Для осуществления этой задачи были назначены эмиры, которым в помощь было придано четыре тысячи лошадей. Тимур также приказал, чтобы все искусные хлеборобы, возделывающие поля или виноградники, малые или большие от границ Самарканда до Ашпара, должны оставить свои дела и торговлю и посвятить себя полностью полеводству: при необходимости человеку разрешалось скорее пропустить его обычные молитвы, чем полевые работы¹.

В отличие от остальной империи, Мавераннахр не был разделен и не был отдан в ленное владение другим принцам. За исключением королевства Ферганы на востоке, по плодородной части среднего течения Сыр-Дарьи, Тимур держал Мавераннахр в собственных руках. Мавераннахр получил выгоды не только от имперских грабежей, но и от централизованного государства, которое уничтожило местные феодальные междоусобицы. «Хороший порядок поддерживается в Самарканде с чрезвычайной строгостью и никто не осмелится воевать с другим или покорять своего соседа силой», — писал кастильский посол. «В самом деле, — писал проницательный посол, — что касается войн, то их Тимур вел достаточно, но только за рубежом». Самаркандская провинция сама состояла из семи туманов. Тимур сам уделял лично большое внимание управлению туманами Мавераннахра и обеспечению налогов, которые он требовал от них.

Мавераннахр расплачивался за свои привилегии тем, что мирился с деспотической властью Тимура. Предводители, которые оказывали сопротивление, были убиты, а все другие местные правители беспрекословно подчинились. Возвращение Тимура в столицу было отпраздновано среди прочих, возведением виселиц в общественных местах, свершением суда над правонарушителями и опас-

ными лицами. «Он начал расследовать те вещи, которые произошли в его отсутствии в его королевстве, и его подданных и проверять дела королевства и рассматривать дела великие и малые, и обращать свое внимание на урегулирование дел для бедных и богатых... Он выразил уважение принцам, окружил почетом вождей, возвыся тех, кто был достоин уважения, превознес ученых, поощрил вельмож, отстранил двуличных, подавил раскольников, задушил нарушителей супружеской верности и умертвил воров, пока благодаря его заботам состояние империи не было приведено в полный порядок, и основы правительства не были приведены в соответствие с законами Чингизхана»⁵. В 1404 г., когда Тимур вернулся в Самарканд, правитель города был осужден за свои злоупотребления властью и угнетение населения. Богатства, которые он приобрел в течение его пребывания на своем посту, были переданы в имперское казначейство.

«Для тех из его чиновников, которые во всех местах строго придерживались справедливости, нет невзгод или страха; за малейший проступок он (Тимур) убивает величайших по значению своих офицеров...» говорил архиепископ Джон.

Когда интересы оседлого населения и торговцев приходили в противоречие с интересами чагатайских кочевников, защищались интересы последних. На первом месте всегда стояли интересы снабжения армии — лошади, продовольствие, корм, снаряжение. Если цены, назначаемые на рынке, считались слишком высокими, торговцев вызывали в суд. Самаркандские мясники приговаривались к смертной казни за наценку на мясо. Производители обуви и сандалий приговаривались к штрафу и наказаниям за аналогичные поступки. Когда орды Тимура находились в лагерях вне Самарканда, торговцам приказывали покинуть город для продажи их изделий войскам — мера, которую они считали угрозой их средствам к жизни.

Возможно, однако, что несмотря на их полурабское положение, состояние местных мастеров и купцов в городах Мавераннахра, и особенно в Самарканде, значительно улучшилось в последних декадах четырнадцатого столетия. Рост караванного движения привел к огромному спросу на местные продукты как на предметы первой

необходимости, так и на предметы роскоши. Население Самарканда имело некоторую долю в имперских грабежах: по возвращении Тимура из пятилетнего похода и поражения кипчаков, население было освобождено от налогов на три года. Подобным же образом было всеобщее прощение налогов и долгов по его возвращении в 1404 г.

Самарканд в четырнадцатом столетии не очень сильно отличался по планировке от других среднеазиатских оазисных городов того периода с их обширными пригородными садами и поместьями. Дороги от главных ворот сходились в центре города, где купола покрывали главное здание рынка. Было шесть дорог ведущих от ворот Самарканда внутрь города. Вода приносилась арыками — ирригационными каналами — иногда по трубам, иногда приятно журчащими над камешками в их маленьких каналах; сеть этих каналов приносила воду из реки Зарафшан. Они наполняли общественные резервуары, частные дома и сады Самарканда за счет Бухары. В античные времена Зарафшан был притоком Аму-Дарьи и высыхал за Бухарой, где воды обращались в каналы. Арабские географы в древние времена отмечали около двух тысяч мест в Самарканде, где благодетели, побуждаемые, несомненно, среднеазиатской пословицей: «Человек должен или потеть, или же высохнуть подобно дереву», раздавали бесплатно ледяную воду, содержащуюся ими в фонтанах, или же в медных чанах⁷. На скверах, где скрещивались дороги, были группы общественных зданий — рынки, караван-сарай, чайханы, мечети, мадрасе, святые места — и дворцы высокопоставленных лиц⁸.

От главных улиц бежали бесчисленные искривленные переулки с переполненными домами, убого сложенными из осыпающегося сырцового кирпича; здесь были мастерские и жилища ремесленников. Ремесла были сконцентрированы по определенным районам; одной из особенностей «чудесно элегантного города», которая более всего понравилась Бабуру в конце столетия, когда он на короткий промежуток времени стал владыкой Самарканда, являлось то, что каждая отрасль имела свой собственный базар. Ремесленники концентрировались в «братствах», или компаниях, соответственно их занятиям — лучники, золотых дел мастера, железных дел мастера, ткачи и пр. Эти компании были мобилизованы Тимуром вы-

ставлять свои изделия и демонстрировать их искусство для его победных празднеств.

Несмотря на беспорядочные кучи переулков, Самарканд был городом с богатой зеленью, даже внутри его городских стен. Тенистые чинары, белые тополя и фруктовые деревья свешивались над домами, чайханами и караван-сараями, скверами и бассейнами. Город, говорил Клавихо, был окружен лесом деревьев. Зеленая листва, столь радостная для путешественников в начале пятнадцатого столетия, не была особо примечательной чертой во времена Тимура. Зарафшанская долина, которая предоставила античности один из четырех земных раев, была уже во времена Саманидов (в десятом столетии) провинцией «плодородной и богатой — не имеющей себе равных».

В тринадцатом столетии, соответственно рассказу Якута, водоснабжение осуществлялось в дома трубами и город гордился многими рынками и банями — рынки были полны купцами и товарами. Каждый дом как в городе, так и в пригородах, имел свой сад и деревья. Даже сразу же после захвата и разрушения его Чингиз-ханом, таоистский монах Чан-Чун находил повсюду фруктовые сады, рощи, цветочные сады, акведуки, бегущие родники, бассейны, круглые водоемы в непрерывной последовательности. «Замечательное место: арбузов здесь столько же, сколько лошадиных голов... повсюду озера, фруктовые сады, террасы, башни и палаты... Даже китайские сады не могут сравниться с самаркандскими»⁹.

Именно этот город был избран Тимуром для своей столицы, которая должна была стать самой знаменитой в мире и на которой концентрировались его самые честолюбивые устремления. По сравнению с Имперским городом, все другие столицы должны были стать подчиненными поселениями. С этой целью вокруг Самарканда был построен ряд деревушек и построек, которые были названы по имени крупных городов Ислама: Багдад и Дамаск, Каир, Шираз и Султания.

Хотя татары презирали оборонительные войны, Тимур, по приходу к власти в 1370 г., обратил свое внимание на оборонительные средства города, который должен был стать столицей. Самарканд стоял без стен со времени завоевания Чингиз-ханом. По приказу Тимура в 1371—1372 гг. были реконструированы внутренние фортификационные стены, которые существовали в одиннадцатом и двенадцатом столетии. Клавихо считал стены — валами

или земляными стенами, защищенными глубоким рвом; в конце столетия Бабур утверждал, что в окрестности они достигают пяти миль. Ныне этот район известен как «гисар» — крепость, цитадель. Сам город, по оценке, посла, был гораздо больше Севиля, имевшим население около ста пятидесяти тысяч душ. За стеной, однако, простирались густо населенные пригороды на расстоянии одной или двух лиг: «таким образом население вне пределов города гораздо многочисленнее, чем население внутри стен».

В то же самое время Тимур также восстановил древнюю цитадель на западе Самарканда, Гёк-Сарай — Голубой дворец, который служил главным образом как казна и государственная тюрьма. Голубой дворец имел башни по углам и стены, окружавшие бесчисленное количество дворов, пошивочных мастерских и склады. Там же размещались архивы, монетный двор, казна, большое число редких и ценных вещей, арсенал и интендантство, личная собственность Тимура. Рядом с дворцом были административные помещения государственных чиновников. Казначейские помещения и темницы, размещались в подвалах. В верхних залах Тимур время от времени принимал своих вельмож или заседал в суде по местным делам. За дворцом, во дворах, находились мастерские, заполненные лучшими мастерами-ремесленниками, доставленными со всех частей империи. Здесь они работали, делая доспехи и шлемы, стрелы и луки; здесь были сапожники, чеканщики монет, скорняки, прядильщики редких самаркандских малиновых и пурпурных бархатов; производители стеклянной посуды, прядильщики золотого и серебряного филиграна, работавшие и умиравшие в рабстве у Тимура. Сотни солдат содержались в цитадели для охраны складов, казны и пленников.

Кроме мастеров, размещенных в Голубом дворце, были и другие, размещенные при дворе, в то время как остальные помогали повышать мастерство квалифицированных рабочих в Самарканде. В общем, воздействие пленников заключалось в том, чтобы увеличить число мастеров, больше чем ввести новые ремесла или новую технику. Искусство, например, производителей черепицы и глазури из Персии были применены к методам уже высоко развитым в Самарканде. В некоторых сферах самаркандские рабочие удержали их прежнее превосходство. Их мастера по мегаллу были известны своими стремянами, уздечками и иг-

лами. Самаркандская бумага была лучшей в мире, считал Бабур, а станки производили ценные сатин, крепы тафту, парчу, материалы в золоте, пурпурный бархат, который экспортировался во многие страны. Самаркандские базары изобиловали также продавцами ковров и ковриками, седел и поясов, ножей, салог, кувшинов, мускусов, янтаря и специй из Индии.

Зарафшанская долина и пастбища, находившиеся за ней, давали городу в изобилии продовольствие. Скот был замечательным, дичь и домашняя птица были из лучших пород; курдюки знаменитых курдючных овец весили до двадцати фунтов каждый. Стада были в таком изобилии, что даже, когда Тимур стоял лагерем со своими полчищами, пару овец можно было купить за один дукат. Долина производила огромные урожаи зерновых, и за несколько пенсов можно было купить полтора бушеля ячменя. «Хлеба повсюду вдоволь и рис можно купить за дешевку любого количества». По всему городу были открытые площади, где продавались готовое мясо — жареное или тушеное; жареные куры, гуси и вообще дичь можно было купить готовой к еде. Эти яства и провизия продавались «в довольно приятной и чистой обстановке и торговля шла целый день и даже в ночное время».¹⁰ Бабур прославлял великолепные пекарни и обеденные дома. Самаркандское сладкое вино и шампанское и поныне сохранили свою высокую репутацию; но в начале XVI столетия Бабур писал: «Во всем Мавераннахре нет вина, которое по духу и силе превосходило бы бухарское. Когда я пил вино в Самарканде в дни моего запоя, я использовал вина Бухары». Арыки, журчащие по улицам и садам Самарканда и его пригородах, орошали сады, бахчи и хлопковые участки. Во время года, совпадавшего с христианским рождеством, в Самарканде появлялось так много дынь и винограда, что было «удивительно», писал Клавихо. «Ежедневно груженные верблюды прибывали из окружающих местностей, и удивительно как много продавалось и съедалось на рынке». Дыни заготовленные на солнце сохранялись в течение 12 месяцев.

К концу XIV столетия торговля Самарканда переросла возможности его базаров и рыночных помещений. Она уже не могла полностью отражать могущество эмира. В 1404 г., когда Тимур нанес кратковременный визит в свою столицу, он приказал прорыть широкий проход от одного конца города в другой. Он должен был стать главным базаром

с двойным рядом лавок на каждой стороне, с проходами и галереями, крытыми сводами. Рынок должен был идти от Аханинских ворот до ворот Чорсу и проходить через сердце города. Часть главного пути была перерезана, и рыночные помещения сооружались в период пребывания там Клавихо. Как обычно за работу несли ответственность два эмира, которые работали в соревновании друг с другом. По всему пути, намеченному Тимуром, были снесены существовавшие дома и переулки. Мастерские и дома были снесены сразу, без предупреждения жителей, они бежали с пожитками, которые успели захватить. Сайиды, привилегированные духовники при дворе, осмелились заявить, что этим людям следует что-нибудь компенсировать. Они вызвали бурю гнева Тимура и должно быть были благодарны, что сохранили головы.

Работая по сменам, каменщики и строители прибывали, как только дома сносились, и сразу же закладывали новые улицы; они сооружали двойные лавки, каждый с двумя камерами, спереди и сзади, перед которыми воздвигались высокие каменные скамьи. Улица имела куполообразную крышу с окнами для света. В промежутках были установлены резервуары для воды. Как только лавки были готовы купцы въезжали в них. «Каменщики, которые работали целый день, ночью уходили домой, а на их место заступало столько же сколько уходило, которые работали все ночные часы... день и ночь стоял такой шум, что казалось все дьяволы ада работали здесь»¹¹. В двадцать дней базар на всем протяжении был готов. Расходы по его сооружению были наложены на город.

Тимур стремился культивировать благоговение перед Самаркандом как центра исламской веры и сделать его объектом паломничества. Кроме покровительства теологам, которые были перевезены в Самарканд, он поощрял культ одного из самых знаменитых святых мест, именно Шахи-Зинда, или «Живущий царь». На холме, на севере Самарканда, на месте древнего поселения Афрасиаб, по преданию был захоронен Касым ибн Аббас, двоюродный брат Магомета. Говорили, что этот святой первым принес Веру в Самарканд. Его приняли не очень благожелательно и голова его была отрублена неверным. Рассказывают, что когда святой был обезглавлен, он взял голову в руку и прыгнул в колодец на этой стороне холма. Во внешней части гробницы, построенной в память святому — которая существует до сего дня — существует еще

и колодец, местопребывание Касым ибн Аббаса. По преданию он никогда в действительности и не умирал. Он только ждет того дня, когда он, «живущий царь» вернется и потребует свое. Другая легенда относительно распространения Ислама в Самарканде говорит, что три арабских миссионера остановились на этом холме. Зарезав овцу, они согласились решить жребием направление их дальнейшего путешествия. Один опустил руку в котел и вытащил голову, которая давала ему первый выбор, и он решил остаться в Самарканде. Другой вытянул сердце и пожелал возвратиться в Мекку. Третий получил заднюю часть и предпочел Багдад. С тех пор Самарканд стал головой, Мекка сердцем Ислама. А что касается Багдада...

Во второй половине XIV столетия святилище Касым ибн Аббаса стало популярным, как место захоронения крупных феодальных князей и владельцев, и набор мавзолеев вырос для увековечения тех, кому удача обеспечила покровительство могущественного святого при их смерти. Большое число родственников Тимура и эмиров обеспечили себе право захоронения в этой округе. Сестра Тимура Кутлук-Туркан-ага (ум. в 1382 г.) была похоронена здесь в мавзолее, который она построила для ее собственной дочери Шади-Мульк-ага (ум. в 1372 г.) Другая сестра Тимура, Ширин-Бег-ага, которая умерла в 1385 г., была похоронена здесь в мавзолее, где влияние персидских мастеров проступает в украшениях из кирпича, покрытых фарфором. Одна из могил посвящена военачальнику Бурундуку, другая эмиру Хусейну, который погиб в 1376 г., во время экспедиции против джетов Могулистана. Группа гробниц была возведена на этой стороне женой Тимура Туман-ага. Здания были сооружены из жженного кирпича, с незначительным употреблением леса; они были покрыты выгравированным или разрисованным кирпичем, формой, введенной главным образом персидскими художниками. Преобладали бирюзовый и голубой цвета, со священным орнаментом, исполненным белой краской. Бледно-голубые купола венчали могилы. Внутренние стены, арки и купола одной из гробниц, именно Ширин-Бег-ага, были покрыты не черепицей, а фресками, нарисованными на белом основании. Сохранились пятнадцать групп, некоторые в хорошем состоянии. Из фресок в мавзолее Ширин-Бег, сохранился только фрагмент, представляющий ландшафт с деревьями, рекой, цветами и птицами в персидском стиле.¹²

Культ «Живущего царя» возвысил значение Самарканда, как центра паломничества, но, за исключением огромной соборной мечети, которая была сооружена Тимуром позже, его главное внимание было поглощено светской архитектурой. Она интересовала его, как средство воздействия на воображения живущих, и донесение до потомков силы его могущества. В пригородах Самарканда он построил некоторые из своих самых блестящих садов и дворцов. Были спроектированы сады, такие же громадные как и парки, симметрично разделенные на четыре или шесть скверов, с дворцами возвышенными у места пересечения аллей. Они были полны лужаек, цветников, тенистых дорожек, фруктовых садов, бассейнов, речек и павильонов. Одним из самых первых был Райский сад, заложенный в 1378 г. в честь двенадцатилетней Туман-ага, которую он взял в жены. В Райском саду в 1388 г. отпраздновали свадьбу его сына Шахруха и его внуков Джахангира, Мухаммад-Султана и Пир-Мухаммада, которые женились на принцессах, прекрасных как гурии рая.

Когда Тимур вернулся в свое королевство в 1396 г. после пятилетнего похода, он решился на свое самое длительное пребывание в столице, занимаясь многими строительными проектами.

В это время был заложен Северный сад, посвященный дочери Мираншаха. Он был спроектирован архитекторами, которые подготовили для императора на выбор несколько моделей. Собственный шатер Тимура был сооружен у строительной площадки для того, чтобы он мог лично наблюдать за ходом работ. Краеугольные камни дворца были сделаны из тавризского мрамора, дворы были вымощены также мрамором, а внешние стены были покрыты глазурью. Интерьер был разрисован художниками Персии и Ирака. Работами руководил Абд-ал Хайя, мастер иранской школы художников, взятый из студии султана Ахмада Джалаири, когда был захвачен Багдад в первый раз. Хотя представлять живые существа противоречило исламской традиции, Тимур намеревался фресками передать современникам и будущим поколениям свои достижения. Во дворцах он изображал «свои собрания и свои собственные образы, то смеющимися, то строгими, и представления его сражений и побед, и его бесед с королями, эмирами, владыками, умными людьми и магнатами, и султанами, свидетельствующими ему свое почтение, и приносящими ему свои подарки со всех сторон, и его охотничьи сети, и за-

сады, и битвы в Индии, Даште (Кипчакия) и Персии, и как он одерживает победы, и как его враги рассыпались и обращались в бегство; и образы его сыновей и внуков, эмиров и солдат, и его публичные празднества, кубки вина и виночерпии, и музыканты на цитре на его весельях, и его любовные встречи и наложницы его величества, и королевские жены, и многие другие вещи, которые происходили в его королевстве во времена его жизни, что были показаны в сериях, все, что было новым и все, что случилось; и он не упустил и не преувеличил ни одной из этих вещей; и при этом он хотел, чтобы все, кто не знал о его делах, должны были бы увидеть их, как бы они происходили на их глазах»¹³.

Ни фрески, ни какие-либо другие работы Абд-ал Хайя, считавшиеся вне конкуренции по чистоте, тонкости и силе кисти, не сохранились. Фрески вероятно исчезли быстро, Бабур не упоминает о них. В преклонном возрасте художника одолели религиозные сомнения, и он уничтожил многие из своих собственных работ.¹⁴ Завершение строительства этого красивого сада было отмечено королевским празднеством, посвященным «наслаждениям королей Чагатай».

В течение этих двух лет между Самаркандом и Шархисябзом были также заложены сады Тахта-Карача и дворец в таком огромном парке, что, как писал Арабшах, когда один из строителей потерял лошадь, она паслась в течение шести месяцев не будучи обнаруженной. Возможно это был сад, которым сам Тимур хвалился, что он был длиной сто двадцать миль. Женитьба, которую намечал Тимур между собой и монгольской принцессой, дочерью Хизр-Ходжи — Тукал-ханум, Кичик-ханум, (1397 г.) — побудила его создать сад Дилкуша — Наслаждение сердца. Он был заложен на лугах Кани-Гиль, восточнее Самарканда; широкая сосновая аллея вела из города от Бирюзовых ворот к саду. Дворец имел купол, покрытый мозаикой и его три этажа были обнесены колоннадой. Платаны протянулись вдоль дорожек и каждая часть сада была усажена различными типами деревьев — некоторые фруктовыми и некоторые декоративными.

В этом саду — Наслаждение сердца — посол Клавихо получил свою первую аудиенцию Тимура. «Он восседал под порталом перед входом в самый красивый дворец, который появился на земле. Он сидел на полу на приподнятом помосте, перед которым был фонтан, который извер-

гал струю воды в воздух, а в бассейне фонтана плавали красные яблоки». Вокруг в саду было установлено много шатров и павильонов. Спустя несколько дней Тимур переехал в другой — сад чинаров, тогда еще не совсем законченный. Третий сад с башнями в каждом углу, испанский посол, считал самым красивым, который он когда-либо видел. Это был Новый сад. Каждые несколько дней Тимур менял сад; поэтому когда послы были приглашены на императорский банкет, они увидели совершенно новый сад. Здесь Клавихо смог увидеть детали дворца и описать розовые стенные подвески, украшенные серебряными блесками; в центре каждой блески сверкал драгоценный камень. Шелковые подвески и кисточки приятно колыхались на ветерке. На двух золотых столах перед входом в различных нишах стояли семь золотых бутылей; пара из них была украшена жемчугом, изумрудом и бирюзой, а в горлышке у них были вставлены рубины. Здесь, однако, посольство было унижено, потому что ожидая переводчика, они прибыли слишком поздно, чтобы быть принятыми к празднеству.

В отсутствие монарха сады были открыты народу Самарканда, чтобы дать ему возможность насладиться удовольствиями и фруктами. «Когда он отбывал (Тимур)... горожане, богатые и бедные, шли сюда гулять и не находили пристанища более восхитительного или прекрасного чем это, и не было места отдыха более приятного и безопасного. Их сладчайшие фрукты были общими для всех».

Арабшах упоминал также «Блестящий сад» и «Образ мира»; Бабур кроме отмеченных уже выше садов, описывает Сад Квадрата с его двухэтажным дворцом с сорока колоннами, которые были сделаны из изогнутого и вырезанного камня. Он упоминал также государственный павильон в одном из садов, покрытый фарфором специально привезенным из Китая — Китайский Дворец. В целом современники в XV столетии упоминают пятнадцать или шестнадцать таких садов с дворцами и павильонами.

Энтузиазм строительства дошел и до дворца Тимура. Старшая жена Сарай-Мульк-ханум, воздвигнула мадраса на севере Самарканда. Другая — Туман-ага, построила приют для дервишей около Шахи-Зинда. Имперский наследник, Мухаммад-Султан, построил дворец и мадраса к юго-востоку от города. Бухара, бывшая по величине

такой же как и Самарканд, получила немного украшений в период жизни Тимура.

Тимур не оставался долго в своих дворцах; они имели для него ценность, скорее своим политическим значением, чем каким-либо личным наслаждением, которое они доставляли ему.

Белый Дворец — Ак-Сарай в Шахрисябзе (Зеленый город) служил тем же политическим целям. Родина Тимура в долине Кашка-Дарьи находилась на главном караванном пути между Самаркандом и Балхом, то есть, на главной дороге к Хорасану и Индии. Здесь купцы собирались в караван-сараях среди гранатовых рощ и здесь, поблизости от мавзолеев его отца и сыновей, Тимур построил свой величайший дворец. По структуре он походил на мечеть, которую позже построили в Самарканде, но был большим по объему. Во дворцах, как и в мечетях, где жизнь обычно проходила на дворе, дворы, как и строения, имели важное значение. Более того, меньше значения придавалось строению и гораздо больше придавалось порталам. Великолепные порталы были признанным элементом в строительном стиле периода караханидов, Тимур настаивал, чтобы порталы в Белый Дворец и его другие здания были бы более внушительными, чем любые другие, которые были в Средней Азии или завоеванных странах. Дворец был начат в 1380 г. мастером одетым в красную одежду из Хорезма, которого привезли сюда после взятия Ургенча. Двадцать четыре года спустя дворец все еще не был завершён хотя к этому времени пригнали на строительство мастеров из многих стран. Некоторые блоки, использованные при строительстве, носили подписи мастеров, работавших здесь; а некоторые подписи гласили: «Али — Друг Аллаха». Такая подпись была сделана несомненно сторонником секты шиитов.¹⁵

За огромными порталами, которые включали и залы ожидания, находился прямоугольный двор, почти сто метров в длину. Сводчатый округленный проход двора давал доступ в приемные залы и комнаты для туваджиев и имперский диван. Другой путь от ворот вел в приемный зал, где «стены были обшиты панелями из золотой и голубой черепицы, а потолок был полностью золотой работы, — пишет Клавихо. Из этой комнаты нас взяли в галереи и здесь также стены были из позолоченной черепицы. Мы видели здесь много залов и комнат, которые украшены черепицей в голубом и золоте с многими другими цвета-

ми... мы посетили огромный банкетный зал, который построил Тимур и он был пышно разукрашен, и был очень вместительным, а за ним был огромный фруктовый сад, в котором было посажено много разных фруктовых деревьев и деревьев просто для тени. Они стояли вокруг водного бассейна, за которым простиралась красивейшая лужайка из дерна. Этот сад был такой широты, что очень большие компании могли свободно собираться и в летнюю жару наслаждаться прохладным воздухом около этой воды и в тени этих деревьев»¹⁶. В конце XV столетия Бабур описал дворец почти в тех же выражениях.

Главная надпись на главном входе в Белый Дворец гласила:

Царство принадлежит Аллаху.

и

Султан является тенью Аллаха на земле.

Сохранились два подобия башен, разрушенной части фасада; они являются частями портала Ак-Сарая, украшенные лазурным, зеленым и темно-голубым фарфором.

Тимур никогда больше не проводил так много времени у своей столицы. В течение тех двух лет от лета 1396 г. до лета 1398 г. Тимур был занят не только строительством, но и приготовлениями к осуществлению одного из своих крупных планов похода на восток, против Китая. По этой причине, также как и династическим соображениям, он договорился о женитьбе с другой монгольской принцессой, Тукал-ханум и заключил договор с монгольским ханом, чьи владения на пути к Китаю. Ожидая свою невесту, Тимур зимовал на восточных пограничных провинциях, около Ташкента. Вдобавок к созданию мавзолея святому в Ясы (Туркестан на Сыр-Дарье); он восстановил переправу через Сыр-Дарью. Принц Мухаммад-Султан, самый старший сын и наследник, правитель Ферганы, получил поручение укрепить базы на пограничных районах и начать широкую обработку почвы вдоль дороги, где сельское хозяйство пришло в упадок. Некоторые из самых видных эмиров и значительные военные силы были переданы принцу для выполнения этих подготовительных работ. В Ашпаре, и далее на восток на Иссык-Куле было начато возведение крепостей.

Здесь, на восточных границах Мавераннахра, Тимур принял несколько делегаций от китайского императора,

прибывших с большим числом редких подарков. Послов приняли с обычными церемониями, но не разрешили вернуться на родину.

Весной 1398 г. Тимур вернулся в свою столицу и созвал курултай. Сахиб Киран имел, однако другие тетины в своем луке и когда представилась ему благоприятная возможность, его татарские орды начали марш не на восток, а на юг, в Индию.

Глава X

ИНДИЯ

1398 г. (год Тигра) — 1399 г. (год Зайца)

Мавераннахр, говорил Ибн Баттута, был одним из семи могущественных королевств мира, и лежит он, окруженный четырьмя из них — королевствами Золотой Орды, Персии, Китая и Индии. (Другими двумя были Египет и Марокко, откуда происходил сам Баттута). Индия, хотя и не ставшая одним из чингизидских королевств, издавна привлекала татарских налетчиков, которые проходили через горные проходы Гиндукуша, грабили северные равнины и подножья Пенджаба, и возвращались назад той же дорогой, которой пришли. Гиндукуш или Великие снежные горы, как его называли путешественники, с древнейших времен, был главным путем между Индией и Средней Азией. На северных склонах гор, области Вахан и Бадахшан, откуда начиналась Аму-Дарья, были богаты альпийскими пастбищами и широкими долинами; в Вахане добывалось серебро, а на дне рек находили золото; горы Бадахшана были знамениты своими рубинами, ляпис-лазурью и чистым горным хрусталем.

В четвертом веке до нашей эры войско Александра пересекло Гиндукуш; он и Селевкиды, которые наследовали ему правили над империей, простиравшейся до Афганистана. Империя Бактров, наследовавшая Селевкидам, в середине третьего века до нашей эры, также простиралась через Гиндукуш, как и империя Кушанов, на заре христианской эры.

Буддизм, который был принесен из Индии в Китай через Среднюю Азию в первом столетии нашей эры, расширил контакты между районами на севере и юге Великих снежных гор. В восьмом столетии имела место серия мусульманских вторжений в северную Индию из Средней Азии, и границы Ислама расширились до провинций Кабула, Синда и Пенджаба. Когда Саманиды правили в Мавераннахре в десятом столетии, афганская династия Газневидов числилась среди их вассалов. С падением Саманидов газнийские князья захватили власть над территорией южнее Аму-Дарьи. Султан Махмуд, самый могущественный из Газневидов, подобно другим бывшим до него, не считал горы препятствием; в начале одиннадцатого столетия он правил над Афганистаном, Хорасаном, некоторыми провинциями Мавераннахра и возглавил значительное число грабительских экспедиций на север в Хорезм и на юг в Индию и Кашмир. При дворе этого завоевателя пользовавшегося репутацией политика, если не личного благочестия, было большое число выдающихся ученых: философ-историк Аль-Бируни, был взят султаном Махмудом из Хорезма в Газни; Фирдоуси, автор персидской национальной эпической поэмы Шах-наме — Книга королей — получил в качестве платы от своего скупого покровителя, как говорят, серебро вместо золота. Разочарованный поэт пошел в баню и по выходе оттуда купил шербет и разделил деньги между служащими бани и продавцом шербета. Место Газневидов заняли соседние князья из Гура (между Балхом и Кабулом), Они завоевали Бенгал и в начале XIII столетия утвердились султанами Дели.

Последовавшие затем династии расширили их владения до Бенгала, Декан и некоторой части дальнего юга, удерживая Дели в качестве мусульманской столицы Индии. Могущество султанов Индии, особенно Туглукской династии, стало знаменитым во всем Исламе. Ибн Баттута был гостем султана Мухаммад Туглука, который унаследовал от своего отца (которого он убил в 1325 г.) широкую империю и огромную казну. Баттута описывал цитадель, построенную на скалистой возвышенности, где были «сокровища и дворцы Туглука и огромный дворец из позолоченных кирпичей, которые, когда вставало солнце, сверкали так ослепительно, что никто не мог долго смотреть на них. Там он заложил огромные сокровища и рассказывали, что он «соорудил котел и наливал в него расплавленное золото так, что оно становилось единой мас-

сой». Султан «больше всех людей любил делать подарки и проливать кровь. Его дом никогда не испытывал недостатка в бедных людях, которых он обогатил и людей, которых он казнил».

Султан Мухаммад Туглук, подобно Хорезмшаху, вынашивал идеи мирового господства и даже отправил плохо организованную экспедицию против Китая через Непал и Гималаи. Из экспедиционного отряда в сотню тысяч человек вернулось около десяти человек, которые были убиты взбешенным султаном. Империя Мухаммад Туглука начала клониться к упадку перед его смертью (1351 г.). В Бенгале, Кашмире и Декане возникли независимые королевства и в период правления его наследников расчленение Делийского султаната продолжалось. Огромные провинции отказывались повиноваться. Кузен Мухаммада Фируз Шах, который непосредственно наследовал ему, имел более благосклонный характер; он построил каналы и дворцы, мечети и гробницы, но когда он умер в 1388 г. хилым и немощным старцем, даже сама провинция Дели стала предметом спора между соперничавшими султанами. «Неверные Хиндустава собрали силы, не уплачивая подушного налога и дани, и бросились грабить поселения мусульман»².

«Когда Тимур узнал, что Фируз Шах, султан Индии, избавился от хлопот этого мира, он решил воспользоваться спорами, которые возникли...»³

Воинственные князья не нуждались в излишних побуждениях к грабительским рейдам на Индию. В начале XIII столетия, когда мусульманские князья из Афганистана утвердились султанами Дели, всадники Чингиз-хана появились на берегах Инда в погоне за Джелал эд-дином, сыном Хорезмшаха. Джелал эд-дин был разгромлен и бежал ко двору султана Дели, но Чингиз не пошел дальше в Индию. Улус унаследованный сыном Чингиза Чагатаем простирался до Гиндукуша и Афганских провинций, где газневиды вынуждены были распрощаться с их северными провинциями. Впоследствии татарские грабительские экспедиции на север Индии последовали с этих баз. Для Тимура, не менее, чем для его предшественников, Пенджаб представлялся законным полем охоты чагатайских князей.

Тимур, как было упомянуто выше, родился в Шахри-саябе под сенью одного из северных отрогов Гиндукуша. Здесь, по долине реки Пяндж (верхняя Аму-Дарья), про-

ходили древние караванные пути из Китая, ответвляясь на запад в Персию, на юг в Индию. Балх, Кабул и проходы в Индию составляли часть первоначальных владений, которые Тимур обеспечил себе после поражения эмира Хусейна. Богатство Туглуков и слабость соперничавших князьков, предоставили Завоевателю благоприятные возможности для его орд, вечно страждущих добычи. Кроме того, делийский двор стал прибежищем многих враждебных князей, изгнанных Тимуром. Полководец не имел мысли постоянного завоевания или оккупации Индии. Трофеи, золото и номинальное господство были достаточными мотивами индийской экспедиции. К этому времени, однако, Тимур уже бросил вызов могуществу Египта на западе и делал приготовления к кампании против Китая на востоке. Момент был благоприятным для похода, который среди прочих выгод должен был обеспечить его южные границы от опасности, когда его главные армии были бы заняты в крупном конфликте в другом месте. Было также известно, что нечестивые султаны Дели слишком долго терпели неверных в своих землях.

Тимур решил начать священную войну за веру. Предварительные приготовления были сделаны. По его возвращении из первого кипчакского похода (1392 г.) Тимур даровал принцу Пир-Мухаммад Джахангиру (родившемуся сорок дней спустя после смерти его отца) «трон султана Махмуда Газневийского», придав ему многих видных эмиров для формирования его дивана и двора. Это великолепное королевство включало провинции к югу и юго-западу от Гиндукуша до Инда: Кундуз, Кабул, Газни и Кандагар. Осенью 1397 г., когда Тимур увлеченно занимался строительством дворцов вокруг Самарканда, укреплял аванпосты на восточных границах его владений, вынашивал план похода против Китая, подчеркнув это своей женитьбой на монгольской принцессе, он также приказал своему внуку Пир-Мухаммад Джахангиру двинуться на Индию и начать атаку на враждующих индийских князей. Принц пересек Инд вторгся в Пенджаб. В конце 1397 г. (год Быка) Мултан был осажден.

Тимур зимовал в восточных провинциях Мавераннахра около Ташкента, куда он прибыл для встречи своей невесты, и вернулся в первых месяцах 1398 г. в Самарканд в Кашка-Дарью. Войска были собраны. Был созван курултай, на котором Тимур описал положение и объявил о своих намерениях.

Внук Фируз Шаха был посажен на трон в Дели, но этот молодой султан Махмуд не имеет власти над своими вельможами, которые борются меж собой против него (постоянную инфантильность султана Махмуда презирали даже в гареме Дели)⁴. Один такой вельможа, Саранг Хан, из Дипалпура захватили соседний Мултан у Сайид Хизр Хана, но сам сейчас осажден в этом городе принцем Пир-Мухаммадом и отбивает по два штурма в день. В Дели, брат Саранга, Маллу Хан, разбил своих соперников и захватил город, осуществляя власть от имени султана Махмуда: эти беспорядки призывают наши победоносные войска.

Более того, хотя истинная вера и соблюдается во многих местах в Индии, большая часть королевства населена идолопоклонниками. Султаны Дели слишком слабы, чтобы защищать веру. Мусульманские правители лишь довольствуются сбором дани с этих неверных. Коран говорит, что высшего величия человек может достичь только в войне против врагов нашей религии. Мухаммад пророк советовал то же самое. Мусульманский воин убитый в такой войне добивался чести, которая давала право ему немедленно войти в рай. Ныне, когда империи Ирана и Турана и большая часть Азии находится под нашим господством, а мир трепещет при малейшем нашем движении, Провидение представило нам самые благоприятные возможности. Войска двинутся на юг, а не на восток. Индия своими беспорядками открыла нам свои двери.

* * *

В марте армия силой примерно около девяносто тысяч, в которой были многие покоренные правители и народности, двинулась в Индию. Лучшую часть войск, однако, составляли чагатаи, которые занимали важные посты, а многие из военачальников и князей были старыми друзьями Тимура по Кашка-Дарье. Принц Умар, сын Мираншаха, был оставлен правителем Самарканда; набожный Шахрух, самый младший сын Тимура, стал правителем Хорасана, с резиденцией в Герате. Шахрух оставался правителем Герата до смерти своего отца, после этого Герат стал его столицей. Мираншах, был направлен в Персию и получил «корону Хулагу».

Армия пересекла Аму-Дарью у Термеза по понтонному мосту и расположилась в Андарабе, у подножия главной гряды Гиндукуша. Здесь Тимур оставил армию и тяжелый груз и пошел с особым отрядом через Хавакский проход в Кафиристан в поисках неверных и разбойников и их

крепостей. Дикие горные вершины здесь были столь страшны, что даже великий Александр не смог, как утверждали легенды, находить дикие племена, которые населяли их. Эти кафирские племена, огнепоклонники, приобрели легендарные черты — говорили, что они были огромны как гиганты, разговаривали на незнакомом языке, одевались в черное, и сердца были у них столь же черными, как их одежда; другие говорили, что они были совершенно голыми.

Глубокий снег и обрывы делали зачастую проход непроходимым для лошадей. В некоторых местах продвигаться можно было только ночью, когда поверхность подмерзала. Летучий отряд и его начальники преодолели некоторые из склонов с помощью веревки. Старый император был спущен над одной из пропастей на носилках, от выступа к выступу. Он преодолел более чем тысячу футов на этом пути. На дне пропасти он был вынужден пойти пешком, подобно его солдатам. Была сделана попытка спустить лошадей тем же методом, но большинство из них упали и разбились. Только две из них остались годными к службе. Император поехал на одной, а остальные его люди последовали за ним пешком.

Горы, однако, были подвергнуты штурму. Кафиры, оказавшие жестокое сопротивление, были изгнаны и вырезаны; женщины и дети были угнаны; отрубленные головы были сложены в кучи, которые составили победные башни; на горном утесе была оставлена надпись, прославлявшая покорение непокоренных прежде народов. Проход был очищен для его главной армии и Тимур соединился с ней. Горы также были очищены от потенциальных врагов Мавераннахра. Установив крепости и гарнизоны по дороге, Тимур в августе завоевал Кабул и расположился лагерем на окружающих его лугах.

Здесь Тимур занялся на некоторое время государственными делами, принимая послов со всех уголков своей империи и зарубежных стран. Здесь он дал аудиенцию двум кипчакским принцам, Идигу и Кутлук оглан, которые раскаивались по поводу своих прошлых действий, причиной которых они считали искушение гордости и свое невежество. Они обещали служить императору и подчиняться приказам его офицеров если бы их простили. Прибыл также посол от Хизр-ходжи, хана Могулистана, который присоединялся к чувствам, выраженным кипчакскими соседями. В Кабул также прибыл Тайзи-оглан,

возможно беженец от монгольского хана или миньского императора Китая, и был гостеприимно принят Тимуром (монгольская Юанская династия, основанная Хубилаем была изгнана из Китая в 1368 г. и заменена китайской миньской династией.). Гияс аль-дин Али, однако, говорит, что Тайзи-оглан был послом из Китая.

В Кабуле к Тимуру присоединился Шейх Нураддин, который был оставлен в Персии в конце пятилетней кампании для сбора поступлений. Представление этих сокровищ заняло целый день для их осмотра, а контролеры работали три дня и три ночи подсчитывая их: леопарды и охотничьи птицы; одежды из золота и парчи и платья всех цветов; верблюды и большое число мулов; прекрасно выполненное оружие, арабские лошади с золотыми седлами; палатки, павильоны, диваны и кресла, сосуды и драгоценности самых различных видов. Весь следующий день потребовал осмотра подарков, которые Нураддин подарил лично Тимуру. В честь шейха был дан банкет и многие из этих подарков были милостиво распределены среди князей и послов.

Временное пребывание императорского лагеря в окрестностях Кабула было отмечено проведением канала для обводнения засыхающей долины. Работа была разделена между различными эмирами и их войсками. Вдоль берегов были сооружены селения и высажены сады.

По завершении этих работ старая правительница Сарай-Мульк-ханум была отправлена обратно в Самарканд с четырехлетним внуком, ее любимцем и подопечным Улугбеком. Тимур боялся, что климат Индии может плохо подействовать на здоровье ребенка, но расстался с ним неохотно. Отец Улугбека, Шахрух, уже был отправлен в Герат, столицу Хорасана, правителем которого он был назначен в 1397 г. Тимур, армия и тяжелый груз, вместе с другими царственными женами направились в Индию на второй раунд похода. Султан Махмуд-хан (номинальный чагатайский хан) был отправлен с левым крылом в Дели по северному пути. Тимур направился на юг для встречи с Пир-Мухаммадом на берегу реки, Сутледж, около Мултана. Подавив значительное сопротивление, Тимур достиг Инда в сентябре и в два дня переправился через него по мосту, сооруженному из лодок и тростников (это было у пункта, в котором Джелал эт-дин, сын Хорезмшаха, дал сражение Чингиз-хану и потерпел поражение. Чингиз подобно Александру не прошел в сердце Индии).

По пути Тимур нашел время принять большое число принцев и послов, включая послов из Мекки и Медины, а также посланника Искандара, мусульманского шаха Кашмира, который выразил свою покорность; шаху было приказано присоединиться со своим войском к императорской армии.

На реке Джелум Тимур встретил ожесточенное сопротивление местного правителя, который осмелился противостать ему в сильно укрепленной цитадели на острове. Крепость была взята штурмом; правитель утопил свою семью в реке, а затем утопился сам. Согласно Фериште, правитель Мубарака погрузил казну и семью в сорок лодок и бежал с ними вниз по реке, не дожидаясь капитуляции гарнизона.

За слиянием реки Ченаба и реки Рави находится древний город Талумба, который капитулировал и который за счет тяжелого выкупа император согласился пощадить. Расхождения относительно суммы выкупа и трудности сбора, однако, обеспечили предлог для грабежа. Кроме того, провизии было мало, а солдаты были голодны. Войска, отправленные на изъятие зерна, начали обыскивать местность; дома были сожжены, а жители были взяты в плен и убиты; пощадили жизнь лишь городским старейшинам. Перед тем как Тимур достиг места встречи у Мултана, его запасы были пополнены из амбаров местных раджей. Что нельзя было съесть или увезти, было сожжено, чтобы уменьшить сопротивление врага.

Тимур разбил лагерь на берегу Сутледжа в октябре, где к нему присоединился Пир-Мухаммад. Осада Мултана продолжалась шесть месяцев. Говорили, к ее концу жители ели трупы. Саранг Хан капитулировал в июне, но положение победителей, которые затем оккупировали город, едва ли было лучше побежденных. Татарские лошади были поражены эпизоотической болезнью во время летних дождей и наводнений и большинство из них погибли. Видя тяжелое положение пришельцев, местные князьки, которые прежде выразили покорность, подняли мятеж и подступили к воротам Мултана, где укрылись Пир-Мухаммад и остатки его кавалерии. Когда подошел Тимур, враг бежал. Принц соединился со своим дедом, который принял его тепло, несмотря на удручающее состояние его войск, некоторые части которого вынуждены были идти от Мултана на волах или пешком. Огромная добыча была вывезена из захваченного города. Два дня имперские кон-

тролеры пересчитывали ее. Трофеи, в обычном традиционном количестве для каждого вида, были представлены принцем на огромном банкете, и затем были распределены среди вельмож и офицеров соответственно их заслугам. Император со своей стороны подарил тридцать тысяч лошадей для войск своего внука и поручил ему командование правым флангом армии на все время похода.

Радость события была усилена прибытием еще одного внука, Халила, сына Мираншаха и Хан-зады, вместе с обозом и дамами имперского гарема. Император был очень весел и повелел читать коран, говорил хроникер, и раздать милостыни.

В декабре Тимур стоял уже под Дели, «великим городом, где собраны люди искусные в различных видах ремесел и искусств; пристанище коммерсантов, кладовая драгоценностей и ароматов. Слишком громадным для того, чтобы быть осажденным...»⁵ Главная армия прибыла из Кабула, соединившись с левым крылом, после захвата и грабежа крепостей, находившихся по дороге. Тимур лично взял штурмовые войска из десяти тысяч человек и прошел с ними близлежащие окрестности, наказывая особенно те места, которые поднимали восстание против Пир-Мухаммада. Так как он наступал часто при лунном свете, поселки пустели перед приходом и жители спасались бегством в пустыни и леса и укрепленные города. Одним из таковых был Бхатнир, который был переполнен беженцами из Дипалпура и Пак Паттана, вместе со своим скарбом и животными. Многие нашли убежище за его стенами. Тимур взял город штурмом, и цитадель капитулировала. Беженцы из Дипалпура были преданы смерти, ибо восстали против Пир-Мухаммада и вырезали его гарнизон. Беженцев из Пак-Паттана выпороли и обратили в рабство.

Быстрое наступление Тимура — «он маршировал с такой энергией, что обгонял птиц» — вселяло ужас в сердце правителя Дели, Маллу Хана, который, изгнав одного из соперничавших султанов, осуществлял власть через другого. В составе защитников насчитывалось десять тысяч лошадей и двадцать тысяч пеших солдат⁶, которых поддерживали сто двадцать боевых слонов: они были защищены кольчугами и на их спинах укреплены башенки, в которых сидели метатели дротиков и огня, и арбалетчики. Бивни этих слонов были вооружены саблями, концы которых были отравлены.

В начале декабря армия Тимура захватила Лони, в нескольких милях к северу от Дели, и воспользовавшись хорошими пастбищами, расположилась лагерем. Сделав предварительный осмотр местности, Тимур созвал великий совет, на котором изложил план осады Дели. Он приказал забрать все зерно и продовольствие с окружающей местности. Отправив охотничьи и продовольственные группы, Тимур провел целый день за наблюдениями. Несмотря на стремительное наступление на Дели, он не забыл нанести визит уважения, перед штурмом Бхатнира, могилам мусульманских святых, а сейчас он нашел время полюбоваться дворцом Джахан-нума «Зеркало мира», который был построен султаном Фируз Шахом на скале, возвышающейся над рекой Джаммой. В то же самое время, от этого места, он просмотрел местность, намечая место сражения, на которое он надеялся выманить врага.

Разведывательный отряд Тимура, численностью не более семисот кавалеристов, соблазнил Маллу на вылазку. Когда Тимур вернулся в Лони, его арьергард был атакован индийскими слонами. Атака была отбита, и Маллу был оттеснен обратно в Дели, оставив за собой одного из попавших в плен слонов. Вылазка имела непредвиденные последствия для индийских пленных. В руках татар было более ста тысяч пленных мужского рода (кроме женщин и детей), взятых со времени пересечения реки Инд, большинство которых были индусами-идолопоклонниками.

Были еще и другие затруднения в армии. Боевые слоны внушали страх татарам. Согласно слухам, слоны были невосприимчивы к стрелам и саблям. Само их движение вызывало ветер такой силы, что он мог вырывать с корнем деревья. Слоны могли захватывать и лошадей, и всадников и поднимать их высоко в воздух своим хоботом. По возвращении из разведывательного поиска Тимур обратился к армейским военачальникам и офицерам. Он говорил о средствах прорыва кавалерийской атакой рядов врага и разгрома их эскадронов. Он учил их не только методам атаки, но и показал, как отступить в случае, если давление врага будет слишком сильным, и как собираться и начинать новую атаку.

Чтобы уменьшить общее опасение, Тимур приказал чтобы перед рядами войск отрыли траншеи и валы, уси-

ленные щитами, а на земле установили колы. Всех наличных буйволов связали вместе и привязали перед линиями войск, с сильной охраной, стоящей за ними. Один солдат из каждых десяти был выделен для охраны обоза верблюдов, нагруженных трофеями, пленными женщинами и детьми.

Несмотря на подготовительные работы, придворные астрологи колебались утверждать, что планеты были в благоприятном расположении. Пренебрегая их сомнениями, Тимур приказал начать массовые молебны. Властитель благоприятных созвездий мог игнорировать неблагоприятное расположение звезд, также как он мог пользоваться их удачным расположением. «Ни удача, ни бедствие не зависят от звезд. Я доверился заботам Всемогущего, который еще никогда не оставлял меня. Какое имеет значение, если планеты расположены так или эдак? Я не отложу ни на миг осуществление моих целей после того, как я закончил необходимые приготовления и принял необходимые меры предосторожности». Армия была двинута на сражение. Тимур командовал центром. Он приказал принести Коран и наугад показал текст для этого дня. Это был хороший текст; в нем говорилось о разрушении великим усилием всемогущего противника. Тимур объявил это армии как верный признак победы, т. к. Всемогущий брал их под свое крыло.

Дели открыл свои ворота и армии Маллу и Мултан Махмуда бросились давать сражение в открытую. Это был шаг, которого ждал Тимур. Он не хотел долгой осады. Он наблюдал с возвышенности, откуда он мог видеть движение обеих армий. Когда они столкнулись лицом к лицу, император, а это было в его обычаях, спешился и распростерся на земле, прося у Аллаха победы.

«Никто, каким бы бесстрашным он ни был, — пишет хроникер, — не мог остаться спокойным при этом шуме столкнувшихся армий. Никогда не было такого сражения, никогда не было такого страшного ШУМА. С громом литавров и труб смешался шум огромных барабанов, установленных на спинах слонов, их боевыми кличами и боевыми голосами батальонов, восклицавшими «во славу Аллаха»... земля дрожала».

К спинам верблюдов и буйволов были привязаны вязанки, которые зажгли, как только началась атака слонов. Часть слонов в ужасе отпрянула назад от пламени и стала топтать свои собственные войска. Другие были искалечены колами и трехзубыми шипами, которые были рассыпаны на земле татарами. Пир-Мухаммад возглавил атаку с саблей в руке, и индийский левый фланг попятился под его давлением. Атака на передовые позиции Тимура закончилась неудачей, тогда отдельный татарский отряд ударил в тыл индийским войскам. Татарское левое крыло отбило упорные атаки индийцев и затем бросилось к воротам Дели. Султан Махмуд и Маллу бежали в город и во время отступления многие из жителей и большое число солдат «были растоптаны и груды трупов были оставлены». Феришта, мусульманский историк, который писал историю Индии в конце XVI столетия, не преминул выразить свою враждебность по отношению к индусам. «Вырождающиеся индусы поголовно бежали, не сделав ни одного храброго усилия ради своей страны, своей жизни или своего будущего». Слоны были ранены, а их хоботы были отрублены. Некоторых увели «подобно коровам». Принц Халил (около пятнадцати лет) также с саблей бросился на слона, перебил его охрану и в конце сражения проехался на спине у животного, чтобы подарить его своему деду.

Позже император слышал от своих генералов рассказы о чудесах храбрости, проявленных его солдатами, командирами и принцами крови. Старый Тимур был очень оживлен; он плакал и целовал землю, воздавая благодарности за таких храбрых людей, и за принцев, таких, как Халил, которого он увенчал титулом султана.

На следующий день Тимур торжественно въехал в Дели. Султан Махмуд и Маллу Хан бежали ночью, оставив своих жен и детей. Их преследовали; были схвачены двое сыновей Маллу, а также его офицеры и много трофеев. Императорский павильон был воздвигнут у одних из ворот, и Тимур принял капитуляцию города. Шерифы, казии, члены Дивана и ученые люди распростерлись у его ног и им дарованы были жилища. За огромную контрибуцию была обещана защита. Была сыграна победная музыка и сочинены поздравительные стихи. Сохранившиеся слоны Дели были проведены торжественным маршем перед их новым господином. Они также были поставлены на

колени перед ним, и их заставили издать свой особый крик, как будто они также просили пощады. Парадным маршем провели также носорогов, но так как они не встали на колени и не подчинились приказам, они произвели меньшее впечатление.

По всей империи были посланы гонцы с победными новостями.

В следующую пятницу почтенный и храбрый Назир аль-дин Умар отправил молитву, кутбу, во имя непобедимого Тимура.

Придворные чиновники, казначеи, контролеры и городские власти начали свою работу у городских ворот по сбору выкупа у горожан соответственно их богатству и положению. Город не был отдан на разграбление, но в нем было много татарских солдат. Несколько тысяч были оставлены там для реквизиции сахара и зерна. В дополнение к эмирам и контролерам, которые были ответственны за сбор выкупа, большое число лиц с ордерами имели право входа. Там, например, были те, кто должен был отделять беженцев из других городов от горожан Дели, так как только последним была дарована амнистия. Спустя неделю после капитуляции города, дамы королевского двора выразили желание посетить знаменитые места города. Городские ворота были оставлены открытыми из уважения к посетителям и вместе с ними в город вошло большое число дополнительных войск. Так или иначе, около пятнадцати тысяч солдат получили разрешение собраться внутри Дели. Неизбежные беспорядки возникли из-за споров по поводу грабительского выкупа, и привилегий. Возмущенные горожане стали выступать против захватчиков, и многие из них в отчаянии предавали огню свои собственные дома, в которых они сжигали себя вместе со своими семьями. В течение часа татарские войска вошли в Дели, и никто не в силах был их остановить. Эмиры закрыли ворота, чтобы не допустить в город других, но татары, находившиеся внутри, помогли открыть их для товарищей, находившихся вне его. Армия хлынула в него, и в три дня город был предан огню и мечу. Об этих событиях Феришта несправедливо замечает, что отчаянная храбрость несчастных делийцев была наконец «охлаждена их собственной кровью. Они бросили свое оружие, смирившись подобно овцам перед резней... В городе индусов было в десять раз больше, чем их врагов, и если бы у них

были души, для татар, рассыпанных по каждой городской улице, дому и углу, занятых службой, было бы невозможно сопротивляться. Но хотя индусы имели дикую решимость окрасить свои руки кровью своих жен и детей, мы видим их все же рабами страха...»

Дели в то время состоял из трех районов; два из них, Шири и Джахан-пана («Убежище Мира»), были покорены первыми. Оставшиеся в живых индусы бежали в третий район, Старый Дели, где они собрались в соборной мечети.

Шараф аль-дин, описывая неспособность эмиров контролировать татарский разгул, оправдывается тем, что Дели пострадал в результате плохого поведения и неверности горожан — и считал грабежи и убийства нормальными санкциями. Гияс аль-дин Али, чей рассказ хронологически является самым ранним, говорил, что «солдаты поспешили наброситься на население подобно голодным волкам, набрасывающимся на стадо овец, или орлам, налетающим на более слабых птиц». Низам ат-дин Ахмад, историк Акбара, монгольского императора, происходящего от Тимура, говорил, что Тимур даровал помилование населению города и назначил большое число лиц собирать выкуп. Некоторые из жителей, приведенные в негодование жестокостью сборщиков, стали сопротивляться и убили их. Эта смелость вызвала ярость Тимура, но в конце концов Тимур смиростивился и издал приказ о помиловании.

Нет доказательств, что эти события были преднамеренно спровоцированы Полководцем. Тимур никогда не стремился к постоянному контролю над городом. Но у него не было также привычки оставлять богатство и ресурсы у себя в тылу, чтобы ими воспользовались враги. Его первым требованием было удовлетворить войска и мало оснований полагать, что он был склонен, даже если бы и мог, лишиться их вознаграждения, считавшееся нормальным после трудной победы.

Во всяком случае татары стали практически неподвижными с их бременем добычи. Некоторые увели по сто пятьдесят рабов из города; даже самые бедные солдаты захватили не менее чем по двадцать рабов. Они собирали драгоценности, одежду, золотую и серебряную посуду

и большое число монет. Индусские женщины, которые хранили свои богатства в виде браслетов, ожерелий, серьг и украшений для ног и другой золотой бижутерии, стали особенно ценными. Богатства, накопленные поколениями султанов, исчезли в несколько дней в руках татар.

В течение этого времени Тимур и его двор развлекались банкетами и пирушками. Никто не имел возможности — или просто не осмеливался — прервать августейшие празднования известиями о том, что войска вышли из-под контроля и Дели объят пламенем.

После этого несколько дней прошли в сортировке пленников, которые были приведены из города. По приказу Тимура мастера-ремесленники, особенно каменщики, были отобраны для специальной работы у императора в Самарканде. В течение его пятидневного пребывания в Дели Тимур принял капитуляцию и дань от индийских князей, которые видели, что для них нет иного пути. Среди дани были два белых попугая, которые в течение многих лет охраняли покой султанов Индии. Тимур счел этот подарок особенно приятным, расценивая его как счастливое предзнаменование. Он собрался и ушел также быстро, как и пришел.

Равнины северной Индии были для орд Тимура не более привлекательными, чем для армии Александра или Чингиз-хана. Даже Бабур, основатель могольской династии в Индии, писал: «Хиндустан — страна, которая имеет мало прелестей для того, чтобы рекомендовать его. Народ непривлекательный, у них нет представления о очарованиях общества друзей — ни чувств, ни лошадей, ни мяса, ни винограда, или мускусной дыни... ни льда в холодной воде, ни хорошей еды или хлеба на базарах...»

На своем пути Тимур остановился на час в великолепной мечети из полированного мрамора на берегах Джаммы, в нескольких милях к северу от Дели, построенной султаном Фирузом. Он вознес благодарность богу и двинулся со своими ордами в священной миссии наказания неверных.

Тимур пошел на север в начале января, держась края холмов. Мейрут отказался сдаться и был подвергнут Тимуром штурму. Город был предан огню, а сопротивлявшиеся индусы были сожжены заживо. Отряду под командованием эмира Джахан Шаха было приказано опустошить поселения по берегам Джаммы, в то время как сам Тимур

пошел к Гангу. Произошло сражение на реке, и сорок восемь судов индусов были потоплены. Тимур также утопил многих огнепоклонников (зороастрийцев), которые имели знаменитую гробницу в этом районе⁹.

Наступая на северо-запад вдоль подножий гор к Кашмиру, часто при лунном свете, Тимур в течение месяца провел множество заранее подготовленных сражений, взял семь крепостей и победил в большом числе более мелких стычек, в которых его отборные войска, будучи в меньшинстве, часто оказывались в трудном положении. Тимур в это время было шестьдесят три года и в течение этой части кампании у него началась болезненная опухоль на руке. Она быстро прошла. Эмиры советовали, чтобы Завоеватель не принимал участия в близком бою; старый Тимур ответил, что война за веру имела два высших преимущества. Одно заключалось в том, что она давала воину внешнюю славу, гарантию рая немедленно в мире грядущем. Другое заключалось в том, что она давала для воина сокровища этого мира. Так как Тимур надеялся воспользоваться обоими преимуществами, он стремился оправдать эти претензии.

Провинции, находившиеся вдоль Гималаев, были разграблены; сопротивление влекло за собой безжалостное возмездие. (Обезьяны в некоторых районах были не более покорны, чем люди. Ночью они приходили в татарский лагерь и воровали одежду солдат). Тимур как всегда был бдителен и наблюдал, чтобы все его войска были удовлетворены. Если какие-либо татары возвращались с пустыми руками из рейдовых экспедиций, Тимур добивался, чтобы более удачливые отряды поделились с ними своей добычей, или же были посланы в следующий раз в более благоприятную экспедицию.

После почти двухмесячного кровавого наступления послы, которые были отправлены из Дели к мусульманскому шаху Кашмира, Искандару, вернулись в императорский лагерь. Шах готов был покориться Тимуру и стать на службу Полководцу, говорилось в его послании, но по пути он встретил одного из послов Тимура с приказом, что он должен уплатить три тысячи лошадей и сто тысяч дерестов золота (кашмирская денежная единица). Шах Искандар вернулся поэтому домой, чтобы собрать налог и обещал прийти с ним к Тимуру. Тимур был недоволен наложенным налогом, он говорил,

что было бы слишком тяжело для маленькой страны его исполнение. Он отправил посла сказать, чтобы Искандар не ждал принесения дани и явился сейчас же, в десять дней, к берегу Инда для встречи с ним.

Хитростью и мечом татары преодолели сопротивление на дороге к дому. Например, индийский раджа Джаммы был захвачен в засаде, после того, как он посчитал, что его округ был свободен от войск Тимура. Пленники были закованы в кандалы, но раджу пощадили, а его раны лечили, так как надеялись получить большую сумму дани из Джаммы. Раджа более чем оправдал эти ожидания: дополнительно к уплате дани, он признал, что не было «бога кроме единого бога». Более того, он представил доказательства своего обращения, съев мясо коровы.

В то же время был отправлен отряд против Лахора, где неблагоразумный принц Шайха, который прежде был подчинен Тимуру и который одно время сопровождал Полководца в качестве его проводника в походе, отказался присоединиться к Тимуру со свежими войсками. Вместо этого, он проводил свое время в развлечениях в Лахоре. Он также с недостаточным уважением и почетом принял имперского казначея Хинду Шаха¹⁰ и других членов королевского двора, когда они проезжали через Лахор на пути к императору. Лахор был взят и на него наложен выкуп, а принц Шайха был казнен.

В начале марта Тимур созвал двор для принцев и офицеров армии, чтобы попрощаться с ними и отправить их в их провинции. Они страстно желали уйти. Полководец оставил Дели без хозяина, но назначил одного из покоренных мусульманских принцев в качестве своего наместника над Пенджабом и Верхним Синдом. Это был принц Хизр Хан Сайид, считавшийся потомком пророка Магомета. Хизр Хан ранее был изгнан из Мултана Саранг Ханом и признал себя вассалом Тимура в Дели. С тех пор он сопровождал татар в их карательной экспедиции на обратном пути. Тимур знал его как «сайида и хорошего человека».

Венецианский купец Николо де Конти, который находился во дворе Тимура и желал посетить Индию, считал, что «все было спокойно, так как в то время правление Тимура простиралось от Индии до Красного моря».¹¹ Хизр Хан продолжал признавать главенство Тимура, употребляя его имя на монетах и Кутбе, и отправляя ему дань.

Султан Махмуд, Маллу Шах и другие вернулись тем временем в Дели и возобновили борьбу за власть. В конечном счете Маллу был разбит в сражении Хизр Хан Сайидом, который спустя несколько лет сам захватил Дели и основал династию Сайидов.

Имея гарантированные поступления с различных частей империи, старый Тимур поспешно вернулся в Самарканд. С запада шла важная информация. Баркук султан Египта и Сирии, ушел из этого тленного мира. Он схватил лихорадку после игры в поло, за которой последовал обед из сладостей и жареной цапли. Юный сын, Фарадж, был оставлен утверждать свою власть над честолюбивыми кликами его двора. Спеша домой, Тимур все еще находил время и силы для наказания тем, кто оказывал сопротивление. Войска, однако, были изнурены. Многие были больны, а те, у кого не было лошадей, не могли больше переправляться через реки, у которых не было мостов. Индийские условия были особенно убийственны для лошадей. Тимур вынужден был выделить для войск много лошадей из собственных табунов и соорудить мосты для переправы через реку, чтобы избежать дальнейших потерь. Кроме того, войска были так нагружены добычей, что едва ли могли в день совершать более четырех миль.

Сам Тимур был неутомим. Были отправлены гонцы, чтобы предупредить Мавераннахр о возвращении Полководца. Он двигался в авангарде армии. Достигнув Кабула, он оставил там красавицу императрицу Чалпан-Мульк-ага с теми войсками, чьи лошади и мулы были в плохом состоянии, чтобы продолжить свой путь, когда их силы будут восстановлены. Тимур пошел вперед по дороге от Кабула к Аму-Дарье, по дороге, которая была недоступна для движения всадников до весны.

У императора появились фурункулы на ногах и руках. Они беспокоили его во сне и не позволяли садиться в седло. Он остановился на несколько дней и потом продолжал путь со страшными болями в носилках, перевозимых мулами. Страдания росли, и императора через ущелья Гиндукуша несли на этих носилках слуги, пересекая таким способом извилистые долины горных рек. Бабур также страдал от фурункулов и прострелов в Индии; он винил в этом дожди и влажность Хиндустана.

В конце месяца Тимур был встречен партией, состоявшей из старой императрицы Сарай-Мульк-ханум, старшей

королевой, его последней невестой Тукал-ханум, младшей королевой Туман-ага и других королевских дам и принцев; его пришел также встретить юный внук Улугбек.

Тимур восстановил свое здоровье и отправил гонцов назад через Великие снежные горы с приказом поспешить со слонами. Самарканд готовился к новой триумфальной встрече.

Глава XI

ДИНАСТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Восстановление здоровья Тимура и его возвращение в Мавераннахр были отмечены триумфальным шествием к имперскому городу. В различных местах его приветствовали королевские сыновья и внуки. Он останавливался на пятнадцать дней в Шахрисябзе, в своем дворце Ак Сарай. Отсюда он проехал во дворец Тахта-Карача, находившийся в огромном парке, который он заложил за несколько лет до этого, затем в Сад наслаждения сердца под Самаркандом. Он посетил гробницу Шахи-Зинда, где были похоронены сестры, жены и эмиры; на короткое время он посетил богадельню, воздвигнутую одной из его жен, Туман-ага, отсюда отправился в мадраса, построенную старшей королевой, Сарай Мульк-ханум. Отсюда он поехал в Сад чинаров, оттуда в Сад образа мира, далее в Сад рая и до Высокого сада, куда прибыл слоны и обоз из Индии. Пленники, слоны и трофеи были продемонстрированы перед горожанами. Своему внуку, Мухаммад-Султану, правителю Ферганы, Тимур отправил пленного принца Саран-хана (который сдал Мултан), несколько слонов и других диких животных Индии.

Наряду с отправлением судебных дел и отдачей распоряжений к следующему походу, старик приказал строить сборную мечеть таких масштабов, которая стала бы достойным монументом его побед. До сих пор главные строительные проекты Тимура носили светский характер. Возможно, вдохновленный мечетью в Фирузабаде на Джамне, он приказал, чтобы лучшие из пленных каменщиков и мастеров немедленно были бы назначены на строительство его мечети; их должны были поддержать слоны и на-

сильно вербованные рабочие. Было приказано незамедлительно доставить двести плит мрамора из Азербайджана, Персии и Индии. Место, избранное для мечети, находилось у Железных Ворот Самарканда, напротив мадрасы Сарай Мульк-ханум. Два видных эмира были поставлены во главе работ — Ходжа Махмуд Давид и Мухаммад Джалат. Тимур ежедневно справлялся о ходе работ. Одна из миниатюр Бехзада, являющаяся иллюстрацией к Зафар-Наме Шараф аль-дина, показывает мастеров и слонов, работающих над сооружением Соборной Мечети; интересной деталью на картине является модель мечети, т. к. в то время сооружения не возводились по разработанным планам.

Тимур также готовил свою очередную кампанию: необходимо было занять феодальных властителей, как кочевых так и оседлых, чтобы отвлечь их от внутренней междоусобицы. Более того, необходимость постоянно удовлетворять грабительские наклонности чагатайских вождей диктовалась еще и тем, что Тимур желал остановить тенденцию к благодушию и разложению, которые возникали у его соратников при излишках добычи и легкой жизни. Тимур держал свои планы в секрете, получая со всех сторон информацию и готовясь внезапно появиться, чтобы воспользоваться любой слабостью любого врага.

Властитель благоприятных созвездий был занят также династическими вопросами. Он вызвал принца Мухаммад-Султана из его пограничного королевства Ферганы. Мухаммад-Султан, самый старший сын от первенца Тимура Джахангира, соединял кровь Тимура с королевской кровью Чингиз-хана. Он был военным вождем, имевшим значительный авторитет и был назначен наследником. Выбор Тимура был известен уже давно. Чтобы предупредить опасность споров, он приказал включить имя наследника в пятничные молитвы, Кутбу, и отчеканить его имя на монетах. Династическая последовательность была утверждена и принята.

Что касается королевских принцев, они часто доставляли разочарование старику. Два старших сына уже были приняты милосердием Аллаха, а самый старший из внуков, Мухаммад-Султан, сын Джахангира, имел одно важное преимущество над двумя другими оставшимися сыновьями: они были от таджикских содержанок и к ним Тимур очевидно был не очень расположен. Монгольские жены Тимура не приносили ему сыновей. Младший сын,

Шахрух, был преданным мусульманином, который, казалось, придавал большое значение соблюдению шариата, мусульманского свода законов, чем военным делам и кочевому образу Чингиз-хана. Шахрух сохранил свою репутацию сдержанного и умеренного и позже, стал королем Индии и Персии. Он был «любителем мира», согласно свидетельству архимадрита Томаса Метсопского. Шахрух наследовал Мираншаху в качестве правителя Хорасана, но у него не возникало нужды в независимых военных действиях.

Мираншах, старший из оставшихся сыновей, представлял проблему другого рода. В конце индийского похода до слуха Тимура дошли тревожные вести из Хулагидского владения — северной Персии, Азербайджана и Багдада. В первой, Мираншах оказался неспособным справиться с внешними врагами. Султан Ахмад Джалаир, который в 1393 г. бежал из Багдада к султану Египта и Сирии, вернулся на следующий год в свою столицу. Мираншах выступил с войсками, чтобы изгнать его, но стремительно отступил к Тавризу, получив известия о заговоре против него. Среди тех, кого обвинили в заговоре и кого он казнил за предательство был главный священник Тавриза. Тимур обычно щадил выдающихся религиозных сановников. Не более удачным был Мираншах и на севере. В течение длительного времени крепость Аланджик в Азербайджане была осаждена татарами. В Аланджике находился Тахир, сын Ахмада Багдадского. Отряд грузин бросился на освобождение города. Они отбили атаки татар, освободили город и Тахира.

Эти поражения сопровождались беспорядками в государстве, которые, как говорили, были результатом беспутного образа жизни и чрезмерных насилий правителей феодальной верхушки. Принц беспрестанно напивался пьяным и играл в азартные игры. Государственная казна, включая поступления в имперский Диван, была промотана. Докладывали, что Мираншах осквернил могилу ильхана Ульжайту в мечети с зеленым куполом Султании и разрушил многие другие здания в этом городе и Тавризе. Эти разрушительные действия явились следствием, как это удалось позже выяснить Клавихо, страстью к дурной славе: Мираншаха, который ничего не создал, поминали бы по меньшей мере за монументы, которые он разрушил. «Поистине я, сын величайшего человека в мире, что же

я могу сделать такого в этих знаменитых городах, что заставило бы всегда вспоминать меня после смерти». Даулатшах рассказывал, что Мираншах приказал разрушить могилу историка Рашид аль-дина в Тавризе, а его кости перенести на еврейское кладбище. Рашид аль-дин был евреем по происхождению.

Возможно, что здания были разрушены в поисках добычи и скрытых сокровищ. Враждебные источники, однако, приписывали такие действия бешеному и отвратительному характеру Мираншаха, возбужденному чрезмерными выпивками, которые сократили жизни многим монгольским принцам, и распутству его компаньонов. Придворные записи приписывают принцу умственное расстройство, явившееся следствием его падения с лошади во время охоты; Арабшах поддерживает теорию об умственном расстройстве Мираншаха ссылкой на письмо к отцу во время индийского похода, которое содержало некоторые раздражительные нотки. Полагали, что в письме говорилось о преклонном возрасте Тимура и его физической слабости, а также неспособности более поднимать штандарты империи. Мираншах советовал отцу сидеть в углу мечети как все набожные люди и молиться своему владыке, пока его жизнь не уйдет из него. «Имеются среди ваших сыновей и внуков сейчас люди, которые смогут удовлетворительно править вашими подданными и армиями и взяться хранить ваши королевства и территории» ...Письмо указывало, что слава пророков величественней славы завоевателей. «Вы правите людьми несправедливо, не отправляете вы также правосудие; вы сыты, но за счет их богатств и зерна; вы ведете себя как защитник, но сжигаете при этом их сердца и ребра; вы закладываете основы, но основы страданий; вы идете вперед, но нечестным путем...» Эти мысли Арабшах сам стремился выразить.

Как бы то ни было, будь то умственное расстройство, или страсть к расточительству, последствия были вредными для королевства и торговых дорог. Кроме того, Мираншах был неспособен контролировать буйные районы мятежных грузинских, армянских, азербайджанских, туркменских и других горных племен...

Спустя несколько недель после возвращения Тимура из Индии, Хан-зада, вдова Джахангира и жена Мираншаха, внезапно прибыла из Султании в Самарканд, не оста-

навливаясь нигде ни днем ни ночью. Она была принята Тимуром в саду платанов. К рассказам о беспорядках в хулагидском королевстве прославленная принцесса добавила рассказ о мятежных намерениях своего мужа и оскорблениях, которые она испытала от него; это было невыносимо.

Тимур вернулся в Самарканд в мае 1399 г. В октябре его орды вновь были в движении. Они выступили в поход, продолжительность которого составляла семь лет. Они выступили под руководством неутомимого эмира, почти шестидесяти четырех лет, мирового завоевателя и ставшего уже несколько раз прадедушкой.

Ближайшей миссией Тимура являлось наказание сына. Но то было лишь предюдией к дальнейшим завоеваниям. За хулагидским королевством находится одно из семи великих королевств мира: за Персией находится королевство Сирии и Египта, чей покойный султан уже скрестил однажды сабли с Тимуром. Послы, которые были посланы Тимуром к Баркуку после взятия Багдада, чтобы предложить дружеские торговые отношения, были схвачены и убиты. Султан Баркук оказал сердечный прием послам врага Тимура Тохтамыша; он оказал пышный прием беглому правителю Багдада, Ахмаду Джалаиру и рассчитывал восстановить его в Багдаде. Но ныне султан Баркук исчез; он заболел и присоединился к своим праотцам после легкой закуски из меда и жареной цапли. Его сын Фарадж пытался выдвинуть свои претензии на каирский трон.

Во главе Мавераннахра был оставлен Мухаммад-Султан, когда воины Тимура двинулись на запад. Эмир Сулейман-шах и другие были отправлены вперед, чтобы проверить обвинения, выдвинутые против Мираншаха. Они не встретили препятствий. Они спасли то, что они могли еще спасти из доходов в имперскую казну и сообщили, что распутства принца вдохновлялись придворными, которыми он себя окружил. Среди тех, кого обвиняли в его развращении, было большое число ученых: Маулана Мухаммад Кухистани, известный во всех областях науки, искусный в поэзии и великодушный собеседник; Кутб аль-дин из Мосула, известный музыкант, мастер игры на лютне и другие. Эти фавориты, знаменитые люди своего времени, были приговорены к смерти. Они пронесли фривольную атмосферу двора даже на эшафот: Мухаммад Кухистани

повернулся к своему компаньону и пригласил его идти первым: «Вы имели надо мной преимущество в компании короля, превзойдите же меня поэтому и теперь»; а его последними словами перед петлей были каламбуры в стихотворной форме.¹

По побуждению Сулейман-шаха Мираншах вышел из Султаннии встретить отца. Его продержали в ожидании до следующего дня, пока ему не была предоставлена аудиенция. Принц был лишен поста и Тимур сам отдал распоряжение о подавлении смуты в стране. Тимур «предал смерти этих опасных людей и дьявольских созданий, но не тронул Мираншаха, своего собственного сына, которого он сам возвысил; сложные дела происходили между ними, которые никто, кроме Аллаха, не мог распутать»². Несмотря на эти уроки, покровительство Мираншаха поэтам и ученым продолжалось.

Несмотря на припадки безумия, Мираншах сопровождал своего отца в походах в течение следующих пяти лет (1399-1404 гг.). В конце этого периода прием принцем испанских послов, которые приехали в Самарканд, ни в коей мере не показалось им ненормальным. Он был тогда, писал Клавихо, «человеком пожилого возраста, что-то около сорока лет; крупным и толстым, страдавшим от подагры». На самом деле Мираншах родился в 1366 г. Клавихо видел его в 1404 г., когда ему было тридцать восемь.

Дело о Аланджике было также расследовано эмирами имперского Дивана под руководством Шахруха. По представлению доклада, приговор был вынесен соответственно закону обычая Чингиз-хана. Два военачальника, несшие ответственность за дело были подвергнуты наказанию палками. Третий, приговоренный к смерти, но помилованный по просьбе королевских принцев, был также наказан палками. Все трое были оштрафованы на тридцать лошадей каждый. Другие офицеры, которых нашли виновными, были оштрафованы от пятидесяти до трехсот лошадей каждый. Лошади, собранные таким путем, были розданы солдатам, которые не имели их. С другой стороны, принц Абу-Бакр, самый старший сын Мираншаха, который участвовал в аланджикском эпизоде, сам вел себя доблестно, согласно докладу. Он был награжден своим дедом. Суровому наказанию были подвергнуты грузины, которые были виновны в успехе восстания.

Если второе поколение казалось более достойным доверия Тимура, чем первое, то и они ставили свои проблемы и приносили свои разочарования. Некоторые быстро ассимилировались и привыкли к оседлой жизни и удовольствиям «таджикской жизни». Пир-Мухаммад, сын Умар-Шайха, например, предпочитал придворную жизнь в Персии походам. Он наследовал своему отцу в качестве правителя Фарса и получил приказ Полководца выступить вместе с войсками его брата Рустама для атаки на Багдад, после того, как он был захвачен Султан Ахмадом. Но Пир-Мухаммад откладывал свое выступление, ссылаясь на болезнь. А потом, вместо того, чтобы двинуться на Багдад, он повернул на Шираз. Его подозревали в симуляции и вдобавок обвинили в приготовлении ядов для того, якобы чтобы избежать разоблачения. Эмир Сайид Барлас получил поручение произвести расследование, в результате которого принц и его соучастники были арестованы. Некоторые из таджикских экспертов и советников, помогавшие готовить яды, были казнены, некоторые брошены в тюрьму, а одному отрубили руки и ноги. Пир-Мухаммад, был взят под стражу при дворе Тимура и в соответствии с постановлением имперского Дивана был подвергнут наказанию палками. Рустам получил место своего брата и стал править Фарсом.

Если у одного внука отсутствовали военные таланты, у другого они имелись с избытком. Принц Искандар, также сын Умар-Шайха, был назначен командующим Ферганой, восточной провинции Мавераннахра, когда Тимур выступил на запад в свой семилетний поход. Предвидя операции против Китая, этот пятнадцатилетний принц оставил свою столицу Андижан и возглавил экспедицию вглубь Могулистана. Монгольский хан Хизр-Ходжа покинул этот мир; монголы были заняты в это время междоусобицей и расколоты, и момент казался благоприятным для юного принца. Однако, экспедиция планировалась как комбинированная операция между войсками Мухаммад-Султана из Самарканда и Искандара; но юный принц бросился вперед со своими пограничными войсками; он ограбил Яркенд, очистил окрестности, и обложил осадой Аксу, атакуя, ударными таранами и другими машинами до тех пор пока после месячной осады осажденные не капитулировали. Богатые китайские купцы, которые в это время находились в городе, были отправлены с умиротво-

ригельными подарками для переговоров об условиях капитуляции и выкупа. Царский гарем был захвачен. Город Тарим был разграблен. Затем Искандар двинулся дальше на восток к Хотану, городу, находившемуся на расстоянии шести или семи месяцев езды от Ханбалыка (Пекина). Город пал, а многие жители бежали в горы. Видя горные вершины недоступными, да и сезон уже был слишком поздний для дальнейшего наступления, юный принц повернул назад перезимовав в Кашгаре. Страна была здесь благоприятна для охоты на диких верблюдов. Гордый своими успехами юный принц отправил подарки, включая девять лошадок, своему деду Тимуру, и такую же дань Мухаммад-Султану, который вернулся в Самарканд в негодовании после неудачной попытки догнать своего порывистого кузена. По этой, а возможно по той причине, два принца поссорились. Искандар был арестован наследником, однако не без некоторого сопротивления. Его наставник и служители были казнены. Спустя восемнадцать месяцев, когда Мухаммад-Султан двинулся, чтобы присоединиться к имперскому двору со свежим набором солдат из Мавераннахра, Искандар также пошел... в качестве пленника. Он получил такое же наказание, как и другие капризные принцы, его подвергли порке, соответственно ясе Чингиз-хана.

Старый император глубоко интересовался дисциплиной принцев. Он требовал такого же повиновения, которого Чингиз-хан требовал от своих отпрысков. Подобно своим кочевым предкам, Тимур уделял первоочередное внимание нуждам своего рода. Для них были предназначены охотничьи угодья, летние и зимние пастбища, трофеи, ежегодная дань и доходы с торговых дорог. Возможно принцы крови с раздражением терпели затянувшееся господство главы рода. Согласно Клавихо, Тимур неоднократно симулировал смертельную болезнь, чтобы испытать реакцию эмиров и принцев, но ничего неизвестно о событиях, связанных с ними, или результатах.

Соображения о неминуемой смерти должны были в любом случае давить все больше на старика. С различных концов приходили доставлявшие удовольствие, но назидательные известия об отходе его старых врагов на свой последний Суд. В тот год — 1399 г., год Зайца — смертность правителей представилась особенно очевидной; Хизр-ходжа, Хан Могулистана, отдал дань архан-

гелу Азраилу; хан оставил четырех сыновей и раздоры в своем государстве. С востока пришло известие о смерти Тонгуз-хана, императора китайского миньской династии, который заменил линию Чингиз-хана. За смертью императора-идолопоклонника также последовали беспорядки.

Подобные новости приходили и с севера: Кутлук-аглан, один из беспомощных кипчакских князей — который воевал вместе с Тимуром против Тохтамыша и потом забыл свои обязательства — отправился во власть Аллаха. Эти новости были получены вместе с удовлетворительными вестями о неурегулированном положении кипчакских дел и бунтарских призывах, которые ослабляли Золотую Орду.

Ангел смерти простер крылья и на запад. В 1399 г. Баркук Египетский закончил свои дни. Его сын Фарадж был провозглашен султаном в возрасте десяти лет, но у него было мало авторитета и власти. Египет и Сирия были в беспорядке; фракции спорили; Дамаск стал центром беспрестанных мятежей.

Гарантия против династических трений в королевстве Тимура казалась достаточно обеспеченной. Мираншах и набожный Шахрух были заменены внуком Мухаммад-Султаном. В течение нескольких лет этот принц считался оригинальным наследником. Он служил теперь в качестве правителя Мавераннахра, вице-короля. Он обладал широкой поддержкой, особенно в армейских лагерях. Его заслуги были признаны даже Арабшахом: Хан-зада, говорил он, «Замечательная красавица родила Джахангиру принца Мухаммад-Султана, который был «демонстрацией чуда в своем благородстве и храбрости». И когда Тимур увидел в его натуре признаки особо хорошей судьбы и в блеске его талантов превосходство над остальными его сыновьями и внуками, он игнорировал всех их и повернул свое внимание к этому и назначил его своим наследником...»

Покончив с делом Мираншаха, Тимур провел зиму 1399-1400 гг. на своих любимых пастбищах в Карабахе, где к нему присоединился и его двор с домочадцами. Домашние дела не стали препятствием к проведению им миссии мести против грузин, которые, поддерживая восстание против Мираншаха, вступили в Азербайджан, разбили татар, освободили крепость Аланджик и освободили принца Тахира (сына султана Ахмада), который содержал-

ся здесь. Грузины не только должны были быть разбиты, но и разгромлены полностью и окончательно.

Вдоль дорог, по которым выступали татары, были очищены леса. Снег шел двадцать дней подряд, но татары упрямо шли вперед. Все на их пути было в снегу: города и поселения были занесены; церкви, где грузины молились в манере неприятной Аллаху, были засыпаны до основания; урожай был обморожен, сады и деревья заледенели с корнем. Виноградники были распределены среди воинов, которые должны были вырвать их с корнем: так как было известно, что вино было жизненно важным продуктом для неверных грузин, мужчины и женщины, даже дети, были так приучены к этому грешному напитку, что их тела обмывались в нем после их смерти и они просили захоронить их вместе с ним, так чтобы поддержать их в будущей жизни. Но зима была необычно суровой и пришельцы также тяжело страдали в этой, четвертой кампании против этого упорного горного народа. Татарские кони были вынуждены есть кору с деревьев и экспедиция возвратилась к имперскому лагерю и более теплым лугам востока. Здесь они вместе отпраздновали рождение сына Халил-Султана — правнука Тимура.

Празднества в Карабахе были великолепны главным образом за счет союзника Тимура, короля Ширвана. Было зарезано столько овец и лошадей, что придворных поваров не хватало и туаджии распределили туши среди войск для приготовления. Подарки Тимуру состояли из оружия и шести тысяч дорогостоящих лошадей.

С возвращением весны (1400 г.) возобновилась война. Курултай Тимура объявил о дальнейшем походе на Грузию. Тахир, сын Султан Ахмада, получил убежище у грузин. Тимур потребовал его выдачи. Король Георгий VI I наотрез отказался это сделать, и татары начали пятое нашествие. Неверные грузины отходили в темные ущелья в горах и нападали на татар из пещер, находившихся на отвесных скалах. Тимур выкуривал их из убежищ, опуская лучников в специально сотканных корзинах над скалами до уровня пещер. Татары обрушивали на них град стрел и если сопротивление продолжалось, в пещеру начинали лететь огненные стрелы с воспламеняющимся маслом. Тифлис, знаменитый своими горячими источниками, был взят еще раз и оккупирован отборными хорасанскими

полками. Там, где стояли церкви, стали мечети и минареты, и вместо колоколов, правоверных на вечернюю молитву стал созывать муэдзин. Многие цитадели также пали, многие феодальные лорды сдались и выразили свою покорность татарам. Тот кто принял Ислам получил землю; тот кто отказался это сделать был изгнан.

Но король Георгий избежал плена. Он отправил Тахира на юг искать убежища у оттомана Баязита (к которому также бежал его отец султан Ахмад), а сам он прошел на западный Кавказ. Отсюда он начал переговоры с Тимуром. Он согласился отправить войска в армию Полководца уплатить тяжелую дань и покровительствовать мусульманам.

Глава XII

ПОСЛЕДНИЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Когда Тимур осенью 1399 г. двигался на запад в свой семилетний поход, одной из его главных целей было поставить Египет на колени и захватить богатство и торговлю этого мощного государства, которое в течение длительного времени было главным столпом Ислама.

Но в следующее лето, 1400 г., год Дракона, возникла другая проблема, поставленная не древней империей, а выскочкой Баязитом, правителем оттоманских турок. Здесь играли роль не только вопросы, связанные с другим мусульманским государством, или другим тюркским деспотом; в это время христианский мир дрожал от надежды и страха. Он дрожал от страха турецкого нашествия в Европу, и свои надежды возлагал на союз с Тимуром.

Примерно за четыре года до этого, в Рождество, сэр Джеймс де Хелли привез французскому королю страшную новость, что новый крестовый поход, поднятый принцами и папами Христианского мира потерпел крах у Никополя на нижнем течении Дуная, где погибли рыцари Франции, Бургундии, Венгрии и дюжины других королевств¹.

Поражение христианам нанесли Оттоманские турки, которые угрожали византийской империи почти три четверти столетия. Этот народ, являвшийся одной из ветвью турок, которые пришли в Малую Азию из Средней Азии, были родственны сельджукам, которых они вытеснили. К четырнадцатому столетию турецкие эмиры правили над

десятью провинциями Анатолии. Один из эмиратов в Западной Анатолии, чьим вождем был Осман (или Оттоман) имел значительный успех в борьбе против Византии, которая в то время еще имела опорные пункты в Малой Азии. В 1326 г. оттоманы захватили Бруси, на северо-западе полуострова, и сделали ее своей столицей. Они распространили свои владения на соседний турецкий эмират Караси, и твердо утвердившись там, возобновили свои атаки против Византии.

Византийская империя никогда не смогла оправиться от удара, нанесенного четвертым крестовым походом в начале тринадцатого столетия, когда Константинополь был разграблен и оккупирован латинскими войсками, под главенством Венеции. Хотя греческая династия Палеологов восстановила империю (1261 г.), но ее силы уже были подорваны и подрывались еще более феодальными интригами и междоусобной борьбой. Византия была поэтому не в состоянии оказать эффективного сопротивления Оттоманским туркам во второй половине XIV столетия, когда они стали проводить свои атаки на европейский континент. А византийский император Иоанн V Палеолог (1341-1391 гг.) признал себя вассалом турецкого султана, Мурада.

Турки захватили Андринополь (Эдрин) и утвердили там свою европейскую столицу. В 1389 г. они одолели в битве при Косове (Сербия) упорное сопротивление сербов и других славянских народов, которые стали турецкими вассалами. Однако, в этом сражении победоносный султан Мурад был убит сербским патриотом. Его сын Баязит, прозванный Ельдерим, Молниеносный, стал властелином Малой Азии и большей части Балкан после убийства своего брата, который сражался вместе с ним в Косово. Спустя год Византийский император капитулировал полностью и ему была оставлена территория немногим превышающая его столицу Константинополь, который был уже обложен Баязитом. В 1390 г. Баязит завершил победу при Косово женитьбой на сербской принцессе и вернулся в Малую Азию. Он стремительно атаковал пять эмиратов — Кермиан, Текке, Сарухан, Айдин и Ментена — все из которых были аннексированы в одном походе. Хамидом он уже завладел как частью приданого при женитьбе. В 1393 г. к его владениям были добавлены два центральных эмирата — Кизил Ахмид и Караман. Свергнутые при-

ицы обращались за помощью на восток к Тимуру. Баязит прошел над Азией и болгар постигла та же участь, что и сербов.

Дни Византии были сочтены: Константинополь был окружен и угроза нависла над всем христианским миром. Сигизмунд, венгерский король, обратился за помощью к западному христианскому миру. Баязит захватил одно из венгерских вассальных государств на Дунае и теперь угрожал всему его королевству. Ситуация стала тревожной. Великий раскол, с двумя папами, с одним в Риме и другим в Авиньоне продолжал подтачивать жизненные силы Латинской церкви. Столетняя война между Англией и Францией была отсрочена перемирием, но могла возобновиться в любой момент. Волны чумы находили жертвы среди тех, кто уберегся от феодальных конфликтов. Английский король Ричард II едва удерживал контроль над своими баронами. «Дела в Англии ежедневно идут от плохого к худшему», комментировал Фруассар. Французский король Карл VI время от времени терял контроль над собственными владениями. Как католический папа, так и антипапа, Бонифаций IX и Бенедикт XIII Авиньонский призывали к крестовому походу и их обращения встречали энергичный отклик во Франции и Бургундии, более сдержанный отклик приходил из Англии.

Тем не менее армия численностью в десять тысяч воинов выступила из Дижона под командованием Джона, графа Наварского, сына герцога Бургундского, энергичного но мало подготовленного, чей возраст был около двадцати четырех лет. В Германии к ним присоединилось шесть тысяч немецких солдат и еще тысяча англичан под командованием двоюродного брата короля герцога Хантингтона². В Буде они соединились с войсками короля Сигизмунда, которых насчитывалось шестьдесят тысяч. Десять тысяч пришло из Валахии и около тринадцати тысяч авантюристов собралось из разных стран — из Польши, Богемии, Италии и Испании: в целом была собрана армия численностью около ста тысяч христиан, значительно превосходившая армии прежних крестовых походов. Христиане были настолько уверены в своей силе, что похвалялись, что если бы упало небо, они поддержали бы его своими пиками.³

Баязит Ельдери́м Молниеносный, уже начал осаду Константинополя, когда до него дошли сведения о кресто-

вом походе собиравшемся в Венгрии. Осада была отложена и оттоманский султан двинулся на север с армией немногим превышавшей по численности армию рыцарей креста. Крестовосцы дошли до Никополя, главного оттоманского укрепленного пункта на Дунае и не имея осадных орудий, они разместились у его стен, надеясь голодом принудить город сдаться. Время было занято пирушками и оргиями, которые не продлились и пятнадцати дней. Потом появился турецкий авангард.

Между рыцарями Запада и венграми возник спор за честь первой атаки на неверных. Сигизмунд убеждал французов быть готовыми для решающей атаки в то время как венгры, которые уже были знакомы с турецкими методами, должны были первыми встретить их. Но «три столетия опыта ничему не научили западных рыцарей»⁴. Зарезав турок, захваченных в плен во время их наступления, французские рыцари бросились вперед с криками «За бога и Святого Дениса» и «За бога и Святого Георгия». Турецкая нерегулярная кавалерия была обращена в бегство. Спешившись перед баррикадой из колов, рыцари продолжали бой на склоне горы, отбросив турецкую пехоту за колы. Потом изнуренные битвой и тяжелым вооружением они встретили главные турецкие силы численностью около сорока тысяч всадников. Рыцари креста были изрублены на куски. Отряды на флангах армии Сигизмунда начали бежать, когда они увидели лошадей без всадников, мчавшихся обратно на них, король и его венгры бросились на выручку западных рыцарей. Но они опоздали. Армия была разбита, Сигизмунд бежал⁵.

Между тем Мануэль Палеолог, византийский император, осажденный в своей столице, также обратился к западу за помощью. Он предпочел бы сделать это лично, но его отговорили магнаты Венеции, которые имели значительные концессии в Константинополе. Эти коммерческие князья имели интересы в обеих лагерях: с одной стороны они стремились сохранить свои позиции у входа в Черное море и защищать своих колонистов в восточной столице, но с другой стороны они были также заинтересованы в поддержании гарантий, полученных от султана Баязита в отношении привилегий, которыми пользовались венецианские подданные в Малой Азии при прежних правителях. Вместе с тем, в связи с подготовкой короля Сигизмунда, венецианцы согласились снарядить флот для морских ди-

версий, в то время как крестоносцы будут наступать по долине Дуная. Мануэль по-видимому также добился союза с генуэзцами Эгейского моря и рыцарями Родоса, по которому суда с Родоса и Лесбоса были собраны во флот, который уже был поставлен под паруса венецианцами. Но пока они готовили свои диверсии и плыли через Босфор, армия крестоносцев была разгромлена. Одна из галер вошла в Черное море, чтобы принять на борт беглого венгерского короля Сигизмунда.

После победы Баязит Молниеносный осмотрел поле битвы. Когда он увидел значительность своих потерь, он пришел в ярость и приказал перебить всех пленников, оставив лишь тех, за кого можно было получить хороший выкуп. «Многих блестящих рыцарей и дворян Франции и других наций проводили в одних рубашках одного за другим перед Баязитом, который еле смотрел на них, и когда он давал сигнал их немедленно рубили на куски люди ожидавшие их с обнаженными саблями».⁶

Среди тех, кого оставили в живых были юный граф Наварский, сын герцога Бургундского, и Филипп, граф Артуа. Сэр Джеймс де Хелли также был оставлен и назначен гонцом на запад, чтобы договориться о выкупе. Христианских принцев оценивали в двести тысяч золотых флоринов, которые были уплачены главным образом герцогом Бургундским и Сигизмундом. Деньги были ассигнованы магнатами Венеции и Генуи и их банковскими домами на островах и в Леванте. Возмещение осуществлялось налогообложением народов христианских стран. Но не все пленные остались в живых. Филипп, граф Артуа умер и был похоронен в монастыре в Константинополе. Клавихо, посол кастильский, посетил его могилу по дороге в Самарканд.

Среди оставшихся в живых христиан был пятнадцатилетний оруженосец из Баварии Иоганнес Шильтбергер. Его лорд был убит в Никополе, а его самого захватили в плен. Когда пришел приказ о казни пленных «я был одним из трех связанных одной веревкой, — рассказывал он, — и был отдан тому, кто захватил нас... каждому было приказано убить своих собственных пленников, а на место тех, кто не желал делать этого, король назначил других. Тогда они схватили моих компаньонов и отрезали им головы и когда пришла моя очередь, сын короля увидел меня и приказал оставить меня в живых, и я был оставлен

с другими юношами, потому что никого не убивали кому не исполнилось двадцати лет».⁷

Турки гнались за остатками армии крестоносцев до Сирии и на время (1397 г.) оккупировали Афины. Они не пошли дальше в Европу, хотя «гордый победой Баязит угрожал, что осадит Буду, чтобы покорить прилегающие страны — Германию и Италию, и что накормит овсом свою лошадь на алтаре храма Св. Петра в Риме. Его наступление остановил длительный и болезненный приступ подагры».⁸

По этой ли причине или по другой, Баязит Молниеносный еще раз осадил Константинополь. Положение Византии казалось безнадежным. Император Мануэль, предвидя, что будет вынужден бежать из своей столицы, предложил город венецианцам. Венецианцы сочли благоразумным отказаться, имея в виду концессии, которые они имели на территории Османского султана. Они приняли, однако, меры предосторожности, отправив четыре галеры для защиты своих колонистов. Генуэзцы, которые имели сильную базу в Пера (Галата, пригород Константинополя на восточном берегу Золотого Рога), сделали то же самое. Послы Мануэля вновь обратились к западным христианским странам и посетили еврейские дворы, но на этот раз, хотя опасность неверных была гораздо большей, правители этих стран не откликнулись на призывы. Только французский король, который стал сюзереном Генуи (1396-1409 гг.) и был поэтому обязан защищать генуэзскую колонию в Пера, отправил Муршала Бусико, одного из оставшихся в живых в Никополи, с отрядом примерно в десять тысяч человек. Они позанимались мелкими стычками у Константинополя, но не получили ни пищи, ни платы. Найдя, что возможностей для грабежа слишком мало, они уплыли обратно. Император Мануэль Византийский ушел вместе с ними (декабрь 1399 г.).

Вот так в конце XIV столетия западные дворы принимали видного гостя Императора Мануэла II Палеолога, который прибыл лично представить дело греческих христиан. Его жалкое появление не произвело впечатления на наследников цезарей. Герцог Миланский предоставил ему средства, позволявшие ему лишь содержать себя на уровне своего положения. Папа Бонифаций согласился лишь проповедовать дело Священной войны, но на самом деле его мало интересовала судьба Восточной церкви.

Мануэль прибыл в Англию, где его щедро принимал в течение двух месяцев в Лондоне Генрих IV, который только что узурпировал трон и сверг своего кузена Ричарда; но это было все. Во Франции Мануэль прожил дважды и был щедро принят, но помощь не получил.

Только на востоке появились более светлые перспективы. Баязит Молниеносный уже перешел дорогу Тимуру. Этот турок был признан в качестве султана Рума врагом Тимура, Баркуком, египетским. Но Баязит не довольствовался владениями на периферии Ислама и кусками от беднеющих королевств Европы. Еще до Никополи он продвигался на Восток через Анатолию к Армении и провинциям, покорившимся Тимуру. Баязит распространил свое господство над провинцией Караман, потом над Кайсарией, Тукатом и Сивашем. В начале XV столетия он начал реально угрожать Армении и союзнику Тимура, принцу Тахартену, которому была поручена оборона западных границ.

Сельджукские и турецкие эмиры, свергнутые Баязитом, бежали ко двору Тимура, в надежде восстановить когда-нибудь свои владения при помощи могущественного Завоевателя. Их надежды были поддержаны.

Если Тимур просто приютил в своем дворе свергнутых князей Рума, то Баязит уже издевался над властью Тимура, предоставив убежище и поддержку закоренелым его врагам: султану Ахмаду Джалаиру, его сыну Тахиру, который до этого укрывался в Грузии, и вождю туркменского племени Кара-Коюнлу — Кара-Юсуфу. Во время трехлетней компании в 1387 г. Тимур атаковал главный опорный пункт Кара-Коюнлу в Армении, но туркменские племена вновь вышли из горных ущелий после его ухода. Когда же Тимур прогнал их еще раз во время пятилетнего похода, они выступили еще раз вместе с султаном Ахмадом Джалаиром, который был изгнан из Багдада (1393 г.) Вместе с египетскими войсками они помогли ему восстановить свою власть. Султан Ахмад удержался в Багдаде несмотря на предательство некоторых из его генералов и угрозы принца Мираншаха, которого Тимур назначил правителем гулигидских владений. Получая поддержку от Египта, Ахмад вошел в контакт с отоманским султаном Баязитом, и просил помощи в борьбе против Тимура. Баязит ответил благожелательно Ахмаду, заявив, что в отношении Тимура он уже заключил союз с византийским

императором и его внимание приковано к Малой Азии. Он, Баязит, предпринял наступление на Тукат с целью остановить орды Тимура. Примерно также ответил Баязит на послание Шах Мансура, выражая возмущение грабежами Тимура. Османский султан говорил, что готов снять осаду Константинополя для того, чтобы преградить путь Тимуру.

Тимур, хорошо информированный об этих делах и вдохновленный своими новыми союзниками, т.е. прежними правителями Малой Азии, не сидел сложа руки. Между татаром и турком произошла оживленная переписка. Тимур потребовал прекратить оказывать поддержку Кара-Юсуфу и Султан Ахмаду, и советовал остановить агрессивные действия. Тимур предупредил, что не наказал его до сих пор лишь потому, что Баязит вел войну против неверных (христианской Европы) и боялся, что конфликт между ними вызовет радость у неверных и огорчение у мусульман. Но он предупредил Баязита не заносить свою честолюбивую руку за пределы своей державы. Он был лишь муравьем и не следует ему пытаться воевать со слоном, писал ему Тимур. Мелкий князек подобно Баязиту не должен скрещивать сабли с Полководцем, и его гнев не принесет ему ничего хорошего, так как каждый знает, что турок не имеет разума. «О кровожадный пес, именуемый Тимуром...», начал свой ответ Баязит и посмел продолжить его.

В этот период через различные каналы Запад стал устанавливать контакты с Тимуром. В дни монгольских ильханиев, христиане надеялись добиться союза с монгольскими завоевателями Персии и перетянуть их на сторону крестоносцев против Египта, лидера исламского мира. Были созданы три католических епархии: для работы в Золотой Орде, другая в Китае и третья (1318 г.) в Султании, для работы в хулагидской империи. Надежды христиан не осуществились: запад был слишком расколот, чтобы воспользоваться предложением, сделанным Ильханом. Обращений в христианство было мало, т.к. к этому времени сами ильханы приняли мусульманскую веру. В конце четырнадцатого столетия, христианам вновь показалось, что на востоке появился сильный союзник, который мог бы воевать вместо них против неверных османских турок.

В 1398 г. епископ Нахичеваня (Азербайджан) был

назначен приказом папы Бонифация IX Архиепископом Востока и Эфиопии, епархия основанная в Султании на территории Тимура. Этот епископ, доминиканский монах, стал Архиепископом Иоаном II Султании. Личность этого Иоана сомнительна. Один источник утверждает, что некий Иоан Гриллоу, францисканец, был назначен на этот пост папой Бонифацием в октябре 1400 г.¹⁰ Другой источник утверждает, что он был французом. Однако, современные свидетельства поддерживают версию, что Иоан II был доминиканцем, а одна латинская хроника называет его итальянцем¹¹. Первый Архиепископ, назначенный в эту епархию, был итальянским доминиканцем, а последующие связи архиепископа Иоана с Венецией и с французским двором дают основание предположить, что он был итальянцем.

Во всяком случае, пятнадцатое столетие открылось новыми миссиями, идущими на восток, снабженных посланиями доброй воли и поднимавшими вопрос войны против общего врага Баязита. Миссии были адресованы к старому любителю шахматной игры — Тимуру, хотя тот уже находил себя врагом христиан в Грузии и Тане.

Перед тем как покинуть Константинополь, Мануэль пришел к соглашению со своим племянником Иоаном и назначил его регентом столицы в период своего отсутствия. Иоан также обратился за помощью к восточному Повелителю. Через посредничество доминиканских послов — отцов Фрэнсиса и Сандрона (Александра) и христианского императора Мануэля Трапезундского, регент Иоан и правитель Перы описали свои бедствия, убеждая Тимура выступить против турка. Они объявили о своей готовности стать вассалами Тимура, передав ему дань, которую они прежде платили Баязиту. Они обещали ему помощь людьми и галерами в борьбе против общего врага. Они обещали отрезать Баязита от его войск на европейском континенте и не допустить турецкие войска с континента на Малую Азию и оставить Баязита без подкрепления.

В то же самое время Иоан нашел благоразумным проводить дополнительные переговоры с одной стороны с самим Баязитом, торгуясь об уступках, если Иоан примет турецкий суверенитет; и с другой стороны с французским королем о продаже византийского трона за ежегодную ренту и безопасное убежище во Франции¹².

Тимур не нуждался в излишних просьбах ни от христианских кругов, ни от лишившихся трона анатолийских эмиров при его дворе, чтобы выступить против османского турка. В то время как татарские экспедиции истребляли повстанцев Грузии зимой 1399—1400 гг. Баязит приказал своему сыну, принцу Сулейману, провести экспедицию в Армению, воспользовавшись для этого Сивашем, который был захвачен им за несколько лет до этого. Принц Тахартен, союзник Тимура, заколебался и добровольно уступил важные центры в верхней части долины Евфрата, такие как Малатийя и Камах. Тахартен сопротивлялся капитуляции Камаха; но город пал. Принцу Тахартену по-видимому было безразлично кому платить дань — туркам или татарам, но когда его казна и гарем были захвачены османами, он пошел со своими мольбами к Тимуру.

К лету 1400 г., несмотря на суровые условия грузинского похода, Тимур был готов. Старая Сарай-Мулк и члены двора, в которых не было необходимости, были отправлены в Султанию. Полководец стремительно двинулся на запад, по дороге к нему присоединился принц Тахартен и войска Эрверума и Арзинджана.

Баязит, «турок без разума», находился все еще на европейском континенте, далеко к западу. Татарские войска направились к Сивашу, который был одним из самых важных укрепленных пунктов анатолийской границы и коммерческим центром Сирии, Месопотамии и Анатолии. Он был окружен сильными каменными, а не земляными стенами, и рвом, полным воды.

Турецкие войска под руководством принца Сулеймана, несмотря на некоторые успешные стычки, посчитали благоразумным отступить и вызвали подкрепления из Брусы, так как по слухам татарские войска превосходили турецкие. Оборона Сиваша была поручена губернатору Мустафе. Гарнизон, включая четыре тысячи кавалеристов, готовился к упорному сопротивлению. Осада началась в начале августа 1400 г. Тимур приказал соорудить платформы вокруг стен, с которых катапульты, метавшие камни и огонь, могли достать город. Были установлены тараны и начались подрывные операции там, где у валов не было рвов. Восемь тысяч пленников помогали татарским саперам. После трех недель подкопа и метания огня, в стенах появились брешы, башни рухнули и городские

старейшины вышли к Тимуру, с просьбой о пощаде. Мусульманам было обещано помилование на условии выкупа. Армяне и христиане должны были быть взяты в плен.

Турецкие подкрепления под командованием принца Сулеймана прибыли слишком поздно. Город был в руинах, татары ушли. Линия пограничных постов, дававшая доступ в Анатолию, перешла теперь к Тимуру, и Малатийя открыла ему свои ворота. Тимур захватил господство над подступами в Анатолию и вбил клин между двумя исламскими государствами. Его наступление сузило коридор между двумя империями так быстро, что султан Ахмад Джалаир еще раз бежал из Багдада с Кара-Юсуфом, главой Кара-Коюнлу. Боясь, что их линия отступления будет скоро перерезана, они бросились в Анатолию к оттоманским туркам. Жены Кара-Юсуфа, дочь и сестра султана Ахмада попали в руки Тимура. Принцы все же избежали этой участи. Кара Осман, эмир Амида и сын свергнутого князя Сиваша, был назначен правителем Малатийи и ему было поручено смотреть за пограничными постами, находившимися в южной части Рума.

Это были только предварительные мелкие стычки с Оттоманскими турками, Тимур сам замечал, что он хотел только поморочить голову султану Баязиту¹³. Пока надо было браться за главного врага — Египет.

Глава XIII

СИРИЯ И МАМЛЮКИ: ПАДЕНИЕ ДАМАСКА

1400 (год Дракона) — 1401 (год Змеи)

Хотя и казалось, что Тимур колебался в выборе цели между оттоманским турком и мамлюкским Султаном Египта, сам же он решил атаковать последний. Египетская империя, простиравшаяся от Нила через Сирию до Малой Азии, контролировала торговые и ремесленные базы Каира и Дамаска, главные центры коммерции с Индией, паломнические пути в Мекку и Медину и мусульманские святыне места в Иерусалиме. Египет был величайшей из мусульманских держав. Со времени султана Салах-этдина (Саладина) в двенадцатом столетии, он возглавлял борьбу

Ислама против крестоносцев Запада. Салах-этдин почти полностью изгнал франков из сирийских провинций и объединил их с Египтом.

Мамлюки — «одержимые», были рабами, первоначально купленными для охраны султанов. Происходили они главным образом из кипчакских степей и составляли значительную часть торговли между волжскими районами и Левантом. Эти кочевники будучи искусными стрелками из луков и лихими наездниками, были обращены в грозную армию. Освобожденные правившим султаном, они сформировались в военную олигархию и стали главной опорой правления султана. В конечном счете они заменили султана из династии Салах-этдин (Айюбидов) султанами из своих собственных рядов. Каждый султан находил поддержку со стороны верных мамлюков, которых он сам покупал, обучал, освобождал и наделял привилегиями.

К концу тринадцатого столетия выдающийся мамлюк, султан Байбарс (кипчакский тюрк по происхождению) и его наследники изгнали наконец крестоносцев из Сирии. Именно султан Байбарс и мамлюкская армия оказались в состоянии остановить наступление монголов на запад к Сирии и побережью Средиземного моря. В самом деле, монголы испытали первое серьезное поражение в 1260 г. от мамлюков, и империя ильханов была ограничена по восточным берегам Евфрата. Ильхан Хулагу отсутствовал, когда вспыхнул конфликт азербайджанских провинций с Золотой Ордой; мамлюки же стали поощрять трения между двумя монгольскими империями. Между Байбарсом и Берке — ханом Орды произошел обмен посольствами на высоком уровне.

Египет доминировал в торговле с Индией и извлекал из этого огромные прибыли. Подарки, отправляемые в Золотую Орду для того, чтобы произвести впечатление, свидетельствовали о богатстве мамлюкских султанов.

Султан Байбарс принял в Каире родственника Халифа, который был убит, когда Багдад был захвачен хулагидами, и с этого времени марионеточный халиф в Каире узаконил господство мамлюков. Правление большого числа способных султанов сменилось в тринадцатом столетии серией династических раздоров, которые, однако, были ограничены главным образом мамлюкской олигархией.

В 1382 г. Баркук, черкесский раб, стал мамлюкским султаном Египта и Сирии. Именно к Баркуку первый раз

бежал султан Ахмад. Именно Баркук не только отверг предложения торговых отношений, сделанных Тимуром, но и убил одного его посла, другого заключил в тюрьму. Когда Тимур услышал, что Баркук покинул этот бранный мир, то он понял, что соперничество, ослаблявшее каирский двор, будет скрытым союзником его во вражеских рядах.

Сын Баркука, десятилетний Фарадж, нуждался в помощи, чтобы утвердиться в качестве султана Египта. Он обратился к османскому правителю Баязиту, который оказал ему поддержку в этом. Баязит вознаградил себя за эту помощь захватом северной сирийской пограничной станции Малатийи, но лишь для того, чтобы сразу потерять, ее захватил Тимур.

Вскоре в Каир прибыли послы от Баязита. Они энергично требовали союза между Египтом и османским султаном для совместного выступления против Тимура.

Это предложение было отвергнуто эмирами Фараджа, на том основании, что Баязит сам воспользовался смертью Баркука, чтобы захватить город Малатийю. «Он не друг нам, пусть сам защищает свои земли. Мы будем защищать себя и своих людей».

Из Малатийи, которая контролировала подходы к Сирии и Малой Азии, Тимур отправил Фараджу письмо, в котором требовал возвращение посла Атылмышы, брошенного Баркуком в тюрьму. Но посланец, везший это письмо, был схвачен Мудуном, наместником султана в Дамаске, и зарублен.

Тимур, не дождавшись ответа на свое послание, начал готовить армию к выступлению.

Первая крепость, которая пала под ударами Тимура, была Бахасна, слывшая прежде неприступной. После этого прямая угроза нависла над Алеппо, на юге. Правитель города обратился с одной стороны к султану Фараджу за помощью, а с другой стороны мобилизовал силы Сирии, чтобы дать отпор Тимуру. Алеппо был торговым центром, вторым по значению после Дамаска, называемым иногда «маленькой Индией» из-за огромного количества ценных индийских продуктов на его базарах. Сирийские эмиры собирали свои войска из Хама и Хомса, Антиохии и Баальбека, Акре и Триполи, Иерусалима и Газы. Войска имели хороших лошадей и были прекрасно вооружены.

Таким образом, когда армия Тимура появилась у стев

Алеппо, то силе этой противостояла сила, равная ей.

Божественная помощь не улыбнулась сирийцам; их линии рухнули перед натиском боевых слонов и татарских войск, которые прошли над ними подобно бритве над волосами. Дамурдаш и другие военачальники бежали в город. Их армии, видя пример своих командующих, рассыпались. Некоторые начали бег на Дамаск, и многие были убиты по дороге. Другие повернулись к открытым воротам и пытались укрыться в городе.

Соответственно свидетельству Низам аль-дина, они бросились к воротам, мешая друг другу и топча друг друга, пока ворота не были заблокированы и уже никто не смог войти туда.

Сирийские эмиры под руководством Дамурдаша сдали город. Дамурдаш был хорошо принят. После короткого сопротивления цитадель также капитулировала. В ней Тимур захватил кладовые, казну, содержащую богатства, накопленные несколькими поколениями правителей, и вклады богатых горожан, размещенные здесь для сохранности. Садун, наместник, был взят в плен.

Тимур отложил главную часть своей добычи и тяжелые вещи обоза в цитадели и поставил восемь эмиров охранять их.

Как обычно, он вызвал к себе мусульманских лидеров и занял их мысли теологической дискуссией, особенно в том, что касается противоречий между суннитскими и шиитскими сектами. На вопрос Тимура: «Кто из мусульман является мучеником и попадет в рай — тот, кто защищал или тот, кто нападал?» один священник дал рассудительный ответ: «Тот, кто борется за слово Божие, является мучеником». Ответ понравился Тимуру; и когда священники попросили его пощадить народ Алеппо, он «даровал безопасность всем и поклялся им в этом, так что некоторые испытали милостивое отношение по сравнению с другими»⁶. Свидетелем штурма Алеппо был Маулана Низам-этдин, который прибыл из Шама, пригорода Тавриза. Этот почтенный писатель был в Багдаде, когда татары напали на город в 1393 г. и был одним из первых, кто вышел, чтобы выразить почтение Завоевателю. Маулана проходил через Алеппо в 1400 г., но был арестован сирийцами, которые несомненно подозревали его в сговоре с врагом. С крыши дома, находившегося перед воротами цитадели, он

наблюдал штурм города и крепости. Впоследствии ученого вытащили и представили Тимуру, который его принял вполне сердечно.

Соответственно Минанелли сирийских эмиров привели для допроса. Тимур унижал их, сравнивая этих мамлюков, рабов, со своими собственными эмирами королевской крови. Он обязал их поставлять зерно, муку, солому и другие товары для его армии.

Тимур оставался в Алеппо в течении месяца и потом, завершив все дела, покинул город.

В Дамаск беженцы из Алеппо прибывали «в жалком состоянии и отвратительном виде», предупреждая южан о надвигавшейся опасности.

Город Хама, на пути Тимура к югу, поспешил сдаться и ключи от казны были отданы ему немедленно. Несколько недель были проведены в окрестностях города, войска отдыхали, а для двора создавали подходящие апартаменты и прекрасную палату для Дивана. Эмиры предпочитали отложить поход, ссылаясь на зимние пастбища, которые были доступны на прибрежных склонах Ливанских гор. Но Тимур доказывал, что необходимо нанести удар по врагу прежде чем он сможет восстановить силы.

Армия продолжала наступать на юг. Сдался Хомс и принес выкуп. Баальбек капитулировал и вдобавок к сбору урожая фруктов, особенно вишни, овощей и других вещей, татары имели время восхищаться террасами и стенами, сделанными из срезанных огромных камней, которыми был знаменит город. Отсюда татарские всадники были направлены Тимуром на побережье Средиземного моря, чтобы покорить Сидон и Бейрут⁷.

Стояла середина зимы, и воздух Баальбека был холодным, поэтому Тимур продолжил марш в начале нового 1401 года. По пути он посетил священную могилу Ноя. Наконец, он двинулся на юг, на Дамаск.

Дамаск был первым городом Сирии. Он был на расстоянии трех- или двух-дневной езды на лошади от Средиземного моря и принимал караваны из Багдада и Персидского залива и с хорасанской дороги. Он принимал пилигримов на пути в Мекку. Здесь были прославленные мастера по закалке стали, по производству изделий из стекла, шелка и других текстильных изделий. Дамаск был столицей халифов в течении первого столетия Ислама, перед тем как его перевести в Багдад. Омейядская со-

борная мечеть с ее великолепным освинцованным куполом и минаретами слыла самой красивой в мире Ислама — соответственно Ибн Баттуту «непревзойденной и несравненной».

В Каире сообщениям о падении Алеппо не верили, гонец, принесший это известие, был арестован. Два эмира выехали, однако, из Каира на верблюдах, чтобы проверить это сообщения. Только после долгих раздумий Фарадж решился оказать сопротивление. Он выступил на север со своей армией в Газу. Правитель Дамаска предложил усилить укрепления города, оставив главную армию с султаном в Газе, так чтобы иметь против Тимура две ударные силы. Мамлюкские эмиры, однако, отвергли этот план, и армия двинулась на север, чтобы разместиться в окрестностях Дамаска.

Сирийцев и египтян раздирали споры. «Некоторые говорили — бегите от дьявола, которого нельзя одолеть и бежали, улаживая свои дела. Другие говорили — правители Алеппо были слабы и им не хватало мудрости. Некоторые, кроме того, лелеяли мысль о предательстве, теряли свои головы; но армия Египта была сильна и великолепно вооружена. И люди остались в смятении. Некоторые подались в Священную Землю, некоторые в Египет; другие цеплялись за вершины недоступных утесов; третьи окапывались в скрытых и отдаленных местах...»⁸

Ибн Тагри Бирди взялся организовать дела дамаскцев. Он предложил им хорошо вооружиться, запастись продовольствием и проникнуться решимостью сражаться против Тимура «до конца». Его предложение, как и его совет, были отвергнуты. Предложение о помощи по морю пришло также от правителей Кипра и Фамагусты. Но на них не обратили внимание. Вся энергия двора была поглощена борьбой против соперников.

Однако, город был укреплен, катапульты и метатели нефти были установлены на цитадели на стенах. Совещания, проведенные Фараджем, не оставались без последствий. В татарский лагерь был отправлен убийца в лохмотьях дервища с двумя помощниками, с поручением добиться доступа к императорскому шатру. Однако, там они вызвали подозрение, и при обыске у них в обуви были обнаружены отравленные кинжалы. Мнимый монах был убит его собственным кинжалом. Помощникам отрезали уши и носы и отправили обратно к мамлюкскому султану.

Правитель и военачальники, взятые в плен в Алеппо, были казнены в знак мести.

Тимур подошел на ударную дистанцию от Дамаска и разбил здесь лагерь возведя валы высотой в рост человека. В то же время был отправлен еще один человек с мирным предложением Тимура к Фараджу: «отпусти нашего посла Атылмаша. Объяви свою покорность упоминанием моего имени в молитвах в пятницу. Отчекань мое имя на монетах. Тогда я пощажу тебя. Иначе разнесу лица твоих подданных и твою империю. Ты знаешь, что только зависть и честолюбие побуждают тебя поднимать меч на меня. Шум и суета, которые ты поднимаешь, не несут тебе богатства, которые помогли бы тебе приобрести честь и славу. Помимо, всего, полкаравая хлеба достаточно для того, чтобы накормить человека, Есть два пути — война или мир. Делай свой выбор».

Многие из мамлюкских эмиров верили, что предложение Тимура искренне. Они советовали принять предложение, но не из-за своей военной слабости, а из-за слабости, вызванной их собственными раздорами.

На этот раз послы были приняты Фараджем. Ответ, который они принесли, был примирительным: мы выражаем вам уважение и покорность; мы, решили отправить Атылмаша к вам, это будет сделано в пять дней.

Спустя десять дней Тимур провел осмотр армии. Потом начал движение на восток, где имелись прекрасные луга. Население Дамаска с радостью и облегчением расценило это как признак слабости и решило воспользоваться моментом, чтобы ударить врага в тыл. Ворота были открыты и сирийские соединения, при поддержке горожан, вооруженных булавами, кинжалами, некоторые просто палками и камнями, вышли, чтобы ударить по аррьергарду Тимура. Окружающая местность была полна пехоты и кавалерии. Уверенность дамаскцев еще более укреплялась из-за бегства к ним одного из внуков Завоевателя. Это был принц Султан-Хусейн, человек «состоявший из храбрости, легкомыслия и глупости»⁹. Вследствие дебоша, учиненного им, избежавшие наказания мятежные элементы побудили его бежать в Дамаск на службу к сирийцам. Его торжественно провезли через весь город, одетого как «таджика» и с отрезанной косой. Уверенность жителей выросла еще больше, когда они увидели за городской стеной великолепную кавалерию и собранные

войска из Египта и Сирии, расположенные за городом. Ночью огни пылали до горизонта. Армия Фараджа пришла свежей из Каира. Татарские орды были усталыми. Сообщали о большом числе успешных стычек против них; тысячи татарских всадников были обращены в бегство у горы Гермон; докладывали, что убито было туркменами более трех тысяч. К мамлюкам начали переходить дезертиры.

Когда Тимуру доложили о выходе дамаскцев, он повернул свою армию назад; он вышел на возвышенность и по обычаю стал на колени в молитве. Затем он одел свою кольчугу, приказал бить в барабан и призывать к атаке. Сирийцы были опрокинуты назад к городу, понесся огромный потери.

Татарская армия затем изготавилась для атаки на Дамаск. Она построилась в дугу вокруг города — с севера, востока и юга, угрожая каирской дороге. Говорят, что свет татарских лагерных огней простирался до ста пятидесяти миль¹⁰. Тимур получил послание от Фараджа: вчерашнее дело — вылазка, — говорилось в нем, — было народным восстанием. Мы не имели никакого отношения к нему. Мы выполним наше обещание и, несмотря ни на что, надеемся получить прощение.

Татарские армии разбили лагерь ночью. Слухи о раздорах в мамлюкской армии становились все более настойчивыми. Шпионы Тимура, которыми кишел Дамаск, хорошо информировали его¹⁰.

На следующее утро горожане Дамаска увидели, что равнины, которые были заполнены армией Египта, стали пусты — Фарадж ушел. Новости о бунте в Каире вызвали неожиданное бегство некоторых из его эмиров за ночь перед этим. Эти эмиры сделали «отговорки, которые не могли быть приняты ни в этом, ни в другом мире». Этот уход, за которым последовал и уход Фараджа, стал решающим. Египетская армия раскололась, пытаясь спастись разными группами: «Тот кто спасет жизнь, спасет все»¹¹.

На рассвете Тимур приказал начать атаку. За Султаном Фараджем был отправлен отряд. Бегущие мамлюки бросили вьючных мулов, верблюдов и снаряжение в попытке спасти свои жизни. Они могли ускользнуть от татар только при помощи своих лошадей. Фарадж бежал «с быстротой быстрой змеи», но многие из его свиты были схвачены и соответственно Арабшаху были растоптаны слонами.

Племена в этом районе попытались максимально воспользоваться представившимся случаем, грабя и убивая жалких мамлюкских бродяг. «Египтяне были армией без генерала и генералом без армии»¹¹.

Когда дамаскцы, узнали, что они брошены, они закрыли ворота города, провозгласили священную войну и поставили охрану на стенах. Город имел в достатке продовольствие и был укреплен самым сильным образом. Храброе сопротивление, которое они оказали татарским войскам, показывало возможность длительной борьбы.

Тимур через своего посла передал городским старейшинам условия капитуляции города, а также цену выкупа с каждого жителя Дамаска. Условия были приняты, и назначены эмиры для сбора выкупа, которые немедленно приступили к исполнению своих обязанностей через единственные открытые ворота города.

Хотя город был окружен, губернатор крепости решил сопротивляться. Татар, которые подходили на близкую дистанцию, атаковали стрелами и греческим огнем. Тимур отправил правое крыло армии под командованием Мираншаха и Шахруха на зимние квартиры на юг, чтобы дать отдохнуть войскам и обеспечить хорошим кормом лошадей. Остальная часть армии была направлена сокрушить крепость. Работа была распределена между эмирами. Кроме работ по подкопу и подрыву стен, были установлены также тараны, баллисты, орудия по метанию нефти и ядер, всего численностью около шестидесяти.

С деревянной башни, установленной прямо против стен, татары швыряли нефть на цитадель. В результате стены были сильно нагреты огнем, а затем быстро охлаждены уксусом; камни потом легко раскололись под ударами молотов. Гарнизон продолжал сопротивляться. В одном месте, когда башня цитадели была подкопана, стена рухнула, а некоторые войска Тимура из Хорасана и Сейистана были раздавлены. Защитники заполнили брешь.

Сопротивление продолжалось в течение месяца. Затем правитель вручил ключи. Он был обезглавлен. Говорили, что менее сорока человек вели оборону цитадели. Гарнизон был обращен в рабство. Они были мамлюкскими воинами — турками или черкесами, или эфиопами; несколько выходцев было из Занзибара; главным образом, молодые люди, немного обученные военному делу. Тимур переехал из своего дворца в окрестностях города в великолепный дом одного из сирийских магнатов.

Тимур захватил несметную казну, хранимую в цитадели, а также амбар с зерном, собранным как дань для священных городов Мекки и Медины. Шараф эт-дди отмечал, разумеется для того, чтобы подчеркнуть набожность Тимура, что это зерно было направлено через Иерусалим в два священных города. Туваджи, которого схватили в то же время, как он воровал и продавал зерно, был подвергнут телесному наказанию. В то же время городские казии пришли к соглашению с Тимуром о сумме выкупа, который должен был состоять из одного миллиона динаров. Когда это было собрано, Тимур стал настаивать, что на самом деле согласованная сумма составляла десять тысяч туманов, другими словами десять миллионов динаров — выкуп, который он, по всей видимости, желал получить с такого богатого города, каким был Дамаск. В то время как сумма взималась с горожан, вся нормальная деловая жизнь прекратилась, исключая продажу тех товаров, которые были необходимы для того, чтобы покрыть сумму выкупа. Дамаскские казии сами прибегли к силе, чтобы заставить своих сограждан уплатить максимум контрибуции. Десять миллионов были собраны. Тимур опять заявил, что нужная сумма не была уплачена: по его подсчету было уплачено лишь три миллиона. Чтобы покрыть эту огромную сумму, он потребовал все богатство и имущество коммерсантов и видных людей, которые бежали из города; он потребовал всех лошадей, мулов и ослов и верблюдов города, а также все оружие. Конфискация была проведена эмирами Тимура, которые разделили различные кварталы города меж собой.

Была отчеканена монета с именем Тимура в золоте и серебре и распределена среди войск. Затем, оправдываясь, что сирийцы отклонились от истинной веры на ложный путь, город Дамаск был открыт для общего грабежа. Истинным же мотивом, если доискиваться до мотивов, возможно, было стремление Тимура удовлетворить свои войска после трудной и тяжелой кампании, и отомстить за упорное сопротивление цитадели.

Татары захватили так много рабов и товаров из Дамаска, что добыча, захваченная в более ранний период похода, была брошена ради ценностей, которые они приобрели. Даже в этом случае, верблюдов, мулов и вьючных лошадей, собранных из Грузии и Малой Азии, было недостаточно, чтобы увезти все это. Товары, которые нельзя

было увезти, сбрасывали на узких улицах и предавали огню.

Ремесленников города собрали для отправки в Самарканд: здесь были квалифицированные ткачи и портные, ювелиры, столяры, производители покрывал для головы, кузнецы, стекольщики, оружейники, сокольничие, ученые, умельцы и мастера всех видов. Они были распределены среди военачальников, которые должны были вернуться с ними в столичный город. Венецианский консул Пасло Зана успел бежать из Дамаска со своими земляками, захватив с собой все, что мог, до прихода Тимура.

Одним из видных ученых, который имел отношение к переговорам о капитуляции Дамаска, был историк Ибн Халдун. Он был одним из тех, кто советовал капитулировать перед татарским завоевателем, хотя его роль в осуществлении переговоров несколько сомнительна.

Соответственно его собственному описанию, Халдун в течение тридцати пяти дней находился в лагере Тимура или рядом с ним, получая аудиенцию утром и вечером.

К концу этой части своей автобиографии Халдун рассказывает удивительный факт, что после его прибытия в Каир посол, привезший письмо Тимура Фараджу, привез также плату за мула Ибн Халдуна, которую султан позволили ему принять.

Когда Фарадж прибыл в Каир, город был в смятении в связи с новостью о судьбе Дамаска; люди почти потеряли разум; каждый думал, что султан потерпел поражение, а Тимур преследовал его. Горожане начали продавать все имущество и готовиться к бегству. Цена на животных поднялась в несколько раз выше обычной.

Письмо Тимура к султану, в котором повторялось требование вернуть Атылмаша, получило быстрый ответ. Пленника должны были освободить и отправить обратно к Тимуру со значительным эскортом. В то же время в Египте была проведена вербовка рекрутов для пополнения войсками и ресурсами с целью возобновления борьбы против татар. Каждый способный путешествовать должен был быть внесен в списки на военную службу или взамен предлагалось представить замену или выкуп, состоящий из половины его годового урожая; было увеличено обложение налогом товаров, которые привозились на корабле для продажи.

Смежные провинции Сирии и Египта были охвачены

страхом, и в городах, также как и в Каире, многие люди, особенно богатые, собирались бежать, но Тимур не стал продолжать наступление на юг. Его нагруженные трофеями войска вернулись на север, грабя те районы, которые еще не были разрушены. Огромные стада и табуны были захвачены у туркменских племен, которые вынуждены были бежать в арабскую пустыню.

Одно татарское соединение было направлено для покорения Антиохии, города, окруженного болотами. Приказ был выполнен, и город был разграблен. Во главе отряда стоял Султан-Хусейн, внук, который дезертировал к дамаскцам. Он был схвачен во время поражения вылазки и был подвергнут порке, согласно методам, предписанным ясой Чингиз-хана. Но не наказание его задсло, а укор его братьев. Его не допустили к императору, а он не посмел добиваться аудиенции. После успеха антиохской экспедиции внук восстановил любовь к себе.

К этому времени Тимур вновь страдал от фурункулов и серьезного воспаления спины. Он был очень болен, и гонцы были отправлены, чтобы позвать обратно принцев и эмиров, особенно Мираншаха и Шахруха, которые занимались охотой и грабежом по прибрежным районам. Возможно, именно в связи с этой болезнью Тимур потребовал один воз белого лука, хотя его нельзя было найти нигде в Сирии. Арабшах рассказывает историю о коммерческом магнате и правителе Сафада (город к востоку от Акра), который решил сохранить жизнь и судьбу своих друзей, угождая Тимуру любым способом. Он отправлял большое число подарков и удовлетворял любое требование Тимура. Так или иначе, он распорядился отправить не один, а три воза белого лука. Полководец выздоровел.

Тимур собрал свою казну из Алеппо. Имперское послание было отправлено к Мухаммад-Султану, внуку и наследнику, который был оставлен править Самаркандом; он должен был прибыть к императору и получить корону Хулагу — владения которого были раньше дарованы его развращенному дяде Мираншаху. Принц Мухаммад-Султан должен был привезти с собой из Мавераннахра отряд свежих войск, которые были собраны там и снаряжены после выступления в поход императора. В другом послании он вызывал своих домочадцев и семью, указывая, что собирается на север на пастбища Карабаха.

Тимур ушел из Дамаска в середине марта 1401 г. Страхи южной Сирии и Египта успокоились. Татарские орды неожиданно повернули на север и на восток, вместо юга и запада. Считали, что они отправились домой.

О соображениях, которыми руководствовался старый татар, когда он решил вернуться на север, можно только догадываться. Но несомненно движение на север было предпринято под давлением эмира и двора, чьи отряды устали после двух сезонов походов, следовавших за индийским. Кроме того, Тимур очевидно рассчитывал на трения при дворе Фараджа, подтачивающих основы могущества Египта.

Тимур уже добился выдающейся победы. Союз между двумя великими мусульманскими державами мамлюками и оттоманами, мог разрушить планы Тимура. Когда такой союз стратегически был возможен, он был отвергнут благодаря антагонизму и глупости Каирского двора. Теперь этой возможности более не существовало. Теперь Тимур вбил клин между ними; он сломил мамлюков и оставил оттоманов открытыми по всей длине их восточных границ.

Сам по себе султан Фарадж не представлял угрозы. Иначе обстояло дело с Баязитом Молниеносным; он был единственным состоятельным врагом, который остался на западных границах империи Тимура. Баязит теперь пригрозил султана Ахмада из Багдада и Кара Юсуфа, князя Кара-Коюнлу, при своем дворе. Когда они бежали вновь из Багдада, они не сдали город татарам. Они оставили правителя с гарнизоном с приказом удерживать его любой ценой.

После атаки Тимура на Сиваш Баязит вернулся в Рум и вновь собрал свои войска в Бруссе, но было слишком поздно, чтобы помочь его сыну, принцу Сулейману. Осада Константинополя была снята, и Баязит готовился к решающей встрече с Тимуром. Подбиваемый советами Ахмада и Кара Юсуфа, и надеясь на занятость татарских орд Сирией, Баязит отправил экспедицию против Тахартена, которого он винил за падение Сиваша. Отряд татар обратился, однако, турецкие войска в бегство в провинции Сиваш, и Баязит, который знал, что остальные татарские отряды сейчас повернули на север, предпочел отложить столкновение. Были возобновлены дипломатические переговоры с татарским двором: принц Тахартен был использован как посредник: его семья была заложником у Баязита

в Бруссе. Ее возвращение было обещано на условии успешного исхода переговоров.

Тимур также был заинтересован в переговорах, но только не с Баязитом. Он вел дипломатические переговоры с тылом Баязита, с христианскими державами Европы. Можно не сомневаться, что он намеревался использовать зиму в Карабахе прежде всего для решающего сражения против Баязита. Были вызваны свежие войска из Самарканда под командованием принца Мухаммад-Султана. Эти войска возможно были оставлены в Мавераннахре в готовности к походу против Китая.

Между тем, Тимуру пришлось прервать свой отдых и развлечения в верхней Месопотамии на пути в восточный Кавказ, чтобы покончить теперь уже окончательно с Багдадом. Тимур отправил двадцатитысячное войско, чтобы отвоевать город, но без результата. Поэтому старый татар сам повернул на юг с авангардом отборных войск, за которым следовала главная армия, которую он повернул с ее марша на Тавриз и Карабах.

Был разгар лета (1401 год). Нельзя было дышать воздухом, а жара была смертельной. Осадные операции происходили при раскаленном солнце. Солдаты в кольчугах жарились. Было так жарко, что птицы падали замертво. Но горожане оборонялись, подобно сумасшедшим, заполняя любую брешь, как только она проделывалась. Несмотря на страдания, жару и голод, город продержался почти 6 недель. Тогда Тимур отдал приказ об общем штурме в самое неподходящее время — в полдень, когда оборонительные позиции пустовали, а защитники были представлены лишь выставленными вдоль стен города шлемами, одетыми на палки.

Не было ничего похожего на милосердие или пощаду. Слишком много татар было потеряно в сражении. Когда город был побежден, мертвых было так много, что туваджи не могли сосчитать их. Правитель успел бежать со своей дочерью и частью казны; его преследовали вдоль реки и убили. Казна в обозе правителя была захвачена и в докладе указывалось, что со дна Евфрата была поднята лодка, полная драгоценными вещами. Одной из вещей было дерево из чистого золота, украшенное драгоценными камнями многих цветов.

Глава XIV

ТУРОК БАЯЗИТ: БИТВА ПРИ АНКАРЕ

1402 г. (год Лошади)

В 1400—1401 гг. во время сирийской кампании продолжались дипломатические сношения между Тимуром и европейскими дворами. Послы, Иоана, регента Константинополя, были сердечно приняты и отправлены домой через Трапезунд с контрпредложениями, сводившимися к совету прекратить переговоры с Баязитом. Эти послы прибыли к концу августа 1401 года и, вполне возможно, они были доминиканскими монахами Фрэнсисом и Александром, упоминаемыми в последующей переписке Архиепископа Иоана Султанийского, который также должен был стать одним из послов Запада к Тимуру.

Греческий христианский император Мануэль III Трапезундский считал османскую угрозу более опасной, чем татарскую и поспешил заявить о своем подчинении Тимуру и отправить ему подарки. Трапезунд являлся греческим христианским королевством, которое после четвертого крестового похода византийский император создал, чтобы избежать латинского правления Константинополя. Порт имел важное значение. При ильханах торговля Трапезунда возросла, так как он служил как рынок сбыта для Тавриза. Генуэзцы имели здесь самую сильную колонию.

Посольство Тимура, отправленное в Перу, повезло еще больше посланий и подарков. Полководец потребовал, чтобы вассал Мануэль III Трапезундский предоставил в его распоряжение 20 галер и такой же флот от Константинополя и Пера. Венецианцы пытались создать союз с Хиосом и Родосом против турок, но, предпочитали пользоваться дипломатией и концессиями и продолжали вести переговоры с обеими сторонами.

Между тем не ослаблялись сношения между Молние-

носным и Полководцем. После захвата Сиваша Тимур насмехался над своим противником, но в то же время он заявил, что готов прийти к соглашению с ним, потому что считал вредным возникновение разногласий между мусульманами. Последующие письма Тимура касались захвата им Багдада и требовали выдачи Султан Ахмада и Кара Юсуфа, которые нашли убежище у Баязита. В особенности он требовал выдачи Кара Юсуфа, живым или мертвым, так как туркмены Кара-Коюнлу ограбили караван паломников на пути в Мекку. Если бы Кара Юсуф был выдан, Тимур мог бы оказать помощь туркам в войне против христиан.

Тимур занял зимние квартиры (1401-1402 гг.) на высокогорных равнинах Карабаха, где к нему присоединились жены из Султании и Самарканда. Эмир Аллахахад, среди других, находился на пути в Самарканд с караваном пленников и инструкциями развивать восточные области королевства и наступательные базы для операций против Китая.

Зимовка в Карабахе давала повод думать, что Тимур замышлял поход против остатков Золотой Орды. Однако слухи о северной экспедиции были рассчитаны лишь на эмисаров от кипчаков, которые должны были прибыть для подтверждения их покорности. Вместо этого Тимур возобновил операции в Грузии, где восставшие крепости продолжали попираť его власть и откуда все еще нельзя было получить ни дани, ни войск.

В Карабах прибыли послы с подтверждением помощи флотом, которые намеревались оказать Константинополь и Перу. Подтвердил также свою верность обещанию о поддержке и Генуэзский представитель, в Карабах также прибыли эмисары Баязита, привезшие ответ, выдержанный более в примирительных тонах, чем прежний. Но тем не менее он утверждал, что османские правила гостеприимства не допускают выдачи Султан Ахмада и Кара Юсуфа, он также требовал возвращения Сиваша. Турецкие послы были приняты с подчеркнутым гостеприимством. Для них были организованы празднества и королевская охота. Тимур все еще настаивал на переговорах с Баязитом на условии выдачи Кара Юсуфа. Но к этому времени принц Мухаммад-Султан находился на пути от Самарканда, чтобы принять корону — и привезти подкрепление для императорской армии. Это дает возможность судить, что Тимур

уже замышлял дело против Баязита, и эти переговоры ему нужны были для выигрыша времени.

Тимур задержал ответ Иоану, регенту Константинополя, до тех пор, пока он не услышал ответ Баязита. Тогда он отправил письмо, датированное 15 мая 1402 г., латинский перевод которого сохранился в архивах Венеции². В письме Тимур ссылается на предыдущий визит монаха Фрэнсиса, а также Исака, подателя письма, и Александра (Сандрона), он принимал предложение дани и угрожал разделаться с Баязитом; если последний не возместит потери, нанесенные им византийскому императору. Оно заканчивалось ясным требованием 20 галер, которые должны были быть снаряжены и доставлены правителем Константинополя в Трапезунд.

В этот период также прибыл посол западных католиков Архиепископ Иоан Султанийский с предложением от Карла VI французского. Иоан надеялся стимулировать коммерческие отношения между татарами и христианским миром, и, возможно, впоследствии обернуть империю Тимура в лоно католической церкви.

Эмиры Тимура сначала не разделяли его решимости начать настоящий поход против Баязита Молниеносного. Их орды прошли трехлетний трудный поход и было хорошо известно об огромной силе войск Баязита и их хорошем оснащении. Их мнение было возможно неприятно императору: потому они выбрали осторожного человека, который должен был передать ему их мнение. Этот шейх указал Властителю благоприятных созвездий, что звезды расположены не в пользу такой операции. Тимур в ответ доказывал, что он был живым инструментом, избранным богом для наказания тирании. Турок Баязит оскорбил Ислам своей женитьбой на христианке (сербской принцессе Марии Оливере); более того, он дал убежище врагам Аллаха. Имея влияние над предназначением людей, если не звезд, Тимур позвал одного из ведущих астрологов объяснить сочетание планет и заключения, которые можно было сделать из них. Мауолона объяснил, что положение Тимура соответственно его интерпретации планет в самом зените своего влияния. Анатолия будет завоевана. Со своей стороны, Баязит задержал жен и детей Тахартена в качестве заложников и собрал войска с европейского континента и со всех провинций Рума. В то же время вопреки их заверениям, принц-регент Константинополя и гену-

эзцы в Пере не приняли мер, чтобы предотвратить вывод турецких войск из Европы. Они были довольны тем, что они ушли.

Татарские орды были также в движении. В феврале 1402 г. императрицы были отправлены обратно в Султаннию. Мухаммад-Султан, прибывший в авангард подкреплений из Мавераннахра, взял отряд, чтобы атаковать непокорную крепость Камах, возвышавшуюся к западу от Евфрата, которую Баязит захватил у Тахартена. Камах был земным раем, писали хроникеры. Весной маленькие птицы падали с высот такими жирными, что жители города собирали их и хранили в кувшинах. От города была отведена водная система. Ночная атака татар была отбита и они понесли некоторые потери. В конце недельной осады крепость капитулировала и была возвращена принцу Тахартену.

Тимур некоторое время ждал послов Баязита в Авнике: затем он быстро двинулся на запад и собрал свои войска на равнинах у Сиваша. Здесь его встретил турецкий посол, имея при себе ответ своего господина; они вероятно рассчитывали встретить его гораздо далее к востоку. Ответ был «грубоватым» как утверждал ибн Тахри Бирди. Ответственно Ибн Арабшаху оно было максимально провокационным. Помимо требования, что Тимур должен предстать перед Баязитом, там были добавлены слова оскорбления по отношению к женам Тимура заявляющие, что они будут «трижды разведены» (серьезное оскорбление по отношению к гарему, по мусульманским взглядам).

«И как только Тимур прочитал этот ответ, он разволновался и сказал: Сын Османа безумный, он болтун приложил печать к письму с упоминанием женщины». У мусульман упоминание женщины считалось преступлением и тяжким оскорблением, таким, что они даже не произносили слова женщина, говоря «закрытая» или что-либо в этом роде.

Тимур произвел смотр своим войскам перед послами. Вместе они обошли войска, ряд за рядом: туманы, хазарасы, кошуны — корпуса десяти тысяч, тысячи и сотни, возглавляемые множеством принцев с ближней и дальней Азией: с Ширвана и Сейистана, Гиляна и Бадахшана, Армении, Персии, Хорасана, Хиндустана и Мавераннахра. Каждый армейский военачальник и командиры представляли свои отряды и клялись в верности Императору. Огромное большинство соединений были на лошадях, до-

статочно, если не щедро, снаряженные. Это была армия конных лучников, с приложением пехоты, которая играла вспомогательную роль.

Бок о бок с ветеранами семилетней кампании, которые были с Тимуром с 1399 г. — стояли подкрепления, только что приведенные Мухаммад-Султаном из Самарканда. Они составляли его особую гордость. Блестяще одетое и хорошо снаряженное каждое соединение имело кокарды и снаряжение собственного цвета: малиновые знамена сочетались с малиновыми попонами, щитами, колчанами, поясами и пряжками. Затем стояли отряды в желтом, белом, пурпурном и других цветах. Некоторые отряды были снаряжены кольчугами, другие латами. Пленные мастера в Самарканде не страдали от праздности. Архиепископ Иоанн, католический посол, также очевидно прибыл в лагерь Тимура, по меньшей мере в Сиваше. Письмо которое ему было вручено для Карла VI Франции имело подпись: «Врученоу Сиваша».

Оттоманские послы были отправлены обратно к их властелину: их подарки были отвергнуты.

Султан Баязит, сняв осаду Константинополя в момент, когда город был готов капитулировать, собрал все наличные войска в Анатолии. Его переговоры предыдущей осенью с венецианцами, генуэзцами и византийцами, направленные особенно на обеспечение подкрепления кораблей, закончились провалом, главным образом благодаря контр-дипломатии Тимура. Стремясь обеспечить свой тыл, Баязит оставил девять его собственных галер и кораблей в Галлиполи и другие двадцать судов в различных портах на побережье Эгейского моря. Баязит оценил силу войск, стоявших против него. Он собрал в Бруссе не только свои турецкие войска с европейского континента, включая войска, обложившие Константинополь и Галлиполийские гарнизоны, но и сербские и другие балканские войска и его христианских вассалов. Отряд кичакских татар был доставлен в Рум через Молдавию; другие турецкие и татарские рекруты были приведены с восточной границы Рума. Баязит просил также подкрепления у юного султана Египта. Но у последнего самого не было надежных войск, и кроме того у него не было желания помогать турку, чье движение на восток уже стоило ему сирийского пограничного поста Малатийи.

Наступало лето и до Баязита дошли известия, что войска Тимура готовились вторгнуться в Анатолию. Баязит со всей быстротой двинулся на восток, чтобы не допустить более глубокого проникновения врага. Из противоречивых советов эмиров Баязит отверг совет ждать Тимура у хорошо обеспеченных лагерных позиций у Анкары. Вместо этого он оставил там гарнизон с частью его резервных войск и продолжал двигаться на восток с тем, чтобы остановить наступление Тимура.

От разведчиков Тимур знал об оттоманском движении. Он сделал быстрый бросок из Сиваша, но вместо того, чтобы взять путь на Тукат, он пошел на юго-запад, держась левого берега реки Кзыл Ирмак (Халис).

После шести дней форсированных маршей татарские орды появились в Кайсарии не встретив никакого сопротивления от турецких войск. Они остановились на четыре дня, освежив лошадей и собрав весь урожай зерна в этой местности. Разведывательные группы были отправлены вперед в направлении Анкары, чтобы подготовить места и открыть колодцы там, где воды было недостаточно. Все места для лагерей были защищены частоколом и рвами, и были приняты все меры предосторожности против неожиданной атаки. Еще четыре дня марша привели татарскую армию к Кир-шахар. Здесь впервые произошла встреча с мелкими турецкими группами и первое кровавое столкновение между разведывательной группой под командованием Шах Малика и оттоманами. Татары тем не менее нашли возможность, не обращая внимания на эти стычки, продолжать отдыхать. Еще три дня форсированного марша привели их к сильному укрепленному городу Анкаре.

Отряды Тимура расположились лагерем к востоку и северо-востоку от Анкары недавно оставленных Баязитом при его наступлении к Тукату. Здесь было обилие воды и подходящие пастбища. Губернатор Анкары с гарнизоном, оставленным Баязитом, готовился сопротивляться до последнего. Тимур отдал приказ о немедленном проведении осадных операций против города, который контролировал походы к Бруссе, и Константинополю, и находился на скрещении дорог из Сирии и Армении. Вода, снабжавшая город, была отведена. Началось осушение рвов и подкоп стен. Остальные отряды Тимура были отправлены напоить свои стада на лугах к югу и западу от Анкары.

Татарские солдаты уже взобрались на одну из стен

цитадели, когда пришел сигнал из штаб-квартиры к отступлению. Баязит и его войска пошли обратно от Сиваша по их собственным следам и оказались на расстоянии ударной дистанции. Поспешно созванные, татарские орды на равнине присоединились к императорскому лагерю.

Однако, войска Баязита с высоким составом пехоты были не в состоянии начать немедленное сражение, хотя некоторые из оттоманских эмиров считали это лучшим планом. Они таким способом атаковали бы Тимура с тыла, в то время как его войска были разбросаны. Возможность была упущена. Форсированные марши очень серьезно сказались на крупных соединениях пехоты, но они не имели возможности отдохнуть и восстановить свои силы. Право первого выбора места оказалось у татар, которые также господствовали над водными ресурсами. Единственным источником снабжения оттоманской армии водой был родник, который был загрязнен по приказу Тимура. Татарская армия, говорил Арабшах, достигла Анкары подкрепленная продуктами хорошо возделанной страны, тенистыми родниками и отборными фруктами. Оттоманская армия прибыла, однако, «погибающая от страданий и убиваемая жаждой».

Тимур начал осадную работу против Анкары. Правое крыло татарской армии находилось под командованием принца Мираншаха и эмира Шейх-Нурэтдина, а его авангардом командовал Абу Бакр и эмир Джахан Шах. Левым командовал Шахрух и Халил-Султан, при поддержке эмира Сулейман-Шаха, а его авангард находился под командованием Султан-Хусейна, внука Тимура, вернувшего себе расположение деда. Главная армия с ордами возглавляемыми знатью Средней Азии была под командованием принца Мухаммад-Султана, наследника, перед которым был поднят императорский жезл — штандарт из хвоста гнедой лошади, увечанный золотым полумесяцем. Тимур, Властитель благоприятных созвездий, вместе с принцами крови Пир-Мухаммадом, Умар-Шайхом и Искандаром и большим числом эмиров взял на себя командование сорока полками резерва. Во фронте перед рядами армии вновь были выставлены боевые слоны, величественные и грозные.

Победители Никополи, несмотря на их форсированные марши, также представляли внушительную силу. В их число входили двадцать тысяч всадников сербской кавалерии, одетые в броню, с головы до ног; янычары — зародыш

регулярной пехоты, обученные из пленных рабов, многие из которых были христианами по происхождению; конные солдаты, называемые сипахами, и нерегулярные конные и пешие солдаты, турки и татары, набранные с провинций Малой Азии.

Обе стороны имели орудия для использования греческого огня. Число войск, находившихся в распоряжении каждой армии, оценивалось по разному. Многие греческие и латинские летописцы, чье воображение позже было поражено величием победы, упоминают число татар порядка от шестисот до восьмисот тысяч. Изумленным глазам бедного Шильтбергера татарские войска представлялись около одного миллиона четырехсот тысяч. По разному оценивалась также численность оттоманской армии, от двухсот тысяч до полумиллиона. На самом же деле, принимая во внимание численность армии Баязита при Никополи — в пределах ста тысяч — и дополнительных рекрутов набранных против Тимура из провинций Анатолии и с Балкан, количество солдат Баязита приближалось к двумстам тысячам. Против него была выставлена татарская армия вероятно такой же силы, так как отряды Тимура получили значительное подкрепление из Мавераннахра. Боевые резервы, находившиеся под командованием Сахиб Кирана, достигали до сорока кошун (кошун мог быть от пятидесяти до ста солдат или более), а некоторые насчитывали до тридцати тысяч. С резервами такого порядка общая численность приближающаяся к двумстам тысячам не была бы вероятной с татарской стороны. Сражение, которое произошло в пятницу, 28 июля 1402 г. было одним из величайших сражений того времени.

Источники также противоречивы о дате сражения. Обычно считают, что дата приведенная во многих мусульманских текстах, 20 июля, является правильной. Однако, доказательства в пользу более поздней даты, которая дается Арабшахом и другими является более точной. Архиепископ Иоанн в своих мемуарах, написанных в Париже спустя не очень долгое время заявляет, что дата сражения пятница 28 июля. Это подтверждается венецианцем Джерардо Сегредо, который был в Бруссе в день прибытия туда Мухаммад-Султана со своими войсками после сражения — 3 августа. Мухаммад-Султану потребовалось пять дней быстрого марша, чтобы достичь Бруссы, если верить придворным хроникам. Он был отправлен вскоре после

сражения. Если он покинул Анкару на рассвете следующего дня вероятная дата сражения является 28 июля.

Оттоманские войска собрались против Тимура на равнине Чибукбад, в долине к северо-востоку от Анкары, где когда-то римский генерал Помпей разбил Митридата³. Правое крыло анатолийских войск находилось под командованием шурина Баязита и его вассала Лазаровича из Сербии, с сербскими подкреплениями, оснащенными огнеметами. Левое крыло под командованием Сулеймана Челеби, сына Баязита, состояло из македонских войск, поддержанных конными турками из Малой Азии. Янычары, силой около пяти тысяч составляли центр, под командованием самого Баязита Молниеносного и его трех сыновей Мусы, Исы и Мустафы. Они были поддержаны контингентами сипахской кавалерии. Кавалерийские резервы находились под командованием другого сына Баязита Мехмеда Челеби.

Ночь 26 июля, накануне битвы, прошла в молитвах.

На следующее утро, как это было у него заведено перед сражением, Тимур спешился и предложил публичный молебен за победу. Это было около десяти часов утра. Затем трубы, барабаны и цимбалы дали сигнал к атаке. Сербская кавалерия, сипахи и янычары сражались упорно. Левое крыло татар не выдержало и начало отступать, преследуемое атакующими сербами. Баязит опасаясь, что их окружают, приказал сербам вернуться на свои позиции. В то же время, соединения оттоманских войск, составленные из татарской кавалерии изменили направление атаки и бросились на войска Сулеймана Челеби родовой лояльности. Агенты Тимура не тратили время попусту в предыдущие месяцы. Они действовали среди татарских наемников и среди рекрутов, набранных из анатолийских провинций. Последние были недовольны суммой налога, наложенного на них их новым владыкой Баязитом, их игнорированием в управлении, отсутствия платы и форсированными маршами. С другой стороны, великодушие Тимура по отношению к своим войскам в разделе добычи было хорошо известно. Многие из этих тюркских отрядов, узнавая во враждебных рядах своих бывших господ, переходили на сторону татар — отряды из Сарухана, Айдина, Ментега и Кермияна — всего около пятнадцати соответственно одному из источников. Другие утверждают, что на сторону Тимура перешла большая часть войск Баязита.

Тяжелая битва продолжалась на татарском левом

фланге и Мухаммад-Султан бросил свои резервы против сербов, чьи боевые качества вызвали восхищение Тимура. Принц Сулейман Челеби, не будучи в состоянии отбить фронтальные атаки и атаки с тыла предателей, счел сражение проигранным. Он бежал вместе с македонскими войсками и некоторыми эмирами двора Баязита. На правом фланге оттоманской армии Лазарович и его сербы сражались упорно, пока не увидев, что надежд осталось слишком мало, не ушли к Бруссе, прикрывая отступление Сулеймана. Иса и Муса Челеби были взяты в плен. Их брат Мустафа Челеби исчез среди лавины бегущих войск. Только Баязит и его янычары и резервы под командованием отчаянного Мехмеда Челеби остались на поле сражения.

Баязит Молниеносный держался до наступления ночи. Потом, с тремя сотнями воинов, оставшихся с ним, он решил бежать. Махмуд-хан, чагатайский султан, был брошен за ним в погоню. Лошадь оттоманского султана была убита под ним. Баязит Молниеносный был взят в плен и связанным приведен к Тимуру, который принял султана с признаками почести. Среди других пленников был Иоганнес Шильтбергер, баварец, который оставался впоследствии с Тимуром и его сыновьями в течении долгих лет. Принцесса Оливера, христианская жена Баязита, была также взята в плен.

Ибн Тахри Бирди, суммируя сражение, говорил, что Баязит ожидал встречи с Тимуром, за Сивашом, чтобы отбить и не допустить его вторжения в Малую Азию. Но Тимур пошел другой дорогой «шагая через области, где не проходил еще никто». Когда они сблизились друг с другом для битвы, первое несчастье, которое обрушилось на Баязита было то, что татары все поголовно предали его, а так как они составляли главную часть его войск, то его армия была сильно ослаблена.

«Его сын Сулейман потом последовал за ними и оставил своего отца, который должен был вернуться в Бруссу с остатками его армии». Баязит удерживал свои позиции примерно с тысячами кавалеристов, когда был окружен войсками Тимура. Баязит произвел ужасную атаку с саблей в руке и боевым топором, и продолжал сражаться до наступления ночи.

Истребитель христианского Запада был разгромлен неверным из Средней Азии.

Якуб, губернатор Анкары, был вынужден капитулировать и чиновники двора Тимура начали сбор выкупа —

«кровавых» денег. Принц Мухаммад-Султан с эмирами Шейх Нураддином и Джахан-Шахом с тридцатью тысячами кавалеристов бросились в погоню за бегущими остатками оттоманских войск. В частности они гнались за Сулейманом Челеби, сыном Баязита, который наблюдал за ходом сражения и бежал, взяв путь на запад, к Бруссе, столице, но Сулейман Челеби добрался до города раньше Мухаммад-Султана и скрылся с тем, что смог захватить из казны своего отца. Эмир Шейх Нураддин захватил имущество крепости и ту часть казны, которую не смог увезти оттоманский принц — фантастическая дань, собранная с Византии, христианского мира и Малой Азии. Когда имперская казна была удовлетворена, город был отдан на разграбление солдатам. Добычи было в изобилии: Брусса была главным пунктом остановки для караванов, которые пересекали Малую Азию по диагонали от Тавриза, и в то же время была азиатским центром оттоманской империи. Она имела два главных рынка, знаменитые шелками, драгоценностями, жемчугами, хлопком-сырцом и мылом. Из Бруссы забрали великолепные бронзовые ворота, украшенные фигурами Св. Петра и Св. Павла; рисунок был выполнен искусным узором из инкрустированного золота и лазури. Эти ворота были подарены старой императрице Сарай Мульк-ханум и стали самым красивым входом в ее павильоны в саду у Самарканда. Говорят также, что византийская библиотека, которая попала в руки Баязита перешла к татарам.

Принц Абу-Бакр мчался к Никее пытаясь опередить Сулеймана Челеби; но последний сумел с некоторыми из своих сторонников бежать через Мраморное море на генуэзской галере. Его жена и двор попали в руки татар. Другие турецкие беглецы выбравшись из леса торопливо сбрасывали одежду и пытались плыть. Оттоманы контролировали заливы у западного берега Мраморного моря, но восточный охранялся кораблями Константинополя и Перы, и венецианскими галерами. Христиане Константинополя и Перы не собирались уничтожать плывущих турок, припертых Босфором, и более того, отправили суда, чтобы перевезти их за плату с азиатского берега на европейский. Соответственно докладу, отправленному в Венецию Джерардо Сегредо, венецианские галеры стояли в течении нескольких дней, не позволяя кому-либо проходить. Но видя, что генуэзцы отказались повиноваться приказаниям и перевозили людей через пролив венецианцы стали де-

лать то же самое. «Но, говорил Сегредо, венецианцы перевозили только христиан. Другие суда, включая греческие, критские и каталонские присоединились к ним и оказывали услуги всем, кто платил огромную сумму за одно место». «Именно за это предательство, говорил Клавихо, Тимур впоследствии стал жестоко преследовать христиан по всем своим владениям».

Купив такой ценой переезд через пролив турки тем не менее не гарантировали свое спасение. Утверждали, что некоторых беженцев генуэзцы задержали в качестве рабов; другие нежелательные пассажиры были раздеты и как только показался берег их сбросили за борт. Население Константинополя также в свою очередь воспользовалось сложившейся ситуацией: «Тогда франки стремительно бросились и с быстрым бешенством ввергли в кровь мусульман и захватили их женщин и вещи, так как Ибн Осман (Баязит), когда он осаждал город заставил его жестоко страдать и разрушил дома в его окрестностях и превратил его поля в пустыни»⁴.

Татарские отряды тем временем рвались к Геллеспонту, Эгейскому морю и южным берегам Малой Азии, собирая добычу с жестокостью, описанной с таким же необузданным темпераментом Арабшахом. Шейх Нураддин отделил золото и драгоценные камни от остальной части казны в Бруссе и отправил их под усиленной охраной к Тимуру. Остальная часть была погружена на мулов и верблюдов и доставлена вместе с членами семьи Баязита, а также рабами, музыкантами, танцовщицами и певцами в имперский лагерь. Принц Абу-бакр с разрешения Тимура взял в жены старшую дочь Баязита. Принц Халиль-Султан был отправлен обратно в Самарканд.

Тимур сам шел не торопясь с несколькими остановками в Кьютаия, где провел месяц в празднествах по случаю победы. Проведя совет со своими министрами, Тимур определил зимние пастбища, провинции и города военачальникам своей армии и они отправились со своими отрядами на зимние квартиры.

К концу года Тимур двинулся к берегам Эгейского моря для осады христианской крепости Смирны. Этот порт был отвоеван у турок в 1344 г. рыцарями ордена Св. Иоана с помощью венецианцев и киприотов. Смирна таким образом оставалась последним христианским оплотом в Руме, убежищем для христиан и вызовом туркам на западных границах Азии. Османский импера-

тор Мурад не смог сломить его, а его сын Баязит осаждал ее безуспешно в течение семи лет. Вызов был неотразим для Тимура. Его кампания должна была быть увенчана истиной священной войной против неверных. Он направил послов с требованием капитуляции — рыцари отказались.

Стремясь избежать длительной осады, Тимур собрал свою армию с зимних квартир. В декабре 1402 г. он полностью блокировал христианский город.

Задача, как всегда была разделена между различными эмирами и армейскими начальниками, которые соперничали между собой. Со стороны моря эмир Шах-Малик вбил сваи в море и соорудил помосты, которые составили широкую дорогу, достаточно широкую для того, чтобы войска могли маневрировать по ней, как если бы они находились на суше. Христианская Смирна была изолирована как по морю, так и по суше. Были сооружены осадные машины. Огромные колесные устройства, спущенные в ров поднимали на валы около двухсот человек. Отсюда подавались лестницы для подъема на стены. Были насыпаны холмы, с вершин которых в центр города метались стрелы с греческим огнем. Масса бревен и дерева была зажжена у основания укреплений, чтобы ослабить их. После двух недель был объявлен генеральный штурм, но сопротивление было столь же решительно, как и атака. Обе стороны казались упорными. Тимур лично управлял операциями. Во время штурма пошел сильный дождь и казалось, что город был близок к затоплению. В конечном счете стены, в которых саперами были проделаны бреши рухнули и татары хлынули в город.

Последний аванпост крестоносцев в Ближней Азии пал. Там, где потерпел неудачу Баязит, добился успеха Тимур.

После разгрома Баязита, захваченные им эмираты были восстановлены. Семь свергнутых князей, которые нашли убежище у Тимура, были восстановлены на своих территориях, как его вассалы. Среди них был эмир Мухаммад, князь Караманский который был освобожден из застенка, куда он был брошен Баязитом. Князь Исфандиар Синопский и Кастамуниахский явился, чтобы выразить свою покорность Тимуру.

За падением Смирны последовала капитуляция генуэзских владык острова Хиос, станции на морском пути

в Левант, используемый паломниками и коммерсантами. Правитель острова Лесбос также присоединился к ним.

Вместе с победными донесениями, которые были отправлены в самые дальние уголки империи, были посланы вызовы регенту Константинополя и Перы. От них потребовали повиновения и уплаты дани. Ответное посольство из Константинополя и Перы, к которому также присоединились венецианцы, прибыло в сентябре. Имена двух послов сохранились в переписке: Бартоломей Россо и Дженоат Лемеллино. Константинополь, последние остатки Византии, выражал свою покорность и соглашался уплачивать ежегодную дань. Послы привезли дары из драгоценных камней и золотых флоринов. Со своей стороны они просили дальнейшей помощи против оттоманских турок и договор был заключен.

Генуэзская колония в Пере и византийские правители в Константинополе недолюбливали друг друга. Как говорил капитан одной из генуэзских галер, регент Иоанн был ленивым, весь день проводившем в постели; при нем город стал ужасно плохо управляться. Тем не менее генуэзцы вместе с византийцами одинаково покорились Тимуру и штандарт Тимура, татарского завоевателя развеивался над Перой и Золотым Рогом.

За Сулейманом Челеби, который бежал в Европу, и другими сыновьями Баязита были отправлены послы; им были предложены остатки владений их отца на условии их повиновения и покорности. Сулейману Челеби было приказано или предстать ко двору Тимура, или же прислать дань, иначе, грозили ему, татарская армия перейдет пролив, чтобы отыскать его. После некоторого времени ко двору Тимура прибыли ответные послы Сулеймана Челеби, в сопровождении Великого казия Оттоманской империи, который служил еще при Баязите; они привезли большое число подарков, среди них были лошади и золотые флорины. Сулейман был готов принять европейские владения в ленное владение: так как наш отец Баязит, говорилось в послании Сулеймана Челеби, был принят вами с почестями, мы не боимся за себя и ждем только момент, когда мы можем продемонстрировать наше уважение и поставить свою жизнь к вам на службу. Сулейман Челеби был утвержден губернатором турецких провинций в Европе и ему были отправлены ярлыки, корона и почетные наряды. Андрианополь стал его столицей.

Первоначальное родовое поместье Оттоманов, в северо-западной части Анатолийского полуострова, со столицей в Бруссе, был дарован Исе Челеби в ленное владение. Махмуд Челеби продолжал сопротивление на северо-востоке полуострова, севернее Сиваша, но он также отправил посла Тимуру. Скоро после этого ко двору Тимура прибыл шейх от оттоманских эмиров, которые успели спастись, для переговоров о выкупе за Баязита Молниеносного. Тимур сказал, что он согласится отпустить оттоманского султана за девять тысяч золотых флоринов. Шейх уехал, чтобы собрать требуемую сумму. Сыновей Баязита нарочито натравили друг на друга. Последовали годы междоусобной борьбы между ними, в которой они оспаривали сильно сокращенное родовое владение их отца.

Тимур принял в это время также двух послов — Пайя де Сатомайор и Герпен Санчаса, которые были направлены Генри III Кастильским и Леона, чтобы изучить силу оттоманского и татарского императоров. Тимур знал кое-что о христианской Испании и исламском государстве Гренада от Ибн Халдуна. Он хорошо принял послов и отправил их обратно в Европу в сопровождении своего посла Хаджи Мухаммада, несомненно с аналогичной познавательной целью. Он отправил дружеское письмо, подарки и двух христианских женщин, которые были из гарема Баязита, которых, говорил Клавихо «Тимур отправил теперь обратно для их безопасного содержания». Хаджи Мухаммад прибыл в Испанию и выехал обратно в следующем году (май 1404 г.). Его сопровождало второе испанское посольство в составе Фрай Альфонса Паэз де Санти-Мария, мастера теологии Гомеса де Салазара, Гонсалаза де Клавихо. Гомес де Салазар не выдержал тягот путешествия и умер в Нишапуре.

К королю Франции Карлу VI вернулся энергичный архиепископ Иоанн II Султанский, он шел с татарским двором через всю Малую Азию до Анкары. Сам архиепископ вероятно придавал своей миссии гораздо большее значение чем Тимур. Хотя во время конфликта с Баязитом нейтралитет или помощь западных королей были желательны, на самом же деле немногого можно было ожидать от этих скудных европейских князей являвшихся, к тому же, довольно слабыми воинами. Архиепископ Иоанн, в отличие от испанских послов отправился с пустыми руками, не имея никаких подарков. Соответственно татарским стандартам он не имел важного значения.

Сам же архиепископ претендовал на многое в своей миссии; он был при татарском дворе с монахами Френсисом и Александром; благодаря их представлениям Тимуру отношение к христианам со стороны татар значительно смягчалось. «Он не вредит христианам — особенно латинским (католикам) и принимает их хорошо; торговцам, в частности, позволяют свободно отправлять их деятельность и богослужения как если бы они находились в христианском мире». Это, однако, вовсе не означает, что архиепископ и его друзья получали персональную аудиенцию у Тимура, хотя и возможно были допущены однажды в присутствие Тимура. Большинство из информации, если не вся, могла быть получена просто путем контактов с чагатайскими эмирами. Он сделал много хороших обоснованных обзоров, но в некоторых деталях архиепископ был неточен или плохо информирован. Например, он докладывал, что Тимур был хромым на левую ногу, и с поврежденной левой рукой, хотя хромая у него была правая нога и повреждена правая рука. Он докладывал, что смещенный принц Мираншах (которым он возможно и был принят) был человеком всех христианских добродетелей и выражал уверенность, что он станет правителем после смерти Тимура.

Однако, монах Иоан привез с собой по меньшей мере одно письмо из двора Тимура и одно от принца Мираншаха. Письмо от Тимура, сохранившееся во французских архивах, состояло всего лишь из четырнадцати строк⁶. Имена Тимура, составляют первую строку, имена же французского короля стоят на краю второй строки. Письмо было совершенно без всяких украшений, исключая имя французского короля, которое было сначала написано красными, а затем обведено золотыми чернилами. В нем говорилось, что проповедник монах Френсис передал королевское письмо и сообщил о величии французского короля и его победах над общим врагом. Монах Иоан Султанский направляется обратно и расскажет обо всем, что случилось. В письме выражалась просьба, чтобы между обоими странами происходил обмен купцами, которые должны приниматься с почестями и уважением. Мир станет лучше благодаря этой коммерции. С поверхностными приветствиями письмо было датировано 1 августа 1402 г. Сильвестр де Саки, который работал над письмом, комментировал, что даже самый посредственный из князей не написал бы такое письмо без всяких украшений

и еще в таком отрывистом и испорченном стиле. Однако, на последней строке письма стоит печать Тимура и на обратной стороне, в самом низу листа, другая печать немного меньшая. Три круга в форме треугольника, можно разобрать и два слова по персидски «Расти-Руст», девиз Тимура «Истина является безопасностью».

Вместе с этим в архивах имеется очень вольный латинский «перевод», осуществленный вероятно архиепископом Иоаном, в котором добавлено «Вручено у Сиваша» датированное 1 августа 1402 г. Приказ написать письмо был очевидно отдан одному из секретарей Тимура (самим Полководцем или эмиром), когда лагерь все еще находился в Сиваше, но не был осуществлен до окончания битвы при Анкаре (28 июля). В «перевод», который приукрашен более вежливыми выражениями к королю Франции, чем оригинал и который звучит более лестно для самого Иоана «Архиепископа всего Востока», имеется упоминание о великой победе над Баязитом, пункт, который отсутствует в оригинале. Латинский вариант настолько отличается от персидского текста, что возможно он был основан на совершенно другом письме³. Однако, вероятно мало кто сомневался в точности варианта Иоана.

Латинский «перевод» другого письма находится во французских архивах, и является, по-видимому, письмом принца Мираншаха. Оно похоже по содержанию на перевод письма Тимура, с описанием победы над Баязитом и также содержит призыв полностью способствовать купцам; оно напоминает, однако, что архиепископ Иоан всего Востока ранее оказывал услугу, действуя как посол в Генуе и Венеции. Подобные письма, от Тимура и Мираншаха, были получены английским королем Генрихом I V — так как ответы на них сохранились⁷. Возможно, что был только один оригинал письма Мираншаха, которое было адресовано «суверенам и республикам франков». Архиепископ действовал по собственному усмотрению относительно латинской формы, которая передавалась в каждом отдельном случае.

Архиепископ Иоан произвел впечатление в Париже в мае 1403 г. Ходили слухи, что мандаты Иоана от Тимура были написаны золотыми чернилами. В церкви королевского помещения, в присутствии короля и герцогов Беррийского, Орлеанского, Бурбонского, Британского и многих других он дал описание его путешествия, победы Тимура над общим врагом Баязитом, последующее осво-

бождение татарами христианских пленников, захваченных турками. Он подчеркнул выгоды расширения торговли с империей Тимура. Архиепископ также составил Мемуар, который был распространен во французском дворе, о достижениях жизни Тимура⁸.

Христианский архиепископ не упомянул о Смирне. На следующий год, с целью поощрения коммерческой активности с востоком, архиепископ составил на латинском языке путеводитель для торговых караванов:

«Карл отправил поздравительное письмо Тимуру по поводу его победы, приветствуя предложение, что торговцы должны путешествовать и проводить свои дела без препятствий и благодарил Завоевателя за доброту, проявленную им по отношению к христианам». Этот ответ, на латинском, датируется 15 июля 1403 г. и также имеется в работе монаха Иоана.

Английский король Генрих I V, который только незадолго до этого возвратил свой трон, жаждал своего признания другими монархами. Он отправил поздравительное письмо по случаю победы при Анкаре и приветствовал предложение, сделанное через архиепископа Иоана, об обмене купцами между их странами. Другое сердечное письмо от Генриха I V к Мираншаху благодарило его за внимание оказанное христианским коммерсантам, как в отношении их личной безопасности, так и их дел. Это письмо, судя по его стилю и содержанию, было инспирировано или составлено архиепископом Иоаном.

Имперская депеша неясного происхождения или авторства была отправлена султану Фараджу в Египет. Благодаря Аллаху, говорилось в депеше от имени Тимура, империя Анатолия была принуждена к повиновению. «Мы приказываем вам вернуть Атылмышу к нашему двору, отчеканить на монетах наше имя в молитвы в пятницу. Если вы, побуждаемый вашим злым духом, осмелитесь откладывать это, мы не колеблясь явимся перед Каиром во главе нашей победоносной армии по нашем возвращении из оттоманских земель».

Малик аль-Насир Фарадж, султан Египта и Сирии, нашел благоразумным выполнить требование Тимура. Атылмыш был освобожден и отправлен обратно, с поклами, которые повезли смиренное послание. Фарадж сожалел об ошибках его отца и его самого и соглашался ежегодно отправлять дань. Высокие титулы Тимура были прочитаны в молитве в пятницу и были отчеканены моне-

обхаживать кочевых предводителей, чем отбивать их атаки. Посольствам от северных орд оказывали королевские приемы. Взамен продуктов пастбищ, кочевникам дарили тысячи рулонов шелка и другие ценные подарки.

В двенадцатом столетии нашей эры сунская династия, которая в первые годы своего становления купила мир у северо-восточных племен, не выдержала в последующем атак татар, известных как кинь. Кинские татары утвердились на севере империи, сделав столицей Пекин, а сунь были оттеснены к югу. Именно при такой ситуации орды Чингиз-хана начали вторжение в Китай в 1211 г. К этому времени сила кинских татар была намного ослаблена, и монголы быстро двинулись к Великой Стене, захватив в 1215 г. Пекин. Дворцы бывших правителей были подожжены во время сражения и горели ярким пламенем в течение месяца. Когда Чингиз умер в 1227 г. вся территория к северу от Хуанхэ была уже захвачена. Огедей, который наследовал своему отцу в качестве Великого Хана, продолжал атаку на кинь южнее Хуанхэ. Южные Сун надеялись отвоевать территории, которые у них захватили кинские татары, но их ждало горькое разочарование. Монголы остались южнее реки, и правление этими провинциями перешло к Хубилаю, брату Великого Хана Монке. Другой брат, Хулагу, начал кампанию против западной Азии; Монке и Хубилай обратили свою агрессию против южных сунских областей. По смерти Монке во времена похода, Хубилай унаследовал титул Великого Хана — не без оппозиции, однако, со стороны четвертого брата. Хубилай возобновил завоевание сунской империи. Сопротивление было отчаянным, и лишь в 1279 г. монголы окружили последний оплот сунской империи.

Впервые в истории кочевники захватили весь Китай. Утвердившись правителем Китая и Монголии, Хубилай оставил кочевую жизнь и осел. Он перевел имперскую резиденцию из Кара-корума и утвердил свою столицу в Пекине, который был переименован в Тату, — Великую Столицу. Город однако, был более широко известен как Ханбалык, Город Хана. Он принял династический титул Юаней, и из четырех империй потомков Чингиза, его империя была самой большой. В отличие от домов Джучи (Золотая Орда), Худагу (в Персии и Ираке) и Чагатай (в Средней Азии), ни Хубилай, ни его потомки не приняли Исламскую веру.

Во второй половине тринадцатого столетия вся Азия

стала столбовой дорогой монголов. Монгольские ханы были заинтересованы в продуктах коммерции и не были привязаны к религиозной догме, поэтому миссии и коммерсанты с католического запада, также как с исламских земель хлынули в Китай. Результат первых миссионерских усилий христианства был не очень обнадеживающим. Карпини (1245-1247 гг.) привез обратно ответ Папе от великого хана Гуюка, датированного 1246 г., оригинал которого находится в ватиканском архиве. В письме Гуюк указывал, что от восхода солнца, до заката все земли подчинены монгольскому великому хану. Как можно было бы этого достигнуть, если бы не воля божья? Папе поэтому предлагалось явиться во главе европейских князей и принести клятву на верность хану. «Если вы не признаете божьих, и не подчинитесь моим приказам, мы будем рассматривать вас как нашего врага»².

После этого обескураживающего начала миссионерских и дипломатических усилий христианства, оно было вознаграждено созданием католических епархий в Ханбалыке и Зайтоне, южном порту, которые простирались до державы Юаней. Торговцы Генуи и Венеции пытались воспользоваться открытием Леванта, чтобы утвердиться вдоль континентальных и морских дорог. Попытка генуэзцев оперировать флотом в Индийском океане кончилась неудачей, а их сухопутные базы расширились не далее Волги, хотя Справочник купца Пеголотти показывает как остро интересовались европейские коммерческие круги торговыми связями с Китаем. Повсюду в Европе, такие доклады, как доклады Марко Поло о богатствах и цивилизации Китая, принимались как сказки и быстро забывались.

Главные плоды терпимой религиозной политики монголов были пожаты мусульманами. С VIII столетия нашей эры мусульманские коммерсанты установили связи с Китаем, и большое их число начало оседать здесь. Пути ведущие в Китай были описаны в IX столетии арабским географом Ибн Хурдадби, который дал описание морского пути, также как и трансконтинентальных этапов через Хорасан и Мавераннахр. При монголах мусульманские общины в Китае увеличились в количестве и влиянии, особенно во внутренних районах страны, где они являлись основой Шелкового пути. Степные кочевники не могли управляться с китайской экономикой, и не желая полагаться только на китайских министров, использовали у се-

бя на службе администраторов, финансистов и коммерсантов из-за границы, в большинстве своем мусульман, и многих из Средней Азии. Мусульманское население на упускало случая воспользоваться коммерческими возможностями и большое их число акклиматизировалось в северо-западной провинции Гансу, где собирались межконтинентальные караваны. Мусульмане стали коммерческими банкирами Китая в период монголов. Когда Ибн Баттута посетил Китай в сороковых годах XIV столетия в качестве посла делийского султана, он обнаружил, что в каждом китайском городе был мусульманский квартал с мечетями для молитв в пятницу и других религиозных целей. Мусульман «уважали и славил».

Но в то время как процветали монгольская знать и мусульманские банкиры, китайские крестьяне и ремесленники несли тяжелое бремя труда и налогообложения. Большинство мастеров использовались знатью, армией, или правительством в «официальных» мастерских, и им выдавали продовольствие, едва достаточное для того, чтобы не умереть с голоду. Крестьяне уплачивали поземельный, подушный и подымный налог; они платили серебром, шелком и зерном, а их лошадей конфисковали для армии. Доведенные до нищеты они брали долги, и монгольская знать, как и мусульманские банкиры, охотно одалживали им по грабительским процентам. Когда задолжники не могли уплатить, реквизировали их скот, жен и детей. Ленные владения захватывались в огромных масштабах и передавались знати и чиновникам. Монголы слишком медленно оценивали важность сельского хозяйства и совсем пренебрегали ирригационными работами и мерами против наводнений. На севере монгольская знать превратила сотни тысяч акров обработанной земли в пастбища. В связи с этим частыми стали нехватка продовольствия и голод, за которыми следовала эпидемия.

Гражданские волнения вспыхивали с самого начала юаньской династии. Один из министров Хубилая докладывал ему, что в течение десяти лет, прошедших после подчинения южных провинций, попытки подавить мятежи никогда не удавались полностью. Марко Поло в его описании великоления Ханбалыка специально упоминает о мятежных настроениях жителей. Он отмечал мятеж против мусульманского министра, чьи бесчисленные акты несправедливости и «ужасающая злоба» против китайских семей стали невыносимыми. Юаньская династия катилась

к упадку, и в XIV столетии ее представители отличались не только ссорами и стычками, но и недееспособностью. Недовольство нашло выражение в тайных обществах подобно буддистскому обществу «Белого Лотоса», в крестьянских выступлениях подобных Красным Тюрбанам, которые начали восстание в 1351 г. по нижнему течению Янцзы. Восстание против монгол было всеобщим. Крестьянский лидер предстал «человеком нелепого вида; но огромных способностей»³, который показал себя также самым способным солдатом. Он захватил Нанкин, ликвидировал соперников и разрушил главные силы монгол на юге. В 1368 г. этот крестьянский генерал, Чу Ян-чан был провозглашен императором в Нанкине (который он сделал своей столицей) и в тот же год возглавил экспедицию на север для захвата Пекина (Ханбалыка). Монгольский император бежал и скрылся в Монголии. В последующие десять лет китайцы разрушили остатки монгольского могущества в Китае. Экспедиция в Монголию привела к разрушению Кара-корума. Город никогда после этого не был восстановлен.

Новый император стал править под титулом Хун Ву и основал минскую династию. Изгнав монгольских правителей и их агентов, Хун Ву восстановил китайский административный аппарат и китайских администраторов. Значительный успех имели меры по восстановлению сельского хозяйства и осушение незанятых земель для пахотного хозяйства.

Император Хун Ву стремился обеспечить признание иностранных держав, чтобы восстановить прежних вассалов Китая и усилить коммуникации и каналы, которые пришли в упадок из-за беспорядков в монгольских империях в середине XIV столетия. Он отправил послов с имперскими манифестами, чтобы пригласить правителей соседних и далеких стран прислать свои посольства.

«С тех пор как сунская династия утратила трон, и Нибеса прервали их жертвы, юаньская династия возникла из пустыни, чтобы войти и править Китаем в течение более чем ста лет, когда Небо, утомленное их плохим правлением и распущенностью, сочло также удобным обратить их судьбу в прах и дела в Китае в течение восемнадцати лет были в состоянии беспорядка. Но когда нация начала пробуждаться, мы, простые крестьяне Хуайю задумались над патриотической идеей спасти народ, и Создателю было угодно даровать, чтобы наши гражданские и военные чи-

новники двинули свои действия на восток на левый берег Реки... Мы установили мир в империи и восстановили старые границы нашей Средней Страны. Мы были избраны нашим народом занять имперский трон Китая... Мы отправили чиновников во все иностранные королевства с манифестом... Хотя мы не можем сравниться в Нашей мудрости с вашими древними правителями, чья была признана во всей вселенной. Мы можем только дать знать о Нашем намерении сохранять мир в пределах четырех морей. Только на этой основе Мы издали этот манифест...» «Анналы минской династии», «Мин Шин», где записан манифест, добавляют, что послы были отправлены с подарками из шелка для передачи в соответствующую страну, которая после этого отправила посольство с «данью»⁴.

Мало сомнения, в том, что в 1370 г. Тимур, новый князь Мавераннахра, принял послов с подобным манифестом. Минские анналы отмечают, что Мавераннахр был страной, которая всегда имела сношения с Китаем. (Со времен Ханьской династии каждая династия имела свою собственную историю, которую наследники собирали из современных придворных записей). Смутные времена казалось не коснулись торговых отношений, т. к. караваны прибывали с востока несмотря на периодические рейды Тимура в Могулистан. На самом же деле караванная торговля между Средней Азией и Китаем получила новый стимул, и детальное исследование дорог и расстояний появляются в придворных историях Тимуридов.

Послания минского императора требовали признания и «дани», и китайские записи отмечают несколько случаев, когда прибывали посольства от двора Тимура с «данью». В 1387 г. Из Мавераннахра прибыл мусульманский посол Маулана Хафиз, предложивший пятнадцать лошадей и двух верблюдов, после которого, говорит Мин Ши, лошади и верблюды прибывали ежегодно. В 1392 г. из Самарканда были также отправлены бархат, мечи и доспехи. Со своей стороны китайский император отправил подарки из драгоценных камней и китайских банкнот. Это был период, когда Тимур занимался, главным образом, разгромом Тохтамышя, хана Золотой Орды.

Однако, по-видимому к торговым караванам из Самарканда стали уже относиться подозрительно в Китае. В 1388 г. во время китайской экспедиции против монголов несколько сот мусульманских коммерсантов из Самарканда были взяты в плен минским командующим, и импера-

тор Хун-Бу приказал, чтобы их отправили обратно в Мавераннахр. Этот инцидент, однако, не остановил торгового движения, т. к. в то же самое время, когда послы Тимура вручали свой бархат и доспехи в 1392 г., еще больше купцов прибыло из Мавераннахра в Гансу с лошадьми для продажи. По приказу минского императора лошади были доставлены в его столицу, а губернатор Гансу получил категорический приказ изгнать мусульманских купцов, которых стало очень много в той провинции во времена Юаней. Соответственно китайским записям свыше двух тысяч купцов было отправлено в Самарканд, которые выехали вместе с посольством Тимура при его возвращении обратно. В связи с этим страшные слухи начали распространяться относительно притеснения мусульман в Китае.

Официальные миссии и торговые караваны являлись обычным средством сбора разведывательных сведений, а те, которые отправлялись из Мавераннахра, имели самое различное назначение. В 1404 г. из Китая в Самарканд прибыли послы и караван общим числом до восьмисот верблюдов. Тимур пытался получить от «некоторых людей, которые прибыли из Ханбалыка с этими послами, также как от тех, которые прибыли во главе каравана из верблюдов, точную информацию относительно многих удивительных особенностей в стране, над которой стал хозяином минский император, с подробностями об огромных богатствах и количестве китайского народа. В частности один татарский коммерсант, которому разрешили проживать в Ханбалыке в течение шести месяцев, говорил, что он «в двадцать раз больше Тавриза». Этот человек также рассказал, что «император, когда он покидал страну со своими войсками для войны был настолько силен, что мог оставить четыреста тысяч конных и большое число пеших отрядов за собой для охраны его королевства... много было удивительных фактов рассказано о Ханбалыке и стране Китай...»⁵.

Однако, в начале 90-х годов XIV столетия Тимур все еще не разбил своего врага Тохтамыша, и письмо, отправленное Сахиб Кираном императору Хун-Бу, полученное последним в 1394 г., было полно добрых пожеланий. Оно сопровождалось подарком или «данью», состоявшей из двухсот лошадей. «Блеск вашего правления, — писал Тимур Хун-Бу, — сверкает подобно небесному зеркалу и освещает королевства, близкие как и далекие... Ваше Вели-

чество милостиво разрешили купцам далеких стран приезжать в Китай для проведения торговли. Иностранные послы имели возможность восхищаться богатством ваших городов и силой вашей державы. Благодаря вашим заботам были установлены почтовые станции для связей иностранцев с Китаем и всем нациям дальних стран позволено пользоваться этим удобством...»⁶. Стиль этого письма, с его пышными комплиментами в подобном же роде, понравились минскому императору, и послы Тимура возвращались уже в сопровождении китайского посольства, возглавляемым Ан-Чи-Тао, человеком довольно известным. Они проехали по дороге севернее Тянь-Шаня через Семиречье (Страну Семи рек).

К тому времени, когда были приняты послы, ситуация изменилась. Тохтамыш был разбит во время пятилетней кампании. Тимур и татарские орды вернулись в Мавераннахр в 1369 г. после их побед в Персии, Ираке и кипчакских степях. Тимур не только украшал свою столицу своей добычей, но и отдавал распоряжения для будущих походов. В 1397 г. он находился в лагере на восточных окраинах своего королевства, около Ташкента. Вероятно с династическими и несомненно со стратегическими соображениями он ожидал прибытия из Могулистана принцессы чагатайской королевской крови, дочери монгольского хана Хизр-ходжи. Свадебное празднество сверкало обильной демонстрацией богатства. Новая королева, Тукал Ханум, была возвышена в императорском дворе до положения «Кичик ханум» — младшей леди, второй после Сарай-Мульк-ханум, старшей императрицы.

Свадебные празднества сопровождались рядом других мероприятий стратегического характера. Внук и наследник, Мухаммад-Султан был назначен правителем восточных областей Мавераннахра, с приказами двигать пограничные посты дальше на восток вплоть до Могулистана. Пограничные районы должны были быть умиротворены, и созданы наступательные базы в качестве подготовительных мер для операций, которые должны были проходить вдоль северной дороги на Китай. Эта дорога, с относительно хорошей степью на северных склонах Небесных Гор и достаточным кормом для лошадей, была не только единственно приемлемой из трех дорог, ведущих в Китай, но и способной обеспечить содержание огромной армии. Был восстановлен переезд через Сыр-Дарью в Бинакат (разрушенный Чингиз-ханом) и построено несколько крепостей.

Одна такая крепость была построена в Ашпаре, между Сыр-Дарьей и озером Иссык-Кулем, а другая далее к востоку у самого озера. В помощь принцу были посланы эмиры; Хаджи аль-дин, Берды-бек, Хусайн Худаидад и Шамс аль-дин, вместе с войсками силой до сорока тысяч человек. Эти базы были сильно укреплены, и впоследствии там были размещены гарнизоны, состоявшие главным образом из рекрутов из Ирака, Азербайджана и Индии, и всадников из Ферса и Хорасана. Для их усиления им был придан туман чагатайских войск.

Были отданы приказы о восстановлении сельского хозяйства, которое пришло в упадок в этих районах в результате царивших здесь беспорядков в начале столетия, а также пренебрежительного отношения монголов к сельскому хозяйству и оседлому населению. Армии нуждались в дополнительном продовольствии в пути, и к Хизр-ходжа, монгольскому хану, обратились с просьбой оказать такую помощь.

Тимур был занят этими приготовлениями и свадебными празднествами с монгольской принцессой в 1398 г. Он находился в своей штаб-квартире около Ташкента, когда прибыл китайский посол Ан. Ан и его подарки были приняты соответствующим образом, но посольству не разрешили вернуться обратно. Вместо этого, Сахиб Киран стал хвастаться своей державой, чтобы произвести впечатление на посла, и отправил его под охраной в путешествие по своим владениям. Он посетил Тавриз, Исфаган, Шираз, Герат и другие города и вернулся в Самарканд спустя шесть лет. По возвращении из путешествия посол Ан вновь был задержан под неопределенным предлогом. (Ан Чи в конечном счете вернулся домой спустя двенадцать лет). Он написал большое число поэм «Об удивительных вещах, увиденных в путешествии на запад».

Этот недружественный акт по отношению к минской династии не был изолированным инцидентом в период, когда Тимур и Хизрходжа пришли к соглашению. В 1397 г. Минский император писал Хизр-ходже, жалуясь на содержание под арестом китайского посла в Могулистане: «С того времени как я воссел на троне, мои чиновники на границе никогда не ставили препятствий на пути иностранных купцов, которые приходят торговать с Китаем, и я отдал приказы, чтобы к иностранцам мой народ относился с лаской. Таким путем иностранные купцы получают огромные прибыли и нет беспокойства на грани-

цах. Наша цветущая страна обладает огромным имуществом, и мы проявили доброту к вашей стране. Почему же тогда посол, которого я отправил к вам несколько лет назад для установления дружеских отношений, задержан? Прошлый год я приказал задержать всех мусульманских торговцев прибывших в Китай из Бешбалыка (Могулистан) до тех пор пока мой посол не будет освобожден. Однако, я позволил им вести торговлю в нашей стране. Потом, когда они стали жаловаться на то, что их семьи остались дома, я позволил им вернуться домой. Сейчас я отправляю опять к вам своего посла, чтобы вы могли знать мою доброжелательность. Не закрывайте дороги к нашей границе и не давайте возникнуть войне...» Согласно Мин-Ши, посол, о котором идет речь, прибывший без подарков, был освобожден и отправлен домой.

Когда имперский двор Тимура двинулся на юг через Гиндукуш за ним следовали и послы от кипчакских князей и монгольские претенденты на китайский трон. За ним следовали также юанские вельможи, лишенные их владений, оспаривавшие меж собой их первоначальные родовые владения. Один из таких монгольских беглецов, хан Олжай-Темур, получил убежище при дворе Тимура. Другой монгольский князь, Теизи-Оглан, который примкнул ко двору в Кабуле на пути в Индию, был с Тимуром в Самарканде в 1404 г. и выступил с ним на восток в 1405 г.

Индийский поход продолжался недолго. Когда в 1399 г. Тимур вернулся назад, он вторично повернул спину к востоку и пошел вместо похода на восток сводить счеты с Мираншахом, своим сыном, с султаном Египта и оттоманским султаном Баязитом. Старик оставил Мухаммад-Султана на время во главе Самарканда, тогда как другой внук, Искандер, сын Умар-Шайха, правил в Фергане. Здесь Искандер опозорил себя, опередив наследника, взяв на себя руководство экспедиции в Могулистане. Используя гарнизоны Ашпары и Ферганы, он вторгся в Таримский бассейн, подчинив Кашгарский оазис, Аксу и Хотан. Коммерческая активность процветала вдоль этого пути и городские старшины Аксу смогли выкупить свои жизни при посредстве богатых китайских купцов, находившихся в городе.

В конце 1399 г. когда Тимур дошел до лугов Карабаха на Восточном Кавказе он получил обнадеживающие известия, что Тонгуз Хан — «Свинья» как именовался в придворных хрониках китайский император — прошел

в покой Аллаха после долгих лет правления, поклонения идолам и преследования мусульман. Доклады упоминали о массовых казнях «сотен тысяч» правоверных и изгнании Ислама из Китая. Сообщали также, что миньское наследство ожесточенно оспаривалось, что страна охвачена мятежом и в китайской империи господствовала смута.

Император Хун-Бу, основатель минской династии, умер в 1399 г. оставив Небесную империю шестидесятидвухлетнему внуку. Старый миньский император предвидя конфликты между своими сыновьями отправил их править различными провинциями по всему Китаю. Его четвертый сын, однако, поднял мятеж и успешно воевал против войск наследника.

Тем временем Тимур продолжал свои операции против грузин. Он продолжал также переговоры с правителями Сирии и Египта, с Баязитом оттоманским, с Византией и католическим Западом и с более мелкими князьями Леванты. Он мог позволить себе ждать пока положение в Китае не ухудшится еще более. Но сразу же после победы над Баязитом при Анкаре (1402 г.) принц Халил Султан, который отличился в индийском походе, был отправлен обратно в Мавераннахр, чтобы принять командование над восточными территориями пограничных районов.

К концу 1402 г. Тимур освятил западный поход разрушением неверной христианской крепости в Смирне. С начала 1403 г. на берегах Эгейского моря, он обдумывал замолить остальные свои грехи походом на идолопоклонников Небесной империи, чьи богатства в течение двух тысяч лет притягивали внимание кочевых соседей. В восьмом столетии нашей эры орхонские записи говорили о «китайском народе, который имеет в изобилии золото, серебро, просо, шелк... и имеет в своем распоряжении несметное богатство, которым они привлекают далеко живущие народы ближе к ним...»⁷

Теперь головы татарских лошадей были повернуты на восток, на дорогу, где добыча превышала все, что было приобретено Тимуром и его ордами в предыдущих экспедициях, так как Китай в начале пятнадцатого столетия был самой богатой страной на земле.

АНГЕЛ СМЕРТИ АЗРАИЛ

Тимур пересек уже половину Малой Азии в начале 1403 г., когда он получил известие, что его прославленный пленник султан Баязит Молниеносный, заболел. Лучшие придворные доктора были отправлены лечить его.

Баязит Молниеносный был приведен к Тимуру после его захвата в битве при Анкаре номинальным чагатайским ханом Султан Махмудом. Хромой император подошел к своему пленнику и сказал ему, что он сам был причиной его собственных несчастий. «Весь мир знает, что случилось бы со мной и моей армией, если бы дела приняли другой оборот: если бы Бог подарил Вам победу. Несмотря на это я не стану плохо обращаться с вами или вашими людьми». В одной легенде говорится, что Тимур засмеялся, когда пленного привели к нему. Османский султан сказал ему, что нехорошо смеяться над тем, кого обидел сам Бог. «Я смеюсь, — ответил Тимур, — над тем, что Бог должен был предоставить властвовать миром слепому как вы и хрому как я».

Баязита содержали вместе с его сыном Мусой, который также был захвачен в плен. Обоих поручили одному из эмиров рода Барласов. По случаю победы в течение месяца длились празднества на равнине Кьютахия, где был хороший воздух, в изобилии имелись фрукты, а город был украшен фонтанами. Захваченные сокровища были разделены среди армии. Празднества проводились соответственно монгольским обычаям, и обычные строгости были отброшены. Прекрасные пленницы разносили блюда и бокалы. Баязита привели на пир, так что после горечи гнева он мог теперь испытать сладость дружбы, как пишут придворные хроники. Он получил одежды почета, скипетр и корону, обычные знаки власти. Это больно уязвило его, это была боль унижения, посыпанная на его раны, вместо бальзама. Но нет основания верить версии Арабшаха, что Тимур сидел на публичном пиру и приказал прийти на него и Баязиту и «как только облака покрывал были сдернуты с лиц разносчиц кубков... Ибн Осман (Баязит) увидел, что они были его супругами и что все они были его женами или содержанками; тогда весь мир покрылся для него черным мраком...» Эта же версия

утверждает, что Тимур приказал каждый день приводить к себе султана, чтобы посмеяться над ним.

После неудавшейся попытки бегства, Баязит, по мнению Арабшаха, «был посажен в клетку подобно птице».

От этой посылки пошли и другие небылицы, такие, например, как то, что пленных принцев впрягали в колесницу Тимура; версия, которая понравилась Марлоу:

Гей, вы негодные шлюхи Азии!

Ужели вы тянете по двадцать миль в день,

Ужели так гордитесь колесницей у ваших пят

И таким кучером как великий Тамерлан?

Баязит по этим версиям служил в качестве подставки для ног Тимура. В действительности же Тимуру, однако, не было смысла так унижать своего знатного пленника, так как кроме всего прочего, как пленник, так и его господин ожидали возвращения шейха от эмиров Баязита; последний предвкушал девять тысяч флоринов золотом, а первый возможно свою свободу. Но шейх слишком долго не приезжал с выкупом за султана.

Именно во время путешествия, тщательно охраняемый в королевском караване, Баязит заболел. Его посетили собственные врачи Тимура, но это не помогло ему. В начале марта 1403 г. «благословенный воин и страдалец Баязит Молниеносный был отправлен на милость Аллаху Славному». Смерть его приписывалась различным причинам. Но истина его смерти скрыта от нас мраком времени.

Многие оттоманские источники предпочитают верить, что он отравился или разбил свою голову о прутья железной клетки. Но это выдумки Марлоу, в пьесе которого преданная жена Баязита Забина сделала то же самое:

Что видят мои глаза? Мой супруг мертв!

Его череп раскололся надвое? Его мозги разлетелись!

Мозги Баязита, моего господина и властителя!

О Баязит! О турк! О император!..

(Она бросается на клетку и разбивает себе голову)¹

Тимур приказал похоронить Баязита со всеми почестями в королевском Оттоманском мавзолее в Брусе.

Пока что ангел смерти проявлял особое пристрастие к его врагам. Многие из противников Тимура, фактические или потенциальные, были унесены им: Кутлукоглан,

беспомощный кипчакский князь, который смог утвердить себя над ослабленной Золотой Ордой; мамлюкский султан Египта и Сирии Баркук; Хизр-Ходжа хан монголов и отец младшей жены Тимура; император Хун-Ву Китая; теперь султан Баязит.

Но тень крыльев Азраила начала уже появляться и над татарским лагерем. Один за другим покидали своего господина почтенные эмиры и товарищи по оружию. Эмир Сайф аль-дин умер до битвы при Анкаре. После битвы при Анкаре, осенью 1402 г. Султан Махмуд, пленивший Баязита, прекрасный солдат и номинальный чагатайский хан, заболел и умер. Он наследовал своему отцу Суюргатмышу в качестве хана в 1388 г., и его имя наряду с именем Тимура чеканилось на монетах и произносилось в молитвах по пятницам. Тимур не назначил другого чагатайского хана.

Затем, весной, последовавшей вслед за битвой при Анкаре, по горячим следам вести о смерти Баязита пришла страшная новость из лагеря Мухаммад-Султана, который спешил с войсками, чтобы присоединиться к главной армии. Наследник империи, сын Джахангира и Хан-зады, был болен. Тимур приказал доставить тело Баязита с церемониями в Брусу, а затем оставив обоз в Ак Шахаре, помчался к принцу. По пути он узнал о набегах туркменского племени и дал приказ атаковать их; туркмены были отброшены, а их семьи захвачены. Прибыл другой гонец, состояние принца ухудшилось. Тимур вновь рванулся вперед и одним махом прибыл к внуку. Мухаммад-Султан уже лишился дара речи; он быстро угасал. Его везли три дня на носилках до лагеря у Кара Гисара. В конце месяца он также ушел к милости Аллаха.

Наследник был мертв. Не только двор, но и армия были в трауре. Государственная процессия, с эмирами и эскортом лошадей, сопровождали гроб до Авника, в Армении, на пути домой. Те из членов королевской семьи, которые проводили зиму 1402-1403 гг. в Султании, включая императрицу, Сарай-Мулк-ханум и Ханзаду, мать принца, были вызваны в Авник. Старый император двинулся в Авник, а его войска преследовали туркмен, которые все еще сопротивлялись в пещерах и подземных логовах. Он спешил доехать до Авника, до того, как туда придут королевы. Он прибыл в Эрзерум, где некоторые из королевских детей ждали его. При виде детей, особенно двух из трех юных сыновей Мухаммад-Султана (семи, четырех и трех лет) старик не смог сдержать слез.

Когда принцесса Хан-зада узнала об этом, она упала без чувств. Придя в себя она стала рвать одежду, волосы и царапать собственные щеки.

Похоронные церемонии были проведены в Авнике, и сюда собрались властители Азии. В последний раз прозвучал огромный барабан покойного принца. Под непрекращающиеся удары весь двор, жены, эмиры, принцы, мудрецы, и солдаты императорской армии издавали жалобные причитания. После этого, согласно монгольским традициям, барабан был разбит на куски, чтобы не звучать уже в честь другого принца.

Горе старика не изменило его движения на восток, и не уменьшило энергии с которой он осуществлял свои планы. Три сына Умар-Шайха получили королевства в ленное владение: Пир-Мухаммад, который прежде был осужден за симуляцию болезни, вновь был удостоен благосклонности и опять получил Шираз. Его брат Рустам получил Исфаган, а пылкий Искандар, также вновь заслуживший благосклонность, получил Хамадан. Абу-Бакру, который был «могучим воином» соответственно Томасу Метсопу, был пожалован Ирак. Принц был послан со значительным войском истребить бандитов и нарушителей мира. Ему было приказано восстановить Багдад так, чтобы он стал бы вновь одним из великих центров Ислама, откуда ежегодно отправлялись бы караваны паломников в Мекку. Первыми «нарушителями мира», которых необходимо было разбить, были Султан Ахмад Джалаир и туркменский князь Кара Юсуф, вернувшиеся сюда в то время, когда Тимур покорял Малую Азию. Тахир, сын Султан Ахмада, некогда протеже короля Грузии, сейчас находился в конфликте со своим отцом за владение Багдадом. Войска отца и сына встретились лицом к лицу на Тигре. Ахмад, получив помощь от Кара Юсуфа, перешел реку и разгромил войска Тахира. Сын, пытавшийся бежать, утонул.

Ахмад поспешил обратно в Багдад, но потерпев поражение, содержался под стражей у Фараджа, который ожидал инструкций Тимура.

Кара Юсуф вступил в бой с войсками Абу-Бакра, поддержанного Рустамом Исфаганским. Совместными усилиями братья разгромили туркмена, захватив его орду и двор. Персидские источники утверждают, что у Кара Юсуфа была лишь тысяча всадников, но тем не менее ему удалось продержаться день и ночь против тридцати тысяч

всадников Абу-Бакра и Рустама². Зафар-нама отрицает это неравенство сил, говоря, что иные принцы с тремя тысячами солдат обратили в бегство от десяти до пятнадцати тысяч туркмен.

Кара Юсуфа и Ахмада содержали в крепости в двух башнях, находившихся друг против друга. Говорят, что пленники ходили друг к другу и улаживали свои расхождения. В этот период у туркмена родился сын, и Ахмад дал ему имя и назвал его своим наследником. Они договорились, что, когда они вновь будут свободными, они никогда не будут ссориться и, северные провинции Азербайджана с Тавризом, должны были перейти к Кара Юсуфу, а Месопотамия с Багдадом к Султан Ахмаду (на самом деле Кара Юсуф впоследствии захватил Багдад, Тавриз и Султан Ахмада и задушил его)³. Абу-Бакр утвердился в Багдаде.

От Авника, имперский штандарт двинулся на северо-восток и неожиданно возник перед грузинами. Георгий VII не выполнил условий соглашений, которые были заключены прежде с Тимуром. В то время как властители территорий малых и больших прислали свои дани и поздравления по случаю победы при Анкаре, Георгий не прислал обещанных войск, и не предстал перед двором Тимура, как ему повелевалось. Фактически татарские отряды были направлены в шестой поход в суровые горы и отвесные пропасти Грузии. Татары собрали весь урожай зерна нижних склонов гор и вернулись с тяжелой добычей. Но сопротивление продолжалось в сердце гор, где гарнизоны многих цитаделей чувствовали себя в безопасности. Одной из таких была крепость Куртин, хорошо укрепленная и обеспеченная продовольствием. Местность была полна свиней и овец; цистерны были полны воды, а подвалы вина. Куртин фактически был недоступен, добраться до него можно было только с помощью веревок и лестниц.

Тимур лично проводил операцию против этой крепости. С горной стороны, прямо напротив крепости, были сооружены высокие платформы из камня и дерева, с которых могли действовать стенобитные орудия и камнеметательные машины. Здесь же расположился лагерь и старик. В то же время один из татарских горцев нашел путь через самое сердце скал, дававший доступ во внутреннюю часть крепости. При помощи веревки и шелковой лестницы, привязанных к дереву, которое росло на вершине скалы, пятьдесят человек проникли внутрь форта в то

время, как его защитники спали. На рассвете загремели татарские барабаны, заревели карнаи, ворота крепости были разбиты камнями, брошенными с платформ, и крепость не выдержала атаки изнутри и извне. Операция заняла девять дней. Грузинский начальник и его люди были обезглавлены; его жена была отправлена в качестве подарка к союзнику Тимура, князю Дербентскому. Хорасанские войска, которые проделали первую брешь, были хорошо вознаграждены, получив деньги из казны, одежды почета, пояса, лошадей, мулов, шатры, девушек, верблюдов и селения, и сады в их собственной стране.

Соппротивление продолжалось повсюду в стране, и король Георгий все еще не прибыл ко двору Тимура. Время не терпело, а у императора на уме были и другие планы. То, чего он не смог добиться силой оружия, он добился хитростью. Король Георгий получил письмо, отправленное ему видными грузинами, которые попали к Тимуру в плен. Они советовали королю покориться, предупреждая его, что дальнейшее сопротивление будет означать уничтожение армянских подданных короля, которые в их южных долинах были более доступны гневу Тимура, чем жители высокогорных районов Грузии. Георгий предложил достигнуть соглашения. После показного колебания Тимур позволил убедить себя эмирам и шейху Шайх Ибрагим Ширвану, князю Дербентскому, который посредничал по просьбе Георгия. Осенью 1403 г. договор был заключен.

Грузинские послы прибыли с тысячами золотых монет, на которых было отчеканено имя Тимура, стадами лошадей, дорогими тканями, золотыми, серебряными и хрустальными сосудами и замечательным рубином весом в восемнадцать каратов. Но короля все же не было с ними. Татары отпраздновали еще одну победу; Тимур ушел из Тифлиса, разрушив оставшиеся церкви и монастыри, и оставив в память о себе пепелища около семисот безлюдных сел.

Карабахские пастбища на восточном Кавказе были любимыми зимними квартирами Тимура. Зима 1403-1404 гг. была, однако, холодной, дождливой и очень тяжелой для тимуридских орд. Тимур увидел там остатки древних акведук и направил свои войска на работы по восстановлению города Байлакана. Он был разорен чингизидами в XIII столетии, и осажден Тимуром в конце XIV в., так что он был населен только совами и скорпионами. По приказу императора были восстановлены села,

площади, и сады, построены базары, караван-сарай и бани, реконструированы стены и рвы. Было вырыто двадцать миль каналов, чтобы снабдить новый город водой из реки Арас, а по берегам этого канала были возведены сады и виноградники. Канал был назван Барласи, по названию племени Тимура.

Южные провинции Персии были пожалованы сыновьям Умар-Шайха. Северные провинции были все еще без принца императорского дома. Когда Тимур вызвал Мухаммад-Султана из Самарканда со свежими войсками, перед битвой при Анкаре, он намеревался даровать своему наследнику корону Хулагидов, которая до этого, принадлежала Мираншаху. Клавихо, писал, что после смерти Мухаммад-Султана корона хулагидов была предложена Абу-Бакру, самому старшему сыну Мираншаха, но Абу-Бакр якобы отказался принять из-за уважения к своему отцу. Император поэтому разделил это владение. Он отдал Багдад и Ирак Абу-Бакру, а север, включая Тавриз и Султанцию, подарил принцу Умару, второму сыну Мираншаха. Принц Умар был вызван из Самарканда на курултай, который проводился в связи с его назначением и состоялся в начале 1404 г. перед уходом Тимура из Карабаха.

Старый советник и друг императора Шейх Барака прибыл из Самарканда, чтобы принести свои соболезнования по случаю смерти Мухаммад-Султана. Шейх прибыл как раз вовремя; он увидел Тимура в последний раз и затем он также закончил свои дни. Еще один из компаньонов Тимура, спутник всех его побед и его возвышения, ушел из этого мира. Когда вновь наступил март годовщина смерти Султан-Мухаммада, император подготовил торжественные поминки. Тело принца было вывезено из Авника и отправлено в Самарканд.

Перед тем как покинуть Карабах, старик нашел время для татарской охоты колоссальных масштабов. Участвовало большое число борзых, английских догов и леопардов в поддержку охотников. На псов одели одежду из расшитых шелков, на леопардов золотые ожерелья и цепи, украшенные драгоценными камнями. После трех дней и ночей огромный круг был затянут, и началось убийство. Они били тигров и оленей, газелей и других животных.

В конце Рамазана Низам аль-дин Шахи провел церемонии молитв и прочел Кутбу. Он закончил хронику, которую ему было приказано написать и представил свою работу Завоевателю.

Правление над всеми странами от Карабаха до Трапезунда было даровано принцу Халил-Султану и весной 1404 г., год Обезьяны, имперская армия взяла путь на Самарканд.

Глава XVI

ДОРОГА НА САМАРКАНД

После битвы при Анкаре Тимур отправил своего посла Хаджи Мухаммада в Испанию с двумя христианскими женщинами и подарками для Генриха III, короля кастильского. В ответ Генрих отправил посольство ко двору Тимура, в которой состоял Клавихо. Посольство покинуло Испанию в мае 1403 г. с Хаджи Мухаммадом, надеясь прибыть к Тимуру, пока он был в Малой Азии. Группа потерпела кораблекрушение на пути от Константинополя к Трапезунду. Они добрались до турецкого берега и отправились обратно в Константинополь, где они провели зиму 1403-1404 гг. Во время их вынужденного пребывания в Константинополе и Пере послы посетили монастырь, где покоились останки Филиппа Артура, захваченного в плен Баязитом в Никополе и умершего в 1397 г. Весной послы выступили вновь, надеясь встретиться с Тимуром в Карабахе.

Испанских послов побеспокоили разбойничьи главари в горах за Трапезундом, но после Арзинджана условия путешествия стали гораздо лучше, Клавихо отмечал, что чагатайские гарнизоны охраняли дорогу, так как этой дорогой шли многие караваны из Сирии. В Тавризе с его многолюдными базарами, прекрасными скверами, банями, фонтанами и охлажденной водой для утомленных путешественников, к испанскому посольству присоединилось внушительное посольство из Каира ко двору Тимура. Среди многих других редких подарков, султан Фарадж отправил коллекцию из страусов и жирафа. В Тавризе послы узнали, что Тимур находился на пути в свою столицу, и у них не было другого выхода, как последовать за ним.

По прибытию в Султанию, послы были приглашены на

аудиенцию к принцу Мираншаху. Их приняли в шатре, возведенном в фруктовом саду дворца. Рассказы об излишествах Мираншаха дошли до послов, но Клавихо не отмечает что-либо необычного в их приеме. Он нашел принца средних лет, около сорока, крупным и жирным, сильно страдающим от подагры.

Обе партии послов, египетских и испанских, последовали по главному караванному маршруту вдоль Эльбруса, южнее Каспия, в Хорасан. Они пользовались императорскими почтовыми станциями и сменами лошадей, но несмотря еще на тот факт, что Тимур по пути занимался карательными экспедициями в горных крепостях Мазандарана, послы не смогли нагнать императорский герб. Наоборот, гонцы, прибывавшие от Тимура, просили послов поспешить. Путешествие было слишком трудным для одного из членов испанской группы, Гомеса, он не вынес лихорадки и умер в Нишапуре, городе знаменитом бирюзовыми шахтами.

Другие двинулись вперед форсированным маршем, в сопровождении татарского эскорта: даже при этом, они заблудились и были близки к гибели в песках Кара-Кумов. После песков они набрали на все растущее число кочевых орд; они вышли к Аму-Дарье у Балха. Река сильно разлилась в результате таяния снегов. Тимур все еще опережал их, хотя он прошел через Герат. В Хорасане он свершил суд над теми чиновниками, которые воспользовались отсутствием Тимура в своих собственных интересах. Двое были повешены. Другие были изгнаны в Ашпару и Сабран, на восточных границах Мавераннахра в Герат были назначены новые контролеры. Около месяца им понадобилось для того, чтобы возместить два миллиона динаров для имперской казны.

Послы вступили в имперскую область Мавераннахра, куда все могло войти, но ничто не могло выйти. Язык сменился с персидского на чагатайско-тюркский. Они проехали по королевской дороге от Термеза, города шейхов, через Железные Ворота к долине рода Барласов и Шахрисябзу, Зеленому Городу, родине императора. Здесь они увидели рабочих, которые все еще расширяли и украшали Ак-Сарай (Белый Дворец) Тимура. От Шахрисябза послы спешно проехали к окраинам Самарканда. Они прибыли в конце августа 1404 г. и в течение недели ждали соизволения императора.

Испанцы были помещены в пригородном саду перед

тем, как их пригласили на аудиенцию к императору. Их повезли в Дилкуша, Сад облегчения сердца. В саду шесть слонов выделяли трюки. Послов провели к великому эмиру, старому человеку, который сидел на помосте. Дальше они были приняты тремя принцами, внуками Сахиб Кирана, одним из которых был Халил-Султан. Эти принцы взяли письмо, которое послы везли от короля Генриха Кастильского. Затем их провели в присутствие императора, который восседал перед порталом ведущим во двор. Тимур отдыхал на длинном помосте, перед которым плескался фонтан. В бассейне плавали красные яблоки. Принцы крови и другие высокопоставленные лица сидели на полу у его ног.

«Его Высочество занимал место на маленьком тюфяке туго набитом и покрытом расшитым шелковым покрывалом, и он облокотился на несколько подушек, нагроможденных за ним. Он был одет в мантию из гладкого шелка без всякой вышивки, а на голове носил высокую белую шапку, на верхушке которой красовался красный рубин, орнаментированный жемчугом и драгоценными камнями. Как только мы вошли в присутствие Его Высочества мы сделали наш реверанс, поклонившись, преклонив колени и скрестив руки на груди. Затем мы сделали шаг вперед и опять поклонились, мы сделали то же самое и в третий раз, но в последнем случае, став на колени и оставшись в этом положении. Затем Тимур дал команду, чтобы мы встали и подошли ближе к нему и различные вельможи, которые до этого момента держали нас под руки, теперь отошли от нас, так как они не осмеливались подойти ближе к Его Высочеству». Послы тогда были взяты уже эмирами Шах Маликом, Бурундуком и Шейх Нурэтином ближе к помосту, где восседал Тимур, и опять они преклонили колени. Тимур вновь приказал подвести их поближе, так как, говорил Клавихо, «его зрение ослабло, он был так нетверд и стар, что его веки опускались над глазами, и он мог едва поднимать их чтобы посмотреть».

Он не предложил послам поцеловать свою руку. Император справился о «своем сыне, вашем короле» («Сын» было формой обращения по отношению к вассалам). Внуки поднесли Тимуру письмо короля Кастилии и Фрэй Алонсо, попросив разрешения прочитать его. Старый император сказал, что он прочитает его позже, и послов повели назад, посадив на помост по правую руку от императора.

Тимур заметил, что испанских послов посадили на место, которое по положению было ниже того места, которое занимал китайский посол. Управляющий двором вышел вперед и сказал, что места испанских послов должны быть сменены и что послы друга Тимура, короля испанского должны стоять выше человека, который был послом Тонгуза, Свиного императора Китая, «разбойника и плохого человека, врага Тимура, и если бы только пожелал Бог, он, Тимур, так бы присмотрел бы за делами и так бы ими распорядился; что никакой китаец никогда не осмелится бы прийти с такой миссией, как этот человек, которого принесло».

Испанские послы вошли в компании Хаджи Мухаммада, посла Тимура в Испании. Когда группа потерпела крушение в Черном море, над ней нависла страшная опасность высадки на узкой береговой полосе, контролируемой оттоманскими турками. Это было бы несчастьем для татар, и поэтому он сменил свою чагатайскую одежду на одежду испанского гранда. По некоторым причинам он одел это одеяние и на прием, вызвав, как говорил Клавихо, взрыв смеха среди своих друзей.

За приемом последовал банкет и после пира был произведен осмотр подарков, как от кастильского короля, так и от египетского султана Фараджа. Придворные хроники отмечают среди других богатых подарков султана жирафа и девять африканских страусов. Они также отмечали и gobелены, привезенные кастильцами и расшитые портретами, которые вызвали всеобщее восхищение. После демонстрации этих подарков, был сделан осмотр табуна из трехсот лошадей, подарок одного из придворных вельмож.

При своем движении в Самарканд император собирал информацию, выслушивал жалобы, громил мятежи, получал дани, призывал к отчету местных вельмож заседал при отправлении правосудия, назначал наказания и раздавал милости. Он обвинял улема, мусульманских богословов, которые сопровождали его, в невыполнении их обязанностей: они не информировали его о злоупотреблениях происходивших в его владениях. Чиновники правонарушители были повешены, чиновники помельче были обезглавлены. Когда Тимур достиг Благословенного города, начался тот же процесс, сопровождавшийся мобилизацией войск, реорганизацией и осуществлением строительных работ. Все это проводилось с исключительной быстротой, несмотря на почти ежедневные приемы и пиры, и несмотря

на возраст императора — почти семьдесят лет — его можно было видеть играющим в шахматы со своими богословами между государственными делами. Он менял свое местопребывание, как обычно, каждые несколько дней, переходя из одного сада, в другой, из одного дворца в другой, из одного общественного здания в другое. Сад Дилкуша, где он принимал Клавихо, Сад чинаров, Новый сад, Сад образа мира, Сад рая и Северный сад — описаны среди прочих, как резиденция императора в записях того времени. Иностранным послам была предоставлена полная возможность видеть великолепие этих мест; все приглашения на банкеты имели именно эту цель. Некоторые сады продолжали закладывать или улучшать. В частности, в Северном саду был построен дворец с фарфоровой мозаикой и множеством фонтанов, мастерами, которые были захвачены в плен в Сирии и Персии. Его окончание было отпраздновано пышным королевским банкетом, на который, как обычно, пригласили множество иностранных послов, включая кастильских. По-видимому в то время их не очень-то высоко оценивали, так как придворные хроники, упоминая, что были приглашены европейские послы, замечают, что даже соломинка находит путь к морю. Возможно, Хаджи Мухаммад сообщил о бедности христианских королевств. Возможно, их подарки, несмотря на их ценность, не произвели впечатления. А возможно, грубое поведение этих неверных вызвали недовольство. В одном случае, Клавихо, который был трезвенником, отказался от вина на одном из официальных банкетов. А в другом его группа прибыла слишком поздно на одно из празднеств, так как не нашли своего переводчика.

В период пребывания в Саду рая император заболел, но недомогание быстро прошло. Иногда Тимур проживал в городе, особенно когда он наблюдал за строительством. Скоро после своего прибытия он посетил цитадель Кок-Сарай и проверил работу арсенала. Ему показали три тысячи доспехов из пластиночных лат — работу пленных мастеров, сделанных в период его отсутствия. Эти панцири были составлены из пластин, заходивших друг на друга, пришитых к красной парусине. Клавихо считал, что они хорошо сделаны, но, по его мнению, пластины были очень тонкими, и кроме того, недостаточно была закалена сталь. Было продемонстрировано большое число шлемов с подогнанными кольчугами; они были круглыми и высокими, некоторые с наконечниками и с пластинками, спускающи-

мися вниз для предохранения лица и носа. Многие кольчуги были распределены тотчас среди вельмож двора.

Через город был проложен новый широкий проезд, чтобы создать более удобные условия для торговцев. Базар оборудовали чайханами, караван-сараями, лавками, фонтанами, палатками и крытой сводчатой галереей. Существовавшие мастерские, лавки и жилища были снесены, чтобы пробить путь для нового проезда. Работа шла без остановки день и ночь до осеннего снега.

Мухаммад-Султан, покойный внук, в период, когда он был во главе Самарканда в годы последнего похода, построил прекрасную мадрасу. По возвращении Тимур пришел посетить ее. На площадке к этой школе Тимур приказал построить мавзолей, который должен был стать местом покоя принца. Дома здесь были снесены, и вознесся храм с тонким рифленным куполом в бирюзе, золоте и алебастре, который был окружен вновь заложенными садами. Тимур нашел первое здание слишком низким и приказал поднять все сооружение. Что и было сделано.

В период своего кратковременного пребывания в столице после возвращения из Индии, он приказал соорудить великолепную соборную мечеть. Мастера из Басры и Багдада, каменщики из Азербайджана (Мидии), Фарса и Хиндустана, и специалисты по кристаллу из Дамаска работали вместе с мастерами Самарканда. Блоки мрамора были привезены из Азербайджана. Пленные рабочие и закованные в цепи слоны работали, чтобы соорудить одну из величайших мечетей Ислама. Мозаика из одноцветной черепицы и разрисованной глазированной украшали внешнюю часть. Росписные узоры, отрывки из корана вокруг основного купола, были столь огромны, что их можно было прочесть за милю. Внутренние стены были разрисованы фресками. Мастера бронзы создали специальные подсвечники и лампы; ткачи соткали портьеры и шелковые ковры. Огромные ворота были сделаны из смеси семи металлов.

В начале года когда старик вернулся, мечеть была закончена. Она стояла напротив мадрасы императрицы, Сарай-Мульк-ханум, и Тимур сразу же увидел, что портал мечети был не более внушителен, чем портал мадрасы, стоявшей напротив. Внушительные порталы были доминирующей чертой дворцов и мечетей этого района, они вели в широкий двор и открытые места для собраний.

Тимур немедленно отдал распоряжения снять портал

и начать рыть новый фундамент. Для того, чтобы ускорить работу, Тимур объявил, что он сам будет наблюдать за возведением, стоя на одной стороне, в то время как два эмира его дворца несли ответственность за другую сторону, в конкуренции с ним. Рабочие выкопали яму для новых фундаментов, и Тимура каждое утро приносили на строительную площадку, где он стоял большую часть дня. Когда работа особенно удовлетворяла его, строителям бросали монеты. Здесь работа шла также день и ночь вплоть до ноябрьского снега. Построенная мечеть была «замечательнейшей из всех, которые мы видели в Самарканде», свидетельствовал Клавихо.

Народная легенда о мечети утверждает, что она была построена Биби-ханум, любимой женой Тимура и «дочерью китайского императора», как сюрприз для Тимура, который был в Индии. Перед завершением строительства мечети прибыл гонец, чтобы сообщить о возвращении Тимура. Биби-ханум сама пришла просить архитектора поспешить с работами так, чтобы мечеть могла бы быть закончена до прибытия императора. Но архитектор, который был влюблен в королеву, был более заинтересован в продлении работы, чем в ускорении ее. Однако, он обещал сделать ее вовремя, если Биби-ханум вознаградит его поцелуем... Она ответила, что все женщины совершенно одинаковы, только платья их разные и предложила ему любую женщину из гарема. Принеся ему блюдо разукрашенных яиц, она сказала: «Разбей любое из них и ты увидишь, что какого цвета или очертания они не были бы — изнутри все они совершенно одинаковые». Молодой архитектор тогда принес две чаши, совершенно одинаковые. В одну он налил воду, а в другую водку. Он сказал «Цвет и очертания являются одинаковыми, но они неодинаковы по содержанию. Некоторые женщины холодны, как вода, другие же горят и вселяют огонь в вены как водка». Биби-ханум не в силах отпарировать его логику, согласилась на его условия. Мечеть была закончена, и молодой человек пришел требовать вознаграждения. Королева закрыла щеки руками, но поцелуй был столь страстным, что он прожег до щеки. Когда Тимур вернулся, он увидел мечеть и отпечаток поцелуя на щеке королевы. Он приказал казнить архитектора, но тот, будучи предупрежден, исчез.

Остов Великой мечети, построенный с такой поспешностью, пережил разрушительные действия землетрясений

(особенно 1897 г.) и ряд нашествий. В конце XIX в. мечеть использовалась в качестве рынка хлопка и одно время служила конюшней офицерам царской армии. Часть купола размером 12 метров в диаметре и тридцати метров высоты сохранилась. Массивный остов портала все еще стоит, высотой 33 метра. Мечеть известна как мечеть Биби-ханум — мечеть матери королевы — и Клавихо считает, что там захоронена мать Сарай-Мульк-ханум. Знаменитые ворота были расплавлены и перелиты в монеты в начале XIX столетия жадным эмиром Бухары.

Два эмира, виновные в строительстве старого портала не соответствующим требованиям, были повешены за шею в Кани-Гиле (соответственно Арабшаху, один был связан, и его волочили по земле вниз лицом до тех пор пока он не разорвался на куски). Новый портал был более удовлетворительным; придворные историки уподобляли его Млечному пути. Что касается купола, то лишь свод неба мог в голубизне соперничать с ним.

Глава XVIII

ПРАЗДНЕСТВА В КАНИ-ГИЛЬ

В 1403 г. юный минский наследник небесной империи был разбит своим дядей, который захватил столицу Нанкин и провозгласил себя императором Юн-Ло. Китайский посол Ан и его группа все еще не возвращались из Мавераннахра. Новый минский император отправил другого посла к Тимуру, требуя освобождения Ана, выплаты традиционной «дани и других мер признания». Посол был в Самарканде, когда прибыл Клавихо; это был несомненно тот, который был унижен перед испанцами и посажен в самом низком месте в приемной зале императора. Император Китая потребовал дани, и Сахиб Киран, должен принести ее сам! В ответ послы и огромные караваны, которые недавно прибыли из Китая, были задержаны.

Были отданы необходимые распоряжения; остались только формальности. С этой целью Тимур приказал созвать мощный курултай, который благословил бы операцию и показал бы Азии и Европе решимость Тимура добиться величайшего из всех призов своей жизни — добычи из Китая, которая превзошла бы все, что было

добыто в прежних походах. Курултай также должен был показать самим татарам, что мощь Тимура достаточна для выполнения задачи, которую они должны были предпринять. Событие должно было быть отмечено более пышными празднествами, чем обычно и сопровождаться свадебными церемониями пяти внуков императора. Их возраст колебался от девяти до семнадцати лет.

Курултай проводился на равнине Кани-Гиль, недалеко от Самарканда; это были те же луга, где полтора века ранее почти день в день правитель Средней Азии, Масуд Ялавач построил павильоны из золота, чтобы приветствовать внука Чингиза, Хулагу, на его пути к завоеванию Персии. В тот раз празднества также длились месяц. Эта долина была местом, где «воздух был ароматней, чем мускус, вода слаще сахара, как будто она была частью рая, и все здесь ломилось изобилием и прелестью наслаждений»², но Клавихо считал место чрезвычайно пыльным, из-за огромного скопления народа. Однако, как нейтральный кастилец, так и враждебный араб подтверждают официальные утверждения о празднестве. Все роды привилегированных чагатаев съезжались в Кани-Гиль, и каждый из них занимал отведенные ему места и разбивал свои шатры. Согласно обычаю, как только устанавливались шатры и павильоны императора, все знали о месте, которое ему отводилось по отношению к этим Центральным огороженным местам, и «каждый человек занимал его без путаницы, в самом строгом порядке». В течении трех или четырех дней Клавихо видел почти двадцать тысяч шатров, расположенные по правильным улицам, окружавшим королевские шатры; ежедневно прибывали все новые роды из отдаленных районов. Все виды искусств и ремесел, потребные для кочевников, были разбросаны по всему лагерю по своим особо назначенным улицам — кузнецы по железу и меди, седельщики и мастера по производству телег, гончары и сапожники, продавцы фруктов, торговцы зерном, здесь же были шелковый ряд и ряд портных. Продавцы жареного и вареного мяса и сладких афганских яств бегали взад и вперед по базарам лагеря как по городу. Булочники с зажженными печами, замешивали тесто и выпекали хлеб для продажи. В котлах грели воду для бань.

Клавихо в конечном счете насчитал, что орда, окружавшая имперский лагерь, составляла около 50 тысяч шатров, а кроме того, за границей орды, дальше на лугах, было

много других шатров, с фруктовыми садами, хорошо снабженными водой из Зарафшана.

Император, королевы и королевские принцы имели особые огороженные места, где были возведены великолепно украшенные ансамбли павильонов. Некоторые имели плетки, сплетенные из золота и украшенные изнутри и снаружи прекрасными перьями; другие были сплетены из шелков различного цвета с узорами и цветочными декорациями. Некоторые павильоны были сделаны из шелка, украшенного жемчугом; на других сверкали драгоценные камни многих видов, насаженные на занавеси из золотой парчи, которые ослепляли глаза, как говорил Арабшах. «В середине они также поставили крыши из серебра и звезды, которые поднимались ввысь, и двери для их домов и кушетки, на которых они могли полулежать; разрисованные створки дверей и занавеси шатров украшенные золотом и их опахала из прекрасной материи для прохлады и другие изобретения. ...Они также показали редкие сокровища... среди них занавес из материала, взятого из сокровищ султана Баязита, декорированного различными рисунками и надписями... И они оставили перед их шатрами, на расстоянии, которое лошадь покрывает одним прыжком, королевский шатер, в котором могли собираться гости и придворные; он стоял высоко, а его изгородь достигала неба, снабженная сорока колоннами и столбами»³.

Клавихо дает подробное описание Павильона Аудийенций, огромного и высокого, квадратного по форме. Он подсчитал, что каждая сторона имела от угла до угла сто шагов. Внешние стены, из шелкового материала в белую, черную и желтую полоску, были окружены низкими галереями подобно портикам, также поддержанных столбами. Каждый угол был увенчан блестящим шаром несшим полумесяц. Крыша была круглой в форме купола, она подпиралась 12 колоннами в голубом, золотом и других цветах, каждая толщиной с человека. Купол заканчивался квадратной башенкой, сооруженной в виде зубчатой стенки, сделанной из шелковой материи. От пола до башни вела лестница, на случай, если бы какая-нибудь сторона была бы разрушена ветром. Для подъема сооружения была использована лебедка, величиной с колесо телеги. Красные канаты держали его в твердом положении. Издалека, говорил посол, павильон представлялся замком, удиви-

тельным для созерцания и замечательным по своей красоте неподдающимся описанию.

Стены были обиты изнутри красными гобеленами и парчой. Балдахины, свешивавшиеся широкими складками с купола, создавали сводчатый проход. В четырех углах были изображены орлы со сложенными крыльями. Внутри было возвышение, покрытое коврами и тюфяками, где Тимур давал аудиенцию, и другое возвышение, находившиеся ниже и левее.

Вокруг этого павильона и большого числа других королевских шатров и навесов и походной мечети Тимура была сооружена стена из узорчатого шелка высотой примерно с рост человека, сидящего верхом на лошади и около 300 шагов в длину по периметру. За эту ограду вел портик, увенчанный башней с зубчатой стеной. Все огороженное место было возведено за одну неделю. Клавихо насчитал одиннадцать таких оград для королевской семьи. Не все шатры внутри поддерживались колоннами и шестами. Многие были типа степных кибиток, сооруженных из камыша, которые держали высокие парусиновые стены шатров твердо и прямо. Они также были украшены шелками, красными гобеленами, бархатом с полосками различных цветов и обильно усыпанных драгоценностями. Некоторые из имперских шатров по приказу Тимура были обложены изнутри и снаружи шкурами белок и горностаев; эти меха сохраняли прохладу летом в шатрах, а зимой тепло.

На банкетах и при осмотре достопримечательностей, послы имели возможность посетить царские серали. К императрице Сарай Мульк-ханум вели двойные двери из Брусы, взятых вместе с казной Баязита. Будучи, очевидно, византийского происхождения, они были покрыты позолоченными серебряными пластинами, орнаментированными голубой эмалью с золотыми вставками. На одной стороне было изображение Св. Петра, на другой — Св. Павла, каждый с книгой в руках. Двери были достаточно высокими, и в них мог проехать конный чагатай. Среди других примечательных вещей в павильоне старой королевы, Клавихо заметил золотое дерево в форме дуба, высотой примерно с рост человека. Ствол и корни покоились на золотом блюде. Оно имело золотые листья, фрукты из красного рубина, изумруда, бирюзы, сапфира, обычного рубина и огромного жемчуга. Многоцветные маленькие птички из золота сидели на ветвях; некоторые как будто только что приземлились, некоторые клевали редкие фрукты, другие

расправляли крылья, чтобы взлететь. Это золотое дерево, возможно, прибыло вместе с сокровищами Багдада.

На этих банкетах бывало так много народа, что страже приходилось силой пробивать проходы для гостей. Клавихо жаловался на пыль, которая поднималась таким плотным слоем, что одежда и лица покрывались ею, «становясь одного цвета». Ежедневно происходили приемы и банкеты. Управляющие двором и придворные чиновники переезжали с места на место на прекрасных жеребцах, с серебряными полосами, отличавшимися в зависимости от занимаемого поста. В интервалах за павильонами стояли винные кувшины, огромные вазы, которые, как думал Клавихо, могли содержать 60 галлонов каждый, к которым никто кроме гостей не смел приближаться. За оградой лежали те, кто посмел нарушить этот запрет, и были прострелены охраной стрелами или пробиты булавой.

Гости восседали в павильонах соответственно протоколу. Перед едой обычно бывала выпивка. Татары пили в таком обилии, что скоро становились совершенно пьяными. Клавихо рассказывали, что ни одна пирушка не считалась настоящим празднеством, если гости не напивались допьяна. Гостям предлагались кубки, наполненные до краев, которые должны были быть осушены до дна. Для хозяина было оскорблением, если гость отказывался сделать это. Кубки осушались в один или два глотка, и ни один слуга не имел права ухаживать более чем за двумя гостями. Человека, который выпивал более всех, называли бахадуром, героем.

Принцессы, также как и принцы, давали банкеты. Один из пиров был дан Ханзадой, «сорока лет, прекрасного вида и толстой»; казалось она оправилась от своей тяжелой утраты. Процедура здесь ничем не отличалась от других пирушек подобного рода. Певцы или музыканты пели песни, слуги принцессы выходили, чтобы обслуживать ее и других королевских дам кубками вина. Слуги приносили кубки на подносах и встав на колени, подносили их господам. Господин, взяв кубок обернутый салфеткой, так что его рука не могла касаться его, становился на колени и подносил его дамам. Затем он отступал и возвращался с другим кубком полным до краев. «Вам нужно понять, — говорил Клавихо, — что все это приносилось и делалось не слишком быстро». Кубки вина чередовались время от времени с кумысом. Старая императрица Сарай-Мульк-ханум, которая присутствовала на этом

пиру, заметила, что Клавихо не пил. «Великая Ханум приказала, чтобы мы послы вышли вперед и своей собственной рукой она предложила нам кубки вина и упорно пыталась заставить меня Рюи Гонсалеса (Клавихо) выпить, но я отказался, хотя едва ли она могла поверить, что я никогда не пью вина. Теперь, когда прошло значительное время с начала выпивки, многие из присутствующих начали показывать признаки того, что они навеселе, а некоторые были уже мертвецки пьяными. Несомненно они считали это состояние признаком мужественности».

После выпивки начался пир. На огромных кожаных блюдах принесли пирамиды жареного конского мяса и баранины: они были так тяжелы, что их с трудом волочили по земле. Слуги с передниками и предохранительными нарукавниками нарезали мясо и накладывали ломти на тарелки — золотые, серебряные или фарфоровые. Самым любимым местом татар был крестец лошади соединенный с мясом седловины. Слуги клали также в тарелки скатанные внутренности лошади величиной с кулак и целые бараньи головы. Сверх этой груды мяса поливали бульон. Эти вторые блюда поднимались лишь с помощью слуг и ставились в первую очередь перед императором или хозяином дома, а затем уже перед гостями; испанские послы удостоились этой чести по случаю их приема Тимуром в саду Дилкуша. То, что оставалось на досках, на которых резали мясо, забиралось гостями. Было невежливым оставлять недоеденное угощение. За этими главными блюдами последовали другие, главным образом тушеное мясо, шары из фарша. Затем большое число фруктов, дынь, персики, виноград и другие, к которому подавался кумыс — великолепный напиток, по мнению Клавихо когда он потреблялся в летний сезон.

После пиршества представлялись подарки в каждом наборе по девять штук императору или хозяину. Некоторые из них сейчас же распределялись среди гостей. Император не принимал подарки, пока тщательно не проверял их, причем тщательно соблюдал дипломатический протокол.

Подобные пиршества с обильным угощением и выпивками могли иметь место и на обычном празднестве. Однако, в Кани-Гиле были подготовлены особые представления для двора и публики. Павильоны были открыты для народных увеселений, с музыкой, борьбой, клоунадой, канатоходцами и маскарадами. Мастерам и купцам Са-

марканда, «тем, кто продавал хлам и тем, кто продавал драгоценные камни, мелким торгашам и купцам, с поварами, мясниками, булочниками, портными и сапожниками», было приказано прибыть в лагерь и принять участие в празднествах. Вместе с флейтистами и барабанщиками, продавцами орехов и фруктов, прибыли мастера ремесленники со своими изделиями. Ткачи соорудили всадника с полной экипировкой, с саблей, луком, полностью из полотна. Прядильщики сделали башню из хлопка, на вершине которого стоял аист, который отливал белизной, превосходившей гурий рая; башня была столь высока, что могла служить ориентиром для путешественников. На маскарадах козлы с золотыми рогами бодались друг с другом и оказывались прелестными девушками; некоторые развлекались с крыльями, изображая фей, некоторые представлялись овцами, некоторые слонами. Скорняки и дубильщики были одеты как львы, леопарды, тигры, лисы и гиены. Ткачи сделали верблюда из камыша с разрисованным снаряжением, который ходил как настоящий. Внутри сидел ткач, который мог отодвигать занавес и демонстрировать свою работу. Шорники сделали двое верблюжьих носилок обычного вида, исключая то, что они были открыты для того, чтобы показывать их прекрасных жителей, которые позировали толпе. Производители матрасов и мастера по плетению камыша выткали из соломы огромные отрывки из корана. Ювелиры и кузнецы, оружейники и мастера по производству лука и другие установили свои лавки и выставки, украшенные цветами и гирляндами, золотом и драгоценными камнями, особенно красного рубина, жемчуга, горного хрусталя, кораллов и агата. В каждом из ста определенных и огороженных мест были разукрашенные киоски, где миниатюрные сады были заполнены орехами и фруктами, фисташками и миндалем, персиками и яблоками, гранатами, дынями, виноградом, наполняя воздух благоуханием. В специальных местах музыканты, клоуны, акробаты и канатоходцы давали представления. Звуки флейт и барабанов звучали по равнине Кани-Гиль, который стал теперь не шахтой рез, а складом безграничных сокровищ.

На празднества в Кани-Гиль были приглашены принцы и послы со всей Азии и других континентов — из Китая, Монголии и Индии; из Московии и кипчакских степей, Сирии и Египта, из Испании, Рума и Византии, из Кабула, и Мазандарана, Хорасана, Фарса и Багдада. С ни-

ми прибыли караваны с подарками и даями. Были вызваны великие эмиры королевства, вместе с командующими туманов и тысяч и все старейшины рода барласов, в каком бы качестве они ни служили. Здесь было почти все потомство императора в дополнение к внукам, чьи свадьбы должны были быть отпразднованы здесь же. К этому времени семья Тимура состояла из тридцати четырех принцев и тридцати шести принцесс второго и третьего поколения, кроме двух оставшихся в живых сыновей и дочери. Многие из них были в Кани-Гиле. Из прибывших самым важным был внук Пир-Мухаммад Джахангир из Газни, правитель афганских провинций, который приехал нагруженный казной и осыпал своего деда золотом и драгоценными камнями. Вместе они оплакивали смерть Мухаммад-Султана. Пир-Мухаммад намечался в наследники.

Глава XIX

ЗИМА: СМЕРТЬ ТИМУРА

(1404-1405 гг.)

После развлечений при Кани-Гиле, старик вновь посвятил себя заботам о государстве; все вольности вновь были запрещены.

На официальном военном совете, принцы крови и эмиры клялись в их преданности Сахиб Кирану и обещали отдать жизни, если будет необходимо, в войне против минского императора, угнетателя Ислама. Если в прошлом могущественные армии Тимура были инструментами преступлений, то теперь представлялся случай совершить обряд очищения и приобрести признание в глазах Аллаха разрушением храмов идолов в империи Китая. Эта благочестивая работа помогла бы загладить крайности прошлого, когда было пролито много крови правоверных. Более того, с самого начала правления Тимура Китаем управляли узурпаторы. Над миром не могли править сразу несколько владык, между ними неизбежно должен был возникнуть конфликт. Невозможно было надеяться на спокойствие в городах, где господствовали бандиты, невозможно было ожидать безопасности на дорогах Китая, которые были наводнены разбойниками и грабителями.

Был уже октябрь 1404 г. когда Тимур прибыл в Самарканд в связи с торжествами, посвященными мавзолею, построенному в честь его внука Мухаммад-Султана. Сооружение было увеличено в высоту и теперь уже было завершено. Оно бросалось в глаза, скорее изяществом планировки, чем своим орнаментом. С восьмиугольного основания поднималась рифленая башня, по обеим сторонам ее главного входа были установлены два стройных минарета. Интерьер был отделан легким серым мрамором и алебастром, фасад же был украшен простой мозаикой из лазури и бирюзы. За исключительно красивыми деревянными дверьми, с вырезанными звездами, полумесяцем и инкрустациями из кости и жемчуга покоится тело нежно любимого Мухаммад-Султана. Впоследствии старика положили рядом с ним.

Этот мавзолей (Гур-Эмир) сохранился до сих пор, за исключением минаретов, которые рухнули в 1903 г. Остальное после реставрации находится в хорошем состоянии. До 1905 г. на нем была надпись, которая гласила: «Это гробница Султана Мира, Тимура Гургана». Надпись была похищена и позже была продана в Константинополе Берлинскому музею. Дипломатическое вмешательство и компенсация обеспечили ее возвращение в Россию.

Могила Тимура, над которой висит его знак — султан из конского хвоста — покрыта плитой из нефрита — очень темного, серо-голубого цвета. Он был привезен из Могулистана, на обратном пути из Юлдуза, внуком Тимура Улугбеком. Полководец сам безуспешно пытался перевезти в Самарканд великолепный нефрит, являющийся самым крупным из всех известных в мире, когда он находился в этой стране. В восемнадцатом столетии по приказу Надир Шаха, войска которого захватили Самарканд, нефритовая плита была увезена в Мешхед в Персии. Позже ее вернули на место. При перевозке камень дал трещину посередине.

Клавихо и его партия были приглашены на торжества по открытию гробницы. Это был последний официальный прием, на котором они присутствовали. Они были представлены Тимуру и получили от эмира Шах Малика одежды почета и другие подарки, среди которых была сумка содержащая тысячу пятьсот серебряных таньга. Клавихо не получил ни ответного послания для короля Генриха Кастильского, ни официальной прощальной аудиенции,

хотя ему сказали, что он будет вызван на следующий день один. Вместо этого, его посольство поторопили без особых церемоний, несмотря на его протесты, покинуть Мавераннахр. Тимур лежал смертельно больным, объяснили им. В их же собственных интересах им советовали покинуть страну до того, как будет объявлено о смерти императора. Иначе отнеслись к послам египетского султана Фараджа, которых как-никак считали послами могущественного исламского государства. Фарадж содержал в заключении багдадского султана Ахмад Джалаира и предводителя племени Кара-Коюнлу, Кара Юсуфа. Послы выехали в Египет, снабженные внушительными подарками, с письмом от Тимура длиной в 70 локтей, с изящной каллиграфией и пожеланием, требующим связать султана Ахмада и прислать его вместе с головой Кара Юсуфа.

Как и в других случаях, император пожаловал принцам крови территории, которые еще нужно было покорить. Два сына Шахруха, оба возрастом в десять лет, получили Могулистан до границ Китая; Улугбек, любимый внук, получил Семиречье, северные провинции, а Ибрагим Султан южные — Таримские оазисы. Эти принцы должны были сопровождать старика в походе. Улугбек всю жизнь проявлял глубокий интерес к Китаю. Он направил официальные посольства и дружественные миссии в Китай и украшал Самарканд работами китайских художников. Его дворец, украшенный китайской мозаикой и фресками, был, однако впоследствии разрушен во время одного из набегов узбеков. Другие принцы были назначены командующими армии: Султан-Хусейн командовал левым флангом, а Халил-Султан правым. Принц Пир-Мухаммад Джахангир, двоюродный брат покойного Мухаммад-Султана, был отправлен в свое королевство Газни и взял путь на Кандагар.

Туваджии уже произвели подсчет войск и проверили их силу, туман за туманом, и их снаряжение. Было собрано около 200 тысяч войск. Монгольский историк Мирза Хайдар Дуглат позже утверждал, что армия насчитывала восемьсот тысяч человек с провиантом и кормом на семь лет¹. Здесь были войска из Мавераннахра и великоленные чагатайские отряды; войска из Хорасана и Мазандарана, из Сеистана и Афганистана Кара-Коюнлу, вывезенные из Малой Азии и других мест, а также войска из Азербайджана, Персии и Ирака. Так как Могулистан, страна, расположенная между Мавераннахром и Китаем, была редко на-

селенной и с точки зрения сельского хозяйства плохо обработанной, император уже ранее отправил эмиров в пограничные районы с целью расширения площади обрабатываемой земли. Эмиру Аллахдаду дали задание построить крепость на расстоянии десятидневного марша от Ашпары, чтобы подчинить местные племена и обеспечить базу для отрядов как при наступлении, так и при их возвращении. Позже ему было приказано сконцентрировать усилия на возделывании продовольственных культур и обработке земли, куда он должен был мобилизовать всякого, кто имеет хоть какой-нибудь опыт в этом деле. «Каждый должен уделить все свое внимание заботам в засевании земли и при необходимости каждый должен скорее пропустить свою обычную молитву, чем полевые работы²». Соответственно, «они стремились к увеличению производства их скота и их урожая, и работали, чтобы вернуть жизнь всему тому, что было мертвым, и они трудились неустанно, до тех пор пока лето не свернуло свой ковер».

Предводители десятков, сотен, тысяч и туманов должны были иметь точную информацию о состоянии своих войск. Ни один не должен был отстать из-за отсутствия продовольствия или оружия. Каждый конный солдат должен был иметь продовольствия и снаряжения достаточное для десяти человек. Караван повозок вез дополнительный груз зерна, предназначавшийся для посева при походе за пределами Мавераннахра так, чтобы он мог бы быть собран для питания войск при возвращении из похода. Каждый человек захватил с собой двух молочных коров и десять молочных коз¹, которые должны были обеспечить мясом, когда они перестанут давать молоко. С этой же целью были собраны тысячи верблюдиц. Были пригнаны табуны лошадей для подкрепления кавалерии верховыми лошадьми. Были организованы обозы с оружием и снаряжением, а также с кормом. Имперская казна была поставлена под надзор специальной охраны. Собственный багаж Тимура был погружен на пятьсот повозок.

Имперский штандарт был развернут для похода на Китай, и сам император выступил со своими отрядами спустя неделю после отъезда испанского посла. Клавихо, по-видимому, все еще считал, что хромой Завоеватель находится в преддверии своей смерти, но вместо этого Мавераннахр уже сотрясся от громохання повозок и топота

лошадей, поступи верблюдов и слонов, конных и пеших солдат, рева труб и звона колоколов, все двигалось на восток.

Китайский Император, который все еще ожидал возвращения посла Ана, получил донесение о том, что войска Тимура двинулись на его владение. По слухам они намеревались пройти через Могулистан севернее Тянь-Шаня. Минский император приказал своему главнокомандующему Кансу немедленно начать готовиться к войне.

Но зима спутала все карты, она была в тот год необычайно суровой: сначала пошел дождь, затем подул сильный ветер, наступил суровый холод, и повалил снег. Тимур, дошел до Аксулата, западнее Сыр-Дарьи, и оставался там большую часть декабря. Отсюда Халил был отправлен в Ташкент с войсками правого крыла, а левое крыло во главе с Султан-Хусайном было отправлено в Ясси. Были отданы последние распоряжения губернаторам и чиновникам, назначенным управлять Мавераннахром в период отсутствия императора.

Были решены и некоторые домашние вопросы, включая дело Халил-Султана. Этому внуку, которого старик очень уважал за его военные способности, исполнилось в то время двадцать лет. Он был сыном принцессы Ханзады от ее второго мужа Мираншаха, и следовательно двоюродным братом покойного наследника. Он был послан из Малой Азии на восточные границы для подготовки китайского похода, но затем вернулся в Самарканд для встречи возвращавшегося императора на курултай. Клавихо, который видел его не раз, описал его как «молодого человека около двадцати лет, с чистой кожей и толстым, подобно своему отцу (Мираншаху), кого он напоминал своим лицом». Сейчас, когда ее старший сын был мертв, Ханзада лелеяла надежду, что наследником станет ее любимец Халил.

Он был любезным молодым человеком — даже по стандартам Арабшаха — пользовался любовью в армии, молодым человеком, который «не позорил красоты своей матери ложью или вероломством». Он был щедрым и великодушным, и его солдаты бдительно охраняли его жизнь от превратностей фортуны. Но преданность его солдат не уберегла его от судьбы, в частности от любви. К несчастью его возлюбленная была женщиной низкого ранга, Шади-

Мульк, одна из наложниц гарема Шайха Сайф аль-дина. Эта страсть настолько увлекла юного принца, что он женился на девушке, когда Тимур находился в походе на запад.

Одна из других жен Халила, принцесса королевских кровей, которая была в то время беременной, из ревности, сообщила императору об этом по его возвращении в Самарканд. Тимур приказал арестовать девушку, но Халил спрятал ее. Это привело в бешенство старика, и он приказал искать ее. Шади-Мульк нашли и должны были предать смерти, но благодаря заступничеству Пир-Мухаммад Джахангира, исполнение приговора отложили. Когда старый император прибыл в Аксулат, он услышал, что Халил все еще держит девушку при себе. Шади-Мульк была вновь схвачена. Но на этот раз на ее защиту стала императрица Сарай-Мульк, которую привез Халил. Старая дама была так взволнована отчаянием принца, что добилась поддержки великих эмиров Нуральдина и Шах Малика. По ее поручению они сообщили Сахиб Кирану, Властителю благоприятных созвездий, что Шади-Мульк ждет ребенка от Халила. Ее жизнь пощадили. Ее посадили под опеку одной из королев до рождения ребенка, после которых ее должны были отдать под заботу евнухов. Халилу было приказано идти с войсками на Ташкент.

Император стремился как можно скорее пройти безлюдные районы и не мог допускать никаких оттяжек в таком опасном предприятии, протяженностью в четыре тысячи миль. Несмотря на суровую погоду он покинул Аксулат в конце декабря и двинулся к Сыр-Дарье с главным корпусом армии. Холод усиливался день ото дня. Были отморожены носы и уши, затем последовали руки и ноги. Люди и лошади выдержали, но холод не отступал. Черное облако покрыло все небо, снег как белое одеяло покрыл всю землю. Каждый день старик получал донесения об условиях воды, продовольствия и дороги. Он рвался вперед. В тот год от декабря до февраля все броды через Аму-Дарью и Сыр-Дарью были скованы льдом, и войска могли перейти по льду, где угодно. Они должны были рыть два или три локтя во льду, чтобы добраться до воды. Пройдя реку, войска двинулись вперед. Старик хотел опередить зиму. Но это ему не удалось.

Зима началась такая, что когда человек дышал, говорит

Арабшах, его дыхание застывало на его бороде и усах; когда он плевал, ледяной камень падал на землю. «Ветер затруднял дыхание человека, он подавлял его дух и замораживал его на лошади, а также на верблюде, до тех пор пока не разрушал все его мягкие части тела. Поэтому многие погибли в его армии, вельможи и чернь одинаково, и зима погубила больших и малых среди них. Но Тимур не думал о мертвых и не печалился о тех, кто погиб». Старик сам в своих хорошо оборудованных носилках очень страдал от холода.

Они достигли Отрара, находившегося на расстоянии почти двести пятидесяти миль от Самарканда, в середине января. Эта была станция для караванов, идущих из Китая по семиреченской дороге. Тимур с принцами и эмирами разместился во дворце эмира Берды-бека, правителя Отрара. Небо от горизонта до горизонта было все еще темным от снега. Степь, которая ранней весной утопала в тюльпанах, была скована льдом. Вперед были отправлены разведчики, которые должны были исследовать условия пути. Они доложили, что впереди лежит снег на глубину двух копий, и дорога непроходима.

Вскоре, после размещения двора и армии в Отраре, прибыли послы от Тохтамыша, бывшего некогда хана Золотой Орды, первого протеже и соперника Сахиб Кирана. После своего поражения и конфликта в Золотой Орде, он долгое время бродил по кипчакским степям. Тимур оказал солидный прием послам, распорядившись, чтобы на нем присутствовали многие князья из Азии, включая Тайзи-оглана, монгольского князя. В послании Тохтамыша говорилось: «Я пострадал от наказания, которого я заслужил своей неблагодарностью. Мое вероломство стало причиной моего нынешнего печального положения, где моим единственным утешением является надежда заслужить ваше прощение... Если я буду прощен, моя голова никогда не покинет ярма покорности, а нога не сойдет с пути послушания».

Послам был дан ответ, что по возвращении императора из Китая, он с божьей помощью, вернет улус Джучи Тохтамышу.

Несмотря на старания воинов предохранить Сахиб Кирана от холода, старик не мог согреться. Во дворе Отрар были зажжены огни. Угол одного из верхних этажей охватил огонь в день приезда Тимура. Огонь вскоре был

потушен, но многим важным особам двора этот случай показался как зловещее предзнаменование. Они очень страдали от превратностей погоды, и некоторые недавно жаловались на плохие сны. Они обратились к Тимуру смягчить ограничения и объявить о проведении празднеств. Император исполнил эту просьбу.

Пиршества продолжались в течение трех дней. Тимур приказывал подавать еще и еще вина, острых напитков и специй, чтобы согреть себя. От вина он перешел к спиртным напиткам. Но он не притронулся к еде. Он заболел воспалением желудка и кишечника. Окружавшие говорили, что его запой является последствием болезней. Он продолжал пить, но это только усиливало его страдания. Доктора прикладывали лед к голове и животу. С ними был и самый искусный из придворных врачей, Маулана Фадл из Тавриза. Но ни он, ни другие со всеми их лекарствами, не могли повлиять на ход болезни. Болезнь усиливалась и вызвала в свою очередь другие.

Старый император, слабый и разбитый, говорил: «Я попробовал удовольствия пьянства; но удовольствия мира ничего не значат по сравнению с его страданиями. Тот, кто заканчивает во власти этих страданий, заканчивает в пламени огня»³. Хроникеры говорят, что в лихорадочном состоянии Тимур думал, что он слышит гурий рая, которые говорили ему сделать епитимью перед всемогущим. Он продолжал спрашивать о состоянии армии и расположении войск, но наконец, император понял, что болезнь сильнее лекарств.

В один из моментов, неспособный говорить, он поднял два пальца, высказывая взглядом, что он желает, чтобы эмиры собравшиеся вокруг него разъяснили смысл этого жеста⁴. Кто-то сказал, что этот жест означает, что имеется здоровье... тогда старик, своим голосом, который вновь вернулся, сказал; нет, через два дня его не будет среди них... Тимур попросил докторов рассказать ему откровенно всю правду о его состоянии. Доктора ответили, что полагаясь на милость бога, они надеются, что сеть Создателя пощадит его и их на многие годы, но согласно правилам медицинской науки, случится так, как сказал император⁵.

Тимур объявил о своей воле: «Я вижу, что моя душа скоро покинет мое тело. Не оплакивайте моей смерти,

я прошу вас, так как это уже ничем не поможет. Никогда нельзя было отпугнуть смерть слезами. Вместо того, чтобы рвать ваши одежды и оплакивать, просите бога простить меня: говорите Аллах Всемогуший и повторяйте коран, чтобы дать утешение моей душе. Точно также как я принес хорошие законы и порядок на территории Ирана и Турана, так что великий не осмелится угнетать бедного, так я надеюсь что бог простит мне мои грехи, которых у меня много...

Я объявляю и желаю, чтобы Пир-Мухаммад, сын Джахангира, должен быть моим наследником, законным наследником империи. Он должен держать под своей властью трон Самарканда со всей суверенностью и независимостью, он должен управлять империей, армией, и странами, находящимися под моим правлением.

Я приказываю вам повиноваться ему и служить ему, жертвовать вашими жизнями для поддержания его полной власти, так чтобы мир не мог впасть в беспорядок, и работа, которой я отдал так много лет жизни, не пропала... Если вы будете едины, никто не осмелится противиться вам, не осмелится расставлять ни малейших препятствий на пути осуществления моих желаний».

Император приказал всем эмирам и владыкам двора, начальникам армии прибыть и произнести в его отсутствие торжественную присягу, выполнить все его приказы. Он направил приказ всем эмирам и начальникам, которые не могли присутствовать, принять ту же присягу. Эмиры спросили его, нужно ли направить приказы в Ташкент, чтобы вызвать Халила и эмиров, находившихся с ним, но старик ответил, что время не терпит, те кто отсутствуют не смогут прибыть вовремя; он будет ждать судного дня для того, чтобы встретиться с ними опять... Дамы и принцы, находившиеся в передней, услышав его слова, начали причитать.

Тимур повернулся к принцам, находившимся при нем и повторил: помните, что я вам сказал об отношении к народу. Будьте твердыми и храбрыми. Держите меч в руках с доблестью. Я очистил территории Ирана и Турана от врагов и нарушителей мира, дал им справедливость и благосостояние. Если вы исполните мое завещание, корона и королевства останутся в ваших руках.

После этого болезнь усилилась. Маулана читал коран в углу комнаты. Наступила ночь. Был прочитан хуитаи

и Тимур смог произнести несколько раз: «Лаху илла Аллах» — «Нет бога кроме Бога».

Рука смерти дала ему свою чашу испытать ее... Это случилось в ночь на 18 февраля 1405 г., год Обезьяны, на равнинах Отрара близ Сыр-Дарьи.

ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ ТИМУРА

- 1336 г. Рождение Тимура. Шахрисабз, долина р. Кашкадарья.
- 1346 г. Эмир Казаган свергает Казанхана.
- 1358 г. Убийство эмира Казагана.
- Хан Могулистана Туглук-Тимур вторгается в Мавераннахр.
- 1360 г. Тимур поступает на службу Туглук-Тимуру. Туглук-Тимур назначает своего сына Ильяс-ходжу правителем Мавераннахра. Тимур порывает с ханом Могулистана и присоединяется к эмиру Балха Хусейну.
- 1362 г. Бегство Тимура и Хусейна в пустыню. Ильяс-ходжа наследует трон отца в Могулистане и становится ханом. Тимур женится на сестре Хусейна Олжай-Туркан-ага. Ранение Тимура. Тимур и Хусейн наносят поражение Ильяс-ходже и вытесняют его из Мавераннахра.
- 1365 г. Вторжение Ильяс-ходжи в Мавераннахр. Битва в гряды. Поражение Тимура и Хусейна, их бегство. Оборона Самарканда сарбадарами, поражение и отступление Ильяс-ходжи.
- 1366 г. Тимур и Хусейн захватывают руководителей сарбадаров и Самарканд. Четыре года вражды между Тимуром и Хусейном. Убийство Ильяс-ходжи в Могулистане. Камарэтдин, его соперник становится правителем Могулистана. Смерть жены Тимура — Олжай-Туркан-ага.
- 1368 г. В Китае свергнута юанская династия, к власти приходит минская династия.
- 1370 г. Тимур наносит поражение Хусейну в Балхе. Убийство Хусейна. На курултае в Балхе Тимур провозглашен правителем Мавераннахра. Тимур женится на вдове Хусейна, Сарай-Мульк-ханум, дочери Казанхана.
- 1372 г. Тимур организует экспедицию против династии Суфи в Хорезме. Захват Кята. Достижение соглашения с Суфи, они обещают принцессу чингизидов Хан-зада выдать за-

- муж за сына Тимура Джахангира. Принцесса не является.
- 1373 г. Вторая экспедиция против Хорезма. Хан-зада прибывает.
- 1374 г. Свадьба Джахангира и Хан-зады, внушки Узбекхана. Поход на Могулистан против джеттов отложен в связи с тяжелой зимой.
- 1375 г. Поход на Могулистан. Бегство Камарэтдина. Его ставки и гарем захвачены. Тимур женится на Дилшад-ага, дочери Камаретдина. Возвращение в Самарканд. Рождение сына Джахангира и Хан-зады — Мухаммад-Султана. Смерть Джахангира, старшего сына Тимура. Хан-зада становится женой младшего сына Тимура — Мираншаха.
- 1376 г. Тимур разгоняет племя джалаилов, поднявшее восстание. Тимур оказывает поддержку Тохтамышу, беглому наследнику из Белой Орды. Тохтамыш терпит поражение от своих соперников.
- 1377 г. Тохтамыш получает новую поддержку от Тимура и вновь терпит поражение.
- 1378 г. Вновь Тимур снаряжает Тохтамыша. Тохтамыш добивается успеха и становится ханом Белой Орды.
- 1379 г. Второй поход против Хорезма. Захват Ургенча, ученые и ремесленники отправлены в Шахрисябз. Князь Карта и Герата, вызван к Тимуру, чтобы засвидетельствовать почтение.
- 1380 г. Битва на Куликовом поле. Московский князь Дмитрий Донской наносит поражение эмиру Золотой Орды Мамаю. Битва на Калке. Тохтамыш наносит поражение Мамаю и становится ханом объединенной Золотой Орды (Золотой и Белой). Мираншах провозглашен правителем Хорасана.
- 1381 г. Поход на Хорасан. Князь Карта и Герата сдается Тимуру без сопротивления. Городская казна захвачена. Тимур возвращается в Самарканд. Двор проводит зиму близ Бухары.
- 1382 г. Поход на Мазандаран. Все прикаспийские княжества подчиняются Тимуру. Тимур проводит зиму близ Самарканда.
- 1383 г. Поход на Могулистан. Камарэтдин вновь спасается от плена. Восстание в Хорасане. Поход на Хорасан. Захват Исфиджара.
- 1384 г. Сеистан захвачен и разорен. Зарандж, столица, захваче-

- на и разрушена. Кандагар взят штурмом. Султан Ахмад Джалаир спасается бегством, Тимур захватывает Султанию. Возвращение Тимура в Самарканд. Тимуру подчинены Мавераннахр, Хорасан, Афганистан, Сеистан, и Мазандаран вплоть до Султании.
- 1385 г. Тохтамыш, хан Золотой Орды, грабит Табриз. Трехлетняя кампания в Персию (владения хулагидов). Взятие Табриза, правители провинции капитулируют. Первый поход в Грузию. Тифлис взят штурмом. Зима: мелкие стычки с отрядами Тохтамыша в Дербентском регионе.
- 1387 г. Борьба Тимура против туркменов Кара-Коюнлу, союзников султана Ахмада Джалаира. Захват армянских крепостей. Поход против Музаффаридов, правителей юго-западной Персии. Исфаган предан мечу после восстания горожан. Фарс покоряется Тимуру. Капитуляция Шираза, Музаффариды становятся вассалами Тимура. Тохтамыш при поддержке правителей Хорезма нападает на Мавераннахр, наносит поражение сыну Тимура Умар-Шайху, осаждает Бухару, грабит оазисы, сжигает дворец Чагатая в Кашкадарье. Тимур возвращается в Мавераннахр. Тохтамыш отходит за Сыр-Дарью.
- 1388 г. Карательная экспедиция против Хорезма. Ургенч сражен с землей. Тохтамыш вновь нападает на Мавераннахр с северо-востока и отступает.
- 1389 г. Хизр-ходжа (сын Туглук-Тимура) изгоняет Камаретдина и провозглашается ханом Могулистана. Тимур начинает новый поход на Могулистан; Хизр-ходжа разгромлен и вынужден бежать. Тимур празднует победу в Юлдузе (Тянь-Шань). Камаретдин пытается восстановить свою власть. Восстание в Хорасане подавлено Мираншахом.
- 1390 г. Поход против Камаретдина, который бежит за Иртыш и спустя три года исчезает. Хизр-ходжа заключает мир с Тимуром. Зима: Тимур со своей ордой проводит зиму близ Ташкента.
- 1391 г. Январь: Тимур двинулся на север. Форсирует Тобол и поворачивает на запад, переходит реку Урал. Середина июня: вступает в контакт с Тохтамышем и Золотой Ордой. Битва у Кундузча. Поражение и бегство Тохтамыша. Победные торжества на берегу Волги. Зимовка близ Ташкента.
- 1392 г. Тимур возвращается в Самарканд. Май: выступление в поход на запад в пятнадцатую кампанию. Карательные

- 1393 г. экспедиции против Мазандарана и курдов. Вторая кампания против Грузии. Музаффаридский предводитель Шах Мансур разгромлен после ожесточенного сопротивления. Шираз захвачен во второй раз. Багдад покоряется Тимуру. После сильного сопротивления взята крепость Такрит. Взята Басра, близ Персидского залива. Смерть Умар-Шайха. Войска Тимура в тяжелых условиях из-за зимних ветров и дождей. Султан Баркук Египта и Сирии предоставляет убежище султану Ахмад Джалаиру, отвергает предложения Тимура и казнит посла Тимура.
- 1394 г. Весна: Тимур возобновляет штурм Мардина. Союз между Тохтамышем и Баркуком. Баркук собирает силы и движется на север, на Дамаск. Султан Ахмад восстановлен в Багдаде. Тимур движется на Армению, поход против Кара-Коюнду. Баркук движется на Алеппо. Тимур переходит на зимние квартиры. Ноябрь: Баркук, уверенный, что Тимур возвращается домой, уходит в Египет. Стойки с Тохтамышем на Кавказе.
- 1395 г. Апрель: битва на Тереке. Разгром войск Тохтамыша; Золотая Орда рушится. Войска Тимура опустошают приволжские регионы, разрушение Таны, Астрахани и Сарая. Август: войска Тимура достигают Ельца и возвращаются на юг. Тяжелая зима: войска в бедственном состоянии.
- 1396 г. Весна: наступление на Грузию. Лето: Возвращение в Самарканд. Население освобождается от налогов на три года. Сооружение дворцов и садов, украшение Самарканда. Битва при Никополи: османский султан Баязид наносит поражение войскам крестоносцев.
- 1397 г. Тимур у Ташкента ожидает могольскую невесту, дочь Хизр-ходжи, и готовится к восточному походу. Осень: отправка Пир-Мухаммад Джахангира на юг в Пенджаб.
- 1398 г. Весна: Тимур возвращается с Сыр-Дарьи в Самарканд. Март: Тимур с армией движется на юг и проходит Гиндукуш, достигает Кабула. Архиепископ Иоанн назначен в Султанию. Октябрь: Султан пал после шестимесячной осады. Декабрь: падение и разграбление Дели.
- 1399 г. Тимур возвращается домой по северным склонам Гиндукуша. Май: Тимур возвращается в Самарканд. Начало строительства соборной мечети. Смерть египетского султана Баркука. Октябрь: семилетний поход на запад. Смещение Мираншаха. Султан Ахмад Джалаир бежит к султану Баязиту. Новости о смерти императора Мин в

- Китае. Тимур зимует в Карабахе. Кампания по истреблению грузин.
- 1400 г. Лето: захват Сиваша. Октябрь: падение Алеппо (Сирия)
- 1401 г. Январь: Дамаск пал и опустошен. Март: Тимур возвращается на север. Лето: Багдад взят штурмом и опустошен. Зимние квартиры в Карабахе. Переговоры с Византией и другими западными державами.
- 1402 г. Февраль: войны Тимура движутся на запад. Из Самарканда прибывает подкрепление под началом наследника Мухаммад Султана. Сиваш — смотр войскам Тимура. Июль: Битва при Анкаре; разгром оттоманских войск, захват в плен султана Баязита. Декабрь: Смирна (крепость рыцарей ордена Св. Иоанна) осаждена и разграблена.
- 1403 г. Возвращение на восток через Анатолию. Март: смерть Баязита в плену и наследника Мухаммад-Султана. Абду-Бакр, сын Мираншаха, отвоевывает Багдад у племен Кара-коюнлу. Осень: достижение соглашения с грузинами. Зима: Карабах.
- 1404 г. Весна: возвращение в Самарканд через Мазандаран. Август: прибытие в Самарканд; прибытие испанского посольства во главе с Клавихо. Развертывание строительных работ в Самарканде. Сентябрь: курултай в Кани-Гиле. Сентябрь: освящение мавзолея Мухаммад-Султана в Самарканде. Начало похода на Китай.
- 1405 г. Середина января: прибытие в Оtrar. 18 февраля: смерть Тимура.
-

ИСТОЧНИКИ

В состав двора Тимура входили ученые и секретари, которые сопровождали его всюду. Секретари писали или на персидском, или на тюрко-чагатайском (т. е. узбекском языке — Г. Х.), используя уйгурский алфавит. Они вели записи походов Тимура и событий, связанных с его правлением. Записи передавались ученым, которые переписывали их в литературной форме. Затем их прочитывали Тимуру и редактировали до тех пор пока они не удовлетворяли его.

Тюркские записи на уйгурском алфавите были сделаны в виде стихотворных хроник, которые видимо не сохранились в их оригинальной форме. Однако они имеются в работах историков, которые пользовались ими.

Сохранились две оригинальные работы на персидском. Одна из них — дневник индийского похода, написанный Гияс-эт-дин Али. Он либо участвовал в походе, либо написал дневник по рассказам очевидца, вскоре после окончания похода. Работа написана в стиле, считавшемся в то время элегантным — насыщенная стихами и благочестивыми восклицаниями. Этот стиль, однако, Тимуру не нравился.

Вторая принадлежит Низам-эт-дину Шами. Низам был ученым из Табриза, который жил в Багдаде в 1393 г., когда город покорился Тимуру. Он был одним из первых, кто явился к Тимуру, чтобы выразить свое почтение и уважение. Во время сирийской кампании он был в Алеппо (1401 г.) и следующий год Тимур пригласив его к себе, попросил написать историю его правления. В предисловии Низам писал, что Тимур приказал ему пересмотреть и придать соответствующую форму записи его секретарей; его предупредили также избегать использовать витиеватый стиль, который мог понять лишь один из ста. Низам использовал персидский. Он завершил работу и представил Сахиб Кирану весной 1404 г. перед возвращением двора в Самарканд. Тимур приказал изготовить еще одну копию для внука Умара, которого он назначил правителем Табриза и дать работе название Зафар-наме — т. е. Книга Побед.

Раздел об индийской кампании в Зафар-наме близок по содержанию дневнику Гияс-эт-дина Али, за исключением некоторых пышных фраз, которые были опущены. Можно полагать, что история Низама в равной мере следует строгому тексту записей, над которыми он работал.

После смерти Тимура междоусобная борьба, происшед-

шая при Халил-Султане, окончилась утверждением власти набожного Шахруха. При его дворе, а также при его сыновьях, ученым продолжали оказывать покровительство. Одним из таких ученых был Шараф-эт-дин Язди из Язда в южной Персии. Ибрагим-Султан сын Шахруха и правитель Фарса собрал вместе все записи о правлении его деда, добавив к ним многие сведения свидетелей. Эти материалы, которые включали и уйгурские хроники, были переданы Шарафу для придания им литературной формы. В результате была представлена работа, которая расценивалась как образцовая литературная и историческая композиция, notwithstanding поэтическую цветистость и преувеличение мусульманской набожности Тимура, она является самой полезной и всеобъемлющей из придворных историй. Она была завершена в 1425 г. и как и труд Низама была названа — Зафар-наме.

С нее было сделано много копий. Одна из копий, сделанная в 1467 г., была позже иллюстрирована миниатюристом Бехзадом (Шараф впоследствии был замешан в заговор против Шахруха, но спасся лишь благодаря вмешательству Улугбека, который пригласил его в Самарканд). Перевод работы, сделанный Пети де ла Крюа во время правления Людовика XIV, лишен поэзии и страдает неточностями.

Эти истории могут быть дополнены большим числом других работ придворных историков Тимура, многие из которых были написаны вскоре после его смерти. К ним следует отнести такие как Тарих-и-Хайрат (Хроника изумительных вещей) Мусави.

Хафиз-и-Абру, например, был придворным ученым Тимура в последние годы его правления. Он сопровождал его в походах и был близок к нему, являясь его постоянным партнером в шахматах. Хафиз стал придворным историком Шахруха в Герате и написал Зубдат аль-таварих (Сливки летописей) в 1423—1424. Это была мировая история, написанная простым стилем, где один раздел был посвящен Тимуру.

Позднее Абдураззак Самарканди, также из двора Шахруха, написал историю, названную Матлаиус Садайн (Заря Двух благоприятных Планет), которая представляет историю Мавераннахра и Персии от рождения ильхана Абу Саида до смерти внука Тимура также по имени Абу Саид. Эта история была основана в значительной мере на работе Хафиз-и-Абру. В 1444 г. Абдураззак был отправлен с миссией в Индию, несчастливый опыт которой он

также оставил в записях. Он умер в 1482 г.

Во второй половине пятнадцатого столетия все упомянутые работы были использованы Мирхондом (также из Герата), чтобы написать мировую историю, озаглавленную Раудат аль-Сафа (Сад чистоты). Шестой том посвящен Тимуру и его наследникам. Работа была сокращена и обновлена его внуком Хандомиром.

Из других сохранившихся источников о различных сторонах правления Тимура следует отметить Хронику Муин аль-дин Натанзи, написанную в первой половине пятнадцатого столетия. Муин аль-дин служил при дворе Искандара, сына Умар-Шайха и поэтому склоняется больше к этой стороне ветви тимуридов. Он написал общую историю, с главой о Тимуре, в начале пятнадцатого столетия и очевидно имел доступ, как и Хафиз-и-Абру, к тюрским источникам в дополнение к тем, которые были использованы Шариф эт-дином Язди. Но все же еще предстоит опубликовать многие важные записи.

Все эти работы носили официальный или полуофициальный характер и все насыщены в большей или меньшей степени лестью в отношении хозяина. Столь же тенденциозными являются истории ученых враждебных Тимуру, особенно из стран, покоренных Тимуром в сирийском и турецком походах. Эти работы подтверждают, однако, произведения придворных историков, и разница между ними, обычно, выражается в позиции и деталях, но не в сути.

Из враждебных источников наиболее важной представляется работа Ибн Арабшаха, который был взят в плен в Дамаске еще мальчиком и был увезен в Самарканд. Затем он учился и много путешествовал и на какое-то время стал секретарем османского султана Мухаммада I. Он умер в Каире в 1450 г. Его, история, написанная в рифмованной арабской прозе, богата фактами, особенно та часть, которая относится к последнему периоду жизни Тимура и событиям последовавшим после его смерти. Несмотря на злобу, работа Арабшаха содержит много трезвых рассуждений.

Сохранились также рассказы о необычайных приключениях Шильтбергера из Баварии. Он вышел в крестовый поход как сквайр, т. е. как оруженосец. Его князь был убит в Никополи, он был захвачен в плен и стал рабом османского султана Баязита. Шильтбергер был включен в состав отряда, отправленного в поддержку султана Фараджа в Каир. Вскоре он вернулся, но после поражения Баязита

при Анкаре он стал вновь рабом, теперь уже Тимура, а затем, после его смерти, служил его сыну, внуку, пока не бежал в Баварию. Его рассказ, вероятно записанный для него; является смесью искаженных воспоминаний и бытовых сплетен; это субъективный, но важный документ, который представляет точку зрения прямо противоположную позиции придворных историков.

Кастильский посол Рюи Гонзалес Клавихо оставил прекрасный нейтральный рассказ о дворе Тимура и его походах. Его посольство последовало за победоносной армией Тимура от Малой Азии до Самарканда. Клавихо был в стольном городе в дни победных празднеств, а также накануне выступления его армии в поход на Китай. Клавихо описал также много событий, известных нам из официальных историй и от Арабшаха.

Ибн Халдун, арабский историк и философ, оставил рассказ о его встречах с Тимуром в Дамаске в 1401 г. в заключительной главе его автобиографии. Ибн Халдун тщательно избегал говорить о причине доверия Тимура к нему.

Архиепископ Султании Иоанн был представлен двору Тимура в 1392 г., а вероятно и раньше, и ему мы обязаны Мемуарами, которые циркулировали при дворе Карла VI в Париже. Архиепископ Иоанн надеялся расширить торговлю с Востоком и не сомневался обратить их народы в христианство.

И все же многие документы, касающиеся частных событий в период правления Тимура, еще ждут публикации, многие из них предстоит перевести, чтобы обеспечить более широкий доступ к ним.

Имеется много работ тринадцатого и четырнадцатого столетий по другим вопросам, которые дают дополнительную информацию. Например, «История Джувейни» о походах Чингиз-хана и Хулагу, «История монгол» Рашид эт-дина, рассказы о путешествиях Карпини, Рубрика, Одерика, Марко Поло и Ибн Баттуты. Произведение Мустауфи из Казвина Нузхат ал Кулуб (Наслаждение Сердца) дает описание Мавераннахра, Персии и Месопотамии во времена рождения Тимура. Потомок Тимура Бабур в его мемуарах описывает Мавераннахр, каким он был менее чем через столетие после смерти Завоевателя. Брат Бабура Мухаммад Хайдар Дуглат написал историю Могулистана, Тарихи-Рашиди, в который включены материалы о походах Тимура.

Так называемая «автобиография» Тимура, частично

переведенная как «Уложения Тимура» в целом оценивается как подделка и не была включена в Библиографию.

Автобиография была «обнаружена» в библиотеке правителя Йемена Мир Абу Талиб Хусейни. Он представил «перевод», который очень был похож на исторический раздел Зафар-Наме Шарафа, монгольскому императору Шах Джахану в 1637 г. Следующие соображения заставляют сомневаться относительно достоверности этой «работы»: такие записи были совершенно неизвестны Низами, Шарафу или кому-либо из непосредственных наследников Тимура. Тимур был неграмотным, и в высшей степени невероятно, чтобы такая автобиография, продиктованная другим, учитывая природу жизни кочевого двора, оставалась бы неведомой его ближайшему придворному окружению. «Автобиография», более того, дает дополнительные подробности из молодости Тимура, которые бы несомненно, при их достоверности, должны были появиться в других придворных историях. Например такой рассказ о том, как в двадцать лет Тимур превзошел знаменитого наездника в искусстве верховой езды! Трудно поверить в обоснованность утверждения маститого востоковеда, который пишет: «Мемуары Тимура (Малфузат) и Уложение (Тузукат) являются работами, подлинность которых не является общепринятой. И все же они представляют огромный интерес и значительную важность, т. к. демонстрируют его идеалы и личность». Если бы «Автобиография» была признана достоверной, ее значение было бы бесценным, если же нет, тогда она станет бесполезной как источник исследования Тимура. Поэтому те работы, которые используют «автобиографию» как один из главных источников, не включены в библиографию.*

* В 1968 г. акад. Ан. УзССР И. Муминов говорил, что вопрос о «Уложении Тимура» можно будет считать окончательно решенным лишь тогда, когда где-нибудь в книгохранилищах мира обнаружится подлинник «Тюзик-и-Тимур». Пока же никто его не видел и трудно поверить в подлинность того, что еще никто не держал в руках.

К главе I

1. J. H. Sanders	Introduction to Tamerlane. by Ibn Arabshah 1936
2. P. Henderson	Christofer Marlow. 1956
3. H. A. L. Fisher	History of Europe 1935
4. Ibn Khaldun	Muqaddimah (quoted by B. Lewis Bulletin of the School of Oriental and African Studies 1957
5. A. J. Toynbee	Study of History 1935—9
6. A. J. Toynbee	Bulletin of the School of Oriental and African Studies. vol. 111 1923-5
7. H. A. L. Fisher	History of Europe 1935
8. Гиясаддин	Дневник похода Тимура в Индию. М. 1958 г.
9. Низамаддин Шами	Зафар-наме
10. Мусави	Тарихи Хайрат
11. Шарафаддин Язди	Зафар-наме
12. Хафизи Абру	Зубдат аль-Таварих
13. Абдель Раззак	Матла ал-садайн
14. Мирхонд	Рауда аль-Сафа
15. Ибн Арабшах	Тамерлан
16. Ибн Халдун	Мукаддима
17. Clavijo	Embassy
18. Schiltberger	Bondage
19. Archbishop John	Memoirs

К главе II

1. P. Sykes	The Quest for Cathay, 1936
2. L. Woolley	The Sumerians, 1928
3. С. П. Толстов	Древний Хорезм. М. 1948 г.
4. P. Sykes	The Quest for Cathay, 1936
5. С. П. Толстов	Древний Хорезм. М. 1948 г.
6. Arrian	Life of Alexander Great, 1958
7. В. Виткович	Советский Узбекистан. 1954.
8. В. В. Бартольд	Четыре исследования. 1956
9. O. Lattimore	Inner Asia Frontiers of China, 1940
10. E. H. Parker	A Thousand Years of Tatars, 1926
11. J. Needham	Science and Civilisation in China, 1954
12. P. Sykes	The Quest for Cathay, 1936
13. A. Stein	The Innermost Asia, 1925
14. F. H. Skrine and E. D. Ross	The Heart of Asia, 1899
15. С. П. Толстов	Двадцать лет работы хорезмской экспедиции. 1957.

16. Travels of Fa-Hsien:
tr. Giles, 1923
17. Life of Hiuen-Tsiang,
1923
16. Travels of Fa-Hsien:
tr. Giles, 1923
17. Life of Hiuen-Tsiang
(Hsuang-tsang), tr. Beal,
1911
18. Hsuang-tsang Buddhist
Records of the Western
World, tr. Beal 1890
19. А. К. Рождественский
20. E. D. Ross
21. E. Gibbon
22. P. K. Hitti
23. G. L. Strange
24. Ibid.
25. bid.
26. В. В. Бартольд
27. В. В. Бартольд
28. B. Lewis
29. Utbi, the Indian hesto-
rian
30. Yahia bin Ahmad Sir-
hindi Tarihi Mybarakshah,
tr. Basu
31. Название «Китай» в
течение длительного пе-
риода применялось к се-
верному Китаю и иногда
ко всему Китаю. Китай и
до сих пор остается рус-
ским названием Китая.
32. В. В. Бартольд
33. В. Владимирцев
34. В. В. Бартольд
35. Juvaini
- Открытия в Гоби. 1958 г.
- The Orkhon Inscriptions. Bulletin of the
School of Oriental and African Studies.
1928—30
- Decline and fall of the Roman Empire
- History of Arabs, 1951.
- Lands of the Eastern Califate, 1905
- Туркестан под владычеством монголов.
1928 г.
- Тезисы диссертации. 1900
- The Arabs in History. 1950
- Четыре исследования.
- Общественное устройство монголов. 1948 г.
- Туркестан
- Tarihi Jahan-Gusha; History of World
Conqueror, tr. Boyle

К главе III

1. Chang- un	The Travels of an Alchemist. Tr. Waley
2. Nizamaddin Shami	Zafar-Nama
3. Mongol Calendar, ..	see p. 66
4. P. Pelliot	History. Secrete des Mongols, 1949; and
A. Z. V. Togan 1949.
5. Clavigo	Embassy
6. Ibn Arabshah	Tamerlane
7. Ibid. and Ibn Taghri
Birdi	History of Egypt, tr. Popper
8. Тимур был распростра-
ненным именем в Средней
Азии; Туглук-Тимур не
имел родственных отноше-
ний с Тимурланом.	
9. М. Герасимов	Как человек выглядел в прошлом 1961 г.
10. Sharafaddin Yazdi	Zafar-Name
11. E. G. Browne	Leterary History of Persia, 1920 г.
12. Sharafaddin Yazdi	Zafar-Name
13. bdal Razzak	Matla al-sadayn
14. А. Якубовский	Тимур, 1946 г.
15. Ibn Taghri Birdi	History of Egypt
16. В. В. Бартольд	Улугбек
17. Nizamaddin Shami	Zafar-Name
18. Sharafaddin Yazdi	Zafar-Name

К главе IV

1. Clavijo	Embassy
2. Carpini	tr. Rockhill
3. Ibn Khaldun and Tam-
burlaine, tr. Fischel	
4. Juvaini	Tarihi Jahan-Gusha: istory of World
Conqueror tr. Boyle
5. A. N. Poliak:	Bulletin of the School of Oriental and
African Studies. 1940—42
6. Babur	Memoirs tr. Erskine and Leyden
7. Minovi and Minorski	Bulletin of the School of Oriental and
African Studies 1940—1942
8. Ibn Battuta	Voyges
9. И. П. Петрушевский	Вопросы истории. 1947 г.

10. Abdal-Razzak	Matla al-sadayn
11. R. Partington	History of Greek Fire and Gunpowder, 1960
12. E. Razin	History of the Art of War. Vol. 11, 1940
13. Carpini	
14. Archbishop John	Memoirs
15. Clavijo	Embassy
16. [ibid.	
17. E. Schyler	Turkestan 876
18. V. V. Barthold	History des Turcs d Asie Centrale.
19. Juvaini	Tarihi Jahan Gusha
20. Carpini	
21. T. G. Winner	Oral Art and Literature of the Kazakhs, 957
22. Elliot	History of India as told by Its Own Historians 1872
23. Clavijo	
24. Ibn Arabshah	Tamerlaine
25. Rubruck	tr. Rockhill 1900
26. Archbishop John	Memoirs
27. E. G. Browne	Literary History of Persia, 1920
28. V. V. Barthold	Four Studies
29. М. М. Герасимов	Как человек выглядел в прошлом 1961 г.
30. Ibn Khaldun and Tamerlaine (see W. J. Fischel's Notes)	
31. А. Якубовский	Самарканд во времена Тимура и тимуридов, 1933 г.
32. Archbishop John	Memoirs
33. B. Lewis	The Arabs History, 1950
34. Hafizi Abru	Zubdat al Tavarikh
35. Ibn Arabshah	
36. М. М. Герасимов	Портрет Тамерлана 1947 г.

Главе V

1. Dughlat: Tarikhi-Rashidi	
2. Перевод монгольских названий взят у Бартольда В. В. «История Семиречья»	
3. Pegholotti:	Merchants Handbook tr. Yule

4. E. G. Browne	Literary History of Persia.
5. С. П. Толстов	Двадцать лет работы хорезмской экспедиции. 1957
6. R. Haklut	Voyages
7. Ibn Arabshah	Tamerlane

К главе VI

1. Juvaine	Tarikhi Jahan-Gusha.
2. Ibid.	
3. See p. 37.	
4. Juvaini	Tarikhi Jahan-Gusha
5. B. Lewis	The Arabs in History
6. Ohsson	History des Mongols.
7. E. G. Browne	Literary History of Persia
8. Mustawfi Qazwini	Nuzhat al- ulud
9. W. Heyd	Commerce du Levant au Moyen Age, 1936
10. See p.40	
11. A. K. Lambton	Landlord and Peasant in Parsia, 1953.
12. G. Le Strange	Lands of the Eastern Caliphate, 1905
13. Mustawfi Qazwini	Nuzhat al- ulub
14. Ibn Arabshah	Tamerlaine
15. Juvaini	Tarikhi Jahan-Gusha
16. Мусульмане предпочитают набегать прямого упоминания смерти. Архангел Израил согласно мусульманским преданиям является ангелом смерти.	
17. А. Якубовский	Тимур
18. Mustawfi Qazwini	Nuzhat al-Qulub
19. Sharafaddin Yazdi	Zafar-Name
20. V. Minorski	Bulletin of the School of Oriental and African Studies, 1955
21. Sharafaddin Yazdi	Zafar-Name
22. V. Minorski	Bulletin of the School of Oriental and African Studies, 1955
23. Ibid.	
24. Ibn Arabshah	Tamerlaine
25. Ibid.	
26. ulatshah	Memoirs of the Poets ed. E. G. Browne

К главе VII

1. W. Heyd	Commerce du Levant, 1923
2. F. V. Ballo	Old and New Saray, 1923
3. Nizamaddin Shami	Zafar-Name
4. Ibid.	
5. См. стр. 108	
6. См. стр. 94	
7. Sharafaddin Yazdi	Zafar-Name
8. Ibn Arabshah	Tamerlane

К главе VIII

1. G. Le Strange	Lands of the Eastern Caliphate
2. Sharafaddin Yazdi	Zafar-Name
3. Ibn Taghri Birdi	History of Egypt tr. Popper
4. Nizam al-din Shami	Zafar-Name
5. Clavijo	Embassy
6. W. Heyd	Commerce du Levant, 1923
7. В. В. Григорьев	Четыре года археологических работ в развалинах Сарая. 1847 г.
8. Al-Omari, quoted by G. Le Strange, and Ibn Battuta	Voyages

К главе IX

1. M. Minovi and V. Minorsky	Nasir al din Tusi on Finance». Bulletin of the School of Oriental and African Studies» 1940—42
2. Ibn Arabshah	Tamerlaine
3. E. Bretschneider	Medieval Researches, 1888
4. Ibn Arabshah	Tamerlaine
5. Ibid.	
6. Clavijo	Embassy
7. V. V. Barthold	Turkestan
8. Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель	Архитектурные памятники Узбекистана 1958.
9. Chang-Chun	Travels of Alchemist, tr. Waley
10. Clavijo	Embassy
11. Ibid.	
12. I. Stchoukine	Les Peintures des Manuscrits Timurides.

13. Ibn Arabshah
14. I. Stchoukine
15. А. Якубовский
16. Clavijo

1954
Tamerlaines
op. cit.
Самарканд во времена Тимура и тимури-
дов. 1933.
Embassy

К главе X

1. Согласно У. Эркину,
переводчику Бабур-Наме.
 2. Yahiya bin Sirhindi,
tr. Basu
 3. Ibn Arabshah
 4. Gibbon
 5. Ibn Arabshah
 6. Гиясэддин Али
 7. Yahiya bin Ahmad
Sirhindi
 8. Gibbon
 9. Hafizi Abru
 10. Хинду Шах был пред-
ком историка Фаришты
 11. Pero Tafur
- Tamerlaine
Decline and Fall
Tamerlaine
Дневник индийского похода. (Согласно
Язды сорок тысяч нехоты)
Tarihi Mubarakshah tr. Basu
Tarikhi Jahan- usha
Zubdat al-Tavarikh
Travels and Adventures tr. Letts

К главе XI

1. Daul. atshah
 2. Ibn Arabshah
- Memoirs of the Poets ed. E. G. Browne
Tamerlaine

К главе XII

1. Froissart
 2. Runciman
 3. A. S. Runciman
 5. A. S. Atiya
 6. J. Froissart
 7. Schiltberger
 8. Gibbon
 9. Firidun Bey
- Chronicles of England, France and Spain
History of Crusades
A History of the Crusades
Crusade of Nicopoli
Chroniclea
Bondage
Decline and Fall
Munshaat (state papers), 1574 and

E. G. Browne Literary History of Persia,
vol. VIII

10. Annales Minorum, rub.
Rome, 1734, and H. Ellis:
Original Letters

11. Chronographia regnum
Francorum, 1403.

12. Г. Острогорский

13. Ibn Taghri Birdi

История Византийского государства

History of Egypt

К главе XIII

1. Ibn Taghri Birdi

2. Ibn Arabshah

3. Ibid.

4. Ibn Taghri Birdi

5. Ibn Arabshah

6. Ibn Taghri Birdi

7. Ibid.

8. Ibn Arabshah

9. Ibid.

10. Mignanelli

11. Ibn Taghri Birdi

12. Ibid.

13. G. L. Strange

14. P. K. Hitti

15. Ibn Arabshah

16. Muhsin Mahdi: Ibn
Haldun

17. Ibn Haldun and Tam-
burlaine; tr. Fischel

18. Ibn Arabshah

History of Egypt tr. W. Popper
Tamerlaine

Tamerlaine
Ibid.

Vita Tamerlani

Palestine Under Moslems, 1890
History of Syria

К главе XIV

1. Татары называли
«франками» всех европей-
цев в целом

2. Marino Sanudo

3. И. Умняков

4. Ibn Arabshah

5. Silvestre de Sacy

Vitae Ducum Venetorum, 1421—1439 in
L. A. Muratori Rerum Italicarum Scrip-
tores

Малонавестные французские источники о
Тимуре, 1958.

Tamerlaine

Memoire dur une Correspondance Lnedite
de Tamerlaine avec Charles VI. 1882

6. Qazvini M.	Review and Facsimile of Letter to Charles VI, Bombay 1928
7. H. Ellis	Original Letters Illustrative of English History 1846
8. Memoire sur Tamerlaine et Sa Cour pub. H. Moranville 1894	
9. Libellus de Notitia Orbis, tr. in part by A. Kern, 1938	
10. B. Lewis	«Muslim Discovery of Europe» Bulletin of the School of Oriental and African Studies, 1957.

Главе XV

1. A. Stein	Innermost Asia, 1925
2. C. Dawson	The Mongol Mission, 1955
3. J. Needham	Science and Civilisation in China, 1954
4. F. Hirth	China and the Poman Orient, 1885. Этот манифест был адресован в 1371 г. западной земле Фулин, которая была определена Хертом как Сирия
5. Clavijo	Embassy
6. Bretschneider	Medieval Researches from Eastern Asiatic Sources, 1888
7. E. D. Ross	«The Orkhon Inscriptions», Bulletin of the School of Oriental and African Studies, 1928--30.

Главе XVI

1. C. Marlowe	
2. Tarikhi Qutb-shahi	Tamburlaine the Great tr. Minorski Bulletin of the School of Oriental and African Studies, Part I, 1955
3. Thomas of Metsope on the Timurid-Turkman Wars, tr. Minorski, Lahore, 1955.	

К главе XVIII

1. См. р.	.
2. Ibn Arabshah	Tamerlaine
3. Ibn Arabshah	Tamerlaine

К главе XIX

1. Duglat	Tarikhi Rashidi
2. Ibn Arabshah	Tamerlaine
3. Musavi	Tarikhi Khairat
4. Hafizi Abri	Zubdat al Tavarikh
5. Зимин	Подробности смерти Тимура
6. Thomas of Metsope	

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава I Тимур и его эпоха	8
Глава II Степные кочевники и старая шелковая дорога	17
Глава III Новый владыка Мавераннахра	42
Глава IV Властитель счастливых созвездий	60
Глава V Государство Чагатай	83
Глава VI Корона Хулагу и трехлетняя кампания в Персию	94
Глава VII Тохтамыш и Золотая Орда	112
Глава VIII Пятилетний поход в Персию, Месопотамию и Кип- чакские степи	138
Глава IX Имперский Самарканд	161
Глава X Индия	184
Глава XI Династические вопросы	202
Глава XII Последний крестовый поход	212
Глава XIII Сирия и мамлюки; падение Дамаска	222
Глава XIV Турок Баязит: битва при Анкаре	236
Глава XV Небесная империя	254
Глава XVI Ангел смерти Азраил	265
Глава XVII Дорога на Самарканд	272
Глава XVIII Празднества в Кани-Гиль	279
Глава XIX Зима: Смерть Тимура	286
Хронология жизни Тимура	296
Источники	301

ХИЛДА ХУНХЭМ
ВЛАСТИТЕЛЬ СЕМИ СОЗВЕЗДИЙ

Документально-историческая
повесть

На русском языке

Редактор Р. Закиров

Художник А. Бахромов

Тех. редактор А. Рахимов

Сдано в набор 20.09.94 г. Подписано в печать. 11.01.95 г. Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 10,0. Усл. п. л. 16,8. Уч. изд. л. 22,0. Гарнитура обычнов. новая. Заказ № 3051. Тираж 50.000. Цена договорная.

Издательство «Адолат» при Министерстве юстиции
Республики Узбекистан, 700047. Ташкент, ул. Сайиалтох, 5

Типография издательско-полиграфического концерна
«Шарк», 700083, Ташкент, ул. Буюк Турон, 41.

© «Адолат», 1994

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Если вас интересуют секреты работников уголовного розыска, методы их борьбы с преступниками, способы их поимки, то вам обязательно надо прочитать книгу Б. Пинхасова и Р. Белкина «По следам невидимки», выпущенной в конце 1994 года издательством «Адолат».

В этой книге авторы на большом фактическом материале прослеживают становление такой отрасли знаний, как криминалистика, сегодня одной из основных в изобличении преступника.

Книга адресована широкой читательской аудитории.

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

«По делу обвиняется» — другая книга, выпущенная нашим издательством, посвящена уже конкретной работе правоохранительных органов. Ее авторы — В. Вальдман и Н. Мильштейн — широко известны узбекскому читателю по неоднократно выходившим у нас в республике повестям и романам с неизменными героями: Туйчиевым и Сосниным, работающими в милиции. Их способы и методы выявления истины несомненно заинтересуют читателей, тем более что повести, входящие в книгу, написаны на высоком художественном уровне.

1000-00

63. 3(5Y)

X 982

«АДОЛАТ»